

КСЮША АНГЕЛ

А - ЛИЦУ А.А.

ТРУДНЫЙ РЕБЕНОК

Быть мамой всегда тяжело. Дети так быстро растут, а с ними и проблемы. Вдвойне сложнее, когда наряду с этим в жизни кавардак: война, призраки прошлого, нераскрытые тайны, а любовь безнадежна и потеряна.

Но ты и подумать не можешь, что настоящие неприятности подстерегают под собственной крышей. Предательство всегда внезапно, даже если его ждешь.

Настало время открывать тайны и срывать маски. Иногда под ними скрывается такое, что лучше было не знать. А жизнь продается по дешевке. Во сколько ты оценишь свою?

«Смолкли шаги под окном, можно свечу гасить.
Если бы мы вдвоем, было бы легче жить,
Но это не просто так — все бросить и стать вон там,
На каждый маленький шаг есть сотня глубоких ям...»
Чиж и Ко

Пролог

Люблю осенние вечера. Мозг не плавится от жары, на улице пахнет дождем и где-то на горизонте маячит долгожданная зима. Зимой можно не думать о подпитке — защитник все сделает за меня.

Впрочем, сегодня вообще не нужно об этом беспокоиться.

Я оглянулся, посмотрел на раскуроченную постель и спящую на ней женщину. Темные волосы разметались по подушке, лицо умиротворено, губы слегка приоткрыты. Мне повезло с ней, несомненно. Сильная, волевая, верная. Я все сделал правильно.

Мысли вернулись в позавчерашний вечер. Непроизвольно, словно их туда кто-то гонит. И тут же окрасились сожалением и непонятно откуда взявшейся тоской. Словно она заразила меня. Маленькая, упрямая, притягательная пророчица.

Правители не влюбляются — нужно с этим смириться. Будь она проще, гибче, а так... Хотя я ведь знал об этом всегда, к чему сейчас эти сопли?

Тан уже просек все мои слабости, не нужно давать ему повода думать, что я еще слабее.

А поединок я буквально чувствую затылком. Столько лет мы к этому шли, столько сил потратили... Оба. Что уж скрывать, с таким достойным противником соревноваться интересно. Если бы он не лез в личное, все было бы идеально.

Странно, что между нами с Таном всегда стояло личное. И тогда, когда он похитил Лару, и сейчас, когда...

Даже думать об этом не хочу! Впрочем, чего еще можно было ждать? Женское тщеславие еще никто не отменял. Они много времени провели вместе, Чернокнижник буквально сформировал ее.

И теперь его, а не меня, она поддержит на поединке. Плевать! Главное — смерть колдуна, а дальше разберусь.

А смерть придет посмотреть на нашу битву. Будет сидеть в первых рядах — аплодировать, упиваться. А потом заберет одного из нас — на этот раз точно. Никто из нас не прогнется — ни я, ни Тан.

Только вот на этот раз многое на кону: племя, дети.

Она.

Если погибну на поединке, мой план рухнет и она умрет. Да кому ты врешь? Он настолько хлипкий — этот план — что в любую секунду развалится.

Нет, нельзя об этом думать! Чернокнижник сдохнет — это предрешено. А дальше будет проще. Другру нужна сила, она ее получит. Не зря я столько времени провел с Альриком — он многому меня научил.

Когда все закончится, я, наконец, вздохну свободно. И подумаю о перспективах.

А сегодня...

Я вновь оглянулся на кровать. Тонкая простынь обнажала загорелую кожу. У этой женщины удивительный запах и кен тоже удивительный.

Возможно, она излечит меня от маниакальной привязанности.

Проклятие...

Полина так любит повторять это слово. Что ж за ним очень удобно прятаться от собственных слабостей. Сбросить с себя ответственность, поддаться малодушию.

Трусиха! Смелая, отважная, но такая трусиха внутри.

Невыносимо захотелось уехать из дома. Прийти к ней в квартиру и доказать, что никакого проклятия нет.

Нелепые мысли, неосуществимые. Во всяком случае, сегодня.

Сегодня я принадлежу другой. Я улыбнулся, глядя на спящую.

Возможно, мне и не нужен больше никто... Возможно, именно сегодня я освободился навсегда.

Глава 1. Сделка

Андрей встретил меня радушно. Обнимать не стал, так как чревато, да я и не была уверена, что выдержу объятия охотника. Несмотря на то, что хорошо относилась к нему, память о Рихаре была яркой и свежей. Древний убил почти всех, кого я любила.

На кухне дымился свежесваренный чай, в корзинке дожидалось ароматное печенье. Внезапно я почувствовала себя дома, на глаза навернулись слезы, в груди разлился жар.

— Как ты? — Андрей пододвинул мне стул, а сам уселся напротив. Смотрел прямо в глаза, и это напомнило Глеба — его прямоту, честность, заботу.

Два месяца прошло, а я так и не оправилась. Даже легче не стало ни капельки. Каждую ночь я видела его во сне — на том самом берегу, в вымышленной хельзе. Он почти не говорил — молчал и смотрел на воду. Но мне и этого было достаточно. Рядом с ним становилось теплей, и я ощущала покой.

— Атли мертвы, — ответила я мрачно. — Иногда мне кажется, я тоже умерла... В каком-то смысле древний добился своего.

— Влад рассказал, как ты убила охотника. Это правда? То есть сольвейги существуют? Я вскинулась, посмотрела на него резко.

— Ты слышал о сольвейгах?

— Раньше нет. Но Влад говорил об этом с Альриком. Ну, когда еще был подобным нам... — Андрей помолчал немного. — Тогда я и подумать не мог, что речь идет о тебе.

— Что еще ты слышал?

Нужно выведать как можно больше. Летописи Филиппа были прочитаны мною до дыр, по крайней мере, те, которые он успел перевести на русский. В древне-скандинавском я не смыслила ничего. В них не было ни слова о том, откуда берутся такие, как я. Не говоря уже о том, как научиться контролировать смертоносный кен.

С Владом на эту тему говорить было бесполезно, да и не хотелось. Все равно соврет, и глазом не моргнет. Нужно найти другие источники.

Андрей пожал плечами.

— Немного. При мне они мало откровенничали. Но знаешь, показалось, что Владе волнуют не сольвейги. Вернее, не только они. Альрик учил его, и знания, которыми делился Первозданный, не были светлыми. Это что-то древнее и стремное.

— Не удивлюсь, если Влад хочет поработить мир с моей помощью, — вздохнула я.

Наши отношения с вождем атли трудно было назвать простыми. Да и вообще отношениями. Я жила в его доме, принимала его заботу, практически не задумываясь. У меня не было выбора: ребенок у нас общий, и я не могла позволить себе отпустить дочь ни на миг. Все время казалось, что придет какой-нибудь охотник или кто похуже, и заберет у меня Киру. Кажется, я начала страдать паранойей. Только спустя два месяца после прихода Рихара позволила себе поехать в город одной и навестить Андрея.

— Влад отзывался о тебе очень тепло. Мы немного общались, когда он был охотником. И тогда, когда забирал ребенка.

— Только не говори, что симпатизируешь ему. Учти, я еще помню, где в твоём доме

хранятся скалки!

— Тебе я симпатизирую больше. — Он отпил чай и поставил чашку на место. — Слышал, у вас пополнение.

— Его зовут Алишер. Он азиат. Все время молчит — слова клещами не вытащишь. Только смотрит. Жуть!

Влад привел Алишера месяц назад. Его племя уничтожил охотник — не древний, но достаточно старый. Сам он еле выжил, ухитрившись убить его. Алишер смиренно исполнял все, что говорил Влад, и много времени проводил во дворе, тренируясь.

Влад говорил, их отцы дружили когда-то. Воин был наследником, и если бы не охотник, после смерти отца возглавил бы собственное племя. Немного оправившись и похоронив своих, Алишер вспомнил об атли.

Странное совпадение.

Хотя мы так и не оправились... Никто, кроме Влада. Он, казалось, с легкостью перешагнул через случившееся, в то время как мне не давали спать безымянные могилы соплеменников. Вечерами я подолгу стояла там, на заднем дворе, у припорошенных снегом бугорков. На земле, пропитанной медленно истекавшим из жил убитых атли кеном. Часть меня была закопана с ними, навечно погребена в мерзлой земле.

А Влад продолжал жить.

Странно, но я не осуждала его. Скорее, завидовала. Все бы отдала, чтобы не мучиться от ночных кошмаров и ежедневных угрызений совести. Если бы я не убила Мишеля, Рихар не пришел бы к атли. Впрочем, не факт, что не придет еще кто-нибудь мстить за них обоих. А для этого мне нужно тренироваться использовать свой кен правильно.

Огромный дом почти всегда пустовал. Лина много времени проводила в своей комнате, а Лара вообще мало появлялась. Работала до одури, приходила уставшая и валилась с ног. Наверное, ей было даже тяжелее, чем мне. Атли были ее семьей с детства, они росли вместе, и теперь ее жизнь опустела. Любовь не оправдала ожиданий, практически вся семья погибла, внутри все пропиталось страхом, от которого придется избавляться месяцами. Я понимала защитницу.

Каролина сплетничала, что у Лары появился мужчина среди людей. Я не видела в этом толку — людям не понять нас. А так встречаться — только себя мучить, привязываться к тому, с кем потом вынужден будешь расстаться.

Интересно, как мама жила с отцом?

Врать близкому человеку я не хотела. Уж лучше всю жизнь прожить без мужчины, чем постоянно прятаться и не договаривать.

По ночам мне, если не снилась придуманная хельза, мучили кошмары. В каждом таком сне приходил Рихар, и я пыталась сделать все по-другому. Сразу выйти к нему одна, уехать подальше, чтобы отвести удар от оставшихся в живых, и спасти сестру, ударить сразу и сильно, обратить древнего в пепел. И каждый раз этот сон оканчивался одинаково — я одна среди груды мертвых тел.

Но однажды мне приснился не Рихар. И даже не Глеб.

Искупаться в зной всегда приятно. Горячий песок липнет к мокрому телу, ветер холодит кожу, и она сразу же покрывается мурашками, которые постепенно сходят под солнечными лучами. Здесь всегда хорошо и всегда рядом люди, дарящие уют. Глеб или тот незнакомец, рядом с которым я чувствую себя нужной.

Глеба все нет, но я жду. Знаю, что он придет, и потому улыбаюсь.

Но сегодня все не так — я понимаю это слишком поздно.

Ветер налетает резко, стремительно, а небо затягивает грозowymi тучами. Холодно. Одежда из шифона не греет, только давит и мешает дышать. Вода темнеет, подергивается рябью, и на берег набегают большая волна, обдавая холодом ноги до колен.

Он идет издалека — человек в черной одежде. Я не могу видеть лица — его скрывает глубокий капюшон темного бесформенного одеяния.

Я не боюсь, но чувствую нечто глубокое и темное — оно прячется внутри его жилы. Но это не пугает. Я сильная, могу ударить. Да и он здесь не для того, чтобы угрожать.

Человек приближается, останавливается в нескольких метрах. От него веет холодом, пустотой. И в то же время чем-то близким. Странный контраст. Лица я все еще не вижу, но почему-то знаю: он улыбается.

— Ты хочешь вернуть все, пророчица? — Глухой голос отдается в груди гулким пульсом. — Хочешь вернуть людей, которых любила?

Да-да, хочу!

Пытаюсь закричать, но горло сковывает онемение. Безысходность. Незнакомец смеется, протягивает руку, и я встаю, иду навстречу...

Холодно. Рядом с ним леденеют внутренности, застывают мысли.

Он склоняется и шепчет на ухо:

— В полночь...

Я открыла глаза. На комодке размеренно тикали часы, в окно лился молочно-белый свет полной луны. По-весеннему шелестели листья — природа просыпалась, побуждала жить и радоваться, только меня это совершенно не трогало.

Я встала, убедилась, что Кира спит, ласково погладила дочку по щеке. Только ради нее, только для нее все еще хотелось жить.

Скрестила пальцы на руках и прошептала, обращаясь к человеку из сна:

— Прошу, окажись настоящим!

Уцепилась за его обещание, как за спасательный круг. Разумом понимала, насколько это глупо — убитые охотником хищные не попадают в хельзу. Часть их кена разливается в месте смерти, часть — они забирают с собой. Перерождаются, растворяются в небытии — неизвестно. Возможно, живут в каком-то другом месте.

Человек из сна никак не шел из головы. Естественно, ведь он дал мне надежду на то, что все будет, как раньше. И я вцепилась в эту надежду, как в спасательный круг посреди океана.

Несколько дней колебалась, рассказывать ли Владу, а потом решила, что не стоит. Тем более, в летописях Филиппа ни слова не написано о возвращении хищных из мертвых, исключая редкие и недолгие визиты хельинов. Скорее всего, тот сон был вызван моим подсознанием, которое слишком сильно желало вернуть Глеба.

И я смирилась. Больше ничего подобного мне не снилось, шло время, и видение стиралось из памяти, как случайный кадр — ненужный и алогичный.

Весна сменилась летом — знойным, изнурительным. Днем на улице находиться было невозможно, и мы с Кирой сидели в четырех стенах, иногда общаясь с Линой. Деторожденная страдала любовью к собирательству, и ее комната была заполнена различными вещами: вязаные крючком салфетки, подставки под горячее, фантики от конфет, даже стаканчики Coca Cola, которые одно время массово обменивали на крышки от бутылок. Все эти вещи странным образом уживались в маленькой комнате Лины. Причем, упорядочиться они решительно не хотели, а толпились на полках, тумбочках и даже на полу.

Жуть!

Молчаливая и стеснительная Лина на поверку оказалась очень приятной и даже веселой. Впрочем, веселились мы мало — повода не было, но немного сдружились.

В жизни все идет своим чередом: потери, приобретения, счастье, боль и даже сюрпризы.

Иногда, когда было не особо жарко, я любила гулять по городу в полном одиночестве, смотреть на людей, вечно спешащих куда-то, на витрины магазинов, разноцветные авто, и чувствовать себя свободной.

В то утро Липецк, умытый дождем, встретил прохладой и свежестью. Влажный асфальт лоснился лужами, пахло озоном и мокрой пылью. В залитом солнечным светом парке постепенно прогуливались парочки и женщины с колясками. Мой обычный маршрут до супермаркета я решила растянуть и немного пройтись. В четырех стенах — пусть эти стены и были хоромами — вдали от цивилизации я ощущала себя медленно деградирующей дамочкой средних лет. А ведь мне только двадцать два!

Чувствовалось, что все сорок, а то и пятьдесят. Прошло больше полугода с момента прихода охотника, надо взять себя в руки, жить дальше. Это был обычный мой аутотренинг, и заканчивался он тоже обычно — депрессией и унынием.

Но в тот день почему-то грустить не хотелось. То ли из-за дождя, то ли от долгожданной свежести я впервые почувствовала, что мне легче дышать. Сама не заметила, как забрела в отдаленный уголок парка, к тем самым беседкам, где впервые увидела ясновидцев. Тогда все казалось таким страшным, ненадежным... Интересно, чтобы я сказала, если бы узнала, что меня ждет в будущем?

Присев на лавочку, где тогда, сжавшись от страха, дрожала Таня, я закрыла глаза. Как давно мне это было нужно — просто побыть одной, подумать. Спрятаться от всех и не скрывать то, что рвется изнутри. Погоревать в одиночестве, вспоминать Глеба, Кирилла, милую Олю. Риту. Несмотря ни на что, она была моей сестрой.

Последние слова друга врезались в память и давили на совесть тяжелым грузом.

Воины атли своих не бросают...

А я бросила. Бросила их всех умирать, хотя могла покончить с охотником сразу же, у порога. Если бы умела контролировать свой чертов кен!

Я знала, что Влад собирается принимать новых членов в племя. Он говорил что-то о нескольких выживших в Питере, собирался ехать за ними. Для меня попытки возродить былое казались фарсом. Разве могут чужие люди заменить тех, кого мы любили, с кем объединялись у очага? С кем прожили вместе столько времени, прошли через многое...

Алишер, хоть и был с нами несколько месяцев, так и остался чужаком. Разве что Каролина его привечала. Мы с Ларой, не сговариваясь, подсознательно не признали азиата. Хоть в чем-то сошлись. После моего восстановления защитница высказала мне все, что думает о моих способностях, и больше мы не общались. Она так не простила мне ранения Влада.

Мне было все равно. Пофигизм развился внезапно и очень быстро — наверное, как побочный эффект от стресса.

В беседке я сидела долго. Шум деревьев завораживал, летний воздух освежал. Немного успокоившись, все же встала. Нужно в магазин и домой — не хотелось оставлять Киру надолго. Даже когда был Влад дома, я постоянно ощущала беспокойство, словно зуд на заднем фоне.

Но в магазин попасть я так и не смогла — дорогу мне перекрыли два сомнительных типа, одетых в черное. У одного из них — огромного верзилы — левую бровь рассекал кривой белый шрам.

Второй подошел неслышно и прислонил к моим ребрам что-то острое. Второй рукой приобнял за талию и заявил приказным тоном:

— Иди тихо. Не привлекай внимания.

Испугаться я толком не успела. Что-то понимать начала, лишь когда оказалась на заднем сиденье черного «Форда», зажата между здоровяком и шустрым — так я мысленно прозвала своих похитителей.

От мысли о похищении почему-то стало смешно. Бог мой, да кому я сдалась вообще? Охотник сразу бы попытался убить, а липецкие «мафиози» вряд ли что-то от меня поймут. Разве что какие-то враги Влада... Но я с ним давно не появлялась на людях, а проникнуть в дом никто не мог. Если он не древний, конечно же. Им замки и сигнализация нипочем. Умение открывать любые двери и отводить внимание охраны — способности, приобретаемые с даром убивать хищных.

В общем, интересно было больше, чем страшно. Ведь если бы меня хотели убить, сделали бы это там же, в парке. Значит, я нужна им живой. Но зачем?

На глаза легла плотная темная ткань, а потом машина долго кружила по городу, словно похитители хотели меня запутать. Ха! Да я Липецк еще подростком излазила вдоль и поперек и знала его, как свои пять пальцев.

Дом, у которого мы остановились, был дряхлым и находился в старом районе. Спрятанный за обветшалым деревянным забором двор зарос бурьяном и кустарником. Вымощенная камнем тропинка, ведущая к двери, покрылась пожухлой травой, кое-где вытопанной, а кое-где пушистой и мягкой.

Двухэтажное строение сильно пострадало от времени. Созданный, по-видимому, еще при царской России дом еле стоял. Некогда аккуратный, декорированный красным кирпичом цоколь облупился, многоугольная апсида с треугольной крышей пошла трещинами и вот-вот грозила сорваться вниз. Некоторые окна были выбиты, а некоторые — заколочены изнутри фанерой. Черепичная крыша прохудилась.

Здание пахло сыростью и мхом.

Я подумала о том, что неплохо было бы его отреставрировать, воссоздать былую роскошь. Жаль, если он просто развалится от времени. Наверняка ведь хранил в себе истории и тайны бывших владельцев. Когда-то здесь любили, предавали, растили детей, возможно, умирали...

Один из похитителей — тот, что со шрамом, остановился перед входом и стал проделывать непонятные движения руками. Старая с облупившейся краской дверь распахнулась сама. Второй, который держал нож у моих ребер, втолкнул меня внутрь, и я обомлела.

Вообще дом был большим. Метров двадцать в длину и столько же в ширину, с небольшой пристройкой сбоку в виде веранды, обвитой диким виноградом.

Но внутри он был просто огромен!

Впуская нас, строение искажало пространство, превращая некогда просторную гостиную, в огромный бальный зал. Он был круглым, окруженным массивными колоннами с изысканной лепниной. Потолок уходил далеко вверх, оканчиваясь где-то в поднебесье роскошным стеклянным куполом. В противоположном от двери конце зала располагалась

широкая лестница, которая, по-кошачьи изгибаясь, вела на второй этаж.

Везде сновали люди. Их было столько, что глаза разбегались. Все что-то куда-то несли, бежали, изображая бурную деятельность. У всех одинаковая форма одежды — черные балахоны с капюшонами.

Меня провели через зал по направлению к лестнице. Мы поднялись на второй этаж. На стенах висели кованые бра-канделябры, а в них горели свечи, несмотря на то, что солнце освещало большую часть зала сквозь стеклянный потолок.

Второй этаж защищали высокие перила. Пройдя немного, мы свернули направо в небольшой затемненный коридорчик.

И почему я не удивляюсь? Не трепещу? Лишь сердце гулко ухает в груди, ведь знаю, что хозяин дома — тот, из сна. Человек, обещавший вернуть Глеба. Я могла обмануть кого угодно, но себе врать не собиралась. Если придется продать за это душу, достойней цены для нее нет.

Пройдя несколько метров по коридору, мы уткнулись в массивную деревянную дверь. Похититель с ножом, отошел и otvorил ее. Прежде чем войти, низко поклонился, словно приветствовал того, кто находился в комнате.

Чудеса! Меня что, к какому-то королю привели? Точнее эльфу — они ж вроде магией владеют. От непосредственной близости острого лезвия к сердцу все знания о магических существах напрочь вылетели из головы, и хотелось одного — побыстрее узнать, зачем я здесь. И увидеть, наконец, хозяина дома.

Ведь это он — человек из сна. Больше некому. Кто еще умеет так исказить пространство, если не тот, кто воскрешает людей?

Страшно. Тебе должно быть страшно, Полина! Почему же ты не боишься?

— Хозяин, мы привели ее! — торжествующе произнес обладатель ножа.

— Спасибо, Антуан.

Голос из комнаты показался на удивление знакомым. Сердце забилося сильнее, воспоминания подкинули темное от туч небо и штормящее озеро. Холодное дыхание ветра, доводящие до дрожи слова.

Плевать! Сейчас я увижу его. Сейчас узнаю...

— Проходи, — буркнул Антуан и подтолкнул меня к двери. Не очень-то тут церемонятся с пленными.

Мысль о плене мне не понравилась. Мало ли, для чего меня вообще привели. Вряд ли тот темный окажется добрым самаритянином. Но думать было поздно.

Я глубоко вдохнула и шагнула вперед. Переступила порог и обомлела. Ноги сразу приросли к полу, бодрые мысли превратились в кашеобразную жижу.

Нет, этого не может быть! Просто не может. Мы же... я же...

— Привет, пророчица атли, — сказал хозяин дома и улыбнулся.

Черные глаза — бездна. Если не умеешь плавать, лучше не соваться. Но и для тех, кто умеет, там полно подводных течений, водоворотов и коряг. Захлебнешься, утонешь. Не смотри!

— Тан... — пролепетала я и замолчала.

Язык прилип к небу, в ушах зашумело, и я инстинктивно попятилась. Мой похититель, видимо, счел это за неповиновение и грубо толкнул меня вперед. Я потеряла равновесие и больно ударилась животом о большой полированный стол.

Колдун встал из-за стола. Черные глаза были непроницаемы, но мне показалось,

поведение подчиненного ему не очень понравилась.

— Я просил доставить девушку, а не причинять ей неудобства, — тихо сказал он.

Почему-то подумалось, что ему вовсе необязательно кричать, чтобы выразить угрозу. Вряд ли он вообще когда-либо кричит. Любую, даже самую сумасшедшую просьбу Тана эти люди исполняют сразу же, беспрекословно. И это умно, хотя я так не умею.

— Простите, хозяин, — извинился Антуан и вновь поклонился.

— Можешь идти.

Мне было не до смеха. Каким бы страшным не казался Антуан, я не хотела, чтобы он уходил. Даже нож в его руке не пугал так, как глаза Чернокнижника. И у меня не было желания оставаться с ним наедине.

Наверняка Тан знал, что именно я помогла Владу заполучить пал. Ведь именно за этим я здесь, а вовсе не из-за глупых снов.

Естественно, Антуан подчинился. Черт, будь у меня возможность, я сбежала бы отсюда далеко, обвешалась защитными заклинаниями и дрожала в углу. Возможности не было.

Тан не сводил с меня немигающего взгляда, и от этого становилось реально жутко.

— Знаю, ты не ожидала меня увидеть, — сказал он, спустя несколько секунд и окончил игру в гляделки. — Также знаю, что ты меня боишься.

Я не ответила, поэтому он продолжил:

— Но я хотел тебя видеть не для того, чтобы запугать. И не для того, чтобы причинить вред. Прощу, присядь. — Он указал на небольшой диванчик в углу.

Я осторожно осмотрелась. Довольно приятная обстановка: стол с резными ножками — по-видимому, антикварный — завален бумагами. Слева от подставки под перо огарок свечи в медном подсвечнике, а за раритетным креслом с зеленой обивкой — стеллаж с книгами. Корешки у многих были затерты, а на некоторых я различила названия на неизвестных мне языках.

Пахло воском и клубникой.

Осторожно ступая, словно из-под стола на меня могла кинуться ядовитая змея, я прошла к дивану и присела на край. Тан устроился рядом и, казалось, был настроен благожелательно. Нехорошо. Когда враг выражает агрессию явно, ты хотя бы знаешь, чего ждать.

— Давай перейдем сразу к делу. Не люблю, когда симпатичные девушки трясутся в моем присутствии... Сразу скажу, я не держу на тебя зла за то, что ты способствовала моему уходу в прошлый раз. Этот вопрос я решу с Владом лично. — Он довольно улыбнулся и заговорщически подмигнул мне. — Но ведь у тебя тоже с ним много нерешенных вопросов, не так ли?

Он что, пытается вызвать меня на откровенность? Наверняка, Чернокнижник кое-что знает о моей жизни, да и о проблемах с Владом тоже. Неужели во мне он увидел союзницу?

— Значит, тебя и пал не берет! — вырвалось у меня.

В общем-то, я сначала сказала, а потом подумала, что зря. Фривольничать с тысячелетним колдуном, имеющим на тебя зуб — не очень умно.

Тан рассмеялся. Смех у него был тихим, вкрадчивым, как и голос, и от этого ощущение опасности крепло, росло и множилось.

— Не берет, верно. Я слишком долго живу, чтобы знать: нужно быть готовым ко всему.

Хороший лозунг. Надо будет взять на вооружение — мне-то уж точно пригодится.

— Чего ты хочешь от меня? — спросила прямо. Зачем играть в прятки, все равно он

меня переиграет? Столько лет тренироваться — невольно станешь мастером своего дела.

Тан сразу изменился в лице. Откинулся на спинку дивана и стал очень серьезным.

— Неверно заданный вопрос. Нужно по-другому: чего ты хочешь от меня?

— Ничего, — сказала я. — Я ничего от тебя не хочу.

Он покачал головой.

— Подумай, пророчица, хорошенько подумай. Когда ты пришла сюда, ты это знала.

Знала? Да что я могла знать...

Резко перехватило дыхание, и я подняла на него глаза, а внутри зародилась надежда. Та, что я похоронила давно, ломая себя, заставляя смириться.

— Ты можешь вернуть их? — спросила шепотом.

— Могу, — кивок. Улыбается, гад. Знает, на что нужно давить. Впрочем, я готова сотрудничать. Исправить ошибки.

Спина сама собой распрямилась. В игры играть расхотелось, на удивление слова нашлись сами — нужные и безошибочные.

— Чего ты хочешь взамен?

— Вот это правильный вопрос. — Колдун улыбнулся. — Видишь ли, у меня давняя вражда с твоим вождем. Хотя, это спорный вопрос, согласна? Как он может называться вождем, если его род был зачат после моего?

— Вряд ли я смогу помочь тебе занять законное, по твоему мнению, место, — скептически заметила я. — У Влада на этот счет своя точка зрения, и он ее не изменит, даже если ты меня тут пытаться будешь.

— Забавная мысль. Но нет! Ты здесь не для этого.

— Для чего же?

Признаться, мне самой стало интересно. У Тана была цель — пост вождя атли. Не очень актуально в последнее время — племени почти нет — но все же. В прошлые разы он похищал ради этого Лару и Риту, но именно со мной хочет пойти на сделку. Почему?

Знает ли он о моих суперспособностях? Возможно, именно их колдун хочет использовать против Влада... Мысли клубились, растекались по сознанию, но нужного ответа все не было.

— Ты — пророчица, и у тебя бывают видения будущего, не так ли? — спросил Тан.

Я кивнула. Станный он — манера общения, осанка, умение себя подать. Я и не заметила, как страх отступил, а пробудился интерес. Все же не каждый день удается пообщаться с человеком, который родился тысячу лет назад, участвовал в событиях того времени. Самый старый из тех, кого я встречала, убил почти всех, кого я люблю...

— У одного пророка тоже было видение обо мне. Давно, несколько веков назад. Он сказал, я полюблю девушку, а она полюбит меня. Эта любовь будет судьбоносной для нас обоих.

— Как пафосно. — Я поморщилась. — Извини, но вряд ли у нас что-нибудь выйдет, слишком мы разные.

Он снова рассмеялся.

— Ты мне, конечно, симпатична, но нет. Это будешь не ты. Впрочем, в одном ты права: она будет атли.

— Хорошо. Вы полюбите друг друга, я поняла. Как все это касается меня?

Интересно, у кого хватит мозгов завести с ним отношения? Или он и ту несчастную, как и меня, под страхом смерти к себе приведет?

— Твой вождь будет против. И тогда ты выступишь в нашу защиту.

Я улыбнулась. Эта мысль казалась такой нелепой и смешной, что сначала подумалось, что Тан шутит.

— Выступить в защиту перед Владом? Seriously? — Из груди вырвался нервный смешок. — Да он и слушать меня не будет. А тем более — прислушиваться.

— Это несущественно. Мне важна твоя поддержка.

— И все?

— Да.

— За это ты вернешь всех убитых атли? Они будут живы, действительно живы? Не... зомби?

Я представила себе Глеба-зомби. Ужас!

— Свет и тьма, где ты всего этого набралась?! — Темная бровь Тана удивленно поползла вверх. — Это все дурное влияние информационных технологий. Телевизоры и компьютеры до добра не доведут, попомни мои слова. Конечно же, они будут людьми. В их физиологии и психике ничего не поменяется. И да, у них будет душа, если ты об этом.

— Я просто ищу подводные камни.

— Их нет.

— Посмотрим, — деловито произнесла я. Внезапно ощутила себя следователем, допрашивающим обвиняемого. Странное чувство. Приятное. Словно я что-то решаю. — Она будет любить тебя? Это точно?

— Да.

— Ты понимаешь, что если это будет не так, или если ее привязанность будет вызвана приворотом, я никогда не поддержу тебя и посчитаю, что ты нарушил договор? — серьезно спросила я.

— Сколько в тебе подозрительности! Ты мне нравишься все больше, Полина. — Тан улыбнулся. — Не уверен, что ты сможешь выявить мой приворот... Но да, она будет любить меня по-настоящему.

— Тогда я согласна.

— Отлично!

Чернокнижник потер руки, и у меня в голове зародилось нехорошая мысль о бесплатном сыре и незавидной участи мышки. Но разве я не для этого направлялась сюда с таким энтузиазмом? Разве не готова была идти на жертвы, гораздо более существенные, чем какое-то слово против Влада. В конце концов, мы никогда с ним не находили общий язык. Разом больше, разом меньше. Зато Глеб будет жить и Рита... Все атли, убитые древним.

— Мне нужно подписать договор кровью? — тряхнув головой, спросила я.

Тан расхохотался — на этот раз громко, и это этого жуткое чувство, что я все же совершаю ошибку, усилилось. Я прогнала его и заставила себя не думать. Когда Глеб будет со мной, мы решим, что с этим делать. Если Тан сказал правду, девушка все равно полюбит его, так что я могу с этим сделать?

Интересно, кто это будет? Лара? Черт, нет, она же его боится. Как и Рита. Может, Оля или Лина? Теперь я уже терялась в догадках, хотя еще утром могла сказать с точностью, что никто из атли и близко не подойдет к Тану, если тот появится.

— Всегда говорил, что чувство юмора — главное в людях, — закончив смеяться, сказал маг. — Твое мне очень нравится.

— И все же?

— Нет, тебе не нужно ничего подписывать кровью. Достаточно обычной клятвы глубинным кеном. К тому же, я ведь смогу так же быстро забрать все, что дам тебе, не так ли?

Холодок страха пробежал по позвоночнику. Мерзкий. Пробежал и исчез.

— Я сдержу слово.

— Знаю. — Он поднялся, подошел к столу и достал из ящика ритуальный нож. — Дай руку.

Тан и нож — не очень-то привлекательно, но руку я все же протянула. Он полоснул сначала себя, потом сделал надрез на моей ладони. Легкую боль я вытерпела с достоинством, хрипло произнесла слова клятвы. Сознание будто отключилось, и тело действовало на автопилоте. Наши кровь и кен смешались на полу кабинета, подтверждая договор.

Дело было сделано. На миг он задержал мою руку в своей. Посмотрел на запястья.

— Если хочешь, могу убрать их. — Кивнул на лоснящиеся лиловые шрамы. — Негоже девушке иметь изъязны.

Я проглотила колючий ком в горле и покачала головой.

— Это чтобы помнить...

Не знаю, зачем сказала это. По сути, Тан с Владом были врагами, а я должна хранить верность вождю. К тому же, выказывать слабость перед Чернокнижником — плохая идея. Только что он использовал одну из них в своих интересах. Еще неизвестно, чем для меня обернется сделка с дьяволом.

Но Тан не выглядел насмешливым или коварным. Серьезно посмотрел в глаза и кивнул, выпустив мою руку.

— Не смею больше задерживать тебя, Полина. Антуан отвезет тебя обратно — туда, откуда забрал.

— Подожди, а... когда? — дрожащим от волнения голосом спросила я.

— Имей терпение, девочка. Терпение всегда приводит к величию.

В ту ночь я не спала. Лежала и смотрела в потолок, слушая, как гулко и тревожно стучит сердце. Казалось, оно отсчитывает секунды до часа «Икс». Я не боялась, не сожалела. Никогда еще не ощущала такой внутренней силы.

Я что-то решаю. Влияю на жизнь атли не только смертоносным кеном. Скоро все они снова будут здесь, и плевать, что мне придется отдать за это!

Глава 2. Талифа куми

Утром моя сделка уже не казалась такой безобидной. Накатила тревога — дикая, удушливая. До покалывания в кончиках пальцев.

Что я натворила? Пошла на сделку с Таном за спиной у Влада и скрыла это. Я же присягала у очага и не могу поступать так опрометчиво. Это же нож в спину. Имею ли я право решать? Кто наделял меня таким правом? Или во мне проснулся комплекс бога?

Спина покрылась противным холодным потом, затем бросило в жар.

Рассказать? Я представила реакцию Влада... Черт, а ведь от меня вечно какие-то неприятности! Если отбросить все, что он сделал лично мне, я выгляжу отнюдь не добропорядочной хищной — никогда его не слушаю, делаю по-своему.

Если отбросить, но ведь отбрасывать необязательно.

В конце концов, его доли вины в произошедшем никто не отменял. Рихар пришел мстить за Мишеля, а ведь именно Влад приказал его убить. Хотя я тоже хороша — хватило мозгов послушать. Тогда казалось все таким страшным... Тан, например. А в итоге я общалась с ним как с давним знакомым. Словно нет у нас ни разногласий, ни вражды. А он обещал вернуть атли. Глеба...

Да Тан и сам, по сути, атли, только непосвященный.

Нет, нельзя говорить Владу! Если он узнает, то обязательно помешает Чернокнижнику исполнить свою часть договора. И тогда Глеб никогда не вернется. Скажу потом — постфактум. Хотя потом Влад и сам все поймет.

И убьет меня. На этот раз точно. Ну и пусть, зато атли будут живы! Меня будут судить, несомненно, это ведь измена. Я поежилась.

Впрочем, если подумать, что я такого обещала? Подумаешь, слово молвить в защиту влюбленных.

Как назло в тот день Влад был особенно приветливым и милым. Как чувствовал. От этого на душе скреблись кошки, и к вечеру стало совсем паршиво. Мы сидели в гостиной и общались, как раньше. Лара улыбалась и даже разговаривала со мной. Они с Владом вспоминали детство, когда еще одно племя хищных жило в Липецке. Наверное, хорошо иметь друзей и поддержку, особенно когда приходит беда.

Мне приходилось дружить с врагами...

Ночью я проваливалась в смутные, тревожные сновидения, выныривала и вновь захлебывалась пугающими образами грядущего. Проснувшись в четыре утра и больше уснуть не смогла — думала, анализировала, пыталась сопоставить факты.

Тан снова в нашей жизни, и он пришел не просто так. Сам ведь говорил, что будет разбираться с Владом по-своему. От этой мысли по позвоночку прокатился холодок, а живот скрутило. Противоречивые мысли разрывали мозг. Впервые я не знала, как поступить. Сказать Владу и поставить под угрозу план возвращения атли, или не сказать и...

Пришлось признать, что я все еще боюсь за него. Да и не признать это было бы лицемерием. Мы не говорили о том, что произошло перед приходом охотника, никак не касались темы сольвейгов, но в глубине души я видела зерно рациональности в его

поступках.

Подумала, а что если бы на его месте тогда была Кира? Что если бы я разозлилась настолько, что не смогла бы сдержать свой кен при ней?

Будущность маячила неизменным восстановлением жилы и новой угрозой с моей стороны. Теперь я не могла быть такой беспечной. Нужно научиться контролировать непонятный дар, иначе придется снова резать вены.

Хотя, признаться, особой силы в последние месяцы я в себе не ощущала. Убийство древнего, депрессия после гибели атли вымотали меня, и в конце дня я часто падала без задних и буквально проваливалась в сон. Впрочем, я была рада — это отсрочивало решения главной проблемы моей жизни.

В итоге решила ничего никому не говорить. Раз начала дело, нужно довести до конца — все равно разгрести потом мне. И нести наказание перед атли. Влад, конечно, разочаруется, но наши отношения сложно назвать безоблачными. Переживу.

Дни тянулись мучительно долго. Каждую секунду я ждала знака, события, которое обозначит, что сделка с Таном действительно состоялась. Прошло несколько недель, а от Чернокнижника не было вестей. Никаких. В конце концов, я начала думать, что мне все приснилось.

И перестала ждать.

Когда Кира спала, брала книгу и ускользала на задний двор, туда, где был похоронен Глеб. Расстилала на землю плед и читала вслух — все, от детских сказок до Ремарка, каждый день методично поддерживая память о друге. Говорила себе: пока я помню, он жив.

Хотя это ложь. Воспоминания — вовсе не человек. Их нельзя обнять, почувствовать тепло. Они не позвонят по телефону, не выскажут мнение, не дадут совет. Воспоминания — осколки, застывшие в янтаре. Они не меняются, всегда остаются прежними.

Я закрыла книгу. Смеркалось, и читать стало невозможно. Буквы расплылись — то ли от сумерек, то ли от внезапно накативших слез бессилия. Они приходили редко, но когда это случалось, ощущение беспомощности и неотвратимости не отпускало неделями.

— Ты много времени проводишь в прошлом, Полина.

Я вздрогнула, подняла глаза.

— Не помешал?

Влад выглядел странно по-домашнему — одетый в джинсы и майку, со слегка взъерошенными волосами, казался невероятно близким и земным. Как раньше. Странно, что я еще помню это время. Кажется, это было сто лет назад, а иногда — что совсем недавно.

Я пожалала плечами и отвела взгляд. Почему-то подумала, что после прихода Рихара мы никогда не разговаривали вот так, с глазу на глаз. И снова вспомнилась сделка...

Он присел рядом, прямо на застеленную пледом траву. Скрестил ноги по-турецки, посмотрел вперед. И мне снова стало хорошо. Нет, не то чтобы совсем отпустило, но полегчало.

Проклятие — странная штука... Наверное, пора начать извлекать из него пользу.

— Тебе совсем не жаль? — вырвалось у меня. Я пожалела тут же — откровенничать с Владом не хотелось, а этот вопрос уже был довольно откровенным.

— Как ты можешь так говорить?! — возмутился он. — Конечно, жаль! Ты забыла, тут лежит и моя сестра.

— Просто ты такой... спокойный. Уверенный. Словно ничего не было. А я...

Дыхание перехватило, глаза защипало от вновь подступивших слез. Здесь рядом с ним

все ощущения стали острее, насыщеннее. Чувство потери мерцало черно-коричневым, рождало панику.

Теплая рука скользнула по плечу, расслабляя, делая меня мягкой, податливой.

— Не надо... — Я напряглась и отодвинулась. Неожиданная близость испугала и взволновала. Повторения прошлого не хотелось. Пусть лучше все остается так, как сейчас: прохладно и отстраненно. Так я хотя бы что-то контролирую.

— Нужно жить дальше. Ради тех, кто остался, — тихо сказал Влад, но руку убрал. Легкое разочарование смешалось с облегчением. — Ты не одобряешь смешения крови?

Я пожала плечами.

— Мне все равно. Алишер никогда не заменит тех, кто лежит здесь, — сказала безразлично.

— Он с нами не затем, чтобы заменить их. Нам нужно защитить тех, кто остался.

Я кивнула.

— Хорошо.

Зачем он говорит мне все это? Объясняет, разжевывает. Пришел сюда, сидит рядом, словно мы близки. Словно я могу что-то решать.

А ведь я могу...

Понимание этого полоснуло по сознанию острой мыслью, в груди комком зашевелилась совесть. Нет, нельзя раскисать и отступать! Мы даже не друзья, и я имею право поступать, как считаю нужным.

Но где же Тан? Чего ждет? Почему медлит? Заставляет меня мучиться сомнениями... Нечестно!

— Я нашел двух защитниц в Питере. Завтра мы с Алишером отправляемся в Лондон, а потом за ними. Твоя виза готова, кстати, можно забрать. Поедешь со мной?

— Я? — От удивления все слова растерялись, даже напряжение исчезло.

— Да. Почему бы нет?

— Возьми с собой Лару — она обрадуется, — буркнула я и отвернулась. — Не думаю, что нам с тобой стоит куда-то ездить... вместе.

Он помолчал немного, вздохнул. Я подумала, что это ужасно несправедливо — что все у меня вот так. Рядом с Владом было спокойно и легко, но признавать это совершенно не хотелось. И стало обидно — до жгучих слез, ведь приходилось идти против собственных желаний.

— Ты мне не чужая, — произнес он очень тихо.

Нет-нет, не разговаривай так со мной! А мне слушать не нужно. Вставай и уходи, Полина. Останешься — будешь плакать.

— Я — атли, — ответила я охрипшим голосом. — А еще большая проблема для тебя.

— Вовсе нет. Мы со всем справимся. Понимаю, тебе трудно понять и принять. — Он помолчал немного. — Когда-нибудь ты сможешь решать сама. Сможешь уйти, если захочешь.

— Я никогда не смогу уйти. И ты это знаешь. Я не брошу дочь!

Он взял меня за руку, несильно сжал, и впервые показалось, что это нужно ему самому. Словно он не играл — именно тогда, на мгновение стал самим собой. Наверняка, ложное ощущение. Интересно, был ли он со мной когда-нибудь настоящим? Просто Владом? Вряд ли.

Печально, что я даже не знаю, какой он. Не в мелочах, которые невозможно не

заметить, живя с человеком в одном доме и видя его каждый день, а в целом, глобально. Плохо, что я не психолог и не могу определить, что у человека на душе по его повадкам и привычкам. Удалось бы избежать многих проблем...

— Существует как минимум два способа уйти, Полина. И как минимум один — альтернатива отречению. — Он говорил очень серьезно и смотрел в глаза. — Ты этого хочешь?

Я покачала головой.

— Нет. Не хочу.

— Хорошо. — Он кивнул. — Это важно.

Разговор с Владом окончательно выбил меня из колеи. Заставил мучиться угрызениями совести, три раза за ночь я порывалась встать и пойти к нему. Рассказать все, покаяться и сбросить камень с души. Пусть он сам решает, что делать с Таном и моим долгом. И каждый раз удерживала себя, вспоминая Глеба.

А утром Влад с Алишером уехали. Я даже облегчение испытала. Кляла Тана на чем свет стоит — наверняка он задумывал с самого начала мучить меня ожиданием.

Днем постаралась занять себя делом: возилась с Кирой, готовила, прибралась в комнате. Влад нанял домработницу, но к себе я ее не пускала. Не люблю, когда трогают мои вещи — словно кто-то прикасается ко мне без спроса.

Лара уехала. Потом Лина сказала, что защитница часто ночует не дома — надо устраивать личную жизнь, все дела. Странно, как я этого не замечала, она же всегда была предана Владу. По-моему даже хотела его вернуть. Иначе зачем злилась на меня за Киру?

Впрочем, ребенок Владу не помеха — уверена, с женщинами у него все в порядке.

Лара приказала не высовываться из дома, уверила, что защита продержится еще три дня, и в дом не войдет посторонний. Не знаю, когда она успела восстановиться, и я предпочитала об этом не думать, но защитница стала сильнее, чем была до прихода Рихара. Что ж, каждый выживает, как может. Кому-то для того, чтобы подкачаться, нужно сходить в спортзал, а кому-то — на охоту. Проза жизни хищного.

Вечером мы с Линой немного посидели в гостиной, поиграли с Кирой в кубики, а затем разошлись по комнатам. Деторожденная сослалась на усталость и легла рано — около восьми. Кира уснула в мягком ореоле лавандового аромата, а я включила телевизор. Просто так, чтобы бормотал. Случайно попала на кулинарное телешоу, и желудок громко заурчал, требуя еды.

Что ж, спать все равно не хочется, значит, можно поесть. Я спустилась вниз, прихватив с собой радионяню. Приготовив бутерброды и чай, уселась с книгой в гостиной.

Телефонный звонок показался резким и настойчивым. Я даже кусочка откусить не успела — пришлось положить бутерброд обратно на тарелку. Незнакомый номер насторожил и почему-то взволновал. Я осторожно поднесла трубку к уху, словно оттуда мог выскочить маленький монстрик и больно меня укусить.

— Привет, пророчица атли, — раздался из динамика знакомый хриловатый голос. — Ты не могла бы отворить высокие ворота и впустить меня в вашу крепость?

И Тан положил трубку. Я осторожно опустила телефон в карман. Сердце заколотилось с такой скоростью, что, казалось, кровь порвет сосуды. Перед глазами поплыло, в голове роились возбужденные мысли.

На трясущихся то ли от страха, то ли от волнения ногах я подошла к домофону, нажала заветную кнопку.

Открыла входную дверь...

Вечер встретил неестественной тишиной — словно мир замер на вдохе в ожидании действия. Вдалеке — в самом начале подъездной дорожки, в мягком свете фонарей различалась темная фигура колдуна.

Он пришел. Какая я дура! Естественно, Тан не мог появиться раньше — Влад все время был дома. Чернокнижник ждал, когда он уедет. Просчитал все до мелочей.

Приблизившись, колдун нарочито низко поклонился. Облокотился о притащенную зачем-то лопату и улыбнулся. Манеры придворного забавляли и в то же время пугали до чертиков.

— Почему у Влада такие запросы? — спросил он весело. — Неужели вам не хватило бы небольшой благоустроенной квартирki? И охота жить в таком огромном доме?

— Кто бы говорил, — парировала я.

Я была рада его видеть. Зачесались ладони, жила запульсировала. Давно не ощущала такого притока кена.

— Ты готова, пророчица?

— Да, но я в доме не одна. Со мной Лина и ребенок. Кира иногда просыпается по ночам. — Я показала ему радионяню. А потом подумала, что нахожусь наедине с Чернокнижником у открытой двери дома, где спит моя дочь. Влад уехал, защитницы нет, а я сама впустила врага. Кожа тут же покрылась противными мурашками ужаса.

Тан покачал головой.

— Зря ты думаешь обо мне плохо.

— Откуда ты знаешь, что я о тебе думаю? — настороженно спросила я.

— Да ты же побледнела сразу, как вспомнила о дочери. Ничего не бойся. Твоя тень проспит до утра, а помощь в ритуале мне не нужна. Все, что от тебя требуется — по вещи, принадлежащей каждому, кого мы собираемся возвращать.

— Да, конечно. — Я смутилась. Если бы Тан хотел причинить нам вред, не стал бы ждать так долго. Нас осталось мало, а у него — целая армия в балахонах. Захотел бы напасть — его не остановила бы защита Лары. — Можешь подождать там. — Указала на диван в гостиной. — Угощайся, я приготовила бутерброды и чай.

— Осторожно, пророчица, а то я подумаю, что ты меня ждала.

Я с быстротой ягуара метнулась по лестнице.

Первой была комната Глеба. Бегло осмотревшись, схватила первое, что попало на глаза — комплект струн для бас-гитары. Он лежал сверху в нераспакованной сумке.

Потом вошла к Кириллу. В тумбочке взяла зарядное устройство для мобильного.

Затем пополнила свою коллекцию блокнотом Ольги.

В апартаментах жреца отыскала магический мини-посох. Из вещей Риты на глаза попала черная юбка.

С ворохом этого барахла я спустилась вниз, где меня терпеливо дожидался Тан. Бутерброды колдун не тронул, но чай выпил.

— Это все? — деловито поинтересовался он. Я кивнула, и Тан удовлетворенно хмыкнул. — А теперь покажи место, где они похоронены.

До заднего двора я дошла с трудом — ноги подкашивались, и на этот раз по-настоящему было страшно. Чернокнижник держался на шаг позади, вел себя скромно и с разговорами не приставал.

У могилы Глеба перед глазами встал вчерашний вечер, но я отогнала воспоминания.

Поздно сожалеть.

— Как ты это сделаешь? — спросила я, подавляя дрожь и пытаюсь расслабиться.

— Я долго живу, — флегматично ответил Тан. — Много повидал, общался с сильными мира сего. Некромантию изучал больше ста лет.

Дрожь вернулась и усилилась. Я обняла себя за плечи.

— Тебе лучше пойти в дом. — Он поднял спокойно-печальный взгляд в небо. — Твоя дочь сейчас проснется.

Тоже мне философ нашелся!

Как бы в подтверждение его слов радионяня разразилась плачем. Постояв еще несколько секунд в нерешительности, я махнула рукой и зашагала к дому. Если честно, то совершенно не представляла, чем могу помочь Тану. Воскрешение мертвых — я даже не верила в это до конца.

Кира была голодна — съела больше, чем обычная порция, затем потребовала рассматривать с ней картинки. Я немного расслабилась, взясь с ребенком, но когда она уснула, волнение вернулось, навалилось тяжелым грузом и не отпускало.

Как хорошо, что Лара уехала, а Лина спит. Хотя, признаться, я уже начала сомневаться, что это простое совпадение.

Губы искусила до крови. От волнения все валилось из рук, поэтому я бросила грязную посуду в раковину и вернулась в гостиную. Включив фильм на ноутбуке, откинулась на спинку дивана. Часы на камине показывали одиннадцать ночи. От Тана долго не было вестей. Слишком долго. Я уже готова была выйти на улицу, но дверь с шумом отворилась, и Чернокнижник буквально ввалился в дом.

Весь в грязи, одежда порвана в нескольких местах, а волосы растрепаны. Колдун тяжело дышал, словно только что пробежал марафон. И меньше всего в тот момент напоминал человека, которого стоит опасаться.

— Ритуал... что-то пошло не так? — спросила я и затаила дыхание. Волнение уже не скрывала — к черту все! Тан прекрасно знал, как я хотела вернуть атли.

— Мои ритуалы всегда проходят с блеском! — с гордостью ответил он и лучезарно улыбнулся.

— Тогда почему ты весь изодран и в грязи?

— Ты ведь не хотела, чтобы они вырыли себе путь из могил? Мне пришлось их выкопать. — Помолчал немного и добавил: — Они восстанут в полночь.

От жутких слов, сказанных спокойным тоном, стало не по себе. Словно я попала в одну из сказок братьев Grimm, и меня собиралась съесть злобная ведьма. Но это была жизнь — реальная. Вот он передо мной — человек, разговаривающий со смертью и выкапывающий трупы из могил.

— Больше сегодня мне здесь нечего делать. Я удаляюсь, но помни, что обещала мне, пророчица.

Я кивнула, а потом встрепенулась.

— Постой, что мне делать, когда они...

Что? Восстанут? Воскреснут из мертвых? Придут с того света?

Чернокнижник остановился у самой двери, развернулся. От его улыбки стало моторошно. Если какая-то девушка из атли полюбит его, то будет полной идиоткой, подумала я. Без башни.

— Радоваться, — ответил Тан и вышел.

Я осталась одна в большом доме, если не считать Киру и Лину, мирно спящих на втором этаже. А на заднем дворе лежало пять выкопанных трупов.

Глава 3. Воскрешение

Я сидела в полутемной гостиной, сжимая в руке радионяню, и смотрела на входную дверь. Ощущение абсурда захватило сразу после ухода Тана и отпустить не торопилось. Возникло непреодолимое желание разбудить Лину. Вдвоем все же не так страшно ночью в доме, когда снаружи бродят мертвые, пусть даже атли.

Хватит, одернула я себя. Все будет хорошо. Необходимо уметь доводить начатое до конца. Нужно просто успокоиться.

Поднялась наверх, вошла в комнату Глеба. В боковом кармане сумки нашла начатую пачку сигарет, вышла на балкон.

Небо затянуло тяжелыми тучами, моросил мелкий дождь. Освещался лишь подъездной путь — остальная часть двора погрузилась во тьму, и от этого было немного жутко. Воздух постепенно остывал после дневной жары. Ветра не было. Тишина стояла такая, что шумело в ушах.

Я затянулась сладким дымом. Раз. Еще раз. Голова тут же закружилась, по коже поползли приятные мурашки, руки перестали трястись. Я не курила со дня ритуала, а это было так давно...

Какой жуткой стала моя жизнь! Нет, признайся себе, Полина, она такая уже давно. Удивительно, что ты еще не сошла с ума.

В кармане завибрировал мобильный, и я вздрогнула. Черт, ну кому не спится — звонить так поздно?!

На экране зловеще высветилось: «Влад». Мое спокойствие тут же улетучилось. Он что, чувствует? И как говорить с ним сейчас, когда с минуты на минуту восстанут умершие полгода назад атли? Как не выдать себя — у меня, наверное, все внутри трясется? Да я и двух слов не свяжу.

Хотела малодушно не взять трубку — могу ведь сказать потом, что забыла телефон внизу или банально спала. А потом передумала. Он будет волноваться, мы ведь тут одни. Я и так сговорила за его спиной с Таном, заставляя его переживать не хватило наглости.

— Привет, — сказала тихо и подкурила еще одну сигарету. Сегодня можно — не каждый день Чернокнижники с помощью некромантии поднимают из мертвых дорогих тебе людей.

— У тебя все нормально? — спросил Влад. В голосе послышалось волнение, и мне стало еще хуже.

Да что же это такое? Интуиция? Или на мне эмоциональный жучок? Если пойдут такие откровенные вопросы, я точно не смогу соврать — и так на грани.

— Да, а почему ты спрашиваешь? — как можно спокойнее ответила я.

— Тревожно за вас. И Ларе не могу дозвониться.

— Спит, наверное.

Странно, что я решила умолчать об отсутствии защитницы в доме. Хотя Влад, наверное, и так знает. Лара не стала бы врать вождю. Не то, что я...

— Извини, что разбудил. Просто хотел убедиться, что все в порядке.

— Все в порядке, — сказала я, и на последнем слогe голос сорвался. — Как там Лондон?

— Очень красивый город, зря не поехала. — Казалось, Влад расслабился и теперь говорил спокойно и уверенно. Даже немного насмешливо.

— Я так не думаю, — пробормотала я, подумав о том, что произошло сегодня.

— Ну хорошо, отдыхай. Обещаю не задерживаться надолго. — И повесил трубку.

Я тут же испытала невероятное облегчение. Сейчас, когда Влад был далеко, в неведении, у меня осталось несколько спокойных дней. Как только он узнает о моем стоворе с Таном, жизнь превратится в ад.

Часы на телефоне показывали пять минут первого. Я прислушалась. Напрягла каждый мускул и замерла, чтобы не пропустить ни единого шороха, ни единого звука.

Двор атли дышал тишиной. Даже ветер не шелестел листвою и затаился вместе со мной в ожидании чуда. Чуда не происходило.

Так и с ума можно сойти! Сидеть, ждать неизвестно чего. Тан выкопал атли из могил, и если они не встанут, мои дальнейшие лишения окажутся напрасными. Но даже не в этом дело... Надежда — последняя из последних, которую я столько дней лелеяла, разобьется, и не останется ничего. Мне придется проститься с ними навсегда.

Прощаться не хотелось. Я поняла, что все это время — с того самого дня, как смогла встать после истощения — думала, что они уехали далеко. Плакала, горевала, но слово «мертвы» было безликим, несущественным. Я не верила в их смерть. Не готова была принять ее. Но сегодня...

Прижимая к груди радионяню, спустилась вниз. Закрытая дверь олицетворяла гробовое молчание, и я впервые за сегодняшний вечер ощутила себя одинокой. Испуганной. Заигравшейся в бога маленькой девочкой.

— Прошу-прошу-прошу... — прошептала, обращаясь непонятно к кому. Я не верила в богов, сотворивших Первых.

Прохладный ночной воздух щекотал лицо, пахло жасмином и розами. Дождь закончился, меня окутала прохлада и свежесть. На крыльце стоять было невероятно хорошо, ступать в темноту вовсе не хотелось, но я заставила себя сделать шаг. Еще один. И еще.

Мне нужно знать. Нужно видеть.

На заднем дворе было темно. Ну что за временное отключение мозгов? Почему я не взяла фонарик?

Пробираться пришлось на ощупь, по памяти воссоздавая ландшафт. Но делая очередной шаг, я лишилась опоры под ногами, потеряла равновесие и полетела вниз.

Мысли в голове несколько раз кувыркнулись, я ударилась лбом, расшибла колени и, казалось, сломала руку — такой сильной была боль в предплечье.

Чертов колдун, не удосужился закопать ямы! Больно-то как! Я сцепила зубы, чтобы не закричать, прижала к груди ушибленную руку.

Сидела на корточках минуты две. Злость на Тана прошла так же быстро, как и накатила. Это был наш план — общий. Чернокнижник свою работу сделал, остальное за мной.

Я осторожно поднялась. Удивительно, насколько глубокой была могила — до края еле достаю. Ну, и как теперь выбираться, умница?

И тут я с ужасом поняла, что потеряла радионяню. Телефон оставила в комнате Глеба, Лина спит, Кира может проснуться в любую секунду, а я тут сижу в могилке. Замечательно! Злость вернулась — на этот раз на себя, любимую. Какого черта я сюда вообще пошла? В

темноту, без фонарика, смотреть на полусгнившие останки атли. От этой мысли стало дурно, и я подавила тошноту.

Впрочем, запахов разложения не ощущалось, значит, изъеденной червями плоти поблизости нет.

— Черт! — сказала я себе. — Что же теперь делать?

— Полина, — произнес кто-то шепотом, — это ты?

А вот это было уже страшно. Я замерла, прижалась спиной к стенке ямы и тщательно всматривалась вверх — туда, где на фоне ночного неба маячила темная мужская фигура.

— Поля?

В отголосках собственного страха я уловила еле различимые знакомые нотки.

— К...кирилл?

— Тише, — шикнул мужчина. — Давай, вытащу тебя оттуда.

Я машинально протянула здоровую руку, ухватилась, и через пару секунд уже была наверху.

— Держи, ты уронила.

Кирилл протянул радионяню. Действительно он. Живой. Настоящий...

Я всхлипнула, вцепилась в рукав его измазанной в земле рубашки, словно он мог исчезнуть, раствориться в воздухе.

— Кирилл...

— Ну, все, не плачь. — Мужчина прижал меня к себе. Я размазывала по лицу слезы, наверняка грязные, ведь руки были испачканы влажной почвой.

Плевать на грязь! Тан сдержал слово. Они вернулись. Атли, которых я любила, которых так и не смогла отпустить.

— Нужно бежать! — порывисто произнес Кирилл и потянул меня за собой.

— Куда бежать? — растерялась я. Плохие мысли налетели роем. А что если он помутился рассудком? Или другие атли вернулись не такими, а как в фильмах ужасов — бездушными монстрами?

— Охотник, Полина. Он здесь!

Охотник? Рихар? Да ну бред! Тан не подставил бы меня так! Или вот они — подводные камни?

— Охотник? — пересохшими от страха губами спросила я.

— Древний, — подтвердил Кирилл, и рванул меня вперед.

— Осторожнее, — прошептала я. — Здесь ямы.

Пробирались мы почти ползком, трогая почву под ногами. Мне приходилось поддерживать ушибленную руку, но отставать от Кирилла не хотелось. Не останавливаясь и постоянно оглядываясь, он порывисто спросил:

— Наши в доме?

— Лина и Кира. Лара где-то в городе. Влад уехал в Лондон.

— Постой, как в Лондон? Когда? А Глеб?

— Я думала он здесь, с тобой...

И тут я поняла. Осознала. Дыхание перехватило — то ли от страха, то ли от волнения. Захотелось остановиться, сесть и плакать. Я реально маленькая еще для всего этого. Не хочу, не буду!..

Темно, страшно, неотвратимо. Нет, не заставляйте снова все это переживать!

— Полька, ну ты чего? Вставай, нужно идти. Слышишь?

Кирилл гладил по голове, а я сидела на земле, вся измазанная в грязи и редела. Навзрыд. От безысходности. Напряжение схлынуло, и осталась горечь, которую я прятала все эти месяцы за напускным спокойствием и смирением. Жадно поддабриваемая страхом, она ослабляла меня, разлагала изнутри. И я поняла, насколько устала.

— Нужно идти. Тут охотник. Древний. Тот, что убил Филиппа, — уговаривал Кирилл. — Поднимайся.

— Кто убил Филиппа? — услышала я низкий голос жреца атли.

Подняла глаза.

— Фил...

— Вы чего тут все грязные? Что происходит?

— Ты жив! — радостно выдохнул Кирилл, обнял брата.

Они при жизни так никогда себя не вели. Нашли время и место — обниматься! Что происходит вообще? Я запуталась...

Есть охотник или нет? Воскресил ли Тан и его, чтобы нам не сладко жилось? Одно радовало: если и так, то древний меня убьет непременно и не придется исполнять свою часть договора. Я поморщилась. Нет уж, перспектива та еще. Нужно выбирать. Бороться. Я не для того сговаривалась с врагом, чтобы просто так сдаться!

— Где наши? Остальные? — встрепелась я и утерла слезы. — Глеб, Оля, Рита?

Повернулась к Кириллу.

— Рихар... охотник — где ты видел его? И когда в последний раз?

— У входа. Вечером. Он убил Филиппа, и я...

Я облегченно выдохнула, расслабилась. Поднялась на ноги и отряхнулась. Хотя бесполезно — измазалась вся, наверное, и в волосах грязь.

— Кир, это было осенью, — сказала ласково, стараясь успокоить лекаря атли. — Древний мертв. Никто не придет, чтобы навредить нам. — Перед глазами тут же встали безумный черный взгляд колдуна после ритуала, и я добавила: — Ну, или почти никто...

— Идем в дом. Примем душ, и ты объяснишь, наконец, что тут происходит, — подытожил Филипп. — Последнее, что я помню — рыжего охотника у нас на парковке.

До тропинки к дому мы добрались без приключений. А на крыльце застали Лину — она заламывала руки и металась туда-сюда.

— Поля! — Увидев меня, деторожденная оживилась, бросилась к нам, боязливо косясь то на Филиппа, то на Кирилла. — Я ничего не пойму. Спустилась попить воды, а там... а тут... в гостиной...

— Что? — нетерпеливо выкрикнула я и до треска пластика сжала радионяню.

— Глеб и Оля, они...

Дальше я уже не слушала. Вырвалась из объятий Кирилла и метнулась в дом.

Гостиная была пуста.

— Глеб! — закричала я что есть мочи. Старалась сдерживать себя, боялась потерять контроль, поддаться истерике. В ушах стучал пульс, отсчитывая каждую секунду ожидания — томительную, невыносимую.

— Чё орешь, Полевая? Совсем сбрендила?

Он появился откуда-то справа — живой, осязаемый. Весь грязный — только лицо умыл. Оно светлым пятном выделялось на фоне неопрятной, изорванной одежды и повисших космами волос. Синие глаза смотрели тревожно, даже немного растерянно.

— Какого тут происходит вообще?

— Ты жив. — Я улыбнулась. — Я вернула тебя!

...Все оказалось сложнее, чем я думала. Атли — живые и невредимые, отмывшиеся и переодевшиеся, сидели в гостиной. Молчали, понутив головы, и только Глеб расхаживал из стороны в сторону.

— Все? — в который раз спросил он. — И я?

— И ты, — спокойно подтвердила я. Взглянула на Лину — она согнулась в кресле, поджала колени и смотрела на меня исподлобья.

Черт, а ведь я так надеялась, что будет пара дней — отойти от шока. Но Лина позвонила Владу еще ночью. А значит, счет пошел на часы. Он придет сегодня же и оторвет мне башку.

— Какого черта, Полевая? Ты совсем из ума выжила? Понимаешь, что теперь будет?

Глеб подливал масла в огонь. Он злился. Злился на меня.

Я знала, что мне предстоит выступить одной против Влада и, в принципе, подготовилась к этому. Но чтобы против всех, против Глеба... Такого поворота событий не ждала. Захлестнула обида — до слез, глупых, детских. Я же пошла на подлость, чтобы их спасти, как он может так разговаривать со мной?

Во взгляде Глеба не было и намека на понимание — только колючесть и злость.

— О чем я думала? Seriously?

Рука болела все больше, и приходилось крепко прижимать локоть к себе. Безумно хотелось спать — адреналин выплеснулся, и я чувствовала себя опустошенной. словно Тан выпил этим ритуалом мои силы.

Конечно же, это было не так. Просто я устала, перенервничала и сильно испугалась.

— Я думала лишь об одном: что вас нет. Жизнь продолжалась, а я словно осталась в прошлом. И чем больше проходило дней, тем больше выпадала из реальности. И да, я пошла на сделку с чертовым колдуном! Но он все равно в городе. Тан вернулся, и мы не можем прятаться от этого за обидами и обвинениями.

— Все очень просто, пока тебе не нужно платить, — не унимался Глеб. — Но что ты будешь делать, когда он придет спрашивать с тебя?

— Подумаю об этом, когда придет. Здесь сложно и жарко. Больно. Неизбежно. И все это я пережила без тебя. Так будь женщиной. Живи. Хватит ныть, Измайлов!

Уйти, скорее уйти отсюда. Успокоиться, выпить обезболивающего, разобраться во всем. Наверное, я действительно поступила глупо. Необдуманно. Тан взыщет по полной, я окончательно разругаюсь с Владом, и вообще неизвестно, чем для нас закончится невинная, на первый взгляд, сделка.

Но почему тогда у меня было четкое понимание: я все сделала правильно. Интуиция пророчицы или все же эгоизм? Возможно, мне вскружило голову понимание, что я могу влиять на что-то? Вернуть мертвых с того света — это вам не шутки. Так и звездная болезнь может начаться. Хотя, по сути, чем я отличаюсь от остальных атли? От той же Лины или Лары? Почему Тан выбрал меня?

Покинуть гостиную оказалось облегчением. Я закрыла за собой дверь кабинета и рухнула в кресло у окна. Слез уже не сдерживала — от кого теперь скрываться? Жутко болела рука, почти невыносимо. Уткнувшись лицом в колени, я тихо зарыдала.

Позади скрипнула дверь, но я не подняла головы. Шевелиться решительно не хотелось.

— Давай я посмотрю, — тихо сказа Кирилл и прикоснулся к предплечью. Я поморщилась от боли и заплакала сильнее. — Все будет хорошо, слышишь!

Лекарь атли приподнял мой подбородок и посмотрел в глаза.

— Спасибо.

— Что? — Я всхлипнула.

— Никто из нас так и не сказал тебе. За все это время... Глеб возмущался, а мы молчали. Были так увлечены историей с Чернокнижником, пропитались страхом настолько, что забыли — ты вернула нас. Именно ты несла все это на плечах. Так вот я говорю тебе спасибо.

— Я очень рада, что вы здесь. Ты себе представить не можешь, насколько.

— Влад знает?

— Нет.

— Что ты обещала ему? Тану?

— Он сказал, кто-то из атли полюбит его, и это будет взаимно. Хотел, чтобы я стала на их сторону перед Владом. В защиту их любви.

Кирилл покачал головой.

— Полина... Это сделка с дьяволом.

— Не такая уж большая цена за то, что вы все снова живы.

— Кто это? — спросил он очень серьезно.

— В смысле?

— Кто та девушка? Ты спросила колдуна?

— Нет. Он напугал меня до чертиков. Разговаривал по существу, и я даже не подумала спросить. А потом появился снова — вчера вечером. Колдовал на заднем дворе, выкапывал ваши тела... В общем, мне было не до этого. Кем бы ни была та девушка, если она полюбит Тана, как мы сможем помешать? Особенно я. Влад и слушать меня не станет.

— Все равно я не стал бы доверять Чернокнижнику. В его контрактах наверняка есть дополнительные условия мелким шрифтом. — Кирилл вздохнул. — Тебе нужно в больницу. Сделать рентген, может быть перелом. Я слегка не в форме, чтобы тебя лечить, но машину вести в состоянии.

— Ты же умер. — Я замялась. — Я имею в виду, как ты покажешься в больнице? Там же знают, что ты... вы...

Он улыбнулся.

— Ты не росла среди хищных, поэтому не знаешь. Мы никогда не оповещаем людей о смерти братьев. Хороним их тайно, без привлечения посторонних. Благо, защитница может напустить морок... У каждого из нас есть доверенности, завещания и много прочей юридической ерунды, которая облегчает жизнь. Филипп всегда держит документы атли в порядке. Пока я был мертв, Лара управляла моей частью капитала в клинике. Скорее всего, сказала всем, что я ездил на Бали и потерял счет времени.

— Какие сложности... — пробормотала я. — Хорошо, что у меня ничего нет. Мороки меньше.

Он кивнул.

— Поехали.

В тот день жара началась буквально с рассветом. Солнце палило ярко, слепило глаза, заставляя морщиться и побуждая спрятаться в прохладном полутемном помещении. Поспать.

Киру я доверила Лине. Не в первый раз, да и атли вроде как вернулись нормальными. Глеб так точно. Такой же бескомпромиссный и жесткий.

Я даже не взглянула на него, когда мы с Кириллом выходили во двор. Невероятно, как

можно долго скучать по человеку и обидеться вмиг. Зато Рита обняла меня крепко — так, будто не видела несколько месяцев. Будто помнила собственную смерть.

Никто из них не помнил, и, наверное, это к лучшему. В противном случае можно реально свихнуться.

В машине я почувствовала себя лучше. Свободнее. Вдали от дурдома, поближе к людям — обычным людям, среди которых росла. И лишь теперь начала по-настоящему понимать, что далека от них. От жизни, которой жила, от бытовых сложностей и уверенности, что монстры живут только в фильмах ужасов.

Я была спокойна. То ли это было следствием шока, то ли душа стала черствее. Боялась, конечно — и последствий, и приезда Влада, и его реакции, но как-то вяло. Словно сказала себе: это же не сейчас происходит. Вот придут проблемы, и будешь решать.

Тревога оказалась ложной — перелома не было. Сильный ушиб — неприятно, конечно, но пройдет быстрее. Мне наложили повязку и прописали обезболивающее. Кирилл улыбался, держал меня за руку, и стало значительно легче. Как же все становится проще, когда есть поддержка.

Мы заехали в кафе в универсаме позавтракать, и Кирилл признался, что ему давно нравится девушка из бухгалтерии больницы — Лена. Раньше он как-то стеснялся подойти познакомиться, но теперь понял, что нужно ценить каждый миг, отпущенный тебе богами. В общем, курс на налаживание личной жизни был взят.

Домой мы приехали после обеда. На парковке опасно отблескивал глянец черный «Ауди», и у меня внутри все сжалось. В доме меня ждала смерть с косой. Вернее, без косы, и с ужасным характером. Я непроизвольно всхлипнула, Кирилл взял меня за руку и серьезно сказал:

— Что бы ни случилось, я поддержу тебя.

Я благодарно кивнула, нервно улыбнулась и посмотрела на входную дверь.

Надо просто войти. В холодную воду всегда страшно окунаться.

Подумаешь, наорет. Ну, соберет совет, ну, осудят. Переживу! Это стоило того — пять человек снова живы. Нам нужно что-то противопоставить Тану, верно? Теперь у нас есть люди.

В дом мы вошли молча, и первое, что я увидела — расширенные глаза Лары. Защитница в тот момент была похожа на одного из моих совят. Не знаю, чего в ее глазах было больше: удивления, осуждения или восхищения. Я выдержала взгляд. Лара не могла не признать, что рада — она скучала не меньше. К тому же, расхлебывать мне, и это должно ее утешить.

Влад молчал. В принципе, молчали все, но от него буквально исходила волна ярости. И я впервые подумала, что не выстою. И расслабилась. Смоет цунами, подумаешь! Словно в первый раз.

— Идем со мной, Полина, — сказал он тихо, и я слотнула. Вот я и окунулась. Еще не с головой, но все же.

Влад не стал дожидаться меня — направился в сторону кабинета. Кирилл крепче сжал мою ладонь, а я мельком взглянула на Глеба — тот покачал головой и отвернулся. Тоже мне, друг называется! В следующий раз и не подумаю вытаскивать его с того света.

Я глубоко вздохнула и поплелась за Владом. Если бы Тан это видел, уверена, ему бы понравилось шоу. Так и виделось его лицо — довольное и насмешливое. Неплохое начало мести за прошлую встречу. Жаль, что это еще не все представление.

— Что это значит? — спросил Влад спокойным голосом, когда я прикрыла за собой

дверь. Ненавижу, когда он говорит таким тоном — как затаившаяся гадюка. Гораздо лучше, когда орет, так я хотя бы понимаю примерно, чего ждать в следующую секунду.

— Атли живы, — просто ответила я и отвела взгляд. Черт, выдержать будет не так просто.

— Я вижу. — Он обошел стол. Громко выдохнул, но приближаться не стал.

Это хорошо, значит, физическая расправа откладывается. Хотя, что он может мне сделать? Не будет же бить палками по пяткам.

И тут возникла мысль, пугающая до оцепенения.

Он прогонит меня. Прогонит из атли.

Я громко выдохнула и сцепила зубы.

— Ты пошла к нему, — не поворачивая головы, сказал Влад. — Ты знаешь, как я ненавижу этого человека.

— Нет, я не знаю. Ты ведь никогда не говорил. Ты ничего мне не говоришь! Что-то было у вас в прошлом. Не только Лара и пост вождя, верно? Что-то большее. Личное. Но ты, как шкатулка, наполнен чертовыми секретами!

Я тяжело дышала. Адреналин бушевал вовсю, в ушах шумело, а с недр сознания поднялась злость. Что ж, так лучше — хоть не расплачусь.

С другой стороны, здравый смысл бил тревогу. Что я делаю? Злю Влада? Seriously? Наверное, стоило как-то помягче сказать, он ведь реально может прогнать меня. И тогда я просто умру.

Я поняла это именно там — в кабинете. В тот самый момент. Словно я проросла корнями в бытность атли. Лишусь ее — ничего не останется, кроме как завянуть.

Но бунтарка во мне не хотела молчать.

— Ты забыла, как он держал Марго в заложниках, как манипулировал ее сознанием, словно марионеткой? — с чувством произнес Влад.

— Сложно помнить об этом, когда она мертва! Сложно помнить об этом, когда он предлагает вернуть ее к жизни! — выкрикнула я и замолчала.

Хотелось орать, бить стекла, истерить, чтобы все они, наконец, поняли: атли живы. Неважно, какой ценой. Разве человеческая жизнь имеет цену? Разве можно измерить ее после того, как ты жил с человеком под одной крышей много дней, когда говорил с ним, проникал в него, обменивался кеном у очага?

Влад отвернулся.

— Тан вернул ее к жизни, — горячо произнесла я и сделала шаг навстречу. Совсем, наверное, крышу снесло от шока. — Твою сестру. А еще Глеба, он твой брат, помнишь? И Кирилла, Филиппа, Олю. И у меня совсем нет причин ненавидеть колдуна. Если они у тебя есть, то озвучь их сейчас или перестань меня третировать.

— Что он попросил взамен? — Спокойная реплика остудила мой пыл, прозвучала издевательски. Но я не сдамся, не отступлю. Секретничаешь? Что ж, у меня будут свои секреты!

— Ничего, что есть у тебя. И закроем тему. Хочешь судить меня — суди. Накажи, если так нужно. Но атли живы, и я ничуть не жалею. Вот ни капельки!

— Я рад, что атли живы. — Он повернулся, и во взгляде уже не было злости — только горечь. — Но Тан сыграл на твоих чувствах, а ты повелась.

— Ну, это моя фишка. — Я нервно улыбнулась. — Все на них играют.

— Ты повзрослела, — сказал он мягко. Прищурился и сделал шаг навстречу. Убивать

собрался, что ли? Но вопреки ожиданиям, Влад обнял меня. Крепко.

Непривычное ощущение. Смесь тепла и злости, умиротворения и бодрости. Даже на боль в руке захотелось наплевать. Ну и пофигу! Пусть проклятие. Зато успокоюсь. Потому что в последние часы мне реально начало казаться, что я схожу с ума.

— Ты спутала мне все карты, пророчица, — тихо сказал он мне в волосы.

— Так тебе и надо, — ответила я без злости.

Странная у меня жизнь. И отношения с Владом странные. Сначала убиваем друг друга, потом обнимаемся. Он убивает, поправила я себя. И почувствовала дикое удовлетворение от собственного поступка. Инфантильное. Эгоистичное. Минутное. Но такое сладкое.

— Что у тебя с рукой? — спросил Влад гипнотизирующим голосом. Казалось, я могу вечность вот так стоять, и плевать на усталость.

— Упала в выкопанную могилу, — не задумываясь, ответила я.

Да уж, и разговоры у нас чудесные. Семейка Адамс отдыхает!

Влад выпустил меня, отошел на шаг. Из кармана достал сверток, протянул мне и сказал:

— Держи.

Я осторожно взяла, все еще опасаясь подвоха. Да что это с ним? Сам на себя не похож: почти не злится, дарит подарки. Ему что-то нужно от меня?

Ответ пришел быстро. Я накопила достаточно кена за эти полгода и вновь стала опасной для атли. А управлять им не научилась. Что ж, это и моя проблема — я больше не могу строить из себя жертву обстоятельств. Тем более, после происшествия с Таном.

Развернула упаковочную бумагу и невольно восхитилась. Обалденное исполнение, цвета, даже символизм. Взрослая сова, расправленные крылья, хищный взгляд. Мелкие камешки на груди переливались на свету. Эта статуэтка явно станет звездой моей коллекции.

— Спасибо, — пробормотала смущенно.

— Иди, прими душ. А затем поспи. За Киру не переживай — теперь в это доме много нянек.

— Где Алишер? — спросила я, пропустив мимо ушей фразу о няньках. Вроде азиата в гостиной я не видела. Вряд ли он ушел к себе только затем, чтобы не видеть моего позора.

— В Питере. Заберет девушек и приедет. — Он вмиг превратился в серьезного Влада. — Если Тан еще раз придет, я хочу, чтобы ты сказала мне. Больше никаких тайн, Полина.

Прозвучало как угроза. Я все еще в шоке оттого, что Влад спустил мне с рук явно проигрышную для него сделку с Таном. Может, он и правда рад, что атли живы?

Пожалуй, больше нарываться не стоит. Во всяком случае, пока.

Я кивнула.

— Хорошо.

В гостиной меня встретили гробовой тишиной. Они когда-нибудь начнут разговаривать? Пусть не со мной, но друг с другом ведь можно!

Я гордо продефелировала наверх, вошла к себе и облегченно выдохнула. Поставила сову на подоконник — на самое видное место. Красивая — глаз не отвести. Затем приняла душ, выпила обезболивающее и упала на кровать.

Киры в комнате не было — наверное, Лина взяла ее к себе. Сил на размышления не осталось, я просто расслабилась.

Рука произвольно потянулась к ящику тумбочки — там я хранила шкатулку с бижутерией. Достала амулет, подаренный Владом. Цепочку давно починила, но не носила —

из вредности. Быстро надела, улеглась поудобнее и закрыла глаза.

Сон обволакивал медленно, спокойное чириканье птиц за окном баюкало. Я почувствовала легкое прикосновение к плечу и вздрогнула. Кровать продавилась — кто-то лег рядом.

Обернулась — Глеб.

— Если пришел ругаться, то я уже сплю, — сердито пробормотала я.

Он покачал головой, обнял меня и уткнулся носом в шею.

Мы уснули почти мгновенно, и это был самый спокойный сон за последние месяцы.

Глава 4. Кто тут главный?

Глава 4. Кто тут главный?

Я рано думала, что избежала последствий за сделку с Таном. То, что мне все сошло с рук, усилило угрызения совести. Влад больше не заговаривал со мной на эту тему и вообще держался отстраненно и прохладно. Когда я через несколько дней заикнулась об этом, оборвал и сказал, что ему нечего мне ответить. Что я должна решить, атли я или нет, и в будущем поступать соответственно.

В общем, пристыдил. Но гнобить не стал и не пытался играть на чувстве вины. Вообще показалось, он мыслями далеко. Не с нами. И поглощен вовсе не моей сделкой с Таном — словно его угнетало что-то глубокое и недоступное мне. И от этого почему-то становилось грустно. Грусть подпитывалась стыдом, и я мучилась от угрызений совести.

Впрочем, о совершенном не жалела ни капли. Атли вновь были живы, неважно какой ценой. И скажи я Владу тогда, он ни за что не позволил бы мне заключить эту сделку.

Мы всегда по разные стороны одной правды. А может, правда у нас разная.

Я и не заметила, как это произошло — я перестала его ненавидеть. Ведь, по сути, он призван беречь племя в целом. Вождь — не герой-любовник. Не сказочный принц. Розовые очки пора было снять и смотреть на вещи реально. Жизнь вождя полна неприятных сюрпризов. Таких, например, как сольвейг, рождающийся в племени.

Что было бы, если бы Влад тогда не выплеснул мой кен? А вдруг я убила бы кого-то из атли? Да, методы он избрал те еще, но суть одна — я опасна для собственного племени, пока не научусь это контролировать. И я научусь!

В одном Влад был прав. Мне пора переоценить приоритеты, если хочу остаться в атли. Сейчас, когда в наш дом снова пришла беда, нужно отбросить обиды и несогласия. Или уйти.

Уйти я была не готова.

Кроме роли сумасшедшей в атли на меня давило обязательство — долг Тану придется отдавать, и он не казался мне больше таким мелким не несущественным.

Чернокнижник появился вновь через несколько недель. Пришел, как и в прошлый раз, пешком и позвонил в домофон.

В дом не просился, велел позвать меня. И, конечно же, я отхватила еще один привычный взгляд Лары. Да-да, я чокнутая! Хотя ведь кто-то из них — девушек атли — влюбится в колдуна. Не я. Может, и сама защитница.

Хотя вряд ли. Когда он появился, все они затряслись, как листья на ветру. Рита и Лина особенно. Оля реагировала сдержаннее, но все равно я физически ощущала ее страх.

Впрочем, у нас было еще две кандидатуры на должность возлюбленной Тана. Алина и Ксения — девушки из Питера, защитницы, которых привез Алишер. Ведь колдун не говорил о том, что его возлюбленная будет атли по крови.

От Тана вообще можно ожидать чего угодно. Но прийти вот так, в наглую, в дом Влада... Хотя, колдун бесспорно сильнее нас всех вместе взятых и способности его не перебить. Ну, если не считать мой изредка проявляющийся дар. Интересно, а смогла бы я убить его, как охотника?

Рита побледнела и поднесла руки к груди — характерный знак, что она боится.

— Это он? Чернокнижник? — спросила срывающимся голосом.

— Не бойся, тебе ничего не угрожает, — стараясь сохранять спокойствие, ответила я и подошла к двери.

— Легко тебе рассуждать! Не тебя он держал в заложниках несколько дней, заставляя подчиняться, словно ты робот какой-то.

— Я сейчас у него в заложниках, — пробормотала я и вышла.

По дороге к воротам думала о будущем. Почему мой дар не проявлялся? Никаких видений, снов и прочей пророческой лабуды. Это бесило больше всего. Каким образом Тан будет осуществлять свой план? Как думает занять место Влада, ведь никто из атли не примет его? Никто, кроме таинственной девушки, которая его полюбит.

А ведь я могла бы знать хоть что-то. Увидеть. Но провидица во мне спала.

— Приветствую тебя, пророчица атли, — пафосно произнес Чернокнижник и, когда я приблизилась к ограждению, поклонился.

— Что ты здесь делаешь? — резко спросила я.

Сейчас я на него злилась. Злилась за то, что он нарушил привычный спокойный уклад нашей жизни — после прихода Рихара все более или менее устаканилось, я даже перестала просыпаться по ночам, сжимая от ужаса простыни, научилась жить дальше, надеяться.

Новых испытаний не хотелось — казалось, у меня на них развилась аллергия.

— Ты не очень-то учтива с тем, кто воскресил твоих родных, — наигранно обиделся Тан.

— Не соблаговолите ли вы, о, великий Чернокнижник, открыть мне цель вашего визита? — съязвила я.

Тан вздохнул, посмотрел примирительно.

— Полина, я не ссориться пришел. Как ты знаешь, по определенным причинам я должен искать свою судьбу в стенах этого дома.

— Этого не было в нашем соглашении. Уверена, Влад будет против, а о том, чтобы выступить за твое присутствие в доме, мы не договаривались.

— Вот и зря. У меня с Владом, конечно, есть неразрешенные конфликты, но ввиду обстоятельств... Думаю, именно сейчас я могу быть полезен племени. Когда охотник на свободе...

— Охотник?

У меня даже сердце перестало биться. Перед глазами заплясали бордовые мошки, я невольно отступила на шаг, словно Рихар в любую секунду мог выпрыгнуть из-за спины Тана и прикончить меня. Неужели я была права, и Тан воскресил его? Неужели древний придет мстить атли? Если тот кошмар повторится, я просто не вынесу!

— Тот бедняга, которого ты убила, — как ни в чем не бывало, продолжал колдун. — Как его там звали, запомнил? Кажется, как-то на «М»... Марк? Мичлов?

— Мишель... — прошептала я.

— Он был так жалок, все время тебя оправдывал. Я даже подумал на миг, что не стоило возвращать его к жизни. А еще на нем была эта печать — как намордник на собаке. Жуть какая! Бесчеловечно так поступать с охотниками, как считаешь?

— Ты снял печать... — Вместо страха навалилась грусть и странное спокойствие. — Так вот они — подводные камни! Вернул Мишеля, чтобы манипулировать нами?

Я слишком плохо дружу с интригами — не стоило влезать в разборки Тана и Влада. Но что было делать, если потери тяготили настолько, что больно было дышать?

— Ну что ты! — наигранно возмутился колдун. — Всего лишь восстановил справедливость. Ты ведь понимаешь, что охотник погиб глупо? Теперь у него есть шанс отыграться. Я считаю, что виновен, пусть и косвенно, в его смерти.

— А теперь Мишель придет, чтобы отомстить, и все повторится снова, — выдохнула я. — Но ты ведь знал, не так ли? До того, как предложил мне сделку?

— Это мое личное дело. — От его веселости не осталось и следа. Черные глаза смотрели внимательно, изучающе. Я поежилась. Показалось, колдуну нужно что-то от меня. Что-то кроме обещанного. И от этого по коже пробежался неприятный холодок. Почему-то я знала: если пойму, что именно, не обрадуюсь. — Свою часть соглашения я выполнил. Теперь тебе предстоит выполнить свою.

— Да, я помню о долге и исполню, что обещала. Но больше не хочу, чтобы нас с тобой что-то связывало. Я — атли, несмотря ни на что. Ты наш враг.

— Я не враг атли, — возразил он. — Мои разногласия с Владом никак не касаются племени.

— Они касаются меня лично.

— Вот как? — Он удивленно приподнял бровь. — А мне казалось, ты ближе к моей точке зрения, чем остальные.

— Ты ошибался.

— Верность — не всегда хорошо, Полина. Как считаешь, что еще для тебя приготовил Влад Вермунд? Ты же не думаешь, что на невинном ритуале все закончится?

Воспоминания вернулись прозрачными призраками, обступили со всех сторон, не давая нормально дышать. Тан что-то знает? Ведь они с Владом столько лет знакомы, Чернокнижник прекрасно его изучил. А еще Тан может догадываться о том, кто я. Догадываться и понимать, что на самом деле нужно Владу. Если спрошу...

Нет, нельзя его слушать! Нельзя верить ни единому слову. Тан запугивает меня, путает, заставляет играть по его правилам. И если в прошлый раз у меня не было выбора, то сегодня нужно думать головой.

От Влада я действительно не знаю, чего ждать. Особенно касательно меня. Он слишком часто врал. Но есть ли у меня выход? Особенно сейчас, когда за стенами дома атли бродит озлобленный древний охотник, а передо мной стоит Чернокнижник, способный поднимать людей из мертвых?

Я — атли, и мне ничего не остается, как доверять своим. Даже если среди них будет Влад.

— Думаю, дела племени, и в частности мои отношения с Владом тебя не касаются, — бесстрастно произнесла я. — Сама разберусь.

— Хорошо, — кивнул Тан. — Передай Владу, я приду сегодня вечером — обсудить условия сотрудничества. Всячески рекомендую ему прислушаться к моим советам. А сейчас вынужден откланяться — дела, сама понимаешь.

С этими словами он развернулся и пошел прочь.

А я — ошеломленная и напуганная — осталась стоять, вцепившись пальцами в железные прутья ограды. Понимая, что больше никогда не будет как прежде. Будущее превратилось в опасную головоломку, полностью лишенную смысла.

Машинально нащупала в кармане спортивных штанов телефон, набрала номер Влада.

— Ты должен приехать. Срочно! — прошептала и нажала «отбой».

Радость от недавнего возвращения атли омрачилась известием об охотнике. Еще один

древний. Сможешь ли ты справиться с ним, Полина? Сможешь ли убить Мишеля еще раз? И имеешь ли на это право?

Чувство вины противным склизким червем зашевелилось в груди. Мы — хищные — убийцы, что бы там ни говорили. Так или иначе, калечим ясновидцев. А про мои способности вообще и разговора нет. Я превращаю людей в пепел, пусть даже древних людей.

Так кто же прав?

Я вошла в дом, опустилась на диван рядом с застывшей от напряжения сестрой. Надо же, Рита так и не смогла пошевелиться, пока я не вернулась. Защитница застыла у окна и смотрела на меня выжидающе.

Что мне сказать им? Что смерть, покинувшая дом, вернулась?

По дому неслышной тенью прошмыгнула Ксения — поднялась наверх с чистыми полотенцами. На удивление опрятных и домовитых девушек мы приняли в племя — все время что-то пекут, метут, стирают. Шепчутся и хихикают на кухне. Улыбаются при встрече и опускают глаза. Интересно, что будет, когда они узнают о моих способностях? И что Влад рассказал об этом остальным атли? Ларе, например, или Рите?

Ведь все в жизни хищных измеряется кеном. Не будь мой таким особенным, не будь я сольвейгом, ничего страшного не случилось бы. Мишель был бы жив, Рихар не пришел бы за него мстить, Влад не провел бы тот жуткий ритуал...

Многое было бы по-другому. Возможно, я вышла бы за Матвея и воспитывала его детишек. Или пошла учиться на дизайнера.

Но все решает гребаный кен!

— Чего он хотел? — наконец, не выдержала Лара.

— Я думаю, тебе стоит усилить защиту, — сказала я бесстрастно. — Скоро к нам придет еще один древний.

Вновь достала телефон. Номер давно был записан в телефонную книгу, даже выставлен на быстрый набор.

— Привет. Не поверишь, но я совсем недавно думал о тебе, — весело сказал Андрей.

— Надеюсь, не злым словом вспоминал? Я редко звоню...

— Понимаю. Хищные и охотники не дружат, Полина.

— Ты прав. Но всегда есть исключения. — Я помолчала немного, собираясь с мыслями. — Андрей, мне нужно узнать об одном охотнике. Возможно, ты видел его или встречал. Он древний. Появился в городе недавно. Зовут Мишель.

— Я знаю его. Постой, атли... ты... на крючке?

— Похоже на то. Не говори ему, что я спрашивала. И вообще ничего обо мне не говори.

— Будь осторожна. — Он вздохнул. — Тут я вряд ли смогу помочь.

Я и сама все прекрасно понимала. Плавали — знаем.

Влад приехал быстро — в течение получаса. Долго выпрашивал меня, затем переключился на защитниц. Давал указания четко и лаконично, и вскоре все были при деле. Глеб хмурился, поглядывал на суету в доме и много курил.

— Тан придет вечером, — мрачно сказала я.

— Этого стоило ожидать, — безразлично ответил друг и пожал плечами.

— Что мы будем делать?

— Ничего. Пока Тан не атли, он не может войти в наш круг. Посвятить его может только Влад или Филипп. Все нормально, не дрейфь.

— А охотник?

— Это проблема, да. Но Влад сказал, ты убила древнего. Сама. — Глеб довольнo улыбнулся. — Крута, подруга!

— Ты совсем, что ли, не боишься? — Я обиженно пхнула его в бок.

— Не-а. Тан не для того его вернул, чтобы нас прикончить. Он же столько силы вбухал в наше возвращение, подумай сама. Влад это понимает, и ты пойми. Не бойся.

Я не разделяла оптимизма Глеба. Он вообще после возвращения был слишком беспечным. Как по мне, так после смерти надо бы поуменьить. Стать серьезнее. Но Глебу будто и дела не было. Странная реакция, особенно если учесть, что он умирал от щупалец охотника.

К тому же, я сомневалась, что приход колдуна останется для нас без последствий.

Вскоре дом был защищен лучше любой крепости — даже древний не пройдет. Теперь-то у нас было три защитницы, и хоть Ксения и Алина были значительно слабее Лары, но три головы всегда лучше, чем одна. Как и три магических воздействия на дверь. Все же дом слишком большой для такого количества людей. А еще многие атли были обессилены, и на следующий день намечалась охота.

Мне это не нравилось, конечно, но другого выхода защититься я не видела. Такова наша природа, и остальные не могут похвастаться способностями сольвейга восстанавливаться самостоятельно.

К вечеру все были уже на взводе.

Около восьми у дома притормозила черная «Победа». В принципе, в стиле Тана — привлечь внимание вычурностью и закосом под старину.

Водителем оказался Антуан — человек с ножом, как я его прозвала. Он вышел из машины, отворил заднюю дверцу и учтиво поклонился. Как из прошлого века, ей богу! Тан бы еще на карете приехал и нацепил седой парик с завитушками.

Дверь мы запирать не стали. Дом был защищен надежно, внутри собралось несколько сильных воинов, да и несомненно, что Тан не будет нападать. Не для того он приехал — это разведка, не бой.

Переговоры.

Рита не осталась в гостинной. Закрылась с Кирой наверху и взяла с собой Лару для надежности. Думаю, защитница и сама не хотела присутствовать на встрече с колдуном. Я была не против, даже за — все же лучше держать Киру подальше от Чернокнижника.

Тан, как всегда, появился феерично. Одетый в черное, в сопровождении хмурых охранников, шагнул через порог и вычурно поклонился. Если раньше пафос в его поведении забавлял, то сейчас захотелось его стукнуть. Но, конечно, свое желание я оставила при себе — как бы ни стебался Чернокнижник, все же он оставался самым опасным противником за всю мою жизнь в атли, а ведь мы пережили древнего охотника.

— Приветствую великое племя атли, — торжественно произнес Тан и лучезарно улыбнулся. — Влад, сколько лет! Я уже успел соскучиться.

— Жаль, а я вот не скучал, — спокойно ответил Влад. Выглядел расслабленно, но я буквально чувствовала, как от него исходит напряжение. Глеб машинально придвинулся ближе ко мне, и я поймала насмешливый взгляд Чернокнижника.

Впрочем, казалось, я его мало интересовала, потому что он снова переключил внимание на Влада.

— Мы нехорошо расстались в прошлый раз, — все так же добродушно улыбаясь,

продолжил колдун. — Но я не держу зла. Как доказательство — погибшие атли, которых я воскресил.

— Я тебя об этом не просил, — невозмутимо парировал Влад.

— Не ты. — Тан вновь посмотрел на меня, и я невольно вздрогнула. — Твоя милая пророчица.

— Уверен, она расплатилась сполна. А я тебе ничего не должен.

— Мы обязательно обсудим это позже. Но насколько я знаю, сейчас у атли другая проблема. Птичка на хвосте принесла, есть древний охотник...

— Тот, которого ты достал с того света? — саркастично осведомился Влад. — Или есть еще один?

— Тебе не помешает помощь, — насмешливо произнес Тан.

— Мне ничего от тебя не нужно.

— Ой ли? А может, ты просто боишься?

— Боюсь? Тебя? Да ты, видно, спятил?

— Не меня. Будущего. Мое время пришло, и ты это знаешь. Скоро атли присягнут мне на верность, и ты самолично приклонишь колени перед истинным вождем.

— Никогда я не преклонюсь перед тобой.

— Тогда умрешь, — спокойно сказал Тан, и у меня похолодело внутри.

Влад никак не отреагировал. Не усмехнулся. Не разозлился. Даже не занервничал. И мне показалось, он и сам понимает это — что скоро наступит момент, когда ему придется выбрать.

В груди заныло от безысходности, неизбежности этого выбора. И сразу захотелось его поддержать. Сказать, что ни за что и никогда Тан не проникнет в нашу жизнь. Что завтра мы проснемся, и все это окажется всего лишь кошмаром. Что мы со всем справимся. В общем, успокоить так, как я всегда успокаивала себя.

Но на самом деле все эти мысли были вызваны проклятием, а Влад не нуждался в утешениях. В подобных играх он ориентировался гораздо лучше меня, и иногда я казалась себе инопланетянкой в его мире — настолько чуждым он был.

Интриги, заговоры, тайны. Многоходовка.

Но смолчать я не смогла.

— Никто из нас не присягнет тебе, — сказала тихо, глядя прямо в лицо колдуну. — Потому что атли — семья, и ты здесь чужой.

— А он, значит, свой, я правильно понял? — иронично поинтересовался Тан.

— Да, так и есть.

— Парадоксально, что это говоришь именно ты. Память — странная штука. А ведь все случилось не так давно. И слезы, и кровь. И маленькое сердечко — тут-тук — не бьется.

Он цокнул языком и покачал головой.

Мозг охватила леденящая тревога, а ладони покрылись липким потом. Я почувствовала себя уродцем на сцене, а зрители вокруг смотрят и улюлюкают... Но Тан, похоже, и не собирался останавливаться.

— Спроси своего вождя, зачем он убил твоего ребенка много лет назад. А еще, спроси, кто его сотворил.

Я посмотрела на Влада — он побледнел и не сводил глаз с колдуна. Это был дикий взгляд — не расчетливый, не злой, а именно дикий. Показалось, он на грани, и через миг накинется на Тана.

У них общая тайна. Обо мне. Они оба знают о ребенке и причинах. Оля охнула и утонула в большом мягком кресле у камина. Глеб сжал кулаки.

Да что происходит?

— Я не понимаю... это ведь был ребенок Матвея, — прошептала я. — Влад?

Влад не ответил — казалось, даже не услышал, что я спросила. Продолжал испепелять Тана взглядом, в то время как во мне поднялась буря. Ураган.

— Что же ты молчишь, великий вождь? — На лице Тана больше не было насмешки. Маска легкого сумасшествия, которую он носил, почти не снимая, упала, и я увидела перед собой воина. Предводителя. Бескомпромиссного человека, готового идти до конца. А еще поняла: я уже видела такое лицо. Бог мой, я каждый день его вижу! — Скажи ей. Скажи, или я скажу!

Влад отвернулся. Сдался?

Да что же они такого знают, что это так тяготит его — человека, который ничего и никого не боится?

Я медленно перевела взгляд на колдуна.

— Он был мой — этот ребенок, — произнес он с надрывом. — Я сотворил его.

Я нервно улыбнулась, покачала головой.

— Нет...

— Остальное пусть расскажет твой вождь. Если хватит смелости. А мне пора. Был рад всех вас видеть. Каждый визит к атли забываем!

И, вычурно поклонившись, удалился. Его охрана бесшумными тенями последовала за ним.

Глеб шагнул ко мне и обнял за плечи.

— Идем.

— Нет! — Я попыталась вырваться, но он сильнее сжал объятия. — Я не хочу никуда идти. Я хочу знать!

Влад на меня не отреагировал. Они с Глебом обменялись многозначительными взглядами, и он сказал:

— Поезжай в Лондон. Нож нам необходим уже сейчас.

Глеб тяжело дышал и, казалось, колебался.

— Я нужен здесь... — сказал тихо и крепче сжал мои плечи.

— Не нужен. Я разберусь. — Влад посмотрел на меня, и в груди словно все замерло. — Привези клинок.

Глава 5. Призраки прошлого

Глава 5. Призраки прошлого

Я сидела на кровати. Рассматривала ворсинки на ковре — бежевые и длинные, аккуратно причесанные щеткой пылесоса. И как они так ровно ложатся — друг на дружку?
— Полина...

И зачем он говорит со мной? Словно что-то изменится от слов. Почему-то раньше они казались существенными, а теперь... Лучше бы я ничего не знала!

— Что?

Влад присел рядом. Сейчас будет успокаивать. Наплетет, что не может рассказать всего, но я должна верить. Возможно, обнимет...

— Ты бы умерла.

Я подняла на него глаза. Неожиданно! Я даже удивилась.

— Давай начистоту. Мы никогда особо не откровенничали друг с другом.

— Ты не откровенничал, — поправила я.

Влад кивнул.

— Верно. В моей жизни столько дерьма, и о многом тебе не нужно знать. Но это касается и тебя, и скрывать больше не имеет смысла.

Я снова посмотрела на ковер. И когда успела поставить то пятно в углу? На светлом — нехорошо.

Душно как-то, нужно проветрить.

— Тан вернулся в город еще когда мы жили вместе. Его слишком долго не было, и я беспечно решил, что ненадолго могу... — Он замолчал.

На комодке размеренно тикали часы, разбавляя тишину. Тишина тяготила. Обволакивала и вползала внутрь густым туманом, делая мысли вязкими, неповоротливыми.

Влад вздохнул и продолжил:

— Я не знал, что ты — атли. Наверное, сущность сольвейга в тебе сильнее принадлежности к племени. Когда Тан вернулся в Липецк, я порвал с тобой. Нас ничего не связывало, и я не мог рисковать. В прошлый раз Чернокнижник похитил Лару...

Я громко вздохнула. Панорама перед глазами дернулась и замуарилась слезами. Пальцы произвольно теребили полы шифоновой туники. Я же ненавижу шифон — еще с хельзы. И какого я ее надела?

— Я думал, если уйдешь, будешь в безопасности, — продолжал Влад. — Но Тан все равно нашел тебя. Возможно, хотел меня проверить, а может, знал...

— Знал что?

— Ты мое слабое место, Полина.

— Слабое место? — Я нахмурилась. О чем это он?

Он закрыл глаза и покачал головой.

Объятия оглушили и обезоружили. Усилили страх и шок от навалившегося на плечи известия. Я замерла в этом водовороте, боясь пошевелиться, позволить впустить в себя информацию. Казалось, меня просто разорвет.

Дышать было трудно — кислород застревал где-то на полпути. Голова кружилась.

— Ты понимаешь, как я испугался, когда ты пошла к нему?! — Низкий шепот где-то совсем рядом расслаблял, успокаивал, и в то же время будоражил давно похороненные эмоции. — Сама пошла. Ты даже не представляешь, что Тан мог сделать с тобой!

— Меня похитили, — ответила я тихо, хотя это уже казалось несущественным. Совершенно лишним после его слов, после дикой правды, которая проходила мимо меня все эти годы.

Как же хотелось, чтобы я знала ее тогда! Почему, почему он не сказал?

Какая разница? Чернокнижник снова здесь, и теперь я должна ему.

— Куда и зачем едет Глеб? — спросила я и осторожно отстранилась. Нужно думать, а для этого необходимо быть подальше от Влада. Подальше от эмоций — незачем они мне. Я не могу позволить себе облажаться еще раз.

— Тан защитил свою жилу от воздействий. Темное колдовство, и даже охотнику не под силу убить его. Но это может сделать другой колдун. Вернее, даже не он сам.

— Его нож, — догадалась я.

— У моего приятеля из Лондона есть клинок, освященный сильным колдуном. Мой знакомый убил его несколько лет назад, а нож забрал, как трофей.

— Хорошо, — резко сказала я. Не время для соплей! Нужно собраться, и если я и смогу научиться пользоваться силами сольвейга, то только на практике. — Потому что теперь у тебя есть еще и Кира. А ее я просто не могу потерять из-за какой-то нелепой вражды.

Я поднялась, вышла из комнаты, спустилась вниз. Нужно проветриться, подышать.

На крыльце было прохладно — поднялся сильный ветер, запахло дождем. Мой защитник. Поможет ли он мне в грядущем противостоянии?

Вряд ли. Если даже Влад не смог справиться с Таном, я и подавно не смогу. И дело не в моих способностях — я не умею хитрить, продумывать каждый шаг. Мне не одолеть тысячелетнего колдуна.

И только в одиночестве, немного остыв под порывами ветра, я поняла, что сказал Влад на самом деле. Я важна для него.

Важна.

Именно я. Не мои суперспособности, ведь он, по сути, отказался от них, отпустив меня. Не дар предвидения — тогда он еще не знал о нем.

Я.

Нелепо. Неправдоподобно. Нелогично. И не в его стиле.

Влад Вермунд не привязывается к людям — ведь даже после смерти атли он не особо-то расстроился, принял в племя новых людей. А со мной вообще никогда не церемонился. Влад не думал о моих чувствах, о том, какую боль причиняют его поступки. Так не делают, если человек дорог.

Ведь я даже сейчас не смогла спокойно реагировать на фразу Тана о том, что Влад умрет. А он так просто делал... то, что делал.

Но почему мне кажется, что он не врал? Самовнушение? Привычка принимать желаемое за действительное?

Или проклятие... Оно ведь действует и на него тоже.

— Ты как?

Глеб подошел незаметно, и я вздрогнула. Он уже собрался и выглядел представительно: черные брюки и рубашка, волосы аккуратно причесаны. Когда Глеб одет не в джинсы, мне становится жутко.

Я покачала головой.

— Не знаю. Не понимаю, чему верить.

— Ну, Тан — последний, кому я стал бы доверять.

— Влад сказал, я бы умерла. Ты ведь знаешь... о ребенке. — Я запнулась. — Или та тайна, что ты хранишь, связана только с сольвейгами?

Глеб вздохнул. Достал сигарету, подкурил. Посмотрел вдаль.

— Влад не подарок, Полевая. Его методы иногда... бесчеловечны, а принципы далеки от морали. Но ты жива, а это для меня результат. Я не знаю, что сделал бы на его месте. Скорее всего, не смог бы... тогда... И ты бы погибла. Я не умею так — держать в себе, понимать, что от каждого шага зависит почти все — жизни людей, твоя собственная. Это слишком тяжелое бремя. Что касается Тана... Чернокнижник пришел вернуть свое. Как думаешь, зачем он воскресил нас?

— В смысле — зачем? — опешила я. — Мы заключили договор.

— Чушь! Тан не воспринимает всерьез людей, которых принял Влад. Алишер, девчонки — они для него никто. Пустое место. Мы — атли по крови — вот его цель. Именно мы должны преклонить перед ним колени.

— Хочешь сказать, он воскресил вас... для себя?!

— Он сделал бы это, даже если бы ты не поклялась глубинным кеном. Ты вообще ему там была по боку. Хотя твоя клятва сыграет ему на руку, вот увидишь. — Глеб затушил окурок. — Ты знаешь, мы с Владом никогда особо не ладили. Но сейчас не время для вендетт. Если ты атли, ты поддержишь его.

Небо озарилось яркой вспышкой молнии. Следом прогремело, и первые крупные капли упали на асфальт, забарабанили по крыше. Запахло свежестью.

Я молча подкурила и закрыла глаза.

Жила приятно заныла, впитывая энергию защитника. Мышцы расслаблялись, в голове прояснялось.

Надежда на будущее — все, что у меня осталось. На то, что я смогу пережить грядущее и не сломаться. Переступить через прошлое, повзрослеть.

У меня нет выбора. Тан пришел не только чтобы вернуть племя атли. Он пришел свести счеты с Владом, и будет использовать любую возможность ему навредить.

А значит, Кира в опасности.

Интересно, знает ли Тан, что я сольвейг? Если нет, пора показать ему свои темные стороны.

А еще есть охотник. Где-то в городе живет древний. Возможно, настолько злой, что ярость Рихара покажется нам легкой обидкой. Что ж, одним больше, одним меньше...

Когда я стала такой циничной?

Глеб не шевелился — смотрел вдаль немигающим взглядом. Мне нужен кто-то, кому я могу доверять. Я всегда доверяла Глебу Измайлову. Что же сейчас сомневаюсь?

Под ложечкой засосало от плохого предчувствия. Вроде все пазлы сложились, мотивы раскрыты, да и Влад выглядел весьма убедительно сегодня. Тогда почему так беспокойно на душе? Почему мне кажется, я еще больше запуталась в липкую паутину интриг?

Дождь ответил мне легким шелестом капель. Ветер метнул в нашу сторону брызги, и я зажмурилась.

Нет-нет, я должна верить Глебу. Он не предаст. Потому что если предаст, у меня не останется опоры. Никакой.

Глава 6. Наследник

Без Глеба в доме стало тоскливо. Хотя он уехал на пару дней и обещал не задерживаться, я начала скучать с той самой минуты, когда он вышел за дверь. И еще больше уверилась, насколько он стал близок мне — после воскрешения ни на секунду не хотелось терять его из вида. Ну, хоть что-то у меня в жизни есть хорошего. Глеб да Кира. А больше и не надо ничего.

Глеб воспринимал меня, как обычного человека. Хищную, несомненно. Атли. Но не видел во мне чудовище, которым я себя считала. И ни капельки не боялся, что я могу навредить. Знаю, он не смог бы о таком соврать. Да, сначала он был в шоке — я все еще помню его взгляд в тот день, когда вернулся Влад. Но шок прошел, и, казалось, все возвратилось на круги своя. И если бы не тайна, которую Глеб не имел права выдать, между нами ничего не стояло бы.

Тайна...

Почему она вообще возникла? Ну, ладно, про сольвейгов Влад решил не рассказывать — это слишком шокирующее известие, да и сам он не знает, что с этим делать. Но об их вражде с Таном я знала давно, что мешало рассказать о ребенке? Ведь, по сути, это в какой-то мере оправдание для него. Если тот ребенок...

Что? Да что вообще может сделать маленькое, ни в чем не повинное существо? Не демона же в меня Тан поместил!

Его ребенок. Интересно, а он, правда, был его? То есть его плоть и кровь? Но зачем? Что это дало бы Чернокнижнику? И как повлияло бы на Влада? Даже если допустить, что у него были чувства ко мне, вряд ли бы его уязвило это известие. Ведь Влад знал, что я жила с другим мужчиной и ничего не предпринял против Матвея. Тогда что?

Эти вопросы невольно возникали в голове, сбивая с толку. Что же делать? Начать разговор самой? Но скажет ли Влад правду? Сказал ли вообще?

Глеб верит ему. Черт, это еще больше путает! И если не говорит со мной прямо о причинах, то правда раскрылась не полностью. Тайна еще актуальна — для Влада, во всяком случае. Я вспомнила, как он стусевался, когда Чернокнижник заговорил о ребенке. Спрашивать об этом Тана напрямую — точно плохая идея. Нет гарантий, что не соврет. Тан говорит лишь то, что ему выгодно, не больше и не меньше.

А еще не шли из головы слова Глеба об их воскрешении. Неужели я действительно лажанулась, когда пошла на эту сделку? Вернул бы Тан атли, если бы я не согласилась? Впрочем, кто теперь ответит... Поздно гадать.

Так что же Тан сделает дальше? Каков его следующий шаг?

И что будет, когда Глеб привезет клинок? Пусть ножом можно убить Чернокнижника, но он отнюдь не идиот — будет ждать нападения со стороны Влада. А ведь Тан силен — вспомнить только его дом. Умение манипулировать пространством — мечта любого дизайнера интерьера. Впрочем, Тана дизайн мало интересовал, а вот пост вождя атли очень даже.

Черт, вот я дура! Ведь про дом я никому ни слова не сказала. Не знаю, на что это может

повлиять, но не хотелось бы, чтобы неосведомленность Влада стала для Тана козырем в противостоянии. Глеб был прав: я — атли. И выбираю семью. От мысли, что придется поклонить колени перед Чернокнижником, меня передернуло.

Я отнесла Киру в комнату сестры, а сама направилась к Владу. Надо рассказать о жилище Тана, а заодно и выспросить о том, что Влад собирается со всем этим делать дальше. Почему-то в голову лезли всякие мысли о проникновении в спальню Чернокнижника ночью с ножом... Бррр! Думаю, свой дом колдун защитил получше, чем мы свой от древнего. У него там целая армия «антуанов» с ножами.

Да уж, мы влипли.

Я открыла дверь машинально, не постучав. Застыла на пороге, раскрыв рот от удивления, а затем смутилась и отвела взгляд.

— Извини.

— Ничего. — Алина быстро натянула шелковый халатик. — Ты искала Влада, да? Они на охоте, но он звонил, сказал, что скоро вернутся.

— Да, это... Я потом найду, — выпалила я и вышла.

Щеки полыхали, словно это меня застукали почти голой.

Черт-черт-черт! И кто меня дернул войти без стука? Теперь придется объясняться. Расслабилась я только у себя. Прислонилась к двери спиной, зажмурилась.

А с чего собственно мне объясняться? Я ведь пришла говорить о деле, верно? Мне все равно, с кем он спит. Вот абсолютно. У меня своя жизнь.

Да, вчерашний разговор выбил из колеи, но я сразу знала, что Влад врет на счет того, что я дорога ему — это же бред! Если у него и были причины прогнать меня, то этой явно среди них не было. Возможно, он испугался кена сольвейга. Или не хотел втягивать в противостояние с Таном, так как оружие из меня то еще. Ненадежное, вот.

Да, все что угодно.

Успокаивала я себя долго — около получаса. Затем легла на кровать и поджала колени.

Почему я не могу относиться ко всему проще? Даже на обычную интрижку не способна — сразу вспомнились угрызения совести после той ночи с Глебом. А ведь нам было хорошо вдвоем. Без мыслей о будущем, без сожалений и обещаний. Просто быть рядом. И я тогда чувствовала себя умиротворенной.

Ага, зато потом жестоко поплатилась. Я машинально потеряла шрамы на запястьях.

Интрижка мне сейчас меньше всего нужна. Необходимо думать о дочери и о том, как уберечь ее от Тана.

Но все равно не покидало ощущение, что я больна. Смертельно отравлена ванильным ядом. Впрочем, смерть как раз может это вылечить...

Они вернулись ближе к вечеру — Влад, Кирилл, Филипп и Лара. Я старалась не думать о том, сколько человек пострадало, относиться к этому проще. Но не могла. Переломить себя никак не получалось, и я вообще перестала думать об охоте. Словно они просто съездили в магазин за продуктами и отобедали в бистро. Так проще — по крайней мере, сейчас.

Вместе с атли в дом вошла неприметная худенькая женщина. Она держала за руку светловолосого мальчика лет семи. Он хмурился, смотрел исподлобья и, казалось, был недоволен. Женщина выглядела испуганной, на грани паники. И чужой.

Она не хищная, подумала я. Человек.

Зачем она здесь, в этом аду?

Лара поднялась к себе, даже не поздоровавшись. Ладно со мной, но с остальными... Подозрительно. Защитница явно была не в духе. Интересно, ей что, не досталось ясновидца?

Влад посмотрел на меня и что-то шепнул на ухо незнакомке. Рита улыбнулась ей и повела наверх. Мальчик последовал за ними, настороженно осматриваясь. Что-то было в нем неуловимо-знакомое, словно мы встречались раньше, а я все никак не могла припомнить. То ли черты лица — немного заостренные, аристократичные, то ли осанка — горделивая и уверенная, то ли...

Глаза.

Я подумала об этом и зажмурилась.

Вспышка была яркой, тут же отозвалась болью в висках и затылке. Я попяtilась и ухватила рукой за спинку дивана, чтобы не свалиться.

В моей комнате темно. Окно открыто, и летний ветерок теребит занавеску. Свежо. Наверное, дождь прошел недавно. Дышится свободно. Я делаю шаг вперед — скорее неосознанно, чем специально. Все это уже на уровне рефлексов: кормление по расписанию, ночные подъемы, смена подгузника, контроль.

Я не закрыла окно с вечера, и Кира может простудиться. Как я могла быть такой беспечной? Как я...

Ветер рвет занавеску, словно пытается достать до моего лица, погладить. Я замираю, застигнутая оцепенением. А передо мной — пустая кровать. Смятая простынь, сдвинутое набок одеяльце — розовое с рюшами. Глеб купил его, когда еще жил на Достоевского.

— Кира... — шепчу, словно она может услышать. Словно спряталась и ждет, что я найду ее.

Шелест листьев за окном звучит зловеще. А за ним приходит тишина — разрывающая внутренности пониманием, что...

— Кира! — Теперь я кричу. Истошно. Словно этот крик может вернуть ее.

Словно...

Я захлебнулась слезами и открыла глаза на полу, в гостиной. Напротив — совсем близко — зеленые глаза. В них тревога и страх. Секунду я еще соображала, затем перевела взгляд на радионяню, лежащую рядом со мной. Она молчала — обычный кусок пластика. Я вскочила на ноги, оттолкнула Влада и понеслась вверх по лестнице.

Вот она — моя комната. Распахнула дверь, преодолела два метра и выдохнула.

Уселась на кровать, закрыла лицо руками. Старалась сдерживать рыдания, чтобы не разбудить дочь, мирно спящую в кроватке.

Как я устала бояться! Как устала...

Надо же: сколько времени прошло, а меня еще не разорвало от напряжения. Наверное, человеческий организм может выдержать больше, чем кажется на первый взгляд.

Сильная рука прошла по волосам, сжала плечо. Осторожно, словно боясь поранить. Но мне уже было плевать — и на прошлое, и на обиды. Никогда еще не было так страшно.

Я придвинулась ближе, уткнулась носом Владу в грудь и расплакалась сильнее. Закусив кулак, чтобы не закричать, не поддаться панике. Сохранять ясность мысли было практически невозможно, захотелось сбросить с себя этот груз, избавиться от него, переложить на кого-то сильного. На Влада, например. Эгоистично. Но зато с ума не сойду.

Он, казалось, был не против — меня не отстранял, даже наоборот. Обнимал, гладил по спине и молчал.

Не знаю, сколько мы так сидели. Слезы постепенно закончились, рыдания стихли и

дрожь прекратилась. Я просто замерла в настоящем, боясь шагнуть в будущее — даже в следующую секунду. Мои видения всегда сбывались. Всегда. А это значит...

— Что-то с Кирой? — спросил Влад тихо, и я кивнула.

— Я вошла в комнату, а ее нет. Кровать пустая, и окно... открыто. Я просто не знаю...

Он сильнее сжал мои плечи.

— Этого не будет!

Захотелось снова поверить ему — настойчивому голосу, без тени колебаний. Может, потому что мне некому больше верить. Если Тан придет за Кирой, что я могу противопоставить ему? Свой кен, которым и пользоваться-то не умею? Влад сильнее, опытнее и ненавидит Чернокнижника. А еще Кира его дочь — он не даст ее в обиду.

Подумав об этом, я облегченно выдохнула. Веду себя, как истеричка: реву, паникую. В таких ситуациях наоборот собраться надо, а я...

— Извини. — Я отодвинулась, протерла глаза.

Влад лукаво улыбнулся.

— Ничего. Мне даже понравилось.

— Тот мальчик... твой сын, верно?

Он кивнул.

— Они будут жить с нами?

Я решила сменить тему. Наши отношения и все, что с ними связано, нужно похоронить в прошлом. Особенно сейчас. Глеб был прав тогда на крыльце — не время для личного.

— Я чувствую себя спокойнее когда он у меня на виду, — ответил Влад. — Тан будет использовать все, что ему под руку подвернется. — Он встал, подошел к кровати, словно сам хотел убедиться, что с Кирой все в порядке. Немного постоял, глядя на спящего ребенка, затем поправил одеяло и повернулся ко мне. — Как поняла, что это мой сын?

— У него глаза твои. А еще Лара пришла такая злая... Она не знала, да?

Влад пожал плечами.

— Мое упущение. Хотя я не обязан никому говорить.

— Ты вообще не обязан ничего говорить, — резко произнесла я.

На его лице отразилось удивление, а затем он понял, к чему я веду.

— Мы ведь все обсудили уже, что еще?

— Ты расскажешь о ребенке, которого упомянул Тан? Я имею в виду все, без утаек. То, что знает Глеб, например?

Влад молчал и смотрел прямо на меня. Своим фирменным взглядом а-ля «я тебе ничего не должен».

— Понятно! — обиженно выдохнула я. — Тема — табу.

— Я останусь с тобой сегодня. Если видение правдиво, Тан может прийти за Кирой ночью.

— Ты сможешь... — Я замолчала. Боялась ответов, предположений. Определенности. Как по мне, надежда лучше.

— Я знаю, как противостоять колдуну. — Влад снова присел рядом, погладил по волосам. Как раньше. И эмоции проснулись прежние — нежность, влечение, обреченность. Режим проклятия включился. Пристегните ремни, господа! — Тан не так силен, как хочет казаться. Будь у него столько мощи, сколько он пускает пыли в глаза, он давно бы получил атли. Но он приходит и клянчит. Не спрашивала себя, почему?

— Иллюзия? — с надеждой спросила я.

— Во многом да. Чернокнижник умен и много знает. Нельзя его недооценивать, но и переоценивать тоже не нужно. А еще он много сил потратил на воскрешение атли — это ослабило его.

Может, Влад и прав. Если Тан так крут, почему не взял атли силой? Впрочем, он же хочет править. Чтобы все было по закону. А по закону крови настоящий вождь — именно он. Первый сын, у которого забрали трон.

И по закону его либо должны признать вождем на совете, либо он вызовет Влада на поединок и действительно возьмет свое силой. А для этого ему нужно быть атли. Посвященным. Ни Филипп, ни, тем более, Влад в племя его посвящать не станут. Если на них не будет рычагов воздействия.

Таких, как Кира. Или мальчик.

Я вздрогнула от внезапной удушающей мысли.

— Как его зовут? Твоего сына? — спросила и посмотрела на Влада.

— Дмитрий.

— Красивое имя...

Сколько же в тебе тайн, Влад Вермунд? Пытаешься казаться невозмутимым, а там внутри живет память, что-то болит, любит.

Сердце? Иначе как объяснить, что ты назвал сына именем старшего брата, за которого готов был порвать древнего? Ведь именно из-за этого познакомился со мной...

Влад будет драться за тех, кого любит... Почему-то от этой мысли стало горько. Невыносимо. Не продохнуть, как.

— Он тоже в опасности, — прошептала я и отвела взгляд. На глазах выступили слезы. Пришлось сжать кулаки и вонзить ногти в ладони, чтобы не расплакаться. — Сегодня ночью...

— Сегодня ночью с ним будет Лара, — невозмутимо ответил Влад. — Именно поэтому она так злилась.

— Представляю, как разозлится Алина, если ты останешься здесь на ночь. Пожалуй, не стоит бесить своих женщин, а то они соберутся толпой и устроят тебе темную, — едко сказала я.

Но Влад лишь рассмеялся. Улегся на подушки и закинул руки за голову. Непривычное зрелище для меня, особенно в моей комнате.

И совсем я не хочу на него смотреть!

Рядом с ним все такое... острое, и нет личного пространства.

— Ты жутко милая, когда ревнуешь.

— Больно надо мне тебя ревновать, — парировала я шепотом, так как Кира заворочалась в кровати. Но себе все же призналась. Я ревновала. Дико. И от этого хотелось себя придушить.

Это все проклятие. Конечно, оно. Как иначе еще объяснить дикое желание улыбнуться Владу? Если бы проклятие можно было снять как-то иначе... Я бы все сделала, чтобы только не чувствовать этого!

— Тебе нужно отдохнуть. Поспать. — Он похлопал ладонью по кровати рядом с собой. — Ложись, поздно уже.

Что? Спать с ним в одной кровати? Да я же с ума сойду!

— Нет, спасибо... — промямлила я. — Я не устала.

Влад пожал плечами и тихо включил телевизор. Я немного постояла, а затем,

убедившись, что Кира спит, присела в кресло у окна. Свернулась калачиком и укрылась пледом.

На экране солидный дядечка сыпал непонятными словами типа «оффшоры» и «девальвация», а я поймала себя на мысли, что, несмотря на угрозу, чувствую себя на удивление спокойно. Непривычное ощущение — я так давно его не испытывала. Но безумно приятное.

Я закрыла глаза.

Глава 7. Похищение

Глава 7. Похищение

Проснулась я с рассветом. Открыла глаза, потянулась на кровати. Сразу вспомнился вчерашний вечер — страх, полу-отчаяние. Стоп! Я же уснула в кресле.

Подскочила быстро, захлебнулась паникой, когда не нашла Киру в кровати. Но в следующую секунду вошла Рита с ребенком на руках, и я облегченно выдохнула.

— Мы гуляли, — словно оправдываясь, сказала сестра. — Кире нужен свежий воздух.

— Да, конечно. — Я прижала дочь к себе и вдохнула знакомый запах детского масла, пытаюсь успокоиться.

— Влад был с нами все время, — добавила сестра и присела. — Он не даст Киру в обиду.

— Не даст... — согласилась я.

Вчерашние эмоции снова проснулись и вызвали тревожный дискомфорт. Словно вырвавшийся из обыденности вечер окрасил мысли совершенно в другие — непривычные и яркие — цвета. Словно я на миг попала в прошлое — незапятнанное ложью. Наполненное уверенностью. Но наутро, естественно, морок иллюзии рассеялся. Я стала собой, а Влад — Владом. Жестоким и непредсказуемым. Правда, связанным со мной проклятием.

Но его непредсказуемость теперь нам на руку — возможно, он сможет сделать так, что Тан не сумеет его просчитать. Я, во всяком случае, решила оставить хитрость мастерам.

Влад уехал по делам еще до того, как я вышла из комнаты. Если честно, то видеть его не очень хотелось. Хоть рядом с ним и было спокойнее, душевное смятение никто не отменял. Нужно было отдохнуть, подумать. Что-то подсказывало мне, что грядущая ночь будет сложнее прошлой.

Глеб позвонил ближе к обеду. Веселым голосом сообщил, что нашел клинок и скоро вернется. От этого у меня поднялось настроение — все же рядом с другом намного спокойнее.

А ближе к вечеру пропала Оля. Исчезла прямо из дома или со двора — никто точно не знал. Лина искала ее везде, но так и не смогла найти. А потом наткнулась на записку в комнате целительницы, где каллиграфическим подчерком было написано всего несколько слов: «Она станет орудием в праведной войне». Без подписи, без каких-либо опознавательных знаков.

После этого мало кто что-то понимал. Лара позвонила Владу, все собрались в гостиной и дрожали. В том числе и я. Защитницы уверяли, что никто не проникал внутрь, а это значит, Оля сама вышла. Оставила на кровати записку и покинула дом.

Я сразу вспомнила вечер, когда Тан забрал Риту — тогда сестра тоже вышла сама. Но тогда он влиял на нее через кровь.

Неужели Оля... Догадка пришла в ту же секунду и казалась логичной.

Оля — та самая. Его девушка. Возлюбленная Тана.

Почему я ждала, что это будет кто-нибудь сильнее. Рита, например, или Лара. Ведь Оля, по сути, не имеет никакого влияния на Влада. Да что там, он легко пожертвует целительницей — это как пить дать. Что даст Тану эта связь? Любовь? Бред! Я не верила.

что такие, как Тан, умеют любить. Во всяком случае, так, как я себе представляла любовь.

Влад вернулся поздно, что было на него не похоже — после воскрешения атли он примчался из Лондона так быстро, что я и испугаться не успела. А сегодня задержался.

Странно.

А я все ждала, что появится Тан с Олей под ручку и объявят о помолвке. Или — еще чего хуже — о венчании. Интересно, если Оля пойдет с ним под венец, Влад обязан будет принять Тана в племя?

Нет, обычно женщина идет за мужчиной. Будь у Тана племя, Оля стала бы его частью, а так...

Она сделала свой выбор. Прозвучало ужасно и как-то обреченно, когда я сказала это вслух. Мне стало жаль ее.

Мы никогда особо близко не общались, и я некоторое время даже обижалась на нее. За совет. А потом перестала. У каждого из нас своя голова на плечах, и Оля не обязана была голосовать за Филиппа. Впрочем, я даже не представляю, что было бы, если бы атли правил Макаров-старший. Нет, пусть лучше так. Особенно если учитывать Мишеля и Тана.

— Она прикольная, — сказал кто-то рядом, и я вздрогнула. Повернула голову. Мальчик стоял в нескольких шагах от меня и смотрел прямо в глаза. А взгляд... У меня захватило дух, как похож!

— Извини, что?

— Кира. Ее ведь Кирой зовут?

— А, ну да... — я посмотрела на дочь, складывающую башню из кубиков на полу у камина.

— Она совсем на тебя не похожа. И ты выглядишь очень молодо. Ты точно ее родила?

Я опешила от таких прямых вопросов, несколько раз вздохнула, а потом вспомнила, что я взрослая, и строго спросила:

— А тебе не рано еще говорить о таких вещах?

Мальчик пожал плечами и невозмутимо ответил:

— Я — наследник атли. Отец от меня не кроется.

Дима присел рядом с Кирой, скрестил ноги и начал помогать в строительстве. А у меня перехватило дух. И от невероятного, мистического сходства — во взгляде, в жестах, мимике. И от детской непосредственности. И от странной, непонятно откуда взявшейся нежности вперемешку с сожалением.

— Он... отец говорил тебе о Кире? — спросила я сиплым, огрубевшим от волнения голосом.

— Конечно, — мальчик кивнул, не оборачиваясь. — И о тебе говорил много.

Сердце стукнуло глухо и остановилось. На секунду. А затем понеслось галопом. И почему я так реагирую на этого мальчика и на его слова?

В памяти всплыл теплый сентябрьский вечер пятилетней давности. Я сама, по сути, была ребенком. Наивным, доверчивым. Почти еще школьница. Сидела в кресле и читала Ремарка. Иногда из-под полуопущенных ресниц смотрела, как Влад сосредоточенно вчитывается в какие-то деловые бумаги. И мысль — яркая, как вспышка. Я хочу от него детей. Мальчика — чтобы у него были такие же пронзительные, необыкновенные глаза...

И вот он сидит передо мной — этот мальчик. Только родила его не я.

— Вот как? И что же он говорил? — вырвалось у меня против воли.

Боже, что я делаю? Пытаю ребенка, которому девочек в школе за косички дергать рано.

Но любопытство оказалось сильнее меня. Дима поднял голову и посмотрел очень серьезно, немного изучающе.

— Ты пророчица. А еще ты убила древнего. Это очень круто! — Он нахмурился. — Я бы хотел хоть раз убить древнего.

Я невольно покачала головой. Маленький мальчик, что с него взять? Войнушки — это круто, энергии масса, страхов никаких.

Но вслух сказала только:

— Лучше бы тебе никогда не встречать древнего вживую...

Дима пропустил мои слова мимо ушей или просто не услышал, заигравшись с Кирой.

Напряжение нарастало с каждой минутой. Больная фантазия рисовала ужасные сцены будущего, и я боялась отвести от Киры взгляд, словно она могла в момент исчезнуть из поля зрения. Видение к вечеру вновь стало устрашающим и неизбежным.

Уложив дочь, я еще долго стояла у окна и вглядывалась в усыпанное звездами небо. Занавески медленно покачивались, впуская в комнату свежий воздух. Спать не хотелось, но усталость осела в мышцах, проникла в кровь, и каждое движение давалось с трудом.

Чьи-то руки легли мне на плечи, и я вздрогнула.

— Отдохни, — мягко произнес Влад. — Ты ничего не выиграешь, если будешь тут стоять.

— Я боюсь, — честно призналась я. — Что если Оля...

— Мы найдем ее! — оборвал он и развернул меня к себе. Заглянул в глаза — такой близкий — и мне захотелось поверить всему, что он скажет.

— Хорошо.

Голос сорвался на хрип, и я вдруг поняла: я не хочу, чтобы он отпускал меня. Чертово проклятие или нет — плевать! Я устала бороться с собой, быть сильной. Устала от недопониманий и боли.

Признать, что я все еще хочу его — так сложно. Но неизбежно. Возможно, я просто неправильная или с отклонениями. Любить его нельзя, но я люблю.

Влад тоже смотрел на меня. Провел рукой по щеке. Черт, как же приятно! Забыть все: его предательства, ложь, многочисленных женщин. На миг погрузиться в его ваниль, ощутить принадлежность...

А потом он разорвал нить. Отвел взгляд, взглянул на кровать Киры и отступил на шаг.

Я с шумом выдохнула, избавляясь от наваждения.

— Поспи, я сегодня не буду ложиться, — произнес Влад глухо. На меня не смотрел.

Я кивнула и, как была, в одежде, улеглась и поджала под себя ноги.

Сон не шел долго, и я из-под полуопущенных век наблюдала за Владом. Он был подавлен, и от этого в груди невыносимо щемило. Хотелось, чтобы он улыбнулся и сказал с уверенностью, что мы справимся. Но он пристально смотрел на спящую Киру и молчал.

Не знаю, когда я провалилась в пустоту. Снов не было, я словно зависла в вакууме, не в состоянии вырваться, очнуться. И в этом вакууме мне было беспокойно, тревожно, словно я что-то теряю и не могу понять, что.

Проснулась я от резкого звука. Распахнула глаза и резко подскочила.

Разбитая настольная лампа лежала на ковре, абажур откатился в угол. Влад замер у комода. Лицо его было, как всегда, непроницаемым, но я уловила отголоски ярости и бессилия. А напротив, у распахнутой настежь балконной двери стоял охотник и держал на руках мою дочь.

— Больно? — тихо спросил он, не сводя взгляда с вождя атли.

Влад не ответил — продолжал буравить его взглядом и словно готовился к нападению.

Волосы древнего отливали серебром в приглушенном свете бра, взгляд был резким и почти безумным. На вид охотнику было лет сорок, не больше. Но я-то знала, что на самом деле он очень стар.

— Мишель... — вырвалось у меня, и я притихла, так как охотник повернулся ко мне. Дыхание застряло в горле, когда по жиле прошлись его смертоносные щупальца. — Прошу, не трогай ребенка...

— Ты не понимаешь, о чем говоришь, — произнес он шелестящим голосом и покачал головой. — Совсем не изменилась. Все такая же... светлая...

— Отпусти ребенка и девушку, — глухо сказал Влад. — И решим все по-мужски. Здесь и сейчас.

Мишель рассмеялся. Беззлобно, но все равно пугающе.

— Мы решим все обязательно, и ты ответишь, атли. Но не сегодня.

Посмотрел на меня снова, и улыбка сползла с его лица.

— Мне жаль, что все так вышло, Кастелла.

Развернулся, вышел на балкон, ловко перемахнул через перила и спрыгнул вниз.

Еще несколько секунд я стояла молча. Словно ждала, что сейчас проснусь или закончится очередное видение. Мир замер со мной, только ветер из окна все еще шевелил занавески...

Видение не кончалось. Часы размеренно тикали на комод, разбросанные по полу совы таращились в потолок. Тогда я осторожно сделала шаг, еще один... Подошла к кровати, расправила одеяльце, словно под ним все еще мирно спала Кира. Словно могла замерзнуть.

— Что делать? — спросила, обращаясь непонятно к кому. Впервые в жизни, у меня не было вовсе никаких идей. Ни одной гребаной зацепки!

Со свистом выдохнула воздух и всхлипнула. Грудь налилась тяжелой, горячей лавой, она сдавила внутренности, и я впервые поняла, что значит отчаяние. Настоящее. Безграничное.

Влад молчал и смотрел в пол. Несгибаемый, упрямый, но абсолютно бессильный перед древним.

— Ты сказал, что этого не произойдет, — прошептала я, стараясь разозлиться.

Гнев — это хорошо. Гнев не даст сойти с ума.

Кому я вру? Ничего хорошего уже не будет...

Ничего... уже... Но остановиться так и не смогла.

— Ты соврал мне. Снова.

Нужно на кого-то переложить вину, иначе пойму, что виновата сама. Иначе...

Если бы я не уснула... если бы не была такой беспечной, могла бы помешать охотнику. Мой кен обращает таких в пепел...

— Мишель пришел из-за тебя, — произнесла громче. — Все, что происходит сейчас, из-за тебя!

Влад не ответил. Даже не взглянул на меня. Постоял еще несколько секунд и, резко сорвавшись с места, вышел. Дверь хлопнула, и я закрыла глаза.

Из-за тебя...

Какие глупости. Это я убила Мишеля. Из-за меня пришел древний и забрал Киру. И я должна думать, костями лечь, но вернуть дочь. Не все еще потеряно. Охотники — не высшая

инстанция!

Я решительно взяла с тумбочки телефон, набрала номер.

— Ты дома? — спросила резко. — Я приеду сейчас.

Звездное небо затянули тучи. Я вышла на улицу, вдохнула влажный, наполненный предчувствием дождя воздух. Дождь — это хорошо. Лишний способ подпитки жилы для меня. Ладони зачесались от прилива кена, но я заставила себя успокоиться. Не сейчас — мне пригодится все, когда найду Мишеля.

Найду и убью. Снова. Почему-то эта мысль была до безумия приятной. Машины Влада на стоянке не было. Я даже не удивилась. Охватило странное безразличие.

Я всегда одна. У него свои способы решения проблем, свои тайны. Даже общая беда никогда не сплотит нас. Нужно смириться и научиться действовать самостоятельно. Я — сольвейг, а это почти приравнено к одиночеству. Никто из атли не поймет меня.

Ну и пусть. Зато я убью охотника!

Такси подъехало через несколько минут. Оперативно. И хорошо, потому что ожидание съедало меня изнутри, словно ржавчина — медленно, но верно.

Почему я так спокойна? Не реву, не паникую. Даже не трясет... Шок?

— Кира у охотника, — сказала я вслух, словно пыталась себя убедить в правдивости этой фразы. Ничего. — Мою Киру забрал древний.

В городе меня застал ливень. Я вышла из такси, закрыла глаза и подняла лицо к небу, впитывая энергию защитника. Жила оживала, наливалась кеном. Внизу живота приятно ныло.

Я несколько раз глубоко вдохнула и шагнула в подъезд.

Андрей открыл почти сразу, словно ждал в коридоре.

— Мне нужно найти древнего! — выпалила я без лишних приветствий и закрыла за собой дверь. — Поможешь?

— Мишеля нет в городе, — тихо ответил он. — Что с тобой, ты вся мокрая?

— Как нет? — Я присела на трюмо. Руки безвольными плетью опустились на колени. В груди что-то оборвалось.

Чего я ждала?

— Уехал еще позавчера. На время. Я еще обрадовался, подумал: хорошо, не будет тебя доставать.

— Черта с два он уехал! У него моя дочь... — выдохнула я и опустила глаза в пол. Только не плакать, только не плакать... Держи себя в руках, Полина! Подняла взгляд на Андрея. — Первозданные знают, где он?

— Полина, Первозданные не помогают хищным. Никогда. Я в прошлый раз получил вполне определенный намек от Альрика. Если он выдаст меня остальным... — Он замаялся. — То, что мы общаемся...

— Я поняла. У тебя есть машина? Можешь меня кое-куда подкинуть?

— Куда ты собралась? — насторожился охотник.

— Я сделаю все, чтобы вернуть Киру. И даже больше.

Мы остановились у того самого дома. Не было ничего: ни опасений, ни сомнений. Только дикая вера — если кто и может помочь, так это Тан. В конце концов, он воскресил атли и древнего. Ему тысяча лет — наверняка он знает массу поисковых заклинаний.

Я готова была обещать что угодно.

Врать Владу? Да пожалуйста! Хоть десять тысяч раз.

Все зависит от того, что на кону. Всегда. Когда последняя надежда уходит, терять уже нечего...

Я вышла из машины, почти бегом добралась до двери, рванула на себя...

Сверху с фрамуги на голову посыпалась пыль. Прохудившийся пол уныло отсвечивал стеклами разбитых бутылок. Испугавшись скрипа ржавых петель, юркнула в угол серая крыса...

Я ступила внутрь, словно так дом должен был преобразиться, превратиться в великолепный дворец, который я видела здесь в прошлый раз. Но ничего не поменялось — только затхлость и сырость заброшенного помещения. Ни намек на присутствие человека.

— Тан! — выкрикнула я в пустоту, и мне ответило гулкое эхо. Оно стихло, и уши заложило от тишины. — Чертов колдун, покажись... — прошептала, сжимая кулаки от бессилия.

Ответа не было.

Ярость поднялась волной, и я больше не могла сопротивляться. Жила завибрировала, кен потек к ладоням, готовый выплеснуться наружу. На миг почудилось, что мой мозг взорвется — таким сильным было напряжение.

А потом все схлынуло. Я словно погрузилась под воду, звуки стали глухими, перед глазами поплыло, а в ушах прозвучал четкий голос:

— Откройся!

Только одно слово — и заслонка, отделяющая меня от безумия, сломалась. Я упала на колени, прямо на пыльный пол. Уперлась руками в щербатые доски, склонила голову.

Столько злости — черная дымка, обволакивающая, пробирающаяся внутрь с каждым вдохом, с каждым движением, проникающая сквозь поры в коже, впитывающаяся в кровь. Злость смешалась с кеном, поселилась в жиле.

Больно. Мамочки, как больно!

— Они все виноваты, — шептал голос. — Они все...

— Убирайся! — прошипела я, царапая ногтями деревянный пол.

— Они все...

— Уходи!

Руки сами потянулись к животу, открылись.

Я боролась с собой. Буквально вымывала жилу от тьмы, тщательно, скрупулезно.

Наконец, голос затих. Я упала на голые доски, тяжело дыша. Пот градом стекал с лица, и я вытирала его горящими ладонями.

— Полина! — Андрей поднял меня, усадил на колени. Совсем как ребенка.

И я заплакала.

Понимая, что ничего не вышло, что все было напрасно. Тана нет, Первозданные не помогают хищной, а я только что...

Что?

Да этого просто не может быть! Тебе почудилось, Полина.

Охотник гладил меня по голове, и от его прикосновений больше не было никакого дискомфорта. Может, усталость, а может, последствия проникновения...

— Мне нужно домой, — всхлипнула я, высвободилась и встала.

— Я тебя отвезу.

Андрей помог мне дойти до машины, усадил на переднее сиденье. Внутри поселилась странная апатия, и впервые в жизни захотелось сдать. Оставить все, как есть. Уснуть...

«Не смей! — приказала я себе мысленно. — Выход есть всегда!»

Выход есть. Ну конечно! Как же я не поняла это там — в доме? Ведь ответ всегда на виду.

Ничего не кончено. Именно теперь, когда все двери закрыты, передо мной открылась другая — совершенно неожиданная.

Мы ехали назад в полной тишине. Впереди на горизонте занимался рассвет. Серый воздух постепенно светлел, становился прозрачным, проявляя зелень пробегающих мимо деревьев. Ярко-желтое подсолнечное поле следило за восходом поднимающимися головками цветов.

Андрей никогда не лез в душу, не допытывался. И всегда был рядом в трудную минуту. Подумать только — охотник! В то время как человек, которому я вверила собственную жизнь, предавал не раз.

Как же все относительно. Ярлыки, которые мы вешаем на людей. Наша суть. Испытания.

Живот болел так, будто в него вонзили нож. Ладони покрылись волдырями. Но я не обращала внимания на боль. Хищные быстро восстанавливаются, а сольвейги — еще быстрее. И теперь я знаю, что делать.

Мы остановились перед воротами, и я отчетливо поняла: наш дом не крепость. Никогда ею не был.

— Спасибо, — прошептала охотнику, уткнувшись носом в горячую кожу плеча.

— Я же не помог.

— Ты был рядом. Это важно.

— Тогда пожалуйста. — Он приподнял мой подбородок. — Напрасно просить тебя не делать глупостей, но я все же попрошу.

Я равнодушно кивнула.

— Ты прав, напрасно.

— Что будешь делать?

Я открыла дверцу, вышла и бросила через плечо:

— У меня есть план.

План...

Сложно тот бред, что родился в моей голове, назвать даже идеей. Но больше у меня ничего не было.

Я буквально ввалилась в дом. Спать хотелось невероятно — казалось, могу упасть на пол в гостиной и уснуть прямо тут. Нужно отдохнуть. Если я хочу вернуть дочь, нельзя изводиться отчаянием. Ничего не кончено — просто не может так быть! Нельзя терять надежду.

Я найду Киру.

В гостиной меня встретила Лара. Защитница была бледной и прижимала ладони к груди.

— Где Влад? — спросила она и замолчала. На последнем слоге ее голос сорвался — казалось, Лара вот-вот заплачет.

— Не знаю! — резко бросила я, а потом добавила уже мягче: — Его не было со мной.

Наверное, я выглядела ужасно, потому что в глазах защитницы мелькнула едва скрываемая жалость. Но злиться на Лару сил уже не было. Я поднялась к себе, наспех вымылась и уснула быстрее, чем голова коснулась подушки.

Проснулась оттого, что кто-то гладил меня по волосам. Открыла глаза и увидела Глеба.

— Зря я уехал, — сказал он хмуро.

— Ты бы ничего не изменил. Мишель приходил. Наверное, защита не сдержала его...

— Где Влад?

Я пожала плечами.

— Это меньшее, что меня сейчас волнует.

— Ты какая-то очень спокойная. Меня это пугает.

— Ты привез клинок? Покажи.

Глеб протянул руку и взял с тумбочки небольшой сверток, развернул ткань, похожую на мешковину и протянул мне нож. Я провела рукой по прохладной поверхности стали. Волдыри сохлись и дискомфорта почти не причиняли.

Или я просто не обращала внимания? Имел значение только нож.

И чем он особенный? Рукоятка из кости с выгравированными рунами. Ровное острое лезвие. И никакой магии. Вернее, я ее не чувствовала. Совсем.

— Он, правда, способен убить Тана?

— Вне всяких сомнений, — уверил Глеб.

— Отлично. — Я откинулась на подушки, безразлично уставилась в потолок. — Жду не дожусь, когда Черно книжник содохнет. Но сначала охотник.

Глеб покачал головой.

— У тебя шок. Ты сама на себя не похожа...

— Впервые в жизни я уверена в себе на все сто. И впервые в жизни точно знаю, что делать.

Глеб тревожился. Глупый. Что со мной станется? Я сольвейг. Хищная со смертоносным кеном, которой не нужно питаться, чтобы жить.

А после сегодняшней ночи и вовсе нужно перестать волноваться. Если бы Мишель хотел убить Киру, он не стал бы ее похищать. А значит, ребенок ему нужен. Ему или Тану — однозначно. Но я не узнаю, пока не найду охотника.

— Нужно придумать план, где искать древнего, — словно прочитав мои мысли, сказал Глеб. — Они ж маскируются дай боже. И нафига ему все это, не пойму...

— У меня есть план. И мне нужна твоя квартира. На время — не хочу, чтобы мешали.

— План? Какой?

— Первозданные знают, где Мишель. Но они не скажут хищному. Эти снобы говорят лишь с охотниками, значит, дадим им охотника! Для этого у меня есть все, что нужно — ярость и кровь. — Я глубоко вдохнула и посмотрела на друга. — Я впустила нали.

Глава 8. Девять кругов ада

Глава 8. Девять кругов ада

— Ни одного упоминания. Вообще ни слова! — Я закрыла ноутбук и откинулась на подушку. — Как это вообще делается?

— Ты не того пытаешь. — Глеб пожал плечами. — Я никогда не впускал нали. В атли по этим делам есть другой эксперт.

— Если верить летописям, достаточно произнести заклинание, — продолжала я, пропустив мимо ушей намеки на Влада. — Но в ту ночь я ничего не говорила. Он просто вошел в меня — разве такое возможно? А заклинание это триста раз перечитывала — и ничего.

— Ты — женщина. Я удивлен, что у тебя в первый раз получилось. Женщины никогда...

— Со мной пора забыть это слово, — перебила я.

— Может, тебе нужно разозлиться? Ну, как тогда?

— Я зла, — пробормотала я. — Очень зла на Мишеля. Найду и убью.

— А выглядишь усталой, а не злой. Без обид, но... может, поспишь?

— Некогда спать. Кира там одна. С охотником.

От этой мысли в горле встал ком, а на глазах выступили слезы отчаяния.

— И ей нужна здоровая героиня-мама, которая придет и навалит древнему, а не упадет на пороге от истощения. — Глеб убрал с моих коленей ноутбук и укрыл пледом. — Поспи. Разбужу тебя через пару часов, обещаю.

Сначала хотелось поспорить, а потом я сдалась. Дрожь в руках постепенно утихла, тело расслаблялось. Я погрузилась в мягкую обволакивающую темноту сна.

В хельзе жарко — даже вода озера настолько горячая, что не спасает от зноя. Воздух влажный, вязкий, оттого тяжело дышать. В груди словно камень, он тянет вниз, угнетает. Как и незнакомец рядом со мной. Сегодня с ним некомфортно, и хочется уйти.

— Ты должна остановиться, — строго говорит он. — Ты не знаешь, к чему это приведет.

— Я не могу иначе. У охотника моя дочь, и только так я пойму, где он ее держит.

Сжимаю кулаки, и теплый песок просыпается сквозь пальцы. Злость и бессилие, бессилие и злость...

— Вампир не дремлет, — обеспокоено говорит Уна. Она садится рядом и поджимает ноги, расправляя широкую шифоновую юбку цвета корицы.

Незнакомец кивает и смотрит вдаль.

— Совсем близко. Нужно думать об этом, а не баловаться нали.

— Я не балуюсь, — возражаю. Почему-то становится обидно, что они говорят со мной, как с ребенком. Ведь у меня настоящая беда, а они... — Моя дочь...

Чья-то ладонь ложится на плечо, и становится по-настоящему страшно. Я медленно поворачиваю голову и встречаюсь взглядом с темно-серыми глазами.

— Беги, — шепчет Мишель. — Прячься, Кастелла.

Я проснулась в поту. Страх, снова страх. А ведь я не бояться должна, а драться. Ненавижу! Ненавижу Мишеля и Тана.

Посмотрела на часы — полчаса прошло. И не отдохнула, и прогресса никакого.

Глеб прав, мне нужно разозлиться.

Его нигде не было — возможно, уехал к атли, а может, вышел в магазин. Уже неделю мы почти безвылазно сидели в квартире на Достоевского, и я пыталась впустить нали. Тщетно. Ни заклинание, ни тщательно поддерживаемая злость не помогали. Возможно, женщина действительно не может пропустить через себя девятерых, и мой план был слишком безумным...

Но ведь в тот раз получилось. И я ничего особо не делала, даже не старалась.

— Ну же. Я хочу покормить тебя кеном, — прошептала я, словно второй нали мог услышать меня. — Особенным кеном сольвейга. Приходи.

Ничего. Даже намека на темную сущность, заполняющую жилу. И я так же далеко от древнего, как и была.

Щелкнул замок, хлопнула входная дверь, а через минуту в комнату вошел Глеб.

— Ты чего встала? — с укором спросил он.

— Не спится.

— Я пельменей купил, сейчас сварю. А потом посмотрим комедию какую-нибудь, чтобы тебя отвлечь. Нельзя циклиться, Полевая. Киру не только ты хочешь вернуть. Атли на ушах. Влад о тебе спрашивал, но я тебя отмазал.

— И хорошо. Не хочу его видеть. Во всяком случае, пока. — Я вздохнула. — Я обидела его в ту ночь, а ведь, по сути, он не виноват. Что он мог сделать против древнего? Вот если бы я умела контролировать свой кен... Но все равно я настолько зла, что могу сорваться и наговорить гадостей.

— Да, пожалуй, не стоит, — согласился Глеб.

Поужинали мы в полном молчании. Я ковыряла вилкой в тарелке, перекатывая из стороны в сторону сочный пельмень. Кусок в горло не лез, наоборот, к еде было странное отвращение, но я заставила себя проглотить три штуки. Нужно быть сильной, а для этого необходимо есть.

А потом Глеб включил молодежную комедию, одну из тех — полу-пошлых, полу-тупых, которые посмотришь и забудешь. Сначала я пялилась мимо экрана, думая о своем. Мысли о вымышленной хельзе не шли из головы, а слова незнакомца вызывали тревогу. Даже не сами слова — тон, которым они были произнесены. Инстинкты пророчицы шептали, что нужно разузнать побольше, но у кого спрашивать, я не знала. Ведь он выдуманный: и тот мир, и мужчина. Даже образ Уны — а я была уверена, то был лишь образ, воспоминание — только игра моего воображения. Попытка связать меня с матерью, понять, что есть кто-то выше, мудрее меня. Чтобы ответственность так не давила на плечи.

Глеб засмеялся от очередной шутки, и я перевела взгляд на экран. Чисто инстинктивно, не задумываясь. И тут же рассмеялась следом. И опять. И снова.

А потом просто не могла остановиться. Постепенно расслабляясь, выплескивала негатив. Сначала подумала, что начнется истерика, что было бы вполне нормальным — я не давала волю чувствам с той самой ночи. А потом поняла, что это просто смех — живой и сумасшедший. Тело наполнила эйфория, я откинулась на спинку дивана. Чувствовала себя так, как однажды в десятом классе, когда мы с Викой впервые попробовали травку.

Глеб обеспокоенно вглядывался мне в лицо, а я не могла стереть глупую улыбку.

— Обалденная комедия, — пробормотала я и потянулась за печеньем в вазочке. Откусила кусочек. Какое вкусное. Нямочка просто!

Друг покачал головой.

— Вот я идиот!

— В смысле? — Я запихнула в рот вторую половинку печенья и взяла еще одно. Пожалуй, перекусить — не такая уж и плохая идея.

— Второй нали — символ удовольствия. Он же вызывает веселье, забыла? Глупо было пытаться вызвать его яростью.

Я положила печеньку обратно. Попыталась сосредоточиться на словах друга, но вышло плохо.

— Хочешь сказать... — хихикнула я и замолчала.

— У тебя получилось. — Он нервно улыбнулся. Встал, прошелся по квартире. — Ты хоть понимаешь, что это значит? Ты пропустишь через себя всех этих гребаных нали, найдешь охотника и надерешь ему зад!

Через неделю стало понятно, что Глеб переоценил меня.

Третий нали пришел во сне, я даже не призывала его. А вот выгнать не получалось. Никак. Я истратила почти весь кен, что был, а восстановление шло медленно. Есть не хотелось, по ночам мучили обрывочные беспокойные сны.

Чаще всего являлась темноволосая девушка. Она выходила из темной дымки, похожей на туман, и шла навстречу. Лица ее я не видела, но просыпалась, тревожась и интуитивно понимая, что она в опасности. А еще снились танцующие люди у костра, песни и вкусная еда. Спокойствие и счастье. И неизменно — Влад.

Нали пил кен, вращал в жилу, лишал последних сил сопротивляться.

И тогда я впервые испугалась. Подумала, что не смогу. Погибну на полпути от собственной глупости. Умереть от собственного дара — какая ирония.

Умирать не хотелось. Нет, я понимала, что должна жить ради дочери, пропустить девятерых, провести ритуал и найти Киру. Но в тот момент я испугалась именно за себя.

Что если меня не будет? Вообще? И я никогда не увижу атли, Глеба, никогда не смогу стоять под дождем и наслаждаться запахом, ощущениями, впитывать живительную влагу и возрождаться?

Не буду дышать, двигаться, и меня похоронят на заднем дворе дома атли.

От этой мысли стало по-настоящему страшно. До дрожи в коленках.

Не раздумывая, я набрала телефонный номер, который обещала себе не набирать, пока вся эта возня с нали не закончится.

Мы встретились в центре, у автобусной остановки. Меня трясло, как наркомана при ломке. Чувствовала я себя ужасно — все тело болело, постоянно хотелось спать, а во сне приходили видения, от которых потом целый день трещала голова.

— Мне нужно... питаться, — сказала я без лишних приветствий. В глаза не смотрела, от собственных слов было противно. Но я четко понимала: чтобы выжить, необходим ясновидец. Срочно. Иначе погибну. Не смогу выгнать нали, умру от истощения, а Кира...

Влад молчал несколько секунд, затем кивнул и протянул мне ключи.

— Жди в машине.

Как я была рада, что он не задавал вопросов! Нет, я готовилась к ним, конечно, переживала, даже собиралась врать. Но оттого, что ничего не нужно объяснять, испытала немислимое облегчение. Так проще. Наберусь сил, отдохну, подумаю, а там и разговоры пойдут легче.

Я откинулась на спинку сиденья, закрыла глаза.

Проснулась от громкого гудка. Мы стояли на светофоре, и водитель рядом сигналил синей девятке впереди, замешкавшейся на светофоре.

— Куда мы едем? — спросила я и заерзала на сиденье.

— Адрес тебе ничего не скажет.

Я потупилась. Что действительно я хочу знать? Где живет человек, который из-за меня сойдет с ума?

Отвернувшись к окну, начала считать пешеходов в белом. Вон дама в белой шляпке идет, опираясь на трость. Мужчина в ослепительной рубашке с аляповатым красным галстуком почти бегом мчится в сторону универсама, зажимая под мышкой папку с документами. Девочка с огромным белоснежным бантом на макушке крепко держит маму за руку и любознательно оглядывается по сторонам.

Мы въехали в небольшой тенистый дворик и затормозили у двухэтажного квартирному дома. Уютный. Я поехала. Для кого-то через несколько минут мир погаснет, и этот кто-то потеряется в собственной тьме. Без права вернуться в жизнь, которой жил. Без шанса для родных до него достучаться.

Сердце билось гулко — у самого подбородка.

Словно почувствовав мое смятение, Влад взял меня за руку и подвел к небольшой скамейке под большим раскидистым абрикосом.

— Мы не войдем? — спросила я тревожно.

— Нет нужды, — спокойно ответил он и присел рядом. Руку мою, к слову, не выпустил. — Она сама выйдет.

— Она? — Я посмотрела на него со страхом. Сразу вспомнилась Таня и ее испуганные огромные глаза.

— Не переживай. Это не та самая.

Не знаю почему, но от сердца отлегло. Словно тот факт, что я раньше не встречала ясновидицу, снимал с меня часть ответственности.

— Ты можешь приказать им выйти? Так просто?

— Чтобы это уметь, нужна практика, — улыбнулся Влад.

Я хмыкнула, но ничего не ответила. С ним было невероятно легко сегодня, и совершенно не хотелось разрушать иллюзию согласия. Влад, похоже, сам не торопился лезть с расспросами, а может, просто обрадовался, что я, наконец, сдалась.

Она вышла из крайнего подъезда — женщина в сарафане в горошек. Сарафан был белым, а горошек — красным, что рождало неприятные ассоциации.

Я инстинктивно сжала ладонь Влада и спросила шепотом:

— Мы будем делать это прямо здесь?

Он покачал головой.

— Не мы. Ты. А в том, чтобы прятаться, я необходимости не вижу. Ты же не собираешься ее убивать.

Не собираюсь. Я сделаю хуже. Превращу ее жизнь в ад.

Женщина неумолимо приближалась. На вид ей было лет пятьдесят, но в реальности, возможно, больше. Ясновидцы, как и мы, живут дольше обычных людей.

Она подошла молча и присела рядом. Глаза смотрели в одну точку, и это выглядело жутко. Словно она под гипнозом. Впрочем, скорее всего так и было.

Рядом с ней проснулась жажда — дикая, неутолимая. Захотелось прикоснуться, поддаться инстинктам. Жажда пьянила, покоряла истощенную нали жилу, а за ней и

сознание.

— В этот раз это будет твое решение, — услышала я словно сквозь ватную пелену голос Влада.

Рассеянно кивнула и прикоснулась к ладони ясновидицы...

...Слезы никак не хотели останавливаться. Жалость к себе, смешанная с презрением и чувством вины. Отличный коктейль. Ах да, еще и истощение.

Черт бы побрал дурацкие принципы!

— Ну, хватит. — Влад развернул меня лицом к себе и обнял.

— Я не могу... Как подумаю, что они потом... они же не живут... это хуже... смерти.

Он ничего не сказал, только гладил по голове и обнимал. Как странно, что в такие моменты он мне так нужен, ведь по идее я не должна ему верить. Ни в чем. Откуда это ощущение близости, словно нет человека в мире, который понимал бы меня лучше? Именно сейчас, когда ничего не хочется говорить.

И мне стало легче. Голова кружилась, нали все еще пил мой кен, а угроза истощения жилы никуда не делась. Но отчаяние ушло, уступив место обычной усталости. Если и была какая-то польза от проклятия, то только в этом.

Я и не заметила, как стемнело. Дневная жара спала, пахло плавленым асфальтом и булочками. Из открытого окна доносился едва различимый разговор, из другого — мерное бормотание телевизора.

А мы стояли вдвоем, в обнимку, в чужом дворе, где я так и не смогла пополнить жилу кеном ясновидца.

Влад нашел мою руку и, когда я настороженно отстранилась, произнес:

— Ты же не скажешь, что произошло, верно? — Он покачал головой. — Выглядишь неважно, пророчица. Близко к истощению. Питаться не можешь, а это прямая дорога сама знаешь куда. Сегодня я еще смогу помочь, а завтра будет поздно.

Я сцепила зубы и кивнула. Влад переплел наши пальцы, и я задохнулась. Прислонилась к нему, так как полностью перестала контролировать тело, мысли, эмоции. Сомнения ушли, растворились в сладком ванильном наслаждении. А жила жадно впитывала чужой кен — живительный, сладкий.

Немыслимо хорошо... Сойти с ума можно!

Нельзя, нельзя было этого делать. Теперь будет хуже, сложнее контролировать, противостоять соблазнам...

И пусть! Все равно этот кен, равно как и мой, съест очередной нали. А удовольствие — его так мало. Я не помнила, когда мне в последний раз было так хорошо.

Влад остановился сам. Расцепил наши пальцы, поднял меня на руки и понес к лавочке. Усадил на руки, погладил по волосам.

— Как ты находишь их? Разве они не скрываются? — подавляя зевоту, спросила я. — Неужели за то время, как они возникли, ясновидцы не научились прятаться?

— Научились. Но и мы умеем искать. Особенно одиночек.

— Есть те, которые живут семьями, как хищные?

— Кланами. У таких обычно бывает предводитель и их сложнее выследить. — Влад помолчал немного. — Впрочем, те двое, к которым я привел тебя зимой несколько лет назад — как раз были частью клана. И все равно попались.

— Почему?

— Беспечность. И идиотизм. Ведь ясновидец знал, что я его заметил. Знал, что буду

следить. Но все равно оторвался от клана. И девчонку привел. Ей просто повезло, что ты оказалась такой...

— Какой?

— Мягкой. — Он крепче прижал меня к себе и вздохнул. — Хотя если бы ты не была сольвейгом, питаться все равно пришлось бы.

— Как они выживают? Как прячутся? В мире столько хищных, почему ясновидцы не вымерли, как вид? — спросила я, игнорируя слова Влада о моей слабости.

— Их гораздо больше. И они не умирают, Полина. Выпитый ясновидец все еще способен производить здоровых детей.

— Клан позволяет выпитым заводить детей? — удивилась я.

— Им запрещено прерывать беременность. Глупые законы, пережитки прошлого. Клан заботится о таких детях, если они появляются на свет. Но есть те, кто не хочет жить в клане. Анархисты вроде тебя. — Он усмехнулся и заправил прядь волос мне за ухо. — Поздно уже. Ты измучена. И если продолжишь допытываться, я тоже начну спрашивать. Например, о том, почему ты сегодня в таком состоянии...

Я решила не испытывать судьбу. Влад и так повел себя достойно — помог, вопросов не задавал. Да и если честно, я сама устала. Выдохлась. Нужно было поспать, а затем продолжить нелегкий путь к освобождению Киры.

Я закрыла глаза, уткнулась носом Владу в шею и отключила мысли. Понимала, что скоро придется снова пережить жгучую боль, а затем несколько дней ждать, пока пройдут волдыри на ладонях. Выгнать нали, впустить очередного — обычная схема.

Но не сейчас. Сейчас я сошла с тропы и не жалела об этом.

Наверное, чтобы сохранить силу, нужно поддаться слабости. В последние дни я чувствовала, что схожу с ума, но рядом с Владом это ощущение ушло, вновь появилась уверенность, а его кен избавил мою жилу от агонии. Будь между нами все по-другому, я, наверное, считала бы его лучшим вождем в мире. Заботливым, сильным, справедливым.

Но у нас все так, как есть. Проблемы никуда не делись, и завтра снова будет отчуждение и недоверие. И пусть. Сегодня я вывесила белый флаг. Война — это не только битвы. Дипломатия и переговоры иногда спасали много жизней. Сегодня спасли мою.

Возможно, скоро я верну дочь.

Должно быть, кен Влада и правда обладал особыми свойствами, но через два дня я восстановилась настолько, что смогла выгнать третьего нали без особых увечий. Лежала на кровати, смотрела в потолок и думала о том, сколько мне еще предстоит сделать. Глеб молчал и гладил меня по голове, и, хоть он и был со мной, необъяснимое чувство одиночества поселилось внутри. Словно я одна, и никто никогда не сможет понять меня. А клеймо чокнутой закрепится за мной навсегда.

А тот вечер, как яркая головокружительная вспышка, не шел из головы. Сколько еще будет других — серых, промозглых вечеров, пропитанных тоской, когда я буду вспоминать те мгновения и жалеть, что все так быстро кончилось. Пусть мои чувства и пропитаны проклятием, но других нет. Дружба, верность, любовь к дочери — ничто из этого не кружит голову так, как запретные желания, которые иногда воплощаются в реальность.

Но на то они и запретные, что предполагают некую черту, переходить которую нельзя. А жаль. Наплевать бы на все и...

Четвертый нали не принес мне ничего, кроме разочарования. Флиртовать с малознакомым мужчиной в супермаркете оказалось занимательно, а ночью нали вошел в

жилу, но особых изменений я не почувствовала. Возможно, потому что мысли были не о том.

Перед тем, как впустить пятого, я читала учебник по физике. Учеба — не мой конек, и в школе я сидела тихо на задних партах, усиленно все конспектировала и кое-как отвечала на уроках. В общем, на троечку этого хватало, а больше мне и не требовалось.

Через пять минут информация о джоулях, амперах и вольтах перестала восприниматься напрочь, но я заставила себя продержаться еще полчаса. После чего с гордостью мысленно окрестила себя героиней и легла спать.

А утром проснулась с болью в висках. Что только не лезло в голову — и таблица умножения, и устройство гидравлической системы, и сложные логарифмические уравнения. Только вот все это настолько перемешалось, что извлечь мало-мальскую выгоду из сумбурной каши представлялось сомнительным. Не говоря уже о том, чтобы превратить кусок металла в золото. Силу пятого нали явно переоценили.

Я прогнала его быстро — то ли он недостаточно сильно вцепился в жилу, то ли мое восстановление пошло быстрее.

С шестым пришлось повозиться. Я ж сразу стала красоткой. Смотрела на себя в зеркало и поверить не могла, что у меня такая офигенная внешность. Глазищи большие, голубые, как у героинь русских сказок. Аленушка вылитая! Только коса не русая, а пепельно-белая. И волосы необычного оттенка — девушки готовы платить бешеные деньги парикмахерам, чтобы добиться такого. И хорошо, что ростом не вышла — маленьких ведь любят.

— Хватит в зеркало пялиться — счастье свое проглядишь, — проворчал Глеб, отвлекая меня от созерцания собственной безупречности. — Обедать идем.

Я приглядила на удивление мягкие и шелковистые волосы, бросила еще один восхищенный взгляд на ослепительное отражение и поплелась на кухню.

— От шестого толку ноль, но если правда то, что говорят о седьмом — это можно использовать с пользой, — серьезно сказал Глеб, ставя передо мной тарелку с дымящимися пельменями.

Снова пельмени! Ненавижу. Уже поперед горла стоят. Надо взять себя в руки и приготовить нормальную еду. Котлет там накрутить. Хотя не уверена, что у Глеба есть мясорубка.

— Пользу?

— Только не говори, что у тебя нет соблазна узнать, что о тебе думают другие.

— Я и так это знаю. — Пожала плечами. — Хотя...

Соблазн был. Огромный, непреодолимый. Выяснить все для себя раз и навсегда, чтобы больше не мучиться. Ведь когда знаешь точно, обманывать себя труднее.

Но продержаться в себе нали лишний день означает вновь подвергнуться опасности истощения.

— Ага, дилемма, — словно прочитав мои мысли, сказал Глеб. — Но ты можешь остановиться, подождать, пока накопишь достаточно, чтобы выдержать лишний день.

— Шутишь? Я и так вожусь слишком долго! Кира у охотника, забыл? Я не буду ждать. Сегодня же прогоню нали и впущу следующего. Интересно, что нужно, чтобы впустить седьмого?

Глеб пожал плечами.

— Возможно, узнать скрытую правду?

— Ага, ну и где я возьму скрытую правду? Вернее, тайн-то полно, только кто мне их

расскажет?

— У меня есть секреты, о которых никто не знает. И с кем мне делиться, если не с тобой?

— Если ты имеешь в виду то, что ты поклялся не рассказывать, то лучше не надо.

Интересно, а что на самом деле будет, если нарушить клятву глубинным кеном? Если я нарушу, например? Вряд ли Тан отправит воскрешенных атли обратно на тот свет. Хотя рисковать я не собиралась — хватит мне и насущных проблем. Но в целом, если вдруг? Обрушится ли на мою голову гнев великих Первозданных? Или богов, создавших Первых? Или это просто клятва — слова, растворившиеся в воздухе?

Глеб ошибся. В отличие от остальных, седьмой нали пришел сам, без предварительных ритуалов.

Живот болел постоянно, и вставать с постели не хотелось.

— Ты как, держишься? — заботливо спросил Глеб и взял меня за руку.

А другой голос, похожий на голос друга, но более глухой и тихий произнес: «Только держись, Полевая! Потому что я боюсь за тебя».

Мысли. Это его мысли! Седьмой нали действительно позволяет...

— Ты сейчас там? — Глеб прислонил палец к виску. — В моей голове?

— Извини. — Я скорчила виноватую рожицу.

— Офигеть!

Я села на кровати, преодолевая усталость и нежелание двигаться. Нужно делать, что задумала. До конца осталось не так много. Я смогу.

— Не буду медлить, поеду к атли. Ты со мной?

— Нет. У меня дела в городе. Да и жутко как-то, когда ты у меня в мозгах копаешься.

— Не переживай, долго я нали не выдержу. К тому же я почти у финиша.

— Это меня и пугает, — пробубнил Глеб и крепко сжал мою руку.

У атли было шумно. Суетливо. И громко. Невыносимо громко — от такого количества мыслей вокруг болела голова и сосредоточиться оказалось невозможно.

В выходной в доме всегда много людей. Каждый о чем-то думает, мечтает, сожалеет. И если раньше все это оставалось для меня загадкой, то сегодня я буквально оглохла от чужих мыслей.

Юля — мама Димы — ужасно боялась за сына. Ее тревога растеклась по гостиной, а сама она взглядом коршуна следила за каждым движением мальчика. Заложница обстоятельств — вот кто она. Как и я.

Алина грустила, вытирая пыль с барной стойки. Влад не привык церемониться со своими женщинами. Я должна была чувствовать злорадство, но мне просто стало ее жаль. Ревность растворилась, словно ее и не было. Что толку ревновать того, кто тебе не принадлежит?

Громче всех думала Рита. Обняв себя за плечи, стояла у камина и мечтала о свадьбе. О венчании у очага, в свете ритуальных свечей, когда жених и невеста приносят клятвы хранить эту связь вечно и обмениваются кеном.

От этих мыслей я невольно вспыхнула. Вспомнился вечер у дома ясновидицы, переплетенные ладони и ваниль в моих венах. После венчания можно делать это хоть каждую ночь — проникать друг в друга, сходить с ума от принадлежности и желания...

Ага, конечно! И делить мужа еще с десятком жен. Нет уж спасибо, обойдусь!

— Ты вернулась или зашла в гости? — спросил Филипп, и я вздрогнула. Не слышала,

как он подошел. Совсем нервишки шалют, хотя оно и не мудрено.

— Ищу Влада, — нервно улыбнулась я.

— Он был у себя, насколько я знаю, — безразлично ответил Филипп и отвел взгляд.

Только мысли не отведешь... Дикая зависть — бог мой, я даже не знала, что люди на такую способны — жила в его голове. Филипп не сдался, он выжидал. А еще он думал обо мне. Вернее, о нас. Пронзительно, ярко и в подробностях. Мне стало противно, ведь только что у камина моя сестра мечтала о свадьбе.

Нет, плохая идея — прийти в дом атли послушать мысли домочадцев. Нужно было выманить Влада, потому как вряд ли теперь я смогу отмыться от воспоминаний.

— Прекрати думать о глупостях! — прошипела я, оттолкнула Филиппа и почти бегом направилась наверх.

— Осторожнее! — раздраженно произнесла Лара, когда я налетела на нее из-за поворота. — Совсем уже?

— Извини.

«Дура», — подумала Лара.

— Дура, — сказала вслух.

Мысль эта, короткая и яркая, вопреки содержанию, обрадовала. Хоть кого-то я изучила хорошо.

— Я тебя обожаю! — улыбнулась я и постучала в дверь комнаты Влада.

Дистанция пройдена, но уверенности в том, что стоило ее проходить, так и не возникло. Слышать запретное не такое уж большое удовольствие. Иногда неведение — благо.

Иногда, но не в случае с Владом.

Дверь открылась, и недавние воспоминания ожили. В голове зашумело, и мне бы не хотелось, чтобы кто-то в тот момент прочел мои мысли.

— Полина? — Влад удивленно приподнял светлую бровь. — Тебе снова понадобилась помощь?

От невинного вопроса я снова вспыхнула и наверняка покраснела.

— Нужно поговорить, — пробормотала, не глядя ему в глаза. — О Кире.

Он вздохнул и отошел в сторону, впуская меня внутрь.

Странное чувство возникает каждый раз, когда мы остаемся в этой комнате наедине. Словно у нас есть тайна — порочная, неприличная, но только наша — и от этого становится тепло внутри.

Я обняла себя за плечи, стараясь успокоиться. Нужно говорить — неважно о чем — а то утону.

— Я много думала о том, зачем Мишель похитил Киру. И каждое предположение было настолько нелепым и неправдоподобным, что отметалось сразу же.

Влад, казалось, ни о чем не думал. Или же ставил такую защиту от воздействия, что даже нали не мог пробить ее.

— Мишель древний, Полина. Ты убила его. Все очевидно — это месть.

— Тогда он бы просто убил ее в отместку. — Влад отвел глаза, и я прошептала: — Не смей предполагать! Он бы убил ее при нас, иначе какой смысл в мести? Я уверена, Кира жива. Мы должны найти ее.

«Ты себе представить не можешь, как я хочу найти ее. Прикончить охотника и Чернокнижника, а потом решить проблему драугра. И зажить спокойно, наконец!»

— Мы найдем ее, — сказал он мягко. — Ты совершенно вымотана. Может, расскажешь,

что происходит?

— Зачем? — с вызовом спросила я. — Ты же со мной не делишься?

Он вздохнул.

— Все сложно... для тебя.

— Ты не знаешь меня! Ты понятия не имеешь, что происходит и что я могу выдержать.

Влад резко посерьезнел, взял за плечи и пристально посмотрел в глаза.

«Это не выдержишь. Сломаешься».

— Не стоит испытывать себя, Полина. Ты — атли, так позволь некоторые вопросы я решу сам. Как вождь. Быть атли — значит доверять.

— У нас вопрос доверия давно не стоит, — прошептала я.

— Тогда почему ты все еще здесь? Приходишь, задаешь вопросы, словно готова ухватиться за любую мелочь, чтобы меня обелить?

— Ты знаешь почему. Проклятие...

Он улыбнулся, погладил меня по щеке.

— Как твоя жизнь усложнилась бы, если бы его не было, не так ли? Труднее было бы себя оправдать.

— Мне незачем себя оправдывать, — прошептала я, задыхаясь от напряжения. — Я ничего плохого не сделала.

«Ты сделала меня слабым!»

— Уверена?

Не нужно было приходить. Не нужно было этого знать. Думала, будет легче, но стало только тяжелей. Душно и нечем дышать. И не оторвать взгляда от гипнотизирующих зеленых глаз.

— Мне нужно... к себе. — Я осторожно высвободилась и быстрыми шагами покинула комнату Влада.

Вошла в свою спальню, села на кровать и попыталась отдышаться. Сердце колотилось, в голове шумело, а мысли в панике разбежались, смешались в кашу, и ничего невозможно было разобрать.

«Ты сделала меня слабым...»

— Я ничего не делала, — строго сказала я и спрятала лицо в ладонях. — Ничего.

Глупый, глупый нали! Никакой от тебя пользы — один вред.

Я закрыла глаза, прижала руки к животу, направила кен прямо в жилу — обжигающий, смертельный для нали.

— Убирайся, — прошептала, едва сдерживая слезы. — Уходи. Не хочу тебя!

Я почти не чувствовала боли. Абстрагировалась от реальности, отключила сознание. Выгнать нали. Освободиться. Совсем чуть-чуть осталось. Соберись, Полина! Не время быть мягкой.

Откинулась на подушки, тяжело дыша. Изуродованные кеном ладони горели, живот разрывало от боли. Показалось, еще один нали — и я просто не выдержу. Не смогу его выгнать.

Устала. Надоело все.

Забыть бы этот день...

— Какого черта ты творишь?! — услышала со стороны двери голос Влада.

Медленно открыла глаза — он смотрел на меня со смесью страха и возмущения.

«Надо же было так глупо спалиться!» — подумала я и с шумом выдохнула.

Влад не сводил взгляда — пронизывающего, пристального. Ждущего ответа. Соврать не получится — придумывать что-то уже нет времени. Нужно было поразмыслить об этом раньше, но в квартире Глеба я чувствовала себя в безопасности. Да и в последнюю нашу встречу Влад не давил и не настаивал, чтобы я с ним откровенничала.

Но совсем другое — быть застуканной на горячем.

Я села на кровати и поморщилась. Аптечка была недалеко, в комод, нужно промыть раны и наложить повязки. Сил не осталось даже на это.

— Может, ответишь? — тихо спросил Влад и сжал губы в тонкую линию.

— Это сложно... для тебя, — повторила я его слова и заставила себя встать.

Жаль, теперь не могу прочесть его мысли. Но то, что нали ушел, несказанно радовало. Хотя если восьмой придет так же, без предупреждения, не уверена, что выдержу.

Но я должна. Потому что от Киры меня отделяет всего несколько шагов.

— Ничего, я пойму. Объясни.

— Зачем? Чтобы ты сам все решил? Нет уж, спасибо. Обойдусь.

Я сцепила зубы, дезинфицируя раны и перематывая ладони бинтами. Завтра волдыри покроются коркой, а послезавтра и вовсе сойдут. Я уже привыкла.

— Понимаешь, какое дело — ты атли, и обязана сказать. Мое право решать никуда не делось. Могу хоть до завтра ждать, пока ответишь.

— Ненавижу тебя, — совершенно искренне произнесла я и заклеила стыки бинта лейкопластырем. Нужно выпить обезболивающего и поспать. Но вместо этого придется разбираться с Владом Вермундом.

— Зачем ты тратишь кен... на себя? — Он присел рядом, заглянул в лицо.

Я вздохнула. Скрыть не получится, лучше рассказать и, наконец, поспать. Сон — навязчивая идея последних месяцев. Хотя я только и делаю, что сплю.

— Только так можно выгнать их, — тихо ответила я.

— Кого?

— Нали.

— Прости... кого?

— Ты же много знаешь о сольвейгах. Вот и скажи, как так, что я смогла впустить нали.

Влад отвечать не торопился, долго думал о чем-то своем и теперь недоступном. Сложил руки под подбородком и, прищурившись, смотрел перед собой.

— Зачем? — спросил, наконец, спустя несколько минут. — Ты же знаешь, это не дает ничего, кроме... Постой, ты хочешь видеть Первозданных?

— Ты сам сказал, с хищными они не разговаривают.

— С чего ты взяла, что они выдадут местоположение древнего молодому охотнику? — В его голосе прозвучала насмешка.

— Потому что у меня будет то, что им нужно — кен. Много кена. Мне не жалко — пусть берут.

— А дальше? Что будешь делать дальше — истощенная, слабая?

— Не знаю, понятно! Но я делаю что-то. А что делаешь ты? — Я посмотрела на него с злостью. — Тебя просто нет. А ведь Кира и твоя дочь тоже...

Влад кивнул, словно ждал этих слов.

— Это ведь я виноват, верно?

— Я не хотела... Тогда сказала это, не подумав. И вовсе не считаю, что ты виноват. Киру не вернет поиск виноватых.

— Первозданные тоже не вернут, — мрачно произнес он и отвернулся.

— Я верну.

Он снова посмотрел на меня. Мягко и, мне показалось, с нежностью. Одним из тех взглядов, которые я раньше коллекционировала в памяти.

— Я не позволю тебе продолжать. Ты не можешь себе представить, насколько трудно — пропустить девятерых.

— Могу. Потому что семерых я уже изгнала. А сегодня пришла узнать, о чем ты думаешь. Но ты и тут... Да ну его!

— Семерых? За это время? — Влад казался удивленным. Даже пропустил мимо ушей слова о намерениях покопаться у него в голове. Что ж, планы были куда продуктивнее действительности. Зато мысли Филиппа я поняла четко. Ну что за несправедливость?!

— Мне не нужно твое разрешение. Я все равно это сделаю, даже если привяжешь меня к стулу.

— Последние трое приходят без приглашения, Полина, — деловито сказал Влад, подтверждая мои догадки. — Ты не сможешь это контролировать. А найти пророчицу, тем более убедить ее... хм... пойти тебе навстречу не получится.

Я пожалала плечами и спросила безразлично:

— Зачем мне кого-то искать? В прошлый раз тебе моя кровь сгодилась. — Посмотрела на светло-розовые шрамы и добавила: — Наметочные швы уже есть, так что...

— Нет! — перебил он. — Даже не думай.

— Почему? Тебе можно, а мне нельзя?

— Потому что это не игры. Потому что ты можешь умереть! — произнес он яростно и замолчал.

— Будто бы тебе не наплевать...

— Мне не наплевать. — Его рука прошлась по моей спине, рождая приятные мурашки, обхватила плечо. — Возможно, когда-нибудь ты поймешь меня.

— Почему не сейчас? — осторожно спросила я и заглянула ему в лицо.

Как же хотелось понять его! Наверное, он прав: я ищу любой повод его оправдать. И себя заодно. Потому что несмотря ни на что, этот противоречивый, скрытный и порой жестокий человек близок мне. Проклятие это или нет, придется с этим жить. Ну, или попытаться убить его, а это мне точно не под силу.

— Потому что сейчас не время, — отмахнулся Влад и сменил тему: — Измайлов живет с тобой?

— Когда я в последний раз отвечала на подобные вопросы, ты чуть меня не убил.

— Теперь ты с этим прекрасно справляешься сама, — раздраженно парировал он. — Восьмой — самый цепкий, кен пьет молниеносно, поэтому и изгонять нужно быстро. Как только войдет, не медли. Девятый придет через трое суток и будет в тебе три дня. Это время для отдыха. Для ритуала понадобятся заклинание и ритуальный нож, каждый надрез нужно сопровождать специальным словом. В общем, там куча молитв, призывов и благодарностей на древне-скандинавском — выучишь, чтоб не сбиваться. Когда совсем ослабнешь, пусть Измайлов сделает перевязку. Выше локтя и крепко, он знает. Когда начнется превращение, пускай уходит — в первые минуты ты не сможешь себя контролировать. Желательно вообще закрыть тебя в квартире, чтобы случайно кого не убила. О слабости беспокоиться не стоит — тебя накроет так, что все потери за время смены нали покажутся мелочью. И восстановишься быстро.

— Спасибо... — прошептала я, пытаясь подавить слезы.

Он помогает мне? Почему?

Действовать сообща было непривычно приятно. Насколько все было бы проще, насколько атли были бы сильнее, если бы сплотились. Если бы не разделялись обидами, завистью, тайнами и ошибками прошлого.

— Ты ведь не остановишься, так что я делаю это для себя. Атли нужна пророчица, и будет глупо, если ты умрешь из-за нали. Нелепая смерть для такой сильной, как ты. — Он аккуратно взял мою руку. — Калечишь себя...

— Волдыри сойдут уже завтра, — дрожащим от волнения голосом ответила я и поймала себя на мысли, что наслаждаюсь его прикосновениями.

— Я ищу ее, Поля.

— Знаю.

— Теперь тебе незачем скрываться. Возвращайся.

Я замотала головой.

— Не хочу, чтобы остальные знали. Пока. Потом, если у меня получится, все это не будет иметь значения. Если Кира вернется...

— Хорошо.

Он прижал меня к себе. Я не сопротивлялась. Положила голову ему на плечо и закрыла глаза. Боль в ладонях постепенно утихала, жутко хотелось спать.

На комодe мерно тикали часы. Как в ту ночь, когда пропала Кира. Я тоже уснула. Почему? Почему я тогда вырубилась? Да, устала. Да, была вымотана. Но знала ведь, что под угрозой жизнь дочери. И буквально выключилась тогда. Вообще в последний год я восстанавливалась безумно медленно. Странный кен сольвейга. Неужели его особенности проявляются только в экстремальных ситуациях?

Я отключилась, так и не найдя ответа ни на один из этих вопросов.

Проснулась поздно — после полудня следующего дня. Чувствовала себя отлично. Ладони почти не болели, я даже сняла повязки. На прикроватной тумбочке нашла старинные рукописи, исписанные рунами и ритуальный нож, а рядом распечатанные расшифровки на русском. Сразу вспомнился вчерашний разговор, и на душе стало тепло.

Я приняла душ, переделалась и вернулась на Достоевского. Глеба не было дома, и я засела за изучение манускриптов. Выговорить слова даже с подсказками было сложно. Заклинания — язык сломаешь.

Как я вообще о них не подумала? Теряю концентрацию, а это прямая дорога к провалу.

Все же хорошо, что Влад все знает — даже на душе легче стало. Проходить испытания и скрывать это от собственного вождя просто невыносимо. Странно, что он снова не стал ругаться. Как тогда, когда я заключила сделку с Таном.

Невольно вернулась к подслушанной мысли — я делаю его слабой? Интересно, каким образом? Подрываю его авторитет? Тогда что мешает наказать меня и восстановить свое доброе имя перед соплеменниками? А может, он имел в виду совсем другое? Может, проклятие действует и на него?

Влад не верит в проклятие и постоянно повторяет это. Интересно, что он думает о том, что между нами происходит? Думает ли вообще?

Я отложила бумаги в сторону и закрыла лицо руками.

К чему мы придем в итоге? Придем ли?

Влад оказался прав: восьмой нали был сильнее остальных. И дело даже не в том, что в

конец хищный ослаблен, а в самой темной сущности. Как говорится, последний бой — он трудный самый.

Я пыталась выгнать его несколько раз, и каждый раз он брал надо мной верх. Вспотевшая, усталая, я падала на кровать и готова была плакать от отчаяния. Отдыхала, если можно было назвать отдыхом быструю потерю кена, и пробовала снова. И опять.

Ладони уже даже не болели — я не чувствовала их. Но внутри я не ломалась. Ни единого раза не возникло желания сдаться, отступить. Только большая уверенность и большее упорство. Наверное, мне сорвало крышу от близости победы. И в очередной раз, когда я упорно направила собственный кен себе в живот, нали отступил. Растворился в свете, захлебнулся кеном. Ушел.

Я провалилась в мягкое ватное небытие. Свет был повсюду, он проникал в меня, сливался со мной, я была его частью, и он был частью меня. Рядом со мной были люди — я не видела их в молочной дымке, но знала, что мы одно целое, и все это правильно.

В белесом тумане слышатся голоса, и один голос совсем близко — голос человека из вымышленной хельзы.

— Тьма совсем близко, — говорит он встревоженно. — Берегись ее.

— Я в курсе, — отвечаю. — Тан. Он колдун. И он вернется скоро.

— Не колдун, — возражает. — Вспомни, что дал тебе седьмой нали? Подумай. — Он возникает прямо передо мной. Теплые карие глаза, легкая седина на висках, слегка курчавые волосы. — Беги, Полина!

Я вздрогнула и проснулась.

— Ты в порядке? — Глеб выглядел обеспокоенным.

— Нормально, — ответила я и потерла виски.

Он улыбнулся.

— Ты сделала это! Прогнала чертовых нали.

Энтузиазм мне бы тоже не помешал. Но он куда-то подевался, а мысли покрылись налетом тревоги.

Слова незнакомца из сна никак не шли из головы. И почему он повторил фразу Мишеля?

Беги, Полина!

Что это значит? Мне стоит волноваться? Причем бояться стоит не Тана... Тогда кого? Больше врагов у меня нет. Ну, если не считать Мишеля, но он-то охотник — не тьма.

И в конце возник весьма логичный вопрос: кто тьма?

— И что теперь? Девятый придет сам, да? — Вопрос Глеба выдернул из размышлений и я кивнула.

— Ты должен будешь помочь мне. Остановить кровь, как в прошлый раз. Только ждать нужно до последнего. Потом уйдешь. Скорее всего, я не смогу контролировать себя после превращения.

— Вермунд сказал?

— У него есть опыт, — безразлично ответила я и встала. — Путь почти пройден. Осталось чуть-чуть. Чуть-чуть — и я узнаю, где Кира...

На балконе было холодно. Небо затянули дождевые тучи — низкие и тяжелые.

Осень.

В то, что я пропустила почти всех нали, не особо верилось. Лето прошло в борьбе, и вот я у финиша. Но готова ли перешагнуть черту? Кем я стану после этого?

Да пофигу! Главное — вернуть Киру.

Слова для ритуала я выучила назубок. Нельзя ошибиться в конце, нужно все сделать правильно.

Глеб стоял рядом, курил и смотрел вдаль.

— Ты действительно сможешь? После того, что было? — мрачно спросил он.

— У меня нет выбора. К тому же... — Я посмотрела на побелевшие от времени шрамы. — Уже не болит. Ни внутри, ни снаружи.

Из своих приключений я вынесла один прекрасный урок: все проходит. И плохое, и хорошее. Мы двигаемся по прямой, и значение имеет лишь цель. Наша с Владом проблема в том, что цели у нас разные. И принципы.

Иногда я завидовала ему. Он так легко принимал решения. Пренебрегал несущественным, по его мнению, ставил главное выше остального. Никогда не сомневался. Не то, что я.

Впрочем, в одном я была уверена твердо: я найду Мишеля.

Шесть дней...

Меньше недели до встречи с Первозданными. Я увижу святая святых.

Хотя мне плевать на них. На самом деле, это все ярлыки, маски, которые мы носим. Пророчица, защитница, воин, охотник. Сольвейг.

Нет, моя сила хоть что-то да значит! И впервые я не жалела о том, кто я есть.

Шесть дней на самом деле очень мало, когда стараешься оттянуть неприятный момент. И так много, когда чего-то ждешь. Чего было во мне больше — страха или нетерпения — я не знаю.

Заветный день начался обычно — хмурым сентябрьским утром и головной болью. Я уже к ней привыкла, как к чему-то злободневному и обычному. Проглотила таблетку, запила водой.

За три дня нали никак себя не проявил, даже кен почти не пил. Слабенький. Почему последний такой?

Хотя я не сожалела, с меня хватило и восьмого.

Глеб почти не говорил со мной, ходил по дому тихий, молчаливый и много курил. Боялся, как пить дать. А я — ни капли. Поражалась собственному безразличию, но скорее всего, я просто устала.

— Пора, — сказала и прикоснулась к рукояти ножа. — Скоро девятый уйдет. Если не провести ритуал, все будет напрасно.

— Я боюсь, — честно признался Глеб. — Если не выживешь, буду пилить себя до смерти.

— Выживу. Главное, будь рядом, хорошо?

Он кивнул.

Я еще раз мысленно вспомнила слова заклинаний. Зажгла свечи, нарисовала красной краской знаки на полу.

Руки дрожали, в ушах шумело, а сердце готово было выпрыгнуть из груди. Молния не бьет в одно место дважды — есть шанс, что не выживу. Но если не попробую, точно не узнаю, на что способна.

Кира — самое дорогое, что у меня есть. Без нее жизнь не имеет смысла. Как парадоксально, что в прошлый раз ради дочери я выкарабкалась после такого ритуала, а сейчас провожу его сама, чтобы спасти ее.

Моя кровь в ней, моя кровь в тазике на полу...

Я шептала заклинания и чуть не плакала. Было больно, но я вела ножом по исковерканным запястьям.

Все проходит, и это пройдет. Я сильная. Смогу.

Кровь — сила. Кровь — жизнь. Жертва богам. Все началось в ночь, когда на гору пришел Гарди. Я ощущала себя на той горе — рядом с ними, с Херсиром и Лив. Как часть древности.

Время потеряло значение, пространство подернулось поволокой тумана — зыбкого и беспросветного. Я одна в этой тьме. Даже нали покинул меня — неслышно вышел, словно его там и не было.

С губ еле слышно срывались слова. Нельзя останавливаться. Даже если очень хочется. Даже если накатила слабость и безумно тянет спать. Это все от потери крови, но это пройдет.

Сколько времени длился ритуал? Минуту? Две? Десять? Я надеялась только, что Глеб сможет вовремя заметить, что пора делать перевязку. Доверяла ему. Никогда не подумала бы, что после всего смогу кому-то вот так доверять.

Последние слова заклинания буквально выплюнула, выдохнула и расслабилась. Жутко хотелось пить, перед глазами плыли темные круги. От запаха собственной крови тошнило.

А потом началось.

Девятый прошел сквозь меня быстро, даже молниеносно. Затем вернулся восьмой — от него болел живот, скрутило кишки. Но он тоже не задержался — уступил дорогу седьмому.

«Только не умирай, Полевая!» — услышала я обрывок мысли Глеба и улыбнулась. У меня получилось.

— Вяжи! — прохрипела, и он метнулся за бинтами.

Они проходили через жилу — все нали, только в обратном порядке. Шестой, пятый, четвертый... Живот горел огнем, огонь лился в вены, заполнял меня, и я словно полыхала изнутри.

На краю сознания констатировала факт, что Глеб перевязал мне руки, обнял и крепко прижал к себе. Я больше не могла себя контролировать — ритуал завладел мной и руководил. Меня словно сшибло огромной волной, и я ушла под воду.

Третий нали показал мне тьму — ту, о которой говорил незнакомец из сна. Жуткую и безликую. А потом я увидела Тана — он улыбался. Колдун знал.

Странно, но вся злость к нему испарилась.

А потом в меня вошел второй, и я забыла о колдуне.

Первый причинил сильнейшую боль. Задержался в жиле, разрывая ее в прямом смысле. Из этих разрывов сочился кен. Вытекал, трансформируясь в небольшие, но уже оформленные щупальца охотника.

— Ты достойна, — произнес голос в моей голове, и меня накрыло.

Откуда-то извне, но в то же время изнутри в меня хлынула сила. Много — казалось, захлебнусь. Меня распирало от кена — горячего, почти кипящего.

— Убей, — шептал все тот же голос, пьяня, кружа голову непреодолимым желанием послушаться. — Уничтожь зверушку.

Я отпрянула от Глеба, отползла в сторону, стараясь не смотреть на него.

Голосу все равно, кто мы друг другу. Голос требует крови.

— Уходи, — прошипела яростно.

— Что? — испуганно спросил Глеб, приближаясь.

— Убирайся!

Щупальца уже оформились и готовы были убивать. Рвать жилы хищных.

Приобретенный кен срывал крышу, и я отчетливо понимала, что могу это сделать. Могу послушать голос и навредить Глебу.

Наверное, сам Глеб тоже это осознал. Вскочил на ноги и резко вышел. Входная дверь хлопнула, а я упала на спину рядом с тазиком, наполненным собственной кровью. Прямо на забрызганный кровью пол.

Глава 9. Мишель

Очнулась я утром следующего дня. Раны на запястьях затянулись, покрылись грубой коркой, волосы слиплись от крови, одежда была пропитана вязкой жидкостью.

Но чувствовала я себя на удивление хорошо. Прибралась в комнате и отправилась в ванную.

Душ принес облегчение — словно несколько килограмм сразу скинула. Впрочем, я «скинула» девять нали. Есть чем гордиться, хотя рассказывать об этом подвиге, думаю, не стоит. Не так поймут. Хватит мне Лары, которая вечно крутит пальцем у виска.

Я натянула белье и пошла одеваться. Теперь, когда цель достигнута, нельзя останавливаться. По моим расчетам все должно быть просто: Андрей проведет меня к Первозданным, я обменяю свой кен на сведения о Мишеле, найду его и убью. Нет, сначала узнаю, где Кира, а потом уже убью.

Я рассеянно натянула майку и леггинсы, обернулась и...

— Какого черта?!

Невысокий русоволосый мужчина в потертых джинсах сидел на диване и пристально меня разглядывал. Экстравагантная черная рубашка с ярко-красными маками была наполовину расстегнута и обнажала покрытый густой порослью торс. На губах незнакомца застыла легкая улыбка.

— Ты кто такой и как вошел? — резко спросила я и подумала, что Глеб бы мне сейчас точно не помешал. В незащищенной квартире наедине с непонятно как оказавшимся здесь типом находиться было страшновато. Но я правильно сделала, что прогнала друга — рисковать его жизнью было бы глупо. А тут и сама справлюсь — все же я теперь охотник. Сильный.

— Надо же, такая маленькая. По сути еще дитя. А все туда же! — Мужчина покачал головой и добавил: — Ошибка природы. Но я люблю такие ошибки.

Я молчала, не зная, как действовать дальше. Кто он и что ему нужно? Интуитивно чувствовала, что незнакомец силен, но его принадлежность к какому-то виду трудно было определить.

— Однажды — очень давно — я уже встречал сольвейга, — как ни в чем не бывало продолжал он. — Но его увели у меня из-под носа. Обесточили. Обидно. — Он опустил глаза и, казалось, погрузился в воспоминания, а потом резко дернулся, улыбнулся и подмигнул мне. — Я — Альрик. Слышал, ты искала встречи со мной.

Я сглотнула.

Альрик. Первозданный. Да ну нафиг!

— Откуда ты узнал, где меня искать? — спросила настороженно, не сводя взгляда с любознательных серо-зеленых глаз.

— Тут так жахнуло, что только идиот не заметил. Ты же высвободила столько кена. На твоём месте я бы убрался отсюда. Впрочем, пока тебе ничто не угрожает.

Это что, такое предложение защиты? Нет уж, дудки! Не собираюсь играть в игры. Я должна найти дочь.

— Но ты ведь для этого пришел? Ради кена?

— Заманчиво, конечно, но пока воздержусь, — лениво растягивая слова, ответил Альрик. — У меня своего в избытке.

— Я не знала, что бывает избыток. Думала, вам он нужен всегда.

— Первозданные не насыщаются посредством... обычным способом. К тому же мне сейчас интересна ты сама. Ты понимаешь, насколько уникальна?

— Я — сольвейг. От этого больше вреда, чем пользы.

— Смотря с какой стороны посмотреть. — Он улыбнулся. — Ты хотела о чем-то спросить, так спрашивай.

Я колебалась. То, что я собиралась торговаться с Первозданными, вовсе не означает, что должна верить в бесплатный сыр. Жизнь научила настороженно относиться ко всяким сомнительным предложениям.

Но в то же время вот он — сидит на моем диване, то есть на диване Глеба, и сам предлагает помощь. Грех не воспользоваться. Все равно других вариантов нет.

— Я хочу знать, где находится один охотник, — сказала я и добавила: — Древний.

Первозданный сделал вид, что его совершенно не заинтересовала фраза. Пристально рассматривая собственный безупречный маникюр, уточнил:

— И что будешь делать, когда найдешь его?

— Убью, — честно ответила я. — Если смогу, конечно. Но сначала узнаю, где он держит мою дочь.

Альрик даже не шелохнулся — застыл в нелепой позе, словно ушел глубоко в себя. Может так и было — кто их поймет, древнейших из древних?

Я боялась выдохнуть. Напряжение последних месяцев, растаявшее под теплым душем, вернулось. Осознание навалилось тяжелым грузом.

Я сделала это. Изменила собственную суть. Влезла во взрослые игры. Не уверена, что такие, как я, выбираются из них целыми и невредимыми...

Молчание нарушил Альрик, внезапно вынырнув обратно в реальность и расслабленно потягиваясь на диване.

— Охотники, особенно древние — наше оружие. Эммм... как тебя называть?

— Полина, — откликнулась я.

— Я не могу позволить тебе этого, Полина. Когда хищный убивает древнего, это возможно скрыть, но охотники... Охотники — другое дело.

Он снова смотрел пронизывающе, и я не знала, чего ждать от дальнейшего разговора. Стоит ли его продолжать? Тон Альрика, его взгляд говорили: он знает, что я недавно убила Рихара. И то ли я ему настолько интересна, что он решил не избавляться от меня, то ли собрался избавиться, но позже.

— К тому же, ты не настолько сильна, чтобы сражаться с древним. Кен сольвейга блокируется новой сущностью.

— Мишель похитил мою дочь! — вырвалось у меня.

Слезы обиды выступили на глазах. Получается, я все сделала зря? Мучилась, боролась с наги, с собой. Держалась все это время.

— Похитил? Не убил?

— Нет... Не знаю.

— Тогда ты неверно ставишь вопрос, — очень серьезно сказал Альрик. — Всегда проси именно то, что тебе нужно. Сейчас поймешь, почему.

Первозданный поднялся, протянул руку.

— Ну, ты идешь?

Я осторожно коснулась его ладони. На ощупь она была теплой и слегка шершавой.

— Сейчас покажу фокус, но ты не пугайся. Ничего в этом мире не бойся. Того, что сможет убить тебя, нет смысла бояться, а то, что не сможет — не стоит страха.

Альрик поднял руку и нарисовал в воздухе воображаемую дугу. Пространство откликнулось, зарябило, и прямо перед нами возникла дверь. Самая настоящая — деревянная, с золотистой ручкой и глазком. Только петли были прикреплены к воздуху, словно кто-то их там приклеил. Такой себе мираж посреди комнаты.

— Люблю позерство, — спокойно признался Первозданный и взялся за ручку. Дверь скрипнула, подалась и выплонула нас в чистенький и опрятный подъезд. Прямо на лестничную площадку. В подъезде пахло булочками и хлоркой. На стенах красовалось аляповатое граффити, краска на перилах облупилась и затерлась множественными прикосновениями рук. Где мы, черт возьми?

— Прибыли! — торжественно объявил Альрик.

— Куда? — растерялась я.

— Как куда? Ты же хотела видеть охотника, или я ошибся?

— Мишель... живет здесь? В этом доме?

— *S, por supuesto.* — Альрик указал на черную металлическую дверь. — Я присмотрю за вами, так что не обессудь. Нам ведь не нужен пепел на ковре, верно? Когда дело касается сольвейгов, нельзя быть уверенным ни в чем...

Я уже не слушала. Смотрела на полотно двери, затаив дыхание. В нескольких шагах от победы.

Я нашла Киру. Возможно, сейчас увижу ее...

Почему мне не верится?

Осторожно, словно боялась проснуться, я преодолела лестничный пролет и остановилась напротив квартиры охотника. Нажала на кнопку звонка.

Где-то вдали сработала автомобильная сигнализация, но тут же выключилась. На верхнем этаже гроыхала клубная музыка.

Каждый шорох, каждый звук впивался в сознание, заглушал мысли. Первозданный встал за моей спиной. Я не могла видеть его лица, но почему-то казалось, он улыбался.

Наконец, щелкнул дверной замок, и мир погрузился в тишину.

В прошлый раз я не смогла хорошо рассмотреть Мишеля. Было темно, а я была напугана. Помню лишь стальные глаза с узкими зрачками и выражение обреченности на лице.

Охотник оказался выше, чем я представляла. Худощавый. Богемного типа. Почему-то подумалось, что он известный художник, и его картины имеют ошеломляющий успех.

Но представление было ошибочным. Мишель — древний, уничтоживший немало хищных, одним из которых был Дмитрий — потенциальный вождь атли. А еще это человек, похитивший мою дочь.

Я ждала изумления. Ненависти. Злости. Безразличия. Надменности. Даже боли. Но ничего этого не было.

— Альрик. — Мишель отвел взгляд и поклонился Первозданному. Не лебезя, но отмечая его статус.

— Рад, что ты вернулся, — улыбнулся мой спутник. — Без тебя город стал скучнее.

Впустишь? Моя новая знакомая хотела поговорить с тобой.

Мишель отступил на шаг, и Альрик подтолкнул меня вперед. В ловушку с двумя дикими зверями.

Просторная, обставленная со вкусом квартира. В гостиной из мебели лишь мягкий уголок, журнальный столик и тумба, на которой стоял телевизор. Древним, оказывается, тоже не чужды технологии. Интересно, сколько лет Мишелю? Триста? Пятьсот?

— Подобная нам... — сказал он.

Я поймала изучающий взгляд охотника и стусевалась. В мечтах гораздо смелее себя вела, а на деле...

Альрик же занял наблюдательную позицию и вмешиваться не собирался. С любопытством взирал на нас с дивана и улыбался.

— Где Кира? — спросила я сдавленно.

Мишель склонил голову набок.

— Она там, где ты не сможешь ее отыскать. Я, впрочем, тоже.

— Это мсть? За то, что я убила тебя?

— Глупости! — резко произнес он, и я вздрогнула. — Я не собирался мстить тебе, Каstellла. За что? За наивность? Это ведь он заставил тебя — атли!

— Тогда зачем?

— Это плата. Ты тоже заплатишь. Клятву глубинным кеном нельзя нарушать.

— Плата за воскрешение, — догадалась я. — Тан просил тебя.

— Колдун знает, чего хочет.

Низкий, хрипловатый голос не выражал ни агрессии, ни злости. Мишель не казался злодеем, готовым ради мести мучить ребенка. Он просто выполнял то, что говорил Тан. За жизнь нужно платить, вот он и заплатил. Подумаешь, какой-то ребенок-хищный! Что он стоит по сравнению с собственной жизнью?

Я вздохнула и подумала, что Мишель такой же раб ситуации, как и я. И по сути я виновата в том, что Тан приказал ему похитить Киру.

Я убила его. Охотника с печатью. Не разобравшись в ситуации, вонзила нож в восковую копию его жилы.

— Она жива? — Голос сорвался на этой фразе. Нужно было за что-то уцепиться, но ничего не было. Ни сучка, ни выступа в камне, чтобы ухватиться рукой. И я падала, падала в бездну отчаяния. Снова.

Конец пути оказался вовсе не концом. Это тупик, и выхода из него нет. Никакого. Разве что...

Глаза наполнились слезами — непрошеными, лишними. Только бы не расплакаться! Не хотелось делать это на глазах у древнего охотника и Первозданного. Не хватало мне еще жалости или злорадства.

— О, я уверен в этом! — констатировал Мишель.

— Прелестно, — усмехнулся Альрик и подался вперед. На лице явно читалось любопытство и азарт. — Такого я еще не видел.

— Нельзя ставить опыты над людьми. — Охотник развернулся и сверкнул глазами. — Нельзя так поступать с ней!

Взглянул на меня. Так и есть — жалость. Ненавижу, когда жалеют!

— Не нам решать, друг мой. Не нам.

— О чем вы? — Я перевела взгляд с охотника на Первозданного и обратно. — Какие

опыты?

Мишель подошел ближе. В последний раз я была так близко к древнему в подъезде у Влада, и тогда все закончилось кучкой белесого пепла — того, что упоминал Альрик.

Страх ушел. Тот, что обычно испытывают хищные в присутствии охотника. Мишель наклонился, приблизив свое лицо к моему, и я могла различить темные прожилки на серой радужке его глаз. На лице древнего застыла тревога.

— Беги, Кастелла, — повторил он фразу из сна. — Убирайся подальше. Из города, из страны. Прячься.

— От кого бежать?

— Хватит! — Альрик поднялся с места, и Мишель отвел взгляд. Отошел в сторону, усиливая мое смятение.

О чем он предупреждал?

— Ты узнала все, что хотела? — сухо поинтересовался Первозданный и повернулся в сторону выхода. Я взглянула на охотника.

— Где моя дочь? Она с Таном?

Мишель кивнул. На меня больше не смотрел. Казалось, он ляпнул лишнего и теперь стыдится. Еще и «начальство» прогневил.

Впрочем, Альрику будто и дела не было больше. Он изучал обои на стенах коридоре.

— Пожалуйста, — прошептала я. — Где Тан?

Древний окинул меня тоскливым взглядом и бросил:

— Не знаю. И тебе не советовал бы искать.

И отвернулся.

Мы вышли на свежий воздух. Липецкий, как оказалось. Какая ирония — тот же район, где находится квартира Влада. Количество древних на один квадратный метр растет, а надежда найти дочь катастрофически тает.

Природа постепенно засыпала: умирали листья на деревьях, желтели и сыпались на тротуар. А ведь еще только сентябрь. Я всегда любила лето, но в этом году не заметила, как оно пролетело. Была занята нали.

Люди на улице куда-то спешили, спотыкались, ловили такси, втискивались в переполненные автобусы. Жили. Не то, что я. За время, когда во мне были нали, я отвыкла от суеты города, у меня была собственная спешка, не имеющая никакого отношения к миру людей.

Сегодня спешить было некуда...

— Теперь ты знаешь, что просить, верно? — Первозданный выглядел безмятежным и спокойным. Он смотрелся нелепо в пестрой рубашке на унылых липецких улицах — как насмешка над увядающей осенней природой. Она умирала, а Альрик будет жить вечно.

— Верни мне Киру, — ответила я. — И получишь кен. Много кена.

Он вздохнул. Совсем как человек, но ведь он не человек! Охотник, обросший древностью настолько, что уже нет смысла убивать хищных. Нет смысла ни в чем, но он придумал его себе.

Интриги. Тайны. Опыт. Я всего лишь подопытная крыса...

Мишель хотел предупредить меня, но Первозданный помешал. А значит, он играет со мной в какую-то игру, правил которой я не знаю. Что ж, сыграю и я.

— Кен сольвейга-охотника... Заманчиво! — Он улыбнулся. — Но я не могу решать один. Нас четверо, и каждый — я просто уверен — захочет познакомиться с такой сильной

девушкой, как ты.

— Ты вернешь мне дочь? Если нет, я не вижу смысла...

— Идем, — повелительно перебил он и взял меня за руку.

На этот раз за дверью оказался совершенно другой мир. Даже можно сказать, другое время. Средневековье какое-то.

Темный коридор тянулся в обе стороны от открывшегося портала. Я оглянулась. Дверь, из которой мы вышли, исчезла, а на ее месте была стена. На ней — горящие факелы. Как в кино.

— Что это за место? — спросила я, уже и не надеясь получить ответ.

— Мы жили так несколько веков назад. Решили сохранить, как есть. От той жизни уже ничего не осталось, только воспоминания, и они тут. — Первозданный прислонил палец ко лбу. — Но у нас достаточно кена и умений, чтобы воплотить их в реальность.

Шли мы долго — минут десять. Не знаю, может, Первозданный несколько веков назад любил подолгу блуждать по подземельям.

Постепенно коридор ширился, иногда ответвляясь то влево, то вправо, и, в конце концов, привел нас в большой круглый зал.

В зале было шумно.

Десятки охотников заполнили помещение, разбились по группам и что-то оживленно обсуждали. Никогда не видела столько охотников вместе. Даже представить не могла, что их так много.

— Их гораздо больше, — словно прочтя мои мысли, улыбнулся Альрик. — Да ты не бойся, проходи. Теперь ты — часть этого мира. Во всяком случае, пока твои щупальца на месте.

Я осторожно шагнула вперед. Почему-то казалось, сейчас они все посмотрят на меня и увидят зверя. Ведь так они называют нас — зверями. А когда увидят, сразу убьют. Я не смогу драться с таким количеством охотников. И почему я раньше не думала, что их может быть так... много?

На нас с Альриком смотрели с интересом. Не с тем, который подразумевает «О, зверь пришел в гости!». Альрик улыбался и знакомил меня с мужчинами разных возрастов, а они восхищенно смотрели на меня и жали руку.

— Женщины не так часто становятся подобными нам, — шепнул мне на ухо Первозданный. — Хищные женщины не впускают нали, а для ясновидцев... Слишком тяжелы испытания, которые требуется пройти. Женщины не выдерживают — сдаются.

— Но такие были? — забывая, где нахожусь, с любопытством поинтересовалась я.

Черт, я в самом сердце мира охотников! Могла ли представить себе это раньше? Что буду стоять тут, рядом с Первозданным и спрашивать о быте и особенностях жизни врагов?

— Были, — кивнул Альрик и поприветствовал очередного охотника. Кажется, на испанском. Темноволосый и смуглый мужчина посмотрел на меня заинтересовано, и я нервно улыбнулась.

— Ты здесь лакомый кусочек, Полина. Если останешься, от поклонников не будет отбоя. Сможешь выбрать достойнейшего из достойных.

— Это почему? — нахмурилась я.

— Охотники живут долго. Слишком долго, чтобы успеть пережить всех своих женщин...

Я только сейчас поняла всю иронию ситуации. Жить вечно и не быть счастливым.

Отказаться от семьи и детей ради мифической возможности убивать. Постоянно искать жертву, чтобы заполнить внутреннюю пустоту, от которой хочется выть по ночам.

Нет уж, спасибо, обойдусь!

— Видишь того старца в рясе? Ну, который с бородой? — Альрик кивнул в сторону стола, на котором стояли серебряные кубки. Наверняка он служил у Первозданных чем-то вроде бара. — Это Сар — он у нас главный.

— Почему не ты? — растеряв остатки смущения, спросила я.

— Не стоит надеяться на быстрый карьерный рост среди охотников, когда ты зверь. — Он мне подмигнул.

От неожиданности я раскрыла рот, но Первозданный тут же приподнял мой подбородок и заговорщически шепнул:

— Тут не каждый это знает, так что не выдай меня.

— Ты тоже проводил ритуал! Убил пророчицу...

— А чем пожертвуешь ты, чтобы вернуть дочь?

Впервые Альрик был очень серьезен. Смешливость испарилась из глаз, и взгляд стал похож на ястребиный. Пожалуй, не стоит его недооценивать.

— Ты сделал это для себя, — сдавленно ответила я. — Чтобы стать сильнее.

— Чтобы защитить собственное племя.

— Стать охотником, чтобы защитить племя от охотников. Какая ирония! — я горько улыбнулась.

— Я был первым, кто пропустил нали. Даже вождь атли не знал, что будет потом — после ритуала. А я — так и подавно. В жизни хищного есть много всякой дряни похуже охотников. Влад это прекрасно знает. Пора и тебе принять.

Я вздохнула. Спорить с Первозданным, который может вернуть Киру, глупо, поэтому смолчала. У каждого своя правда. Иногда доказать кому-то собственную бесполезно. К тому же, я здесь не ради дискуссий с древними охотниками.

Альрик подвел меня к столу с напитками. Мужчины, беседующие с Саром, тут же замолчали. Я смутилась. Не хотелось столько внимания со стороны тех, кто не так давно убил бы меня и глазом не моргнул.

— Мое почтение, — Альрик слегка поклонился, и Сар снисходительно кивнул. Затем посмотрел на меня выцветшими от времени полупрозрачными глазами. Жуткий взгляд — словно насквозь душу пронизывает!

— Охотница, ну надо же!

Голос у главы Первозданных был низким и шелестящим. И почему-то мне показалось, он вовсе не рад меня видеть в своих рядах.

— Не к добру это, — подтвердил он мои догадки.

Охотники рядом потупились и молчали, и только один из них — с золотисто-рыжими волосами — смотрел на меня изучающее исподлобья.

— В истории уже были охотницы, — примирительно сказал Альрик. — Полина не первая.

— Но она — первая среди зверей! — воскликнул Сар. — Выплеск ее кена видели все. Это происходит не случайно. Сначала тот выскочка-атли, теперь она... — Он покачал головой. — Настали смутные времена, попомни мое слово, Альрик. Беда идет в наш мир. И девица — первая предвестница.

— Тем не менее, она — одна из нас.

— Пока, — вырвалось у меня, и Сар перевел на меня жуткие глаза. У всех древних такие узкие зрачки? Альрик выглядел нормально, но может, это связано в том, что в прошлом он был хищным? Я глубоко вздохнула. Нужно собраться. Я здесь не затем, чтобы выслушивать предсказания глубоких старцев. — Как и тот выскочка-атли я хотела бы выменять свой кен на кое-что нужное мне лично. Может, тогда перестану быть для вас проблемой.

— Она еще и не ценит нашу благодать! — взорвался Сар и перевел взгляд на Альрика.

— Полина молода, — мягко произнес Альрик и обнял меня за плечи. — Прелести нашего мира для нее непривлекательны. Но я постараюсь убедить ее в обратном.

Сар помолчал немного и кивнул. Затем махнул рукой, и это видимо означало, что нам больше не рады.

Для меня было облегчением уйти оттуда. Выдохнуть и расслабиться. Нет, охотников, а тем более, Первозданных, нужно принимать дозировано. По одному в неделю. А так — слишком шокирует.

— Сар слишком категоричен. Не нужно с ним откровенничать, Полина. — Альрик смотрел на меня серьезно, но не осуждающе.

— Да, я уже поняла...

— Он считает нашу суть благодатью.

— А ты нет?

Первозданный пожал плечами.

— Я отношусь ко всему проще. И вижу потенциал там, где его не видят другие. Например, в тебе. Если выживешь, рискуешь прославиться, Полина.

— Я хочу лишь вернуть дочь.

Несколько секунд он пристально вглядывался в мое лицо, а затем рассеянно кивнул и отвернулся. Я уже начинаю привыкать к причудам древних — верный знак, что пора линять.

— Сначала я должен представить тебя всем. А затем совет решит, что с тобой делать. Идем.

Я вздохнула и последовала за ним — знакомиться со всеми. Мечта всей жизни — вечеринка у охотников! Андрей бы удивился. Интересно, а он тут есть? Я посмотрела по сторонам в поисках друга и тут же натолкнулась на знакомые серые глаза.

Какая встреча! У меня сегодня прям день Мишеля. Надо отметить его в календаре. Черным. Такой себе антипраздник.

Древний стоял у противоположной стены с кубком в руках и наблюдал за нами. Когда я его заметила, направился в нашу сторону.

Меня отвлекло прикосновение к руке, и я невольно дернулась.

— Инстинкты в тебе еще звериные, — улыбнулся златовласый, внимательно меня разглядывая. Русским он владел неплохо, но в речи присутствовал сильный акцент. — Я — Бен. Бенжамин, но для тебя просто Бен.

— Полина, — проямлила я и непроизвольно стала ближе к Альрику.

Похоже, день сегодня будет насыщенный. В основном, общением с охотниками. Пережить бы его. Пережить бы это все! Вернуть Киру, упасть на кровать в доме атли и спать много-много дней.

Альрик, как назло, покинул меня. Его отвлек по каким-то важным делам еще один древний. А я осталась один на один с Беном, который, уже не стесняясь, нагло рассматривал меня всю. Черт меня дернул надеть обтягивающую майку!

— Так ты молодой... охотник? — нервно спросила я.

— Два года как снизошла благодать, — ответил он, и к моей большой радости, посмотрел в глаза. Улыбнулся. Признаться, улыбка у него была приятная. Располагающая. Но все же он пугал меня до жути — чем-то внутри глаз, карих с яркими темно-красными вкраплениями.

— Я вижу, ты относишься к этому так же трепетно, как и Сар.

— Нет ничего лучше, чем рвать жилу зверя, — не колеблясь, ответил он. — Видеть, как стекленеют его глаза. И нет ничего приятней, чем смотреть, как их женщины корчатся, впуская в себя семя охотника. Знаешь, что случается потом, Полина?

— Они умирают, — выдавила я, не в силах сбросить оцепенение от слов Бенджамина.

Он ненавидел нас. Каждого хищного. Готов был убивать всех, без разбора.

И никогда мы не сможем понять друг друга, найти взаимопонимание. Как и в легенде, хищный убегает, а охотник охотится.

Мне на плечи легли теплые руки, и я резко повернулась. За спиной стоял Мишель и смотрел на Бена в упор. Что бы ни случилось между нами в прошлом, я была рада, что он подошел. Оставаться один на один с озлобленным и опасным врагом не хотелось.

— Бен досаждаст тебе? — спросил Мишель, не сводя взгляда с молодого охотника.

Я не знала, что ответить, поэтому промолчала. Сердце колотилось, как сумасшедшее. Почувствовала, как начинают трястись руки, и спрятала их за спиной. Еще не хватало выказать страх перед охотниками.

— Мишель, не будь занудой. Мне нравится девушка, могу я немного пофлиртовать? — Бен, похоже, решил все свести к шутке.

— Только не с ней, — отрезал Мишель.

Прям битва взглядов с выплеском тестостерона. Захотелось побыстрее уйти. Когда уже меня всем представят и можно будет совершить обмен?

— Как скажешь, — сухо бросил Бен, окинул меня откровенным взглядом и отошел.

Я облегченно выдохнула. Все же он пугал меня, несмотря на молодость. Фанатики всегда страшны тем, что непредсказуемы.

— Не стоит тебе общаться с Беном, — тихо сказал Мишель и повернулся ко мне. — Он беспредельщик. Ему нравится причинять боль зверям.

— А тебе разве нет? — спросила я резко.

— Я лишь подчиняюсь законам природы. Или считаешь, справедливо, что вы пьете кен ясновидцев, оставляя их... опустошенными?

— Нам это нужно, чтобы жить.

— А мы помогаем выжить им.

На это у меня не было ответа. Хорошо, когда все черно-белое, но когда сложно сказать, кто прав, невольно начинаешь сомневаться.

Но я хищная. До сих пор. Несмотря на новый кен и щупальца. Внутри я осталась все той же Полиной — пророчицей атли.

— Не стоит об этом говорить. Тем более с тобой.

— Я не хотел причинить боль, Каstellла.

— Не называй меня так — это пугает. Словно ты... зациклен. Меня зовут Полина.

— Я просто привык, — улыбнулся он. — Когда живешь столько, сколько живу я, перестаешь обращать на такое внимание. Ты теперешняя очень похожа на ту Каstellлу, что я знал. Даже внешне.

— Ты скажешь, о чем предупреждал меня?

Я решила сменить тему. Если мне нужно общаться с ним, лучше обернуть это в свою пользу. Альрик и Мишель явно что-то знали. А еще Уна и тот человек из сна. Я пророчица и должна доверять видениям.

— Не могу, — сдавленно ответил Мишель. — Поклялся глубинным кеном. Но знак того, кто может.

Серые глаза с узкими зрачками сверкнули. Видно было, что ему доставляет удовольствие то, что он собрался сказать.

Мишель тоже в какой-то мере фанатик. Если охотники все такие, не хотела бы я быть частью этого. Хотя Андрей вот совсем другой...

— Кто? — спросила я шепотом. — Я его знаю?

— Ты знаешь его прекрасно. Больше того — живешь с ним в одном доме. — Я отстранилась и нахмурилась, а Мишель улыбнулся. — И однажды ты присягала ему на верность в месте силы хищных.

— Влад...

— Ему ничто не мешает сказать. Ни клятва, ни обязательства. Вот у него и узнай.

— Он не ответит. Он никогда ничего не говорит, — уныло произнесла я.

— А ты спроси, что он знает о драуграх.

— О драуграх? — удивилась я.

Драугры в мире хищных были чем-то вроде страшилок, которыми пугали детей на ночь. Как бабайка. Типа не будешь спать, придет злой драугр и выпьет твой кен до капли. В легендах же опровергалось их существование как утопическое. Никто никогда не видел их, а верить переставали примерно в то же время, как человеческие дети в Деда Мороза.

Мишель вздохнул и тоскливо посмотрел на возвращающегося к нам Альрика.

— Просто спроси. — И отошел в сторону.

— Извини, пришлось отлучиться, — лучезарно улыбнулся Первозданный, протягивая мне руку. — Ну, ты готова знакомиться?

Я выдохнула и кивнула.

Думала, что нали — самое большое испытание. Ха! По сравнению с этим днем, Девяти — ничто.

В конце концов я напрочь забыла все имена, что мне называли, да и лица, если честно, слились в одно — невыразительное и не запоминающееся. Только вот карие с красными прожилками глаза забыть было сложно. И фразу, что как бы между прочим бросил Бен.

Но потом и она затерлась новыми впечатлениями, знакомствами, улыбками и настороженными взглядами. Кто-то интересовался мной всерьез, кто-то побаивался, кто-то не доверял. Альрик наблюдал и улыбался уголками губ, и я все больше убеждалась: он изучает меня. Повадки, реакции на трудности. Испытывает на прочность. И впервые начала тревожиться, что это не пройдет для меня даром. Нельзя недооценивать древних. Альрик из всех Первозданных казался мне самым опасным, несмотря на то, что он лучше всего отнесся ко мне.

Остальные два были неприметными. Китаец с длинным именем, которое тут же вылетело у меня из головы — посмотрел на меня всего лишь раз, а потом и вовсе делал вид, что меня нет. И последний — Егор. Он был младше всех, насколько я поняла. Сухо поинтересовался, как именно я пропускала нали и провела ритуал, а затем кивнул и перепоручил меня Альрику. Снова. Наверное, им так было проще — бывшим ясновидцам — чтобы меня «воспитывал» подобный мне.

— Ну как, не передумала? — спросил Первозданный, когда мы возвращались обратно. К слову, шли тем же коридором и так же долго. Странно, что он не открыл портал прямо из зала. Зачем все эти условности, если знаешь, на что способен?

— Нет. Я делала это ради дочери.

— Завтра все решится, Полина. Я не могу определить твою судьбу один, для этого у нас есть совет древних. С некоторыми ты уже познакомилась, некоторых увидишь завтра впервые. Но все мы понимаем, что насильно охотником быть не заставишь. Ты должна осознавать, что после того, как... хм... уйдешь, вновь станешь для нас добычей.

— И кто-то из тех, кто был в этом зале, мог уже взять меня на крючок?

— Нет. Пока ты охотник, это невозможно.

Я кивнула.

— Хорошо.

— У тебя есть сутки, чтобы подумать. Возможно, найдешь для себя причины остаться. У тебя есть шанс стать сильным охотником. И я могу обещать тебе протекцию.

— Я не буду убивать хищных ради карьерного роста, Альрик. Но... спасибо.

Он ничего не сказал. Похоже, ждал от меня именно такого ответа. Что ж, и пусть. Оправдать ожидания Первозданного не так уж плохо. Тем более, завтра он получит огромную порцию кена. Не зря со мной возился целый день.

Альрик открыл портал. Я начинала привыкать к стремительным перемещениям, так и в маршрутках разучусь ездить. Но была рада попасть, наконец, домой. Мир охотников мне не понравился. Совсем. Возможно, мы и калечим ясновидцев. Возможно, в какой-то мере Мишель прав: охотники защищают их, но мы во всяком случае не считаем себя высшими существами. Хищные вынуждены питаться, чтобы жить, а охотники убивают сознательно. А иногда и с удовольствием.

Я ступила в знакомую обстановку квартиры Глеба и шумно выдохнула. За окном давно стемнело, а из приоткрытого окна ветер доносил девичий смех и низкий мужской разговор.

Сумасшедший день!

Забыть бы. Только вряд ли смогу стереть из памяти — и ненависть, и превосходство. А в конце концов одиночество. Ведь каждый из них по сути одинок. Несчастен. Видеть, как стареют и умирают родные, близкие и друзья — что может быть ужаснее?

И Альрик еще убеждал меня остаться... Нет, уж лучше та жизнь, что у меня есть — с большими привязанностями, ложью и незримыми опасностями.

Как там говорил Мишель? Драугры? Неужели древний решил подшутить надо мной? В своей квартире он не выглядел смешливым. И потом, когда упомянул Влада.

Жаль, что сам Влад ничего не скажет. Придется пытаться выяснить в других источниках. Если бы я могла вызывать те сны о хельзе, спросила бы приятного мужчину. Но я не могу. Да и думать нужно не о том.

Я упала на диван и закрыла глаза. Поспать. Забыться ненадолго, затем принять душ и подготовиться ко встрече с советом древних.

Завтра решится моя судьба.

Завтра я верну Киру.

Глава 10. Дом, милый дом...

Глава 10. Дом, милый дом...

Проснулась я с рассветом и сразу натолкнулась на хмурый взгляд Глеба — он сидел на диване и крепко держал мои ноги, словно я могла убежать куда-то во сне.

— Все еще хочешь меня убить? — настороженно спросил он.

Я покачала головой. Виновато улыбнулась.

— Извини.

— Ты, конечно, дала! Даже я испугался. Ты вообще как? Ну... в новом образе?

— Плохо. — Я поморщилась. Села и потеряла виски. Взгляд невольно скользнул по изрезанным запястьям — ни следа нанесенных ран. Только старые шрамы от прошлого ритуала. Хотя эти пусть будут — не стоит забывать, на что способен Влад. — Вчера видела столько охотников, что до смерти теперь не забуду. Ощущения те еще!

— Ты была там? У Первозданных?

— Альрик приходил за мной. Мы были у Мишеля. — Я вспомнила пристальный взгляд древнего и предупреждение. — Тан приказал ему похитить Киру. Это была плата за воскрешение.

— Колдун своего не упустит, — нахмурился Глеб. — Первозданные сдадут его?

— Сегодня будет совет. Надеюсь, он решится в мою пользу. Безумно хочу домой.

— Уверена? — Глеб отвел взгляд. — Мне показалось, тебе понравилось жить отдельно.

— Если Кира вернется, мне все равно это не светит. К тому же, в последнюю нашу встречу Влад был не таким уж козлом.

Вспомнился разговор, объятия. И близость — я не могла больше отрицать, что она была. Несмотря на прошлое, если хочу остаться в атли, нам нужно будет примириться с присутствием друг друга в жизни. Влад, похоже, готов был идти навстречу. Готова ли я?

— Что ж, возможно так будет лучше. С учетом последних событий... — Глеб помолчал немного. — За тобой придут?

Я пожала плечами.

— Во всяком случае, сама я дорогу не найду.

— И как тебе Первозданные? — усмехнулся Глеб. — Похожи на новую семью?

— Снобы! — фыркнула я в ответ на сарказм. — Хотя...

Альрик точно выделялся среди них. Возможно, потому что сам когда-то был хищным. А может, мир охотников впустил его не сразу, и Первозданному пришлось продирааться через массу препятствий, чтобы стать таким, какой он есть.

Все равно я не понимала, зачем. Ведь можно было жениться, растить детей, состариться и умереть со своей семьей. Но он выбрал для себя чуждый мир, наполненный смертью и интригами.

И преуспел. Наверное, каждый выбирает что-то для себя. Нельзя во всем отличиться.

Я предпочла семью. Дочь. Ради нее впускала нали, переживу и совет. А потом буду думать, как избавиться от Черно книжника. Ведь именно Тан все придумал, и именно он виновен в исчезновении Киры.

Я заглушила поднимающуюся из груди злость. Сейчас не время. Во всем важна

последовательность и очередность.

Ближе к вечеру Глеб уснул. Я стояла у окна и смотрела на улицу. Погода как никогда отображала мое настроение — небо заволочло тучами, порывистый ветер рвал листья и раскачивал ветви деревьев. По улице, кутаясь в куртки и плащи, разбрелись по домам люди.

В груди сжималась и расслаблялась сердечная мышца, откликаясь глухим стуком в ушах.

Так мало времени осталось до момента, когда я вновь увижу Киру. Так мало, но почему тогда оно так тянется?

Звонок в дверь заставил вздрогнуть. Кожа тут же покрылась мурашками, ладони вспотели. Я несколько раз вдохнула и выдохнула. Успокоиться. Все идет, как ты задумала. Еще один день...

Странно, что Альрик решил соблюсти приличия и проложить портал к порогу, а не прямо в квартиру в прошлый раз. Но когда я открыла дверь, обнаружила там вовсе не Альрика. На пороге квартиры Глеба стоял Андрей. Когда я открыла, он с шумом выдохнул.

— Никогда не думал, что скажу это, но я не рад, что ты одна из нас, — выдал он вместо приветствия.

— Поверь, я огорчена больше, — парировала я и улыбнулась. — Но это ненадолго — планирую сегодня же избавиться от этой ноши.

— Ну да, совет. Ты готова? Я отведу тебя.

— Разве ты умеешь творить порталы? — удивилась я.

— Я — нет, это Альрик у нас специалист. Совет будет в Липецке. И да, Полина... — Он на секунду замялся. — После этого лучше как можно быстрее покинуть город — тебя будут искать. Никто не обрадуется тому, что ты отказалась от благодати. Некоторые даже оскорбятся. На крючок тебя Альрик взять не даст, но многие запомнили твое лицо.

Я сглотнула. Да уж, проблемы только растут. Но сейчас нужно постараться забыть о пугающей будущности. Подумаю завтра. Сегодня главное совет и Кира. А вопрос с охотниками отложим на потом.

Главное — последовательность.

Я вернулась в квартиру за курткой. На улице резко похолодало, и пошел дождь. Как жаль, что пока я охотник, не чувствую поддержки защитника — она мне сейчас ой как пригодилась бы. Из зеркала на меня смотрела растрепанная девица со впалыми щеками и огромными распахнутыми глазами. Они лихорадочно блестели и, казалось, жили отдельной жизни.

Глаза охотницы...

В кого я превратилась?

Нет, не время размышлять. Ну же, Полина, сегодня ты узнаешь, где Кира.

Я глубоко вдохнула. Готова. Будь что будет — переживу все. Выживу.

Решительно шагнула к выходу, но остановилась... На цыпочках вернулась в комнату. Глеб все так же спал, закинув правую руку за голову. На лоб упала непослушная темная прядь. Грудь ритмично двигалась в такт дыханию.

У меня внутри шевельнулась нежность, растеклась теплом по венам и отдалась пощипыванием в глазах. Он всегда рядом — даже когда считает, что я поступаю по-идиотски. Мой лучший друг.

Я погладила его по волосам, очень аккуратно, чтобы не разбудить. Но он все равно

проснулся. Раскрыл глаза, и на мгновение в них мелькнул ужас. Я отодвинулась.

— Извини.

— Ничего. — Голос хриплый, напряженный. — Уходишь?

— Пора, — кивнула.

— Сделай их, Полевая!

— Уезжай домой. После совета охотники выйдут в город — искать меня. В Липецке будет чертово нашествие древних.

— А как же ты? — В синих глазах мелькнула неприкрытая тревога.

— Справлюсь. Я не для того прошла через ад, чтобы меня убил какой-то недоделанный охотник.

— Хорошо.

Глеб нахмурился. Отвел взгляд. А потом провел по моим волосам, притянул к себе и поцеловал. Прямо в губы. Не так, как целуются влюбленные, но и не невинно.

Отстранился.

— Фига се! — выдохнул. — И так всегда?

— Ненадолго, — уверила я. — Сегодня я снова стану прежней.

Злиться на друга не хотелось совсем. В моей жизни мало нормального, в жизни Глеба тоже. Иногда мы просто идем на поводу у слабостей, и как раз это делает нас людьми. Именно это отличает нас от таких охотников, как Бен.

Я порывисто обняла Глеба и покинула квартиру.

На улице было мокро. Лужи наполнялись дождевой водой, пузырились и ширились. В воздухе пахло прибитой пылью и озоном. Капли шелестели по тусклым от летней жары листьям, стекали по битумным крышам офисных пристроек, стелились по земле, вырываясь потоками из сточных труб.

Андрей раскрыл зонт у нас над головами, и я инстинктивно взяла его под руку. Никогда не жалела, что не дала тогда Владу убить его, а сегодня была невообразимо рада этому — поддержка, пусть только по пути к совету, была мне сейчас нужна.

Его «Девятка» стояла у соседнего подъезда. Вишневая — как в популярной песне девяностых. Только усевшись на переднее сиденье рядом с водителем, я поняла, насколько мне страшно. Совет древних и я одна. Что им какая-то выскочка, хоть и сольвейг? Проглотят и не подавятся! А мне бы уверенности — хоть немного, чтобы пережить этот день. Вон Влад всегда уверен — надо бы взять у него пару уроков. Если выживу.

— Волнуешься? — мягко спросил Андрей, вырубивая на главную дорогу. Дворники методично стирали с лобового стекла дождевые капли, но они снова усеивали его липкими точками. Точки деформировались под воздействием ветра и растекались по гладкой поверхности.

Машин на дороге было мало, прохожих на тротуарах — еще меньше. Дождливый осенний вечер не особо располагает к прогулкам.

— Хочу побыстрее со всем покончить. Вернуться домой с Кирой.

— Осторожнее с Альриком, Поля, — серьезно сказал Андрей. — За его деланной приветливостью всегда скрывается расчет.

— Альрику сольвейги интересны как вид, — безразлично ответила я. — Но только от него зависит, увижу ли я дочь. Так что у меня нет выбора.

— Последний хищный, которого он... изучал, умер в муках от потери кена. Альрика волновало, сможет ли зверь выжить, если охотник порвет его жилу не полностью.

Я поежилась от произвольных мурашек.

— Ситуация в кругу охотников острее, чем может показаться, — продолжал Андрей. — Остальные Первозданные не одобряют методов Альрика — они ценят тот уклад, который существовал веками. Тот, что назначили боги, когда прислали Хаука. Но Альрик утверждает, что хищные не так слабы, как кажется на первый взгляд. И такие, как ты и Влад Вермунд, только доказывают это.

— Что ты хочешь сказать? — нахмурилась я.

— Альрик ищет пути контролировать это, Поля. В рядах охотников разлад, и Сар думает, это не принесет мира ни нам, ни вам.

— Сар считает вашу сущность благодатью, — фыркнула я.

— Альрик считает ее средством для достижения власти.

— Если он вернет мне дочь, плевать на его принципы! — взорвалась я. Громко выдохнула, стараясь унять дрожь в руках. — Я устала. Хочу домой. Принять теплую ванну с солью и выспаться. Хотя бы пару дней не думать о плохом, а просто наслаждаться. Я — мать, и у меня отняли самое сокровенное — ребенка. Думаешь, сейчас мне до политики? Я резала вены, чтобы вернуть Киру, и не отступлю. И если Альрику нужно изучить меня при этом — пусть. Мне не жалко. И я не боюсь его, потому что мне просто нечего больше терять.

Андрей молчал и сосредоточено вел машину. Я отвернулась к окну. Мимо проносились неоновые вывески, яркие витрины ночных магазинов и редкие прохожие с разноцветными зонтами.

Мир людей... Реальный и такой далекий. Стабильный и непостижимый. Для меня гораздо привычнее другой — с солоноватым привкусом крови, пропахший смертью и опасностями, но близкий и родной.

Как я не понимала этого раньше? Я — атли, и горжусь этим!

Андрей припарковался у двухэтажного здания в центре, недалеко от мэрии. Отделанное светло-зеленой штукатуркой, оно было ограждено невысоким кованым забором. Ворота, к слову оказались распахнутыми настежь. К дверям вели выложенная розовой плиткой аккуратная дорожка, по левую сторону от которой раскинулась цветастая клумба, где соседствовали разноцветные петунии, высокие белые розы и пушистые бархатцы.

Дождь кончился, воздух был свежим и прохладным, но не зябким.

Андрей открыл мне дверцу и галантно помог выбраться. Затем взял под локоть и повел к массивной железной двери с коваными узорами — под стать тем, что красовались на воротах. Древние руны соединялись с неизвестными мне символами, образуя некое подобие картины из слов.

— Присяга охотника, — шепнул мне на ухо Андрей и распахнул дверь. — Каждый ясновидец произносит ее после испытаний.

Мы пересекли широкий холл с высокими потолками и обшитыми деревом стенами. Наши шаги отдавались гулким эхом и сопровождали нас до широкой мраморной лестницы, ведущей на второй этаж.

Андрей сопровождал меня по витиеватым коридорам и подвел еще к одной двери — на этот раз деревянной и двустворчатой. Резные ручки плавно перетекали в полотно, исписанное вязью из символов, подобных тем, что были на входе.

— Дальше мне нельзя, — сказал молодой охотник и отступил на шаг. — Там место лишь для древних и для тебя. — Он посмотрел ободряюще. — Удачи, Полина.

— Она мне пригодится, — прошептала я и потянула ручку на себя.

Передо мной раскинулся огромный зал. Он занимал по площади по меньшей мере половину второго этажа, а то и больше. У противоположной стены в виде огромного постамента располагались два ряда кресел. Четыре сиденья с высокими спинками — для Первозданных. Нижний же ярус, поскромнее, предназначался для древних. Перед постаментом на красном пятне ковра одиноким островком притаилась трибуна — видимо, для меня или еще какого провинившегося охотника.

Слева, напротив стены с огромными — почти до потолка — окнами, украшенными сизыми шторами возвышалось нечто ужасающее. Деревянная перекладка с кольцами в нескольких местах и протянутыми сквозь них веревками, натяжение которых регулировалось колесиками сбоку. Слева — широкая лавка, утыканная шипами, и огромный пресс над ней, который опускался и поднимался с помощью массивного винтового крана.

Да это же чертовы приспособления для пыток!

Я сглотнула. Перевела взгляд на заседающих и встретилась глазами с Альриком. Первозданный шурился, а уголки губ были тронуты легкой улыбкой. Ну конечно, ему весьма интересно, как я справлюсь с советом охотников — молодая зверушка, которая не желает жить среди них. Что ж, не буду разочаровывать древнего.

Я вздернула подбородок и гордо продефилировала к красному пятну. Поверхность трибуны неприятно холодила ладони, усиливая и без того непрекращающуюся дрожь. Сердце колотилось под подбородком, а на меня смотрели двадцать четыре пары глаз — четыре Первозданных и двадцать охотников. Древних.

— Сегодня мы собрали совет древних, чтобы рассмотреть прошение молодой охотницы, — безэмоционально изрек Сар, не удостоив меня взглядом. — Прощение было совершено по форме, и его поддержал один из нас — он махнул рукой в сторону Альрика.

Альрику, казалось, было абсолютно все равно. Он улыбнулся, деланно кивнул Сару, выказывая почтение, и встал.

Одетый в черный пиджак с воротником-стойкой, застегнутый на все пуговицы, Первозданный разительно отличался от того слегка легкомысленного человека, который вчера невиданным образом появился в квартире Глеба. Сейчас он выглядел серьезным и сильным. Достаточно серьезным, чтобы понять, насколько опасно ввязываться в противостояние с остальными Первозданными. И достаточно сильным, чтобы наплевать на риск.

— Перед нами женщина, пропустившая через жилу девять нали, — сказал он спокойно, и его приятный тенор растекся по огромному и пугающему залу звенящим эхом. — Одно только это достойно восхищения. И боги восхитились — они ниспослали ей благодать.

Альрик сделал паузу, и мне показалось, десятки глаз готовы были прожечь во мне дыру. Но вспомнились почему-то яркие — карие с красными прожилками — дерзкие глаза охотника, которому плевать на мою «благодать». Уверена, для всех них я была чужой — лазутчиком, проникнувшим в святая святых. И мой отказ от этой самой благодати — тому подтверждение.

— Но мы не можем заставить зверя любить то, что любим мы сами. Не имеем права насиловать волю и должны уважать свободу выбора. Посему предлагаю удовлетворить прошение молодой охотницы и вернуть ей то, что она потеряла. — Он обвел взглядом присутствующих и драматично добавил: — Дочь. Ведь что может быть важнее для матери, чем собственный ребенок?

Я заметила движение в ряду древних — Мишель опустил голову и приложил к губам

крепко сжатый кулак. Охотник рядом с ним опустил глаза. Остальных, казалось, ни капли не тронула речь Альрика. А у меня по коже побежали мурашки — болезненные, противные мурашки отчаяния.

Что им до моей беды? Зачем спасать какого-то зверя, пусть даже ребенка. Мне оставалось надеяться, что Первозданным все же нужен кен. Что я смогу выменять свой на услугу — одну-единственную, но такую существенную.

— Не пристало охотникам влезать в разборки зверей, Альрик, — немного резко возразил Егор и взглянул на меня. — Пусть сами разбираются.

— А мы и не будем влезать. — Альрик перевел на меня хитрый взгляд. — Хищные с колдуном разберутся сами. Мы лишь вернем его им.

Вернуть в город Черно книжника. Что ж, неплохо. Не то, что я просила, но немало. Пусть Тан будет поблизости. А уж потом я знаю, что делать. Я прекрасно помню, где Влад хранит клинок.

— Ты не думала, что колдун давно убил твою дочь? — тихо спросил меня Сар, и в его голосе явно различались нотки сочувствия. Неужели древние еще умеют это — сопереживать? — Глупо отказываться от благодати ради мизерного шанса, дитя.

Его седая борода качнулась, когда он удрученно вздохнул.

— Я рискну, — глухо ответила я. Горло полоснуло огнем от жестокого предположения, но я заставила себя не слушать. Не принимать близко к сердцу.

— Она жива, — уверил Альрик. — Я явно вижу.

В тот момент я готова была расцеловать его. Сорваться с места, взобраться на постамент и обнять древнего манипулятора.

За надежду. Надежда — это то, что не дает нам сойти с пути, когда уже ничего не осталось. Когда цель потускнела, а воздух пропитался отчаянием.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Будь по-твоему, — буквально выдавил из себя Сар и отвернулся. — Мы не можем решать такие вопросы сами, поэтому выносим его на совет древних. Пусть сильнейшие и мудрейшие из благословенных определяют твою судьбу.

Охотники голосовали, а я вцепилась в трибуну так, что пальцы побелели. Казалось, еще секунда — и упаду. Кена во мне было много, а вот мужества — ноль. Когда перед тобой толпа древних, каждый из которых в случае успеха мероприятия выйдет на улицы выслеживать тебя, безумно хочется уметь испаряться. Или телепортироваться.

Мишель не поднял руки. Смотрел мне прямо в глаза, и на лице словно маска образовалась. Злая, бескомпромиссная, жестокая маска бессилия. Ведь кроме него все охотники проголосовали «за».

Но мне было плевать. Единственная мысль крутилась в голове: «Ты победила. Ты сделала это, Полина!».

Дальше я уже соображала плохо. Перед глазами возникло лицо Альрика. Первозданный улыбался и протягивал мне руки. Потом мы вышли из зала в полной тишине, и я явно ощущала пристальные взгляды охотников на спине. Взгляды врагов. Скоро я стану добычей, и каждый из них с удовольствием порвет мою жилу.

Да пофигу!

Будущая победа пьянила, как сладкое вино. Мысленно я уже убила Тана тем самым клинком, который Глеб привез из Лондона. Всадила его по самую рукоять в жилу колдуна.

От нетерпения дрожали руки — безумно хотелось сбросить с себя ношу, стать снова

прежней — хищной из племени атли, пусть и немного особенной.

Мы оказались в комнате, захлавленной старыми вещами, которые беспорядочно, большими кучами копились в углах. Мою руку Альрик не отпускал, и во мне росло, ширилось и укреплялось осознание — он сам в предвкушении. Глаза Первозданного фанатично блестели и, хоть он и хотел казаться спокойным, у него не получалось.

— Каковы мои гарантии? — спросила я дерзко. Знала, что нельзя проявлять слабость — это всегда найдут, как использовать.

— У тебя есть слово Первозданного, — твердо ответил он. Склонился ниже, к самому уху и добавил: — Я всегда держу слово, Полина.

— Ты сделаешь это самолично? Вернешь Чернокнижника?

— Кто получает конфетку, тот и суетится, — уверил он. Посмотрел странно, прищурившись, и мне стало не по себе. — Мне даже немного жаль, что ты уходишь...

— А мне — нет.

— Кто бы сомневался, — улыбнулся Альрик, но тут же посерьезнел. — У тебя будет ровно полчаса, Полина. Больше я не смогу сдерживать древних. Но мы-то знаем, куда ты пойдешь. — Он поднял мою ладонь и вложил в нее медный амулет, исписанный рунами. Присяга охотника. Кулон явно имел отношение к благословенным. — Древние умеют искать. Вспомни Рихара. Наденешь сразу, как выйдешь, хорошо?

Я кивнула инстинктивно, не понимая, зачем он помогает мне. Неужели я действительно так ценна?

Альрик выпустил мою руку и положил ладонь мне на живот...

...Открыть глаза было сложно. Веки тяжелели с каждой секундой, шевелиться не хотелось. Холодно... Почему так холодно? Уснуть бы... И живот болит невыносимо.

— Девушка, вам плохо?

Я попыталась сфокусироваться — не вышло. Лицо передо мной расплывалось бледной кляксой, слова терялись в общем гуле, тело отказывалось подчиняться напрочь.

— Скорую! Вызовите скорую!

— Нет, — прошептала я, сжимая кулаки. — Они найдут меня.

Открыла глаза. Утро. Я в центре. На остановке. Сколько времени прошло после совета? Он состоялся вечером, значит, я всю ночь... вот так...

В ладони обнаружился подарок Альрика — защитный амулет с вязью из рун. Цепочка обмотана вокруг запястья — как предусмотрительно, Полина.

Рядом на щербатой лавке сидел пожилой мужчина в старой изношенной плащевке и тревожно всматривался мне в лицо.

— Домой, — прошептала я, преодолевая внезапную боль в горле. — Мне нужно... такси...

Каковы шансы, что таксист не окажется одним из древних?

Я быстро надела цепочку на шею. Не стоит рисковать.

Мужчина поймал машину и помог сесть на заднее сиденье. Я назвала адрес. На таксиста покосилась подозрительно, как, впрочем, и он на меня. Некоторое время щупленький мужичок сомневался, а потом все же завел машину.

— Далековато, барышня, — сердито пробурчал он и посмотрел на меня в зеркало заднего вида.

И тут я поняла, что не взяла денег. Совсем. Тоже мне, интриганка нашлась — с Первозданными договорилась, а как выбираться из города буду, не подумала.

Словно прочитав мои мысли, водитель нахмурился.

— Платить-то есть чем?

— Поезжай, — резко ответила я. — В обиде не останешься.

Откинулась на спинку сиденья и посмотрела в окно. Рассвет. Такой красивый — нежно-розовый на сизом небе. Расплылся полупрозрачными разводами, словно небрежные мазки художника по холсту. И воздух свежий-свежий. Надышаться бы. Расслабиться. Отпустить...

— Приехали. — Громкий скрипучий голос вырвал из небытия. Я разлепила веки — таксист смотрел недобро и даже немного угрожающе. — Эй, ты пьяная что ли?

Отвечать я не стала — просто осмотрелась. Знакомые ворота, крыши, даже трава, казалось, была знакомо-зеленой. Я открыла дверцу и буквально вывалилась из машины. Прямо в эту самую знакомую траву.

Немудрено, что таксист спросил меня, пьяна ли я.

— Эй, а платить? — визгливо выкрикнул он, словно я могла тут же подскочить на ноги, резво махнуть через забор, забаррикадироваться в доме и сидеть в осаде месяцами. Естественно, чтобы не платить ему за такси.

— Незачем так орать, — пробормотала я, с трудом дотянувшись до кнопки звонка. Облокотилась о кирпичную стойку. Ноги не слушались и так и норовили согнуться, колени дрожали. От титанических усилий просто удержаться на ногах вспотела спина.

Дальнейшее мне помнится смутно. Твердая, холодная земля, чьи-то руки, тепло. Движение. Голоса — гулкие, словно сквозь пелену тумана. Ласковые ладони гладят волосы, щеки, а я лежу на мягком, и знакомый запах вокруг.

Дом...

Я дома. Я сумела!

— Кира... — прошептала, вырываясь из забвения, стараясь хоть как-то зацепиться за реальность.

— Тише. — Голос Влада. Как давно я его не слышала? Словно полжизни прошло. — Береги силы.

— Тан... в Липецке, — выдохнула я и отключилась.

Глава 11. Истощение

Глава 11. Истощение

— Надо было послушать охотника, — поучительно говорит незнакомец из сна и хмурится.

Мне хочется обнять его. Обнять и смеяться. У меня получилось!

Но вместо этого я танцую на песке. Перебираю ногами, и шифон кружится вокруг меня воздушной вуалью. Я счастлива.

— Ты истощена, — возражает мужчина. — И сейчас при смерти. Боги решают, жить тебе или умереть. Древние не умеют вовремя останавливаться.

— Если умру, останусь здесь?

— Вероятно.

— Это хорошо. Мне здесь нравится.

— Не смей сдаваться!

Его голос меняется, внешность расплывается, перестает быть четкой, как и картинка вокруг — ясно-синее небо становится бордовым, отликает золотым и тяготит.

— Слышишь, пророчица, не смей! — Кто-то касается виска, и приятное тепло растекается по телу. Поцелуй. Это был поцелуй. И шепот в самое ухо: — Живи, Полина.

Я снова проваливаюсь в сон, снова танцую. Со мной рядом кружится рыжая девушка в зеленых одеждах. Ее длинные волосы развеваются на ветру, путаются, но ей, похоже и дела нет. Она смотрит на меня и смеется — заразительно, звонко. И я не могу удержаться — смеюсь в ответ.

А потом что-то происходит. Мир преобразуется, темнеет. Небо заволакивают черные грозовые тучи. Дождь. Это должно радовать меня. Рыжая пугается, и ее страх передается мне. Тонкие пальцы цепляются за мое запястье, тянут вдаль от воды.

— Она совсем близко! — кричит девушка, но слова теряются в раскате грома и шуме штормящего озера.

Я громко выдыхаю, она дергает меня, прижимает к себе.

— Проснись, — говорит голосом Глеба. — Прощу тебя, Полевая.

Но я не могу проснуться — повсюду темнота, она глушит звуки, стирает пейзаж. Мне страшно. Рыжая исчезает, и я одна.

И скоро придет смерть. Я знаю точно.

Скоро ничего не будет...

Кто-то берет меня за руку, переплетает пальцы и шепчет в самое ухо:

— И не надо...

Я проваливаюсь под воду, судорожно вдыхаю. Легкие горят огнем, я захлебываюсь, пытаюсь вынырнуть, но ноги опутывают водоросли и тянут вниз. Вокруг вода — холодная, мутная. И голос:

— Не нужно бороться. Иди ко мне.

Опускаюсь на дно. Мягкий песок сминается пальцами ног, темнота обволакивает, успокаивает. Сил почти нет, да и не нужны они. Зачем? Все равно в конце нас забирает тьма...

— Живи!

Чьи-то руки хватают за плечи, тянут вверх, к воздуху.

Я прихожу в себя, начинаю судорожно грести, выпутываться из плена, наконец вырываюсь и громко вдыхаю воздух.

Солнечный свет слепит, свобода пьянит.

Я жива, жива!

Свет и правда слепил. Пробивался сквозь не до конца задернутую штору и бил в глаза. Я зажмурилась. Поморгала, постепенно привыкая к освещению. И тут же натолкнулась на пристальный взгляд Лары.

— Планируешь убить меня во сне? — спросила я пересохшими губами. Очень хотелось пить.

— Гляди-ка, пришла в себя! — Защитница встала и расправила несуществующие складки на юбке. — Позову Кирилла. Наконец-то все выдохнут с облегчением и перестанут мысленно тебя хоронить.

Она вышла, а я повернулась к окну. Живот все еще болел, но уже терпимо. А еще была слабость — шевелиться не хотелось, думать тоже. Я с трудом поняла, что нахожусь в комнате Влада, на огромной кровати. Высокие стойки увенчаны складками балдахина — роскошными и подавляющими.

Как и хозяин комнаты.

Он появился почти бесшумно, словно лишним звуком боялся сделать больно. Больно не было. Хотелось спать.

— Вот почему нельзя играть с нали, — строго сказал Влад и присел рядом. Положил руку мне на живот. — Болит?

Я кивнула — еле-еле, на сколько хватило сил.

— Пить хочу.

Он налил воды в стакан, помог подняться. Близко. От знакомого запаха защипали глаза. К слову сказать, после нескольких глотков мне стало легче. Я расслабилась, прижавшись спиной к груди Влада, и мысленно пожелала, чтобы он не отпускал меня. Никогда.

— Ты напугала меня. Очень, — серьезно сказал он.

— Альрик хорошо постарался вчера.

— Альрик — редкостная сволочь, но я могу его понять. Кен сольвейга иногда сносит крышу. Только это было не вчера, а на прошлой неделе.

Я обернулась, недоверчиво заглянула ему в лицо.

— Ты шесть дней без сознания, Поля.

— Так долго... — Я нахмурилась.

Шесть дней. Да за это время Тан уже успел все понять и подготовиться.

— Чернокнижник в городе. У него Кира. — Попыталась подняться, не сработало. Тело не слушалось совершенно. — Нужно найти его.

— Все, что тебе сейчас нужно — лежать. — Влад уложил меня обратно и укрыл одеялом под самый подбородок. Я ощутила легкое разочарование оттого, что он больше не обнимает меня. Проклятие вернулось вместе с силами, что уж поделаешь. — Я запрещаю тебе вставать. Как вождь.

Я хотела ответить, но его указательный палец лег мне на губы.

— Ты уже достаточно сделала. Позволь теперь мне.

С каждым разом он все ближе, и все сложнее помнить прошлые обиды.

— Почему ты не помог мне? — тихо спросила я. — Ну, как тогда, после ясновидицы?

— Ты бы умерла. Сразу на месте. Нельзя вливать кен истощенным.

Я замолчала. Не знала, что сказать, но сказать хотелось. Почувствовать себя вновь атли — частью целого. Не врагом. Самые сложные дни моей жизни — то время, когда я была охотницей.

Как же я устала! А ведь это только полпути — скоро надо будет разбираться с колдуном, но в таком состоянии я точно не смогу. После Альрика, наверное, год придется восстанавливаться.

Чертовы охотники! Одного взгляда на Бена хватило, чтобы понять: некоторые неисправимы.

Я нахмурилась.

— Охотники, похоже, обустроились в Липецке, — сказала и посмотрела на Влада. — Не к добру это.

Влад ничего не ответил. Опустил глаза, словно обдумывал сказанное, затем кивнул. Показалось, он догадывался о чем-то таком, ну или хотя бы предполагал.

Если честно, меньше всего мне хотелось говорить об охотниках, а о Тане Влад, похоже, говорить был не настроен.

Нужно восстановиться. Дать себе несколько дней, а потом никто не остановит меня, не удержит от поисков колдуна. Каким-то внутренним чувством я понимала — Тан заплатит.

У каждого из нас своя цена. Я не отступлю, Влад не отступит — теперь я не была уверена, кто из нас ненавидит Чернокнижника сильнее. На войне не помнят обид — на войне заключаются альянсы даже между потенциальными врагами. Мы с Владом врагами не были. К тому же он уже понял, на что я способна, и обязательно использует это.

Я научусь контролировать свои способности. А когда научусь, Тану придется принять это.

Я еще раз посмотрела на Влада — украдкой, из полуопущенных ресниц. Все же я рада, что теперь не одна — в атли гораздо легче переносить тяготы, чем в не обустроенной квартире Глеба. Далеко от племени на меня нападала тоска и безысходность.

Дверь распахнулась настезь, и вошла Лара, а за ней Глеб и Рита. Сестра, как всегда, бледнела и прижимала руки в груди. Хоть не причитает, и то хорошо. Влад поднялся, и на его место уселся Глеб. Взял меня за руку и заботливо всмотрелся в лицо.

Лара поставила на тумбочку у кровати чашку с дымящейся жижей, от которой исходил тошнотворный запах.

— Это карое — восстанавливающий отвар, — пояснила защитница. — Выпить лучше сразу. На вкус гадость еще та.

— Ты как? — спросил Глеб и сжал мою ладонь. — Я серьезно испугался, Полевая.

— Постоянно хочу спать, в остальном нормально, — вымученно улыбнулась я и проводила взглядом Влада. Он вышел молча, и в комнате резко стало пусто. Даже несмотря на Лару, Глеба и жалостливую Риту.

— Ты действительно без крыши, — безэмоционально произнесла защитница и подошла к окну. — Ты видела их? Первозданных?

— Как сейчас тебя. А еще двадцать древних охотников на чертовом заседании.

Она покачала головой и ничего не ответила. Рита, наконец, вынырнула из полуиспуганного состояния и кинулась меня обнимать. Скоро моя майка была полностью мокрая от ее слез.

По мере того, как я приходила в себя, начинала ощущать дикую необходимость сходить в душ. Рита тут же сунула мне под нос чашку с карое, и меня передернуло от отвращения. Вкус у напитка был еще противнее, чем запах, но я заставила себя выпить до конца. Чем быстрее восстановлюсь, тем лучше.

Рита еще долго причитала, а потом ей позвонил Филипп, и она вышла. Лара тоже покинула комнату, оставляя нас с Глебом вдвоем.

— Рад, что ты снова с нами, — произнес он, хмурясь. — Быть охотником стремно.

— Это точно. Особенно если учесть мероприятия, которые должен посещать. А еще они устроили пыточную в одном из зданий в центре. Как думаешь, зачем?

— Фига се!

— Похоже, кое-кто из них задержится тут надолго. — Мне вспомнились полные бессильной злости глаза Мишеля. Его слова на приеме у охотников. — Слушай, а ты знаешь что-нибудь о драуграх? Ну, помимо легенд. Думаешь, они существуют?

— С чего ты взяла? — осторожно поинтересовался он.

Слишком осторожно. Глеб совершенно не умел хитрить.

Осознание хлынуло на голову, как ведро холодной воды. Пальцы на ногах тут же заледенели, мороз поднялся вверх к коленям, заставляя поежиться.

— Ты знаешь... То есть это правда, и они среди нас...

— Никто никогда не видел драугра. Я-то уж точно.

— А Влад?

— Почему не спросишь у него?

— А почему ты юлишь?

Он громко выдохнул и отвернулся.

— Не можешь говорить, — поняла я. — Тайна. Та, которую ты поклялся хранить. Та, что связана с ритуалом, да?

Глеб не ответил, но мне и не нужно было.

Внезапно сделалось душно, словно кто-то перекрыл кислород. Ладони вспотели, а в груди полыхнул жар.

Мишель предупреждал меня не зря. Древний знал, что говорит. Теперь вот и Глеб... Я вспомнила его безумный взгляд в день, когда пришел Рихар. И слова: «Мы все умрем». Головоломка начала складываться причудливым образом, меняя представления о событиях.

От навязчивых мыслей разболелась голова, и еще больше потянуло в сон, но я запретила тебе быть слабой.

— Ритуал... ослабил меня, верно? Но самое главное — это хорошо? — Глеб открыл рот, но я вытянула руку вперед, призывая к молчанию. — Нет, не говори. Даже Мишель не признался, а ведь он древний. Значит, верит в кару за нарушение клятвы.

Глеб промолчал, только крепче сжал мою руку.

В принципе, мне и не нужно было, чтобы он объяснял. Кусочки мозаики удивительным образом сложились в некую картину, пусть неполную, но понятную. Более или менее.

Драугру нужен кен сольвейга. Чем больше кена я соберу, тем лучше. Ритуал изгнания Девяти — самое страшное событие моей жизни — ослабил меня. И тем самым избавил от смерти. А еще дал возможность Владу стать сильнее. Хороший ход. Циничный, бесчеловечный, но хороший. Только зачем он был нужен, если можно заставить меня отречься. Или изгнать из племени? Зачем спасти меня ценой опасности для атли?

Я не узнаю точно, пока не спрошу Влада. Вернее, пока он не ответит. А он не ответит —

продолжит прятаться за мнимыми опасениями, полностью уверенный в собственной правоте. Интересно, что он думает, я предприму? Заболею паранойей и начну высматривать в каждом незнакомце драугра? Или доведу себя до истощения, чтобы мой кен ему не достался? Впрочем, в последнем я преуспела.

Внезапно я поняла, куда деваются сольвейги в конце концов. Они просто умирают. А еще умирают те, кто с ними рядом. Из-за их треклятого кена!

Да, бесспорно, самый лучший выход для атли — чтобы я отреклась. Ведь тогда племя потеряет для драугра всякий интерес. Самое странное, что я сама хотела отречься. Черт, да я бы отреклась — еще в самом начале, когда узнала, что Влад — вождь атли. Но он не позволил. Почему?

Незаметно для себя я провалилась в сон. Мне снова снилась рыжая. Костер, танцы, радость. Словно я была дома — там, где должна быть.

Проснувшись в полной темноте. Совершенно потерявшись в днях, не могла понять, сколько проспала. На тумбочке у кровати стояла заботливо приготовленная Кириллом чашка с карое. Я вновь заставила себя проглотить противный напиток. Хотя все же не следует увлекаться им, если не хочу восстановиться быстро. Теперь нужно обдумывать каждый шаг, постоянно оглядываться и бояться. Может, и лучше было, когда я не знала...

Я откинулась на подушки, вдохнула знакомый запах, погладила простыни. Так странно ощущать себя в этой комнате — слабой и беспомощной. И неожиданно... приятно. Как бы там ни было, я — атли. Семья, кажущаяся иногда жестокой и несправедливой, на самом деле заботилась обо мне.

Интересно, почему я здесь? Не в знакомой мне пастельной спальне, в обществе давно покинутых совят, а здесь? В его комнате? Почему он так решил? И где сейчас ночует он сам?

От навязчивых логичных мыслей стало больно. Я уже отвыкла от этого ощущения — удушающей ревности вперемешку с сожалением. И вот она вернулась. И как я ни пыталась, не могла ее подавить.

Небо за окном постепенно светлело, ночь уступала новому дню, приближая меня к восстановлению. Как же одолеть Тана, если мне нельзя накапливать кен? И как долго драугр будет ждать, пока его терпение не лопнет, и он не прибьет меня, а заодно и половину атли? Возможно ли защититься от древнего создания, о котором известно всего ничего?

Я смотрела на зарождающийся рассвет и думала, думала... Пока не заболела голова, и я не уснула.

Когда проснулась в следующий раз, чувствовала себя лучше. Почти здоровой. Проглотила очередную порцию карое и даже смогла сесть в кровати. Снова была ночь — через открытые шторы просматривались крупные звезды и тонкий ободок месяца. Новолуние. Время начинаний.

Немного привыкнув к головокружению, попыталась встать. Штормило жутко, но я удержалась, вцепившись до побелевших костяшек в стойку балдахина. Как же невыносимо ощущать себя слабой!

Шаг. Еще один. Вот я уже опираюсь о стену. Дойти до душа, смыть с себя прошлое — это стало почти навязчивой идеей.

Наверное, стоило побережиться, дать себе восстановиться больше, но я не могла просто лежать без дела. Понимание, что Тан где-то совсем рядом, за стенами дома, и у него Кира, изводило. Мысли, словно адские червоточины, проедали мозг. Нужно было что-то делать, чтобы отвлечься. Душ в данном случае выглядел заманчиво.

Я дошла до двери в ванную и долго стояла, пытаюсь отдышаться. Затем потянула дверь на себя.

Поход в душ показался мне эпической битвой. В первую очередь моего упрямства со слабостью. Упрямство победило. Я завернулась в махровый халат, который висел на привычном месте — темно-зеленый, длинный, достигающий мне до пят. Непроизвольно улыбнулась собственным ощущениям — некой смеси надежности и тепла. А еще чего-то запретного, в первую очередь для себя самой.

Я это заслужила — немного удовольствия. Пусть оно странным образом заключается в простом махровом халате и бордовой постели. Завтра я встану на ноги — уверенно, без поддержки. А сегодня позволю себе расслабиться.

Я снова улеглась и посмотрела в потолок. Сон никак не шел, но тревожные мысли немного поутихли. Тишина — это хорошо. Восстановление. Созидание.

Мою тишину разрушил мягкий звук открывающейся двери. В комнату неслышно скользнула знакомая фигура, и сердце забило быстро-быстро, разгоняя кровь и заполняя жаром грудную клетку. Фигура приблизилась и слегка склонилась, вглядываясь мне в лицо.

— Не спишь? — спросил Влад и присел рядом. Я покачала головой. — Ты ужасно непослушная. Зачем вставала?

— Ходила в душ, — сдавленно ответила я и замолчала. В его присутствии стало не комфортно, душно и совершенно неспокойно.

Он вздохнул, но ругаться не стал. Только спросил:

— Как себя чувствуешь?

— Если не считать, что совершенно потерялась во времени, нормально. Есть новости о колдуне?

— Тан не будет прятаться вечно. Мы найдем его, — уверил Влад. — Будешь изводить себя, восстановление будет долгим.

— Но ведь это нам на руку, не так ли? — Я отвела взгляд. — Чтобы я как можно дольше была истощена?

— Почему ты так говоришь? — насторожился он.

Я глубоко вдохнула, посмотрела на него и сказала:

— Я знаю о драугре.

Влад опустил глаза. По его лицу трудно было что-то понять, тем более в темноте. Показалось, он совсем не готов отвечать и, как всегда, отделается молчанием. Но он спросил:

— Глеб?

Я покачала головой.

— Мишель.

— Не знал, что древним разрешено нарушать клятву глубинным кеном.

— Он не нарушал. Лишь намекнул, а остальное я додумала сама. Драугр ведь хочет кен сольвейга, верно?

Влад поднял глаза, и я на секунду испугалась — такой у него был взгляд. Почти дикий. По позвоночнику пробежал холодок страха.

— Не лезь в это, Полина, — очень серьезно произнес он. — Понимаю, что не могу запретить, так что считай это простым предупреждением.

— Или угрозой? — неожиданно смело спросила я.

— Нет. Предупреждением. Ты все равно ничего не изменишь, только испортишь все. —

Он помолчал немного, взглядываясь мне в лицо, потом взял за руку. — Прошу тебя, не стоит вмешиваться.

— Не рискуй атли, — прошептала я еле слышно, но он положил палец мне на губы, и совершенно расхотелось продолжать говорить. Во всяком случае, о колдунах и драуграх.

Его рука погладила по щеке, прошлась по волосам, пропуская между пальцев несколько прядей. Мое дыхание превратилось в свистящие звуки, я уже не могла да и не хотела скрывать, насколько мне приятны прикосновения. Бунтарка во мне призывала ненавидеть, но на миг даже она замолчала, сбита с толку неожиданной лаской.

Неожиданной? А разве не об этом ты мечтала тайно, лежа в чужой кровати, Полина?

От близости отделяло несколько мгновений — последних для того, чтобы что-то решить...

Я громко выдохнула и отстранила его руку.

— Не нужно.

— Кому ты отказываешь — себе или мне? — с насмешкой спросил Влад.

— Ты должен был сказать мне. Тогда. Предательство нельзя отменить причинами. Не затереть благими намерениями. Оно было. Как и кровь. Моя кровь. И шрамы на запястьях не дадут забыть.

— Подмена понятий. Себе гораздо проще простить, не так ли? Ведь решаешь ты. Только вот ты подставляла атли, когда впускала нали. Деторожденная никогда не заменит сильную пророчицу. Но ты рисковала всем ради мифического результата. Не спрашивала себя, почему я не противился?

— И почему же?

Мне правда было интересно, что он скажет. Ведь от него я ждала иной реакции — злости, непонимания, даже наказания. Да любой, кроме потакания.

— Потому что я кое-что понял. — Влад слегка улыбнулся, отчего его лицо стало невероятно обаятельным и милым. — Ты ведь готова почти на все, чтобы уберечь тех, кого любишь, не так ли?

Я промолчала, и он продолжил:

— Сделка с Таном, нали, Первозданные. Даже общение с древним охотником, который, по сути, должен ненавидеть тебя. Не думаешь о последствиях, потому как нужно спасти тех, кто тебе дорог. — Он прошелся пальцами по коже моего предплечья — снизу вверх, рождая неправильные, порочные мысли. Плавя мозг. Включая режим проклятия. — И ты не остановишься, верно? Пока не используешь все, что у тебя есть? Никогда не задумывалась, насколько мы похожи?

— Мы не похожи, — запротестовала я, но тут же замолчала. Его взгляд гипнотизировал, срывал последние маски. Напрасно я пряталась — от него никогда не получалось укрыться.

Влад приблизил свое лицо к моему. Улыбнулся. Недобро, хищно. И прошептал:

— А теперь спроси себя, что бы ты сделала, если бы на пути стоял я? Моя жизнь? Мои чувства?

И снова отстранился. Глаза горели, а я едва сдерживала слезы. Ком в горле жег огнем, грудь сдавило, и мне с трудом удавалось дышать.

Он неправ! Я бы никогда... никогда...

— Это мне в тебе и нравится, Полина. Ты — борец. Ты не остановишься. Будешь драться до последнего. И когда приходит беда, всегда знаешь, кого в первую очередь будешь защищать.

Глава 12. Блудная дочь

Глава 12. Блудная дочь

Я перебралась к себе. В ту же ночь — пока Влад был в душе. Он не возражал, а на следующий день сделал вид, что ничего не произошло. Хотя его слова — обжигающие, будоражащие сознание — не отпускали ни на миг. Впрочем, в патетике Влад всегда был силен, что уж спорить.

Нет, мы точно не похожи. Я, во всяком случае, не режу вены тем, кто меня любит. Не убиваю их детей, пусть даже они от страшных колдунов.

К слову, чувствовала я себя лучше. Проснулась на следующее утро — благо календарь теперь был всегда под боком — и даже смогла выйти на балкон. Воздух уже стал совсем холодным и по-осеннему тоскливым. Листья пожелтели и осыпались, только яркая газонная трава неумолимо напоминала об упущенном лете.

Молочно-белый туман растворял соседние дома, льнул к земле, путаясь в ветвистых кронах деревьев. Прелесть, а не утро! Была бы поэтом, непременно бы что-нибудь наваяла.

Руки так и чесались заняться поисками колдуна. Но я понимала, что слаба — и до ворот пешком не дойду. Как же соблюсти ту грань — когда ты достаточно силен, чтобы навалить Черно книжнику, но недостаточно — чтобы тебя слопал древний вампир? Дилемма. Хотя, что переживать — сейчас мне не грозит ни то, ни то.

Через пару часов снова начало клонить в сон. Кровать прям как парень в первые месяцы знакомства — так и тянет прильнуть. Обнять и расслабиться.

Ко вкусу карое я даже привыкла — рвотный рефлекс возникал через раз и со временем даже перестало тошнить. К тому же Рита принесла еды — бульон и сухарики. Я проглотила все с таким аппетитом, что на секунду даже возникло желание вылизать тарелку. И не мудрено — столько пить отвар из противных кустов.

Рита выглядела подавлено, в основном молчала и смотрела в пол. По ней сразу видно, когда происходят неприятности, поэтому я просто спросила:

— С Филиппом, что ли, поссорилась?

И попала в точку.

Сестра громко вздохнула, в своей обычной манере заломила руки, а глаза заблестели от набежавших слез.

— Он бросил меня, — произнесла обреченно. — Сказал, ему нужно подумать, но я-то вижу, как он на нее смотрит!

— На кого?

Она закатила глаза, словно я спросила самую большую глупость в мире.

— На Ларису.

— По-моему, ты преувеличиваешь, — нахмурилась я. — Насколько я знаю, у Лары есть мужчина. А в атли она бы предпочла вождя, а не жреца.

— То она, а то Филипп. К тому же вряд ли Влад в ближайшее время... — И замолчала.

— Что вряд ли?

— Ничего.

Я решила не уточнять. Если честно, то обсуждать Филиппа тоже не особо хотелось.

Хотелось говорить о колдуне. А еще лучше — найти его. Взять нож и...

— Ты вообще меня слушаешь? — прервал мои мысли обиженный голос сестры.

Я рассеянно кивнула, но, конечно же, ее не слушала. Была в тот момент далеко от дома атли — в неизвестном месте, наверняка угрюмом и страшном, рядом с дочерью, которую у меня отобрали теплой летней ночью.

Внезапно я поняла, что Кира близко. Так близко — только руку протяни, и достанешь. И так далеко, как не была даже тогда, когда на пороге брошенного Чернокнижником дома я выпустила первого нали. Потому что я впервые осознала до конца: Киры не было со мной. Так долго не было, что мое изорванное тревогами нутро занемело от боли.

И вот она в Липецке, а я не могу найти ее. Невыносимо!

Рита ушла, и больше ко мне никто не приходил. Наверное, все были заняты делами. Жизнь атли продолжается, и это правильно. Нельзя сдаваться никогда.

После обеда я решила спуститься вниз. Влада скорее всего не было дома, а иначе он бы давно зашел меня проведать. А это значит, никто не будет мешать. Идеально! Смогу увеличить площадь собственного заточения до первого этажа, а завтра попробую выйти на улицу.

Эта мысль усилила энтузиазм, и я, опираясь на стенку, вышла из комнаты. До гостиной добралась без приключений, хотя за перила держалась двумя руками — чтоб наверняка не свалиться.

Холл встретил непривычной тишиной и пустынностью. И куда все подевались? Впрочем, рабочий день ведь. А Алина с Ксенией вполне могли отправиться за продуктами или просто гулять в саду.

Идеальное время почитать в гостиной.

У меня, конечно, была читалка с кучей электронных книг, но ничто не заменит шелеста настоящих страниц, тяжесть увесистого томика на коленях и аромата свежесваренного чая. На чай я пока еще не способна, тем более Рита меня знатно накормила — больше все равно нельзя пока. А вот полистать книгу в полном одиночестве, с погружением в захватывающую историю было очень соблазнительно.

Дверь в кабинет оказалась приоткрыта, и я поняла, что там кто-то есть. А именно Филипп — он приглушенно разговаривал по телефону, причем, разговаривал с Владом о каких-то секретных важных делах. О чем Влад может секретничать с Филиппом, они же едва выносят друг друга?! Ну, просто замечательная приманка для моего любопытства!

Я остановилась в нескольких шагах от двери, схватилась рукой за массивный кованый торшер — для страховки, и прислушалась. Разговор, по-видимому, был в разгаре.

— Вы приезжаете вдвоем или митаки тоже? — спросил Филипп и сделал небольшую паузу, наверное, чтобы Влад ответил. — А остальные? На когда планируешь все? Уверен, что митаки — лучшее решение сейчас? — А затем пробормотал слегка раздраженно: — Как скажешь. Больно надо мне — лезть.

Я поняла, что Филипп положил трубку, и решила больше не крыться. Вообще. Даже в том, что слышала разговор — нормальные люди, когда обсуждают секретные вещи, закрывают дверь.

Поэтому я вошла и изобразила самую невинную из всех своих улыбок.

— Привет. А кто такие митаки?

Филипп вздрогнул.

— Ты напугала меня. Зачем спустилась? Влад говорил, ты еще слаба.

— Посильнее, чем кажусь. У нас будут гости? — Я подошла к стеллажу и сделала вид, что занята выбором книги, хотя на самом деле меня полностью поглотил разговор. Тревога на заднем плане зудела и не давала расслабиться.

— Думаю, да, — невозмутимо ответил Филипп. — Митаки живут в Воронеже. Влад считает, союз с ними значительно укрепит наши позиции.

— Союз?

В груди кольнуло и тут же занемело. Словно внутренности покрылись инеем. А кожа в мурашках, хотя в доме тепло. И взгляд Филиппа — слегка жалостливый, словно то, что он скажет дальше, может меня ранить.

— Свадьба. Венчание с Ириной Дирковой — дочерью вождя. А Влад разве не говорил тебе?

— Влад женится...

Я отвернулась. Взгляд скользнул по веренице книжных корешков, перепрыгнул на ламбрекен и задержался на голых ветвях за окном. Их качнуло порывом ветра, и последний желтый лист сорвался вниз. А мне почему-то вспомнился грязный снег в пронзительном свете фар. Прикосновение прохладной кожи к щеке. Смятение.

— Это укрепит атли, — зачем-то повторил Филипп уже тише.

— Да, конечно...

Голос был не моим — словно я слышу себя в записи — противным и скрипучим. В голову пришла вполне логичная мысль: другое племя поможет противостоять колдуну. Это хорошо. Хорошо ведь? Возможно, у них есть ищейки, которые уже сейчас разыскивают Тана. Возможно, именно для этого Влад...

Нет, он не стал бы для этого. Венчание же навсегда, до смерти.

Навсегда...

— Так будет лучше. — Рука Филиппа легла мне на плечо, и я вздрогнула. — Я еще тогда говорил: ничего хорошего эти союзы не приносят. Да ты и сама убедилась уже. Отпусти.

— О чем ты? Я оцениваю перспективы, — деловито произнесла я и вытащила первую попавшуюся книгу. «Унесенные ветром» — как символично. — Митаки — большое племя?

— Насколько я знаю, у них человек сорок, может больше. Много сильных бойцов и защитниц.

— Отлично.

— Ты бледная.

— Я истощена, забыл? Пойду залью в себя очередную порцию карое и баиньки. Завтра буду в седле.

Филипп не успел ответить. В кабинет заглянула Рита, на ее лице отчетливо различался испуг и смятение.

— Поля? — удивилась она. — Ты как здесь? Впрочем, неважно. Там в гостиной... все. — И скосила глаза в пол. Филиппа что ли, видеть не может?

А потом до меня дошел возможный смысл местоимения «все». Особенно в свете последних известий. Неужели митаки пожаловали? И она — таинственная дочь вождя. Сильная, наверное. Как пить дать защитница.

И вообще я не хочу о ней думать!

— И? — Филипп вопросительно смотрел на Риту, но она подняла глаза на меня.

— Думаю, тебе лучше увидеть самой.

В гостиной было шумно. Вернулись Глеб и Лара. Откуда-то незримой тенью появился

Алишер и занял свои обычное место — за креслом у камина. Наверное, некоторым людям проще, когда строго соблюден порядок в жизни. Помогает не потеряться в критических ситуациях. Монотонные выверенные движения — изо дня в день. Мне помогала злость.

Восточный воин вытянулся, как струна, и положил руку на плечо сидящей в кресле Лины.

Я ошиблась — Влад не приехал и не привез с собой неизвестную мне девушку, к которой я, даже не будучи знакома, относилась отнюдь необъективно. Пожаловал кое-кто другой.

Я замерла на выходе из коридора и вцепилась в руку Маргариты, потому что потрясений на сегодняшний день для слабой меня было слишком много.

На диване в окружении Лары и Глеба сидела Оля. Ее щеки покраснелись, а руки все мяти темную шерстяную шаль, которая лежала на коленях. Знахарка увидела меня и прижимисто улыбнулась, а потом посмотрела вперед.

Напротив, в одном из обтянутых золотистой парчой кресел, скрестив стройные ноги в обтягивающих джинсах, восседала миловидная темноволосая девушка. Высокий лоб, маленький курносый носик, аккуратное каре. Она обернулась ко мне, и было что-то неуловимо знакомое в теплом взгляде карих глаз, в мимолетной улыбке, в родинке на правой щеке...

Я видела ее раньше — в одном из снов.

— Ты Полина? — спросила она. Мягкий голос, вкрадчивый. Почему у меня так стучит сердце? — Пророчица атли, верно? — Она грациозно поднялась и сделала несколько шагов мне навстречу. — Я — Кира. Твоя дочь.

Глава 13. Долг платежом красен

Глава 13. Долг платежом красен

Трава во дворе только начала пробиваться через влажную, рыхлую почву. Зеленые клочки на коричневом. Я улыбаюсь. Ветер треплет распущенные волосы. Сегодня один из тех дней, когда мне почти не больно. Атли мертвы, но я чувствую себя живой. Частью мира.

Смотрю, как Кира делает неуклюжие шаги, наклоняется, чтобы поднять упущенную игрушку...

Карие глаза, слегка лукавые, смотрели не отрываясь.

«Она ждет ответа, — подумала я рассеянно. — Нужно что-то сказать. Хоть что-то. Ну же, Полина!»

— Ты это... зря так на нее все вывалила. — Глеб возник откуда-то справа, отеснил Риту и обнял меня за плечи, одновременно придерживая. Признаться, это было необходимо — ноги уже отказывались держать и так и норовили подогнуться.

Рухнуть на пол не хотелось. Хотелось проснуться — ведь наверняка это сон. Один из тех, туманных и таинственных, что снились мне иногда. Предупреждение: мол, не будешь искать, Кира вернется нескоро, взрослой.

Рука Глеба была на удивление теплой и крепкой. Разве во сне на такое обращаешь внимание?

— Я не хотела, то есть... Не знаю, как сказать. Как представиться. — Девушка выглядела жутко виноватой и смущенной. Посмотрела на меня и повела плечами. — Извини.

— Кире полтора года, — произнесла я тихо.

— Было, когда меня забрал охотник.

— Тан... Ее забрал колдун.

— Это сложно. — Брюнетка опустила глаза, и длинные пушистые ресницы отенили щеки.

Я слегка покачиваю колыбельку. Вчера Кире исполнилось два месяца — совсем еще кроха, но такая жизнелюбивая. Интересуется миром, впитывает его, словно губка воду. И почти совсем не спит. Когда я устаю, с ней возится Рита, но бог мой, как это прекрасно — наблюдать за спящим ребенком! Маленький теплый комочек. Смугленькое личико, пухлые щечки, длинные, слегка завитые ресницы. Несомненно, вырастет красавицей.

Вот она реальность — дикая и непредсказуемая. Место, из которого хочется сбежать. Спрятаться в куче прогретой солнцем листвы. Закрыть глаза и сказать себе: «Ничего не было. Все тебе приснилось, Полина...».

Сон не заканчивался. Проникал в душу взглядом темно-карих, миндалевидных глаз, таких знакомых, что от этого узнавания хотелось кричать.

Я оторвала взгляд от брюнетки и рассеянно спросила:

— Владу звонили?

— Он уже едет, — подала голос Лара.

Я кивнула.

— Нужно тебя устроить. Идем, покажу комнату, — сказала, не поднимая глаза на девушку. Назвать ее Кирой язык не поворачивался. — Переночуешь пока в гостевой, а завтра

решешь с Владом на счет того, где будешь жить.

— Тебе помочь? — встревоженно спросил Глеб, но я замотала головой.

Чувствовала себя паршиво, но силы были. Справлюсь. Потом подумаю, что с этим делать. Нельзя раскисать.

Сколько раз в последнее время я говорила себе эту фразу?

По лестнице мы поднимались молча — сначала я, а за мной неслышной тенью она. Я провела ее по длинному коридору к гостевой, вошла, открыла комод и достала чистое белье. На автомате перестелила постель, что вышло с трудом. Истощение давало о себе знать, возвращаясь бешеной сонливостью и болью в висках.

Ничего, скоро отдохну. Выпью карое, выплусь, а потом...

Что потом?

Если раньше у меня был стимул: найти Тана, забрать дочь, отомстить, то теперь все мои манипуляции с нали выглядели смешными и бесполезными.

— Ты устала? — осторожно спросила брюнетка. Это ее «ты» оцарапало слух. — Выглядишь нехорошо, словно долго не спала.

— Наоборот, я спала слишком долго, — не поворачивая головы, ответила я. — Это длинная история. Не уверена, что хочу рассказывать ее сейчас.

— Понимаю... — Она опустила глаза.

— Нет. Не понимаешь. И не поймешь. — Я громко выдохнула, глаза защипало от слез. От слез бессилия, обиды, невозможности изменить все, что произошло за эти сумасшедшие месяцы. — Я держала на руках ребенка, покупала одежду вот такого размера. — Я развела руки в стороны, обозначая длину детских платьев. — Укладывала в кроватку и подолгу наблюдала, как она... как ты спишь... Посмотри на себя — ты взрослая. Совершенно другая. Незнакомый мне человек. И все, что я делала, чтобы вернуть тебя — напрасно. Потому, что какому-то гребаному колдуну захотелось поиграть человеческими жизнями!

— Не говори так.

— Если честно, я вообще не знаю, как с тобой говорить. О чем... — Я присела на кровать, приложила ладони к пылающим щекам. — Сюрреализм какой-то...

Она опустилась рядом. Молча. Не убеждала ни в чем, не лезла с расспросами. Сложила руки на коленях и посмотрела вперед. А мне безумно — до боли в грудной клетке — захотелось ее обнять. Обнять хоть кого-то, ведь так обычно поступают, когда возвращаются близкие?

Но вместо этого я спросила:

— Где ты была все это время? Почему так быстро повзрослела? Оля же совсем не изменилась, а ты...

— Оля всегда оставалась здесь. Мы с Таном были далеко, за гранью. В мирах, где время идет по-другому.

— Как в хельзе?

— Сложнее. В хельзу не пройти живым. Лишь мертвый может провести. В тех мирах где жили мы, много опасностей. Но и кена там достаточно. В одном из таких миров время течет быстрее. Нам пришлось задержаться...

— Вам пришлось? — перебила я. Посмотрела на нее недоверчиво. Кира заправила волосы за ухо — мимолетным выверенным движением. Незнакомым мне жестом. В глаза не смотрела. — Что значит это — «вам»?

— Тан говорил, что ты будешь злиться...

Она вздохнула.

Ответ всегда был на виду. Переиграть тысячелетнего колдуна невозможно, даже если ты сольвейг. Мало просто швыряться смертельным кеном — нужно уметь думать головой. Думать — вообще главное. А ты не думаешь, Полина. Никогда. Все было очевидно в тот день, когда ты заключила ту чертову сделку. Вот она — плата. Слишком высокая для тебя...

— Не нужно нас ненавидеть, — произнесла Кира, и в голосе мне явно послышалась обреченность.

— Нет. Не говори. Не хочу слышать.

Я встала, подошла к двери. Зажала рот ладонью.

У Глеба всегда грязно. Не умеет убирать за собой, поэтому приходится мне. В этом есть нечто притягательное — тайно приходит к нему, пока атли разбредаются по своим делам. Готовить, наводить порядок, а потом проводить некоторое время, валяясь на диване. В последнее время валяться у меня получалось с трудом — мешал живот.

— Толкается? — Глеб смотрит лукаво, и я не могу сдержать улыбки.

— Боевая.

— И уж точно выберет себе такого же боевого. Надеюсь только, что проклятие на нее не повлияет — девчонка все же.

— Не повлияет, если не возьмет мой дар, — говорю. — Надеюсь, она родится защитницей.

— Выйдет за воина какого-нибудь племени — неотесанного здоровяка и покинет наш дурдом, — смеется Глеб.

— Я люблю его.

Неправильные слова, не хочу их слышать. Незачем озвучивать — я и так все поняла.

— Ложись спать, — бросила я через плечо. Смотреть на Киру не решилась — поняла, что разревусь. От обиды на собственную глупость и недалёковидность. — Увидимся утром.

И вышла. К себе не пошла — решительно направилась в комнату Влада.

Код сейфа он сам мне выдал — в тот день, когда Глеб привез клинок. Не знаю, что это было — то ли странная демонстрация доверия, то ли обычная подстраховка, но я была рада, что Влад тогда поделился со мной. Ведь теперь я могла подержать его в руках — единственное оружие, способное убить Чернокнижника.

Злость черным застилала глаза, побуждала забрать клинок и сейчас же найти колдуна. Вспомнился амулет, изрисованный рунами. Можно ли с его помощью призвать Альрика?

Нет, охотники не станут связываться — Сар тогда явно дал понять, что Чернокнижник не их забота. А Альрику наверняка будет интересно посмотреть, как мы с Владом теперь выкрутимся.

Он знал! Альрик знал, ведь говорил о Кире, о том, что она жива.

Дохлый номер. Придется думать самим. Но что тут думать? Сейчас приедет Влад, и я вынуждена буду врать, как рада союзу Киры с колдуном. Это будет последней каплей, как пить дать. Влад и так слишком долго терпел мои выходки.

Отличный ход, ничего не скажешь. Тан одним махом и Киру в себя влюбил, и связал мне руки, и поссорил нас с Владом.

Единственное, что у нас есть — этот нож. Смогу ли я воспользоваться им? Смогу ли потом смотреть в глаза собственному повзрослевшему ребенку, видеть ее слезы, понимать, что отняла то, что дорого ей?

Несостоявшееся орудие убийства выпало из рук и с мягким звуком приземлилось на

ковер.

Нет, не так нужно действовать. Убедить Киру в подлой сущности Тана будет непросто, но не невозможно. Если она посвятится в племя, то станет полноценной атли, а Тан — нет. Кира обязуется жить в этом доме и повиноваться вождю. Если только не отречется...

Я замотала головой, прогоняя собственные страхи. Кира не отречется. Тану ведь нужно племя, он не позволит ей.

Только вот как ее убедить? Противиться их союзу я не могу. Стоп! Не могу перед Владом, но с дочерью поговорить имею право. Как мать.

Не думала, что такие разговоры у нас начнутся так быстро. И я к ним точно не готова.

Не знаю, сколько я еще просидела на полу. Уже давно стемнело и, наверное, перевалило за полночь. Где, черт возьми, носит Влада?!

Ты в курсе, где, Полина. Он в Воронеже с невестой. А путь оттуда не близок...

Нет, об этом точно думать не стоит. Женится и ладно. Переживу. Проклятие не смертельно, к тому же я уже привыкла к его вечно зудящему присутствию.

Я устало поднялась и вернула нож на место. Его время еще не пришло, и я не готова.

Вышла из спальни Влада. Думала, удастся поговорить с Кирой, выведать о ее жизни, мировоззрении. Узнать ее получше. Но дочь уже спала. Безмятежно раскинувшись на кровати, как была, в одежде — ведь пижаму ей не дали — забралась под одеяло и мирно дышала.

Глядя, как она спит — совершенно взрослая, почти ровесница мне, я ощутила себя обманутой. Косички, куклы, первые секреты, кружки и школа — все это отняли у меня. У нас. Вырвали важный кусок жизни и выбросили на помойку. И вот к чему мы пришли. У меня взрослая дочь, влюбленная в древнего манипулятора, а я совершенно не знаю, что с этим делать.

Но узнаю. Надоело быть ведомой и постоянно получать пинки от судьбы. Я и сама могу пнуть. Тан, конечно, силен, но Влад правду сказал: если бы колдун мог получить атли, он бы взял силой. Значит, не может.

Только вот он, скорее всего, восстановился после воскрешения. Уверена, в тех мирах, о которых говорила Кира, Тан собрал немало кена. Возможно, мы и вырвали его оттуда, но накопил он достаточно.

А я слаба. Нет, сейчас точно не время. Нужно набраться сил, подумать, составить план. Хоть какой-то.

Я погладила спящую дочь по волосам. Осторожно, чтобы не разбудить, не потревожить лишним движением такую милую безмятежность. Да, пусть она взрослая, но жива. Вернулась в дом атли, говорит с нами, а ведь Тан мог настроить ее против меня. Не стал. Понятное дело, ему это выгодно, но все же.

Кира со мной. Живая. Остальное придет, я больше чем уверена. Я смогу убедить ее — медленно, без скандалов, постепенно оставляя в ее душе крохи сомнения. Ведь именно так поступают мудрые матери.

А плата за воскрешение атли станет моим козырем, ведь если я поддержу их союз перед Владом, выступлю против него на совете, это добавит мне очков в глазах Киры. Наполнит чашу ее доверия.

Маленькая, похожая на тлеющий уголек надежда придала сил. Нам всегда нужен стимул, чтобы бороться. Нечто, ради чего игра стоит свеч.

В коридоре я столкнулась с Глебом. Вернее, он ждал меня у двери, быстро набирая

текст на мобильном. Поднял глаза, и я поняла все, что он хотел сказать. Глеб никогда не мог от меня укрыться.

— Она спит, — сказала я устало.

— Оставил тебе карое. Кирилл сварил только что.

— Хорошо.

— Влад вернулся. Слушай, тут такое дело...

— Он женится, знаю, — перебила я. — На дочери вождя митаки.

— Надо было сказать раньше, но тебе было не до того.

— Мне и сейчас не до того. Нужно решать, что делать с Таном. У него явно какой-то план, а у меня только и осталось, что ахи-вздохи. Колдун исковеркал мне жизнь и черта с два я это так оставлю!

— Когда ты такая воинственная, мне становится легче, — признался Глеб. — Понимаю, что наломаешь дров, но все лучше, чем когда ревешь.

— Реветь не буду, — пообещала я. — Где Влад?

— Внизу. Говорит с Олей. Ее, оказывается, прихватили для страховки. Чтобы она Киру домой привезла. Ну и чтобы нас запутать. Тан точно повернутый.

— Скорее, продуманный, — пробормотала я. — Подождешь меня? Не хочу сегодня оставаться одна.

— Тебе помочь? — полунасмешливо-полувстревоженно спросил Глеб.

— Справлюсь.

В успех верилось мало. Я всегда была слабее Влада морально, а сейчас и подавно. Поэтому просто скажу, как есть, выслушаю приговор и отправлюсь спать. Хуже сегодняшнего дня придумать сложно, но раз я его пережила в состоянии истощения, значит, переживу и остальное.

Ее я увидела еще с вершины лестницы. Почему-то ждала, что она будет похожа на Лару — подсознательно готовилась сравнивать. И ошиблась.

Невысокая, но стройная, в коротенькой джинсовой курточке и темными волосами, собранными в пучок, девушка совершенно не напоминала принцессу. Не красавица, хотя симпатичная, бесспорно. Только осанка королевская и подбородок вздернут. Не надменно, скорее гордо.

Она смотрела на Влада, который, по-видимому, выпытывал подробности о колдуне у Оли. Лицо целительницы бледным пятном контрастировало с полумраком гостиной.

Наверное, я слишком долго смотрела. Девушка заметила меня, а вслед за ней и Влад. Он тут же нахмурился и отстал от знахарки.

— Ты зачем поднялась?

— Обстоятельства, — уклончиво ответила я и покосилась на его подругу. — Мы можем поговорить?

— Закончу тут и зайду.

— У меня Глеб. Да и вымоталась я, усну наверняка сразу.

Он кивнул.

— Хорошо, идем. — И повернулся к невесте. — Поднимайся вверх.

Это «наверх» прозвучало как приговор. Хотя в тот момент мне было все равно, даже если бы они занялись сексом прямо в гостиной. Настолько устала. Но разговор откладывать уже не могла.

Хвойный запах в кабинете всколыхнул воспоминания. Плохие ассоциации — тут мы

всегда ссоримся или целуемся. Наши с Владом разговоры вряд ли можно назвать нормальными, а отношения — здоровыми. Но у меня вообще такая сумасшедшая жизнь, что я удивлена, как еще не свихнулась.

— Кира уже не ребенок, — устало произнесла я и присела в одно из кресел. Казалось, усну прямо там, стоит только закрыть глаза.

Влад приблизился, положил руку на плечо. Хотела сбросить — нечего тут любезничать, когда невеста в доме — но не смогла. Чисто физически. Пусть себе лежит.

— Не могу представить, что ты сейчас чувствуешь, но обещаю, колдун заплатит, — тихо сказал он.

— Она его любит. Кира любит Тана. Она сама мне сказала.

— Бред! Дурь и блажь. Кира — атли, а никто из атли не поддержит эту связь.

— Я поддержу.

Влад застыл. Окаменел буквально. Удивился, наверное.

— Прости, что? — Голос тихий, вкрадчивый. Я слишком хорошо его знаю, чтобы понимать, что это значит. Но отступить было поздно, поэтому я рассказала все, как есть. Без утайки. И о сделке, и о плате.

Воздух стал тяжелым, спертым, и мало отличался на вдохе от того, что на выдохе. Открыть бы окно, впустить немного кислорода. А затем свернуться клубочком и проспать пару дней.

Несколько секунд Влад молчал, только пальцы непроизвольно сжались, причиняя мне боль. А потом он убрал руку. Отошел, отвернулся, словно не желал продолжать разговор. Только бросил через плечо:

— Иди спать, Полина.

Холодным, безразличным голосом. И показалось, что между нами выросла стена такой толщины, что мне никогда через нее не пробиться. Или сгорел очередной мост.

Последний? Вряд ли. Но запас мостов не безграничен...

По дороге в свою комнату я несколько раз останавливалась. Хотелось лечь сначала в коридоре, затем в гостиной на диване, потом на лестнице. Но я выиграла еще одну эпическую битву, открыла дверь своей спальни и буквально ввалилась внутрь.

Помню, как Глеб подхватил меня на руки, уложил на кровать. Я уже почти отключилась, когда он приподнял мне голову и почти насильно влил в рот карое. Кажется, я не смогла выпить все. Мне было все равно, я уже спала.

Глава 14. Перспективы

Есть одна очень умная пословица: «Темнее всего перед рассветом». Если это правда, то солнце явно припоздало.

Проснувшись я поздно, около часа дня. Шея затекла с непривычки спать с кем-то в обнимку — всю ночь я прижималась к Глебу, беспокойно просыпаясь и обнимая его сильнее. Все время казалось, что замерзну, я дрожала и куталась в одеяло, а Глеб гладил по голове, шептал что-то, но я не помнила слов. Все было, как в тумане.

Под утро, когда за окном засерело, мне полегчало. Небытие окутало теплом, я погрузилась в спокойный сон без сновидений и тревог.

Открыв глаза, не смогла сдержать улыбки. Спящее лицо друга — маска безмятежности и спокойствия — умиляло. А ведь, по сути, в этом человеке сконцентрировалось все хорошее, что было в моей жизни.

Доверие и надежность.

Пожалуй, главное, ведь мы всегда ищем то, чего нам не хватает.

Я осторожно поднялась, порылась в карманах его куртки, вышла на балкон. Свежий октябрьский воздух охлаждал обнаженные ноги. Я сильнее запахнула халат, чиркнула зажигалкой. Потом долго смотрела, как тонкая струйка дыма извивается в витиеватом танце, устремляется вверх и растворяется где-то в поднебесье.

Вчерашний день виделся каким-то нереальным, туманным и оттого тревожным. Но все же ненастоящим. Показалось: выйду из комнаты, а у атли все по-прежнему, как до прихода колдуна: нет никаких повзрослевших детей, магических клинков и симпатичных невест. Я не впускала нали, не общалась с охотниками, а Первозданный не проникал мне в жилу, чтобы забрать весь кен.

Жаль, что нельзя убежать от реальности, выдумать себе новую и жить припеваючи...

— Поля?

Я обернулась. Глеб сидел на кровати, ворошил торчащие во все стороны волосы и выглядел при этом очень мило. Как хорошо, что я все еще замечаю такие вещи.

— Спи. Я тут постою...

— Черта с два, Полевая! — Он резко поднялся и через секунду уже был рядом со мной. — Хочешь реветь, реви при мне.

— Не хочу я реветь. Думаю. — Я повернулась и посмотрела на заспанного друга. — Пытаюсь разгадать замыслы колдуна. Кира вернулась влюбленной в него, и я не уверена, что смогу убить Тана.

— Вермунд сможет, — буркнул Глеб и тоже подкурил.

Несколько минут мы стояли молча, каждый в своих мыслях, и я понимала, что Глеб по-своему прав. Может, мне стоит отойти в сторону и посмотреть, как Влад собственноручно расправится с Таном? В конце концов, колдун — не в семье, и его спокойно можно убить. Закон позволяет, пока он непосвященный. Но ведь Тан предусмотрел это, несомненно. Как войти в племя. От этой мысли стало моторошно, и я невольно поежилась.

— Не переживай, Тана никто не посвятит, — словно прочитав мои мысли, успокоил

меня Глеб. — По сути, это может сделать Филипп или Влад, но Влад не станет, а Филипп слишком труслив.

— Если только Тан не найдет способа повлиять на него. Рита говорила, он к Ларе подкатывал.

— Влад вряд ли позволит Тану второй раз одну аферу с Ларой провернуть. Да и вообще с кем-то еще.

— Кроме Киры, — мрачно произнесла я.

Глеб ничего не ответил. Подкурил еще одну сигарету и устремил взгляд в чистое осеннее небо, прозрачное, голубое с рваными облаками, медленно ползущими на запад.

В дверь постучали. Робко и тихо, но я вздрогнула. Открывать не пришлось — в комнату осторожно скользнула Кира и смущенно улыбнулась.

— Можно?

Отчего-то стало не по себе. Ее возраст — как камень преткновения теперь. И ничего не поделаешь.

— Конечно, входи, — я нервно улыбнулась, зыркнула на Глеба. Он понимающе кивнул.

— Пойду напрямую Кирилла, пусть сварит очередную порцию той гадости.

С его уходом пришла неловкость. Сковала движения, мысли, заставила ощущать себя неуверенно. А еще стало стыдно: курю тут перед ребенком. Хотя какой она ребенок?

— Сколько тебе лет? — спросила я, входя обратно в комнату и закрывая балконную дверь.

— Восемнадцать, — ответила Кира и нервно улыбнулась.

Она наверняка чувствует себя так же, как я. Пришла в дом к незнакомым людям, к женщине почти одного с ней возраста, которую нужно считать матерью. И это притом, что много лет ее растил мужчина, ненавистный в этих стенах.

— Почему ты вернулась? Тан приказал?

— Тан не приказывает мне, — улыбнулась она. Улыбка у нее была мягкая, а голос — вкрадчивый и безумно приятный. — Он попросил. Считает, что жить в племени — благодать для хищного. Он, как никто, знает это.

Благодать — как пафосно! Они все, древние, помешаны на благодати?

— Тан хочет возглавить атли, а не просто жить в племени. Он ненавидит твоего отца и заставил охотника выкрасть тебя из нашего дома.

— Говорю же, все сложно. — Кира опустила глаза и присела на край кровати. Скромно так присела, и я отметила задатки хорошего воспитания. Ну не мог Тан воспитать ее хорошо! Он же зло во плоти!

— Где он сейчас? Я имею в виду, где живет? Не под забором же у нас.

— У Тана много возможностей, не стоит за него переживать.

И снова легкая улыбка, отчужденность. Наверное, будет сложнее, чем я думала. Давить боюсь, а мягко о колдуне вряд ли смогу говорить в ближайшее время.

— Я могу с ним встретиться? Поговорить?

— Конечно, почему нет.

— Сегодня?

Кира нахмурилась, пристально вглядываясь мне в лицо.

— Ты слаба? Болееешь?

— Истощение. Переусердствовала в попытках тебя вернуть.

— Мне жаль. Но я рада, что дома. Честно. И хотела бы... — Она замаялась, но потом

резко вскинулась и выпалила: — Хотела бы, чтобы и вы были рады. Ты и... Влад.

— Мы рады, — сдавленно ответила я и присела рядом. — Но пойми, еще совсем недавно ты была крохой, а теперь...

Тошнота подкатила к горлу, перед глазами возникла молочная, беспросветная пелена. Сердце стучало так быстро, что казалось, сейчас выпрыгнет.

— Не плачь... — Руки коснулась теплая ладонь, переплела пальцы, и я закусила губу, чтобы не разрыдаться в голос.

— Ты же чужая совсем! — всхлипнула, стараясь оставаться в реальности, не поддаваться отчаянию, что разрывало изнутри.

— Я не чужая, — ответила она, и в голосе было столько уверенности, что я невольно подняла голову. Темно-карие глаза смотрели — словно в душу заглядывали. Уверяли, заряжали спокойствием. Кира глубоко вздохнула и упрямо повторила: — Не чужая.

Я вдыхала обжигающий, вязкий воздух. Сжимала изящную ладонку и боялась, что сейчас Кира отнимет руку, и все закончится. И внезапная близость, и искренность, и радость. Уйдет, как вода в сухую, растрескавшуюся от жары землю. И я останусь ни с чем.

Кира руку не забирала, смотрела так же благожелательно, тепло. И, показалось, тоже надеялась. На то, что ее примут в семью, посвятят в таинство племени, и она станет частью целого, а не отломанной, ненужной деталью.

Удивительно, насколько нам, хищным, важно жить среди людей, чужих по сути, но таких близких энергетически. Законы выживания? Инстинкты? Возможно. Даже несмотря на недоразумения, я не представляла себя без атли. Одной. Жутко. Что с нами делает посвящение?

Так, наверное, сотни лет ощущал себя Чернокнижник Алекс Тан. Выброшенный за ненадобностью, обиженный, обозленный с обостренным чувством справедливости.

Только вот тех, кто обидел его, давным-давно нет. Умерли, разложились, возможно, переродились. И канули. А ненависть осталась. Подпитываемая огромным нерастраченным потенциалом воина, которого лишили права драться за свою семью. Уже и семьи-то той нет, а он все рвется, борется за возможность взять принадлежащее ему по праву.

Мы с Кирой проговорили до вечера. О ее детстве, путешествиях по различным, неподвластным моему пониманию измерениям, взрослении. Постепенно она открывалась мне — девочка, выросшая в среде темных ритуалов и опасных приключений. Непосредственная, милая и воздушная, но в то же время абсолютно уверенная в себе и сильная.

Временами ее разговор становился сбивчивым, она теряла нить, возвращалась в начало, пытаясь вспомнить, что же на самом деле хотела сказать. А я впитывала каждое ее слово, каждый вздох, понимая, насколько соскучилась. И внезапно поняла, что горжусь ею. Смелая, отважная, она прошла через множество темных, мрачных измерений рядом с человеком, которого считала всем. Учителем. Любовником. Богом.

И почему-то вспомнилась я сама — маленькая мечтательница в голубом ситцевом сарафане — в день, когда впервые встретила Влада. Одна косичка растрепалась, щеки покраснелись от смеха — мы с Викой безумно радовались окончанию школы и будущей счастливой взрослой жизни.

Сознание тут же оживило в памяти первую улыбку, прикосновение, голос. И головокружение от счастья, что он посмотрел на меня, заговорил со мной. Заметил.

А теперь на моем месте была Кира. Ведь так же, как и Влад тогда, Тан привязал ее к

себе в угоду корысти, а не любви.

И ненависть к колдуну, приглушенная сочувствием, вновь проснулась. Разгорелась, как пожар, обжигая, плавя грудь.

И я точно знала: он причинит ей боль. А этого я допустить никак не могу. Мысли вернулись к сейфу, где скрытый за массивной дверью с кодовым замком, лежал клинок. И тогда уже в голове зародилась неоформленная, но твердая мысль: я убью Чернокнижника.

На следующее утро я ощущала себя здоровой. Уставшей, невыспавшейся, но здоровой. Кен возвращался, накапливался и давал возможность здраво рассуждать.

Убить Тана не так утопично. Влад в это верит, а значит, и я поверю. Нужно только составить план и никому не говорить ни слова. Кроме Глеба. Одна я не справлюсь, а он единственный в атли, кто не сдаст.

А еще нужно поговорить с колдуном. Обозначить его намерения, хотя бы примерно. Я понимала, что не смогу его просчитать — тысяча лет не шутки, в самом-то деле. Но поговорить-то могу. Тем более, что повод у меня есть — Кира и клятва, будь она неладна! Хотя, если отбросить ненависть к Чернокнижнику и последствия той сделки, даже не знаю, как поступила бы, вернись в то время. Оставила бы атли гнить в земле, или на свой страх и риск пошла бы вновь на невыгодное соглашение?

Ведь без Глеба и жизнь не жизнь, а так — существование. Особенно теперь.

Влад меня всячески игнорировал. Общался с невестой, а она отвечала, слегка улыбаясь, и брала его за руку — с какой-то особой нежностью и теплотой. Или казалось? Кто знает, что было реальностью, а что искажало в угоду собственным страстям проклятие древней колдуньи.

Как же достало оно! Избавиться бы, сбросить... Освободиться навсегда от маниакального влечения к тому, кто не будет моим никогда.

Избавиться...

Мимолетная мысль — нелепая, но интуитивно правильная — ворвалась в мозг, но тут же улетучилась. Мне на плечо легла мягкая ладонь, и я резко обернулась.

— Кира.

— Ты хотела встретиться с Таном. Вот. — Она незаметно сунула мне в руку скомканную бумажку. — Тут адрес. Я не поеду — не хочу злить Влада.

Я невольно обернулась и встретила взглядом с рассерженными зелеными глазами. Куда уж больше злить-то? Сейчас испепелит меня на месте, и Кире достанется.

Я рассеянно кивнула и отвернулась от него. Может, и к лучшему, что он сейчас занят Ириной. Не будет мне мешать. Надеюсь лишь, что не сменит код от сейфа.

Вспомнился вчерашний разговор с дочерью. Кира понимала, чего хочет Тан. На самом деле понимала. Но считала, что совет не поддержит колдуна все равно, а поединок... Тан на него не отважится потому, что любит ее. Вызвать Влада будет огромной жестокостью с его стороны, и Кира убежденно считала, что Тан на такое не пойдет.

Ха! Знаю я цену этой любви. И правдивость таких обещаний.

Впрочем, если колдун все же вызовет Влада, Кира в нем разочаруется.

Кожа тут же покрылась крупными мурашками.

Поединок — очень простой ритуал. Когда двое не могут поделить что-то в племени, они дерутся. Без применения магии и опасных уловок. Поединок — честный бой. И простой — маши себе мечом, пока кто-то не будет повержен или убит. Победивший дает шанс поверженному отдать трофей добровольно. Если тот соглашается, победивший сохраняет

ему жизнь. Отказ приравнен смерти. Таковы правила.

Если Влад проиграет, он ни за что не прогнется. Я просто знала это. Не перед Таном. Перед кем угодно поступится, но колдуну не даст себя унизить. А значит, умрет.

От этих мыслей стало холодно. Мороз поднялся от копчика по спине, накрыл мягким покрывалом плечи, заскользил вниз по рукам.

Как бы ни ненавидела я Влада когда-то, та ненависть расплескалась, высохла в тепле дома, среди знакомых и родных лиц. Не идеальных, да. Но кто из нас идеален? Сегодня мы с Владом по одну сторону баррикад, а значит, личное нужно отодвинуть в сторону. Никто не запрещает ненавидеть его потом.

Держа руку дочери вчера, я замышляла убийство ее мужчины. И сейчас замышляю. Потому что если он войдет в атли, если возглавит нас, племя ждет ад. Интуиция пророчицы не врет никогда. Беду я чувствовала затылком, словно она подобралась близко. Только руку протяни — затащит в темную бездну. И не только меня — всех. И Киру тоже. Хотя она и так уже одной ногой там.

Глеба я нашла на кухне. С Ларой. Защитница, которая говорила что-то Глебу, замолчала и отвернулась, как только я вошла. Глеб протянул мне чашку с карое, и я поморщилась.

— Мне нужно в город, — сказала, допивая последний глоток омерзительной жижи. — Отвезешь?

— А Вермунд мне голову не открутит? — улыбнулся Глеб, на что Лара фыркнула.

— Думаю, Владу сейчас не до нас, — ответила за меня защитница и качнула головой в сторону гостиной. — Он развлекает девчонку из митаки.

Похоже, ей все еще больно. Да уж, теперь мы с ней подружки по несчастью.

Если только...

— Так как, отвезешь? — отгоняя навязчивые, опасные мысли, я повернулась к Глебу.

— Без проблем.

Из дома мы выскользнули незаметно. В гостиной собрались все атли, невеста Влада улыбалась и рассказывала какую-то занятную историю, кто-то хихикал, кто-то уточнял, а кто-то шутил в ответ. В груди болезненно заныло оттого, насколько своей чувствовала себя эта девушка в племени, куда я так до конца и не вписалась.

Что поделаешь, я — сольвейг. Почти пришелец из другой галактики.

На улице полегчало. Я вдохнула прохладный чистый воздух, подняла лицо к небу, искренне желая, чтобы пошел дождь. Но небо было ясно-голубым, слепящим и совершенно не предвещающим непогоды. Ну и ладно!

— Держишься? — Глеб заботливо обнял за плечи и протянул мне мотоциклетный шлем.

— Можно я у тебя поживу? На Достоевского? И Киру с собой заберу, если захочет.

— Не боишься колдуна? — нахмурился Глеб.

— Если бы Тан хотел причинить мне вред, давно причинил бы. К тому же тут я просто свихнусь. Кому от этого польза?

Глеб пожал плечами.

— Поэтому ты сейчас сбегаешь?

— Дело есть в городе. И не одно, а целых три. Работа мне нужна — хватит на шее у Влада сидеть. Вику давно не видела, а ведь она мне почти что сестрой была. И вот, — показала листок, что сунула Кира, — адрес колдуна. Пусть скажет, что ему на самом деле нужно от атли.

— С ума сбрендил! — почти выкрикнул Глеб, потом покосился в сторону дома, взял меня за локоть и прошипел: — Иногда я полностью согласен с Ларисой — ты чокнутая.

— А пусть он посмотрит мне в глаза и ответит, зачем похищал Киру. Зачем весной стряс с меня клятву, что я поддержу их союз на совете, пойду против воли Влада. А может, у него уже и для Филиппа что-то приготовлено. Ведь Влад ни за что не примет колдуна в племя. А если Филипп посвятит Тана... — Я вздохнула, отгоняя мрачные мысли. — Поединок — не шутки, Глеб.

— Думаешь, что сможешь повлиять на его исход?

— Смогу, — процедила я. — У меня есть план.

— Фига се! Рассказывай.

— Потом, — отмахнулась и тоже посмотрела на светлые стены. Словно они могли услышать наш разговор и помешать исполнению дикого, сумасшедшего замысла, который сегодня родился в моем больном мозгу. — Не здесь.

Наверное, Лара права — я чокнутая. Но почему-то именно в тот момент я не сомневалась, что поступаю правильно. Наверное, во мне разыграл эгоизм, а может, нежелание страдать. Усталость. Надежда на будущее без терзаний.

Или же я просто хотела защитить дочь... Не знаю.

Возможно, все это вместе. А еще дикий страх. Он подкрался темным клубящимся туманом и казалось, обволакивал меня со всех сторон. Сдавливало тисками сердце, заставляло дрожать и пятиться.

Но я не собиралась больше пятиться. С того самого момента, как, царапая ногтями пол в заброшенном доме, выгнала первого нали, я ощущала себя иной. Взрослее. Жестче. Сильнее.

И циничнее.

В городе мне стало не по себе. Воспоминания, заботливо скрытые памятью, медленно возвращались, наваливались скопом и душили.

Вот я, шатаюсь, выхожу из здания, где собирался совет древних. Зажимаю кулон в руке, и губы шепчут: «Только бы не потерять, не выронить!». Затем иду по улице, глаза слипаются, щиплют, и хочется спать. Прямо здесь. На улице. Лечь на асфальт, свернуться калачиком и уснуть.

Затем мелькают лица, сливаясь в одну невыразительную маску, и плывут, плывут...

— Может, все же не стоит? — Голос Глеба вырвал из воспоминаний и возвратил в реальность.

Я замотала головой и посмотрела на новоявленное жилище Тана.

Дом. Заурядный, небольшой, с прохудившейся шиферной крышей в небогатом районе. Денег нет, что ли, снять приличный? Хотя откуда они — столько мотаться по иным мирам.

Лучше бы работать устроился в приличную фирму! Тогда бы и выбросил из головы мысли об опасных поединках и соблазнении дочерей своих врагов.

— Побудь здесь, я сама, — бросила через плечо, вручая Глебу шлем и не сводя взгляда с высоких железных ворот. Краска на них облупилась, кое-где обнажая ржавую поверхность металла.

— Не думаю, что стоит идти туда одной...

— Стоит, — уверенно ответила я и толкнула калитку.

Поддалась.

Я вошла в заросший сорняками дворик. Не ухоженный газон забросало опавшей листвой с покореженной яблони. На газоне приуныл прохудившийся столик на металлических

ножках, перекошенный и грязный, а рядом притаилась трухлявая лавочка.

Да уж, я на месте Тана тоже мечтала бы посвятиться в атли и переехать в просторный и чистый дом.

Дверь в новоявленное жилище колдуна, к слову, была новая, массивная, двустворчатая с золотым молоточком и большим глазком. Смотрелось нелепо, но Тан древний, а у них свои причуды. Я постучала.

Дверь открылась через минуту, и за эту минуту, казалось, в голове пронесся торнадо. От мыслей не осталось и следа — пустыня. Только пульс отдавался в висках гулким, тяжелым стуком.

А потом появился он.

Чернокнижник.

Улыбнулся, склонил голову набок и сказал:

— А я думал, струсишь.

Словно ничего не произошло. Словно мы просто повздорили о мелочи, и он вовсе не похищал моего ребенка.

Ярость поднялась откуда-то из живота, будто из самой жилы, забурлила в груди, заклокотала, отдаваясь шумом в ушах. И затихшие мысли ворвались в мозг жужжащими дикими пчелами.

А напротив на меня лукаво смотрели черные глаза колдуна.

— Ударишь? Или так и будешь стоять на пороге?

Вдох. Еще один.

Успокоиться.

Я заставила себя отрешиться от злости, обиды и боли последних месяцев. Забыть о том, кто я и кто тот человек, что стоит передо мной. И помнить лишь слова, заранее оформленные в голове. И только по существу.

Холодная голова — залог успеха.

— Гореть тебе в аду, Чернокнижник, — безэмоционально сказала я.

— Мне и без твоих проклятий туда дорога, — ответил он спокойно. — Но я полон энтузиазма, что смогу немного отсрочить эту поездку. В последнюю тысячу лет мне это прекрасно удавалось, не находишь?

— Ты зря настолько самоуверен, — резко бросила я и, отодвинув колдуна в сторону, шагнула внутрь.

Мне не было страшно. Совсем. Возможно, адреналина выплеснулось так много, что это окончательно отключило мне мозг. А может, Тан действительно не хотел причинить мне вреда. Интуиция молчала.

Внутри было так же грязно и пыльно. Старое разломанное пианино в углу, ветхий диван, накрытый синим клетчатым пледом с бахромой. Торшер без абажура справа. И полуистертый, выкрашенный бурой краской пол.

Я почувствовала радость от того, что Кира вернулась в дом атли, а не делит это жилище со своим избранником.

— Ты совершенно без сил, пророчица, — как ни в чем не бывало произнес колдун. — Хотя, возможно, это и к лучшему.

— Я совершенно без сил, как ты правильно выразился, потому что вернула тебя в город, — огрызнулась я. — Не стоит недооценивать атли.

— Что ты, и в мыслях не было! — темная бровь поползла вверх, и Тан усмехнулся. —

Так это была ты. Коварно!

— Не более, чем выкрасть мою дочь с помощью древнего охотника.

— Я не мог иначе. Она — моя судьба. Я говорил тебе, кажется... — Он сделал вид, что призадумался, и тут же оживился. — Ах, да! Ты же обещала поддержать нас.

— Ненавижу тебя.

— А ведь он восхищен тобой, — Он резко стал серьезным. Самодовольная улыбка сползла с лица, превращая его в миг в опасного и хитрого противника. — Влад. Пытается скрыть, но я-то вижу. Только вот он не спасет тебя — слишком циничен. И слаб. Нужно рисковать собой, а он не станет. А вот я — я могу. Если судьба будет благосклонна, и поединок решится в мою пользу, ты будешь жить, обещаю. Ты слишком интересна, Полина.

— Надеюсь, ты хорошо помнишь условия нашего с тобой соглашения? — зло спросила я.

— Хочешь меня в чем-то уличить, моя маленькая пророчица?

— Ты сказал, что одна из атли полюбит тебя.

— Верно, так и было, — кивнул мой собеседник. Прищурился, как хитрый кот на солнышке. — Так и есть.

— Но ты также сказал, что и ты полюбишь ее.

Тан тихо рассмеялся и кивнул.

— Я люблю Киру. Она — свет в моей жизни.

— Хватит патетики! Если действительно любишь ее, то избавь меня от выслушивания притягательных местоимений в свой адрес. Я не твоя маленькая пророчица, как ты выразился, и никогда ею не стану.

Тан снова посерьезнел, приблизился настолько, что я могла рассмотреть морщинки на его лице, и прошептал мне в самое ухо:

— Ты даже не представляешь, насколько скоро это случится.

Тогда мне стало по-настоящему страшно. Темно. Неизбежно. Словно Тан знал что-то, чего не знала я — какую-то важную деталь. Свершившееся, что не воротишь.

Но Чернокнижник вновь повеселел. Серьезность смыло с его лица лучезарной улыбкой, и он мне подмигнул.

— Брось хмуриться, Полина. Тебе не идет. К тому же, у Влада все равно будет выбор. Я чту законы хищных...

— Выбор? Подчиниться тебе или умереть? Дай подумать...

— Ты свой сделала в пользу жизни. — Тан приподнял темную бровь, не сводя с меня пристального взгляда.

— Смотри, как бы тебе не пришлось выбирать смерть! — ядовито прошипела я. Злость почти подчинила меня, взрываясь в мозгу яркими вспышками, побуждая вцепиться колдуну в лицо, повалить на пол и бить до тех пор, пока он не захлебнется собственной кровью.

Тан улыбнулся, склонил голову набок и снисходительно произнес:

— Когда маленькие девочки угрожают мне, это так мило.

Я вдохнула удушающе-спертый воздух, расслабилась. Нельзя злиться и выказывать слабость, колдун использует это обязательно. Секунда. Две. В мозгу прояснилось, мысли потекли плавно и спокойно.

Я сумею. Тан не ждет от меня решительных действий, не ждет продуманности и хитроумных планов. Значит, это мой шанс.

Подняла глаза на колдуна и спокойно сказала:

— Не стоит недооценивать маленьких девочек, одна из них может однажды удивить.

Потом уже, когда мы с Глебom уехали, и я немного отошла от разговора с Таном, получалось мыслить без паники и более менее рационально. И почему-то я поняла: Тан будет атли. Полноценным посвященным членом племени. Скоро.

И тогда уже предрешено остальное: поединок, выбор, смерть. Кого-то из них — колдуна или Влада. И мне нужно будет решить, как поступить. Пытаться ли воплотить в жизнь свой безумный план или же отойти в сторону и дать судьбе решить за меня.

Глава 15. Старые связи

Глава 15. Старые связи

— Нужно поговорить с Филиппом, — сказала я, когда Глеб припарковался у дома Вики, в знакомом с детства районе.

Воздух узнаваемо пах булочками и палеными прелыми листьями. На балконах покачивалось под порывами ветра белье — хозяйки ловили последние солнечные деньки перед хмурым ноябрем.

— Думаешь, Макаров может предать атли? — нахмурился Глеб.

— Боюсь, как бы он уже этого не сделал. Слишком уверено вел себя Чернокнижник.

Я все больше понимала, насколько одинока. Не только я — все мы — атли, закованные каждый в свою скорлупу, со своими обидами и гонором, не понимая, что когда мы не едины, нас легче сломать. Придет какой-нибудь коварный колдун или древний охотник, и от бывшего величия не останется и следа.

А было ли оно — величие? Одно только название — сильное племя. А на деле и нет ничего. И я поймала себя на мысли: очень хочу, чтобы было. Возможно, во многом это зависит именно от меня...

Инстинктивно я взяла Глеба за руку. Нужно отбросить все — недомолвки, ненависть, непонимание. Отбросить и сплотиться. Сейчас. Потому что завтра может быть поздно. Завтра жизнь атли может измениться кардинально, и все мы окажемся в том самом аду, который я сегодня прочила Тану.

Да, Чернокнижник неплохо подготовился. Но нас больше. И мы — семья. Несмотря ни на что.

— Расскажешь, что задумала? — хмурясь, спросил Глеб.

Я кивнула.

— Позже. Вику сто лет не видела. Заодно спрошу у нее, может, подыщет мне чего — ну, работенку какую-нибудь.

— Слушай, ты это... — Глеб остановился перед самым входом в подъезд и развернул меня к себе. — О работе не говори. Дело у меня к тебе есть. Важное. И прибыльное.

— Ого!

— Ну да. — Он отвел взгляд и почесал переносицу. Вообще вел себя странно — ужимисто, отстраненно. Слово и не Глеб вовсе. — Почиркайте, как подружки, а потом съездим поедим. Перетрем.

— У тебя все нормально? — пытливо поинтересовалась я.

— Неа. Колдун в Липецке, балда ты! Как может быть все нормально?

— Ничего, прорвемся, — зло процедила я и шагнула в подъезд.

Давно я здесь не была. Покрашенные синим стены поблекли, краска на них сморщилась, облезла, а кое-где была исцарапана и немилосердно закрыта унылыми граффити. Каждая ступенька, каждая щербатая плитка отдавалась в сознании смутными, полузатертыми воспоминаниями о детстве.

И снова грудь в горячих тисках, и не продохнуть. Вернуться бы, забыть о тяготах. Зарыться в мохнатый Викин плед лицом, вдохнуть запах табака, ландышевого

ополаскивателя для белья и плакать, пока вся тяжесть не выйдет слезами.

Но нельзя. Остановлюсь, раскисну и погибну. Хищным не стоит поддаваться слабостям. Выживают сильнейшие — как в джунглях.

Запихнув ненужную ностальгию поглубже, я решительно нажала на кнопку звонка. Он резко взвизгнул и тут же затих, погружая унылый подъезд в не менее унылую тишину.

Вика открыла не сразу — сначала был шаркающий звук растоптанных тапочек, затем секундное замешательство у двери, чтобы глянуть в глазок, а потом замок щелкнул, повернулся, и появилось удивленное лицо подруги.

— Убить тебя мало! — рассерженно выдохнула она и топнула ногой. Глеб у меня за спиной хмыкнул, а я виновато улыбнулась.

— Впустишь?

Подруга раздраженно выдохнула и отошла на шаг, пропуская нас с Глебом в средоточие моей юности и наивности.

Мы пили дымящийся ароматный чай с лимоном. Я забралась с ногами на широкий, уютный диван, а Глеб раскинулся рядом, то и дело ныряя в вазочку с печеньем. Обжора! И как мы только подружились? Сейчас же точно все съест, а мне за разговорами ничего не останется.

— Ну, рассказывай, — гневно зыркнула на меня Вика. — Где пропадала так долго? Почему не звонила? И какого черта, скажи на милость, я должна за тебя переживать?!

Я смущенно потупилась, а Глеб выдал:

— Да некогда ей было. Охотников древних мочила, а потом воскрешала людей. Вся в делах.

Я вся похолодела — от макушки до кончиков пальцев ног. И тут же метнула такой же леденящий взгляд на друга. Но Глеб на меня не смотрел — невинно улыбнулся Вике и взял из вазочки предпоследнее печенье.

— Очень смешно, — ответила Вика, но голос ее дрогнул, а взгляд впился в мое лицо, словно она надеялась отыскать там подтверждение или опровержение странным словам Глеба.

— Ничего смешного, — как ни в чем не бывало продолжал Глеб, — когда у тебя земля везде. Я потом неделю еще уши отмывал, не говоря уже о волосах.

— Глеб! — хрипло осадила я его и закашлялась.

— У твоего друга своеобразное чувство юмора, — пробормотала Вика, но голос был настороженным и даже испуганным. Сразу захотелось утащить отсюда Глеба и надавать ему тумаков. За самодеятельность.

Воспользовавшись нашим замешательством, он взял последнее печенье и положил его в рот.

Затем демонстративно выпрямился, выставил ладони вперед, словно говоря «сейчас все будет» и произнес, глядя прямо на Вику:

— Хочешь, фокус покажу?

— Глеб! — Я схватила его за рукав, но он резко выдернул руку.

— Ты же говорила, она друг. Нельзя дружить с хищным и не знать о нем правды. Последствия, знаешь ли... И вообще, разве не здесь тебя чуть не убил охотник?

— О чем он говорит? — забеспокоилась Вика и заерзала на месте.

— Если она друг, как ты говоришь, — проигнорировав ее вопрос, продолжал Глеб, — то поймет и примет тебя. Если нет... Ты прекрасно понимаешь, чего стоит время хищного. А

переживания эти ни к чему хорошему не приведут. Вон Домбровская все лето переживала — насмотрелся.

Я немного помедлила, а затем кивнула. Опустила глаза, не в силах выдержать взгляда подруги. Не знаю, что Глеб собрался показать ей, но лучше пусть он. Я не смогу. Если сейчас Вика не поверит, не поймет, я потеряю ее навсегда. А с ней за закрытой дверью знакомой трешки останутся самые светлые воспоминания моей жизни. Детство. Юность. Наивность. Хорошо ли, что я ее утратила?

Глеб подвинул заварник к себе поближе. Красный в горошек, с надколотой крышкой. Сколько себя помню, мы заваривали в нем крепкий английский чай. Кидали туда дольки лимона, чтобы не заморачиваться потом с чашками. Однажды Вика предложила и сахар сразу туда класть. Я долго смеялась.

Чашка из другого сервиза стала рядом. Из-под опущенных ресниц я мимолетно взглянула на подругу — Вика словно боялась дышать, глядя на манипуляции Глеба.

Поверит ли? Поймет?

Сердце колотилось так громко, что, казалось, его слышно в соседней квартире.

Глеб поднес руку к носику заварника...

Дымящаяся жидкость поднялась тонкой струйкой, вздыбилась, медленно набирая мощь из новых капель, которые водоворотом кружились рядом. Устремилась вверх, наплевав на всякие законы физики, а затем, изогнувшись дугой, целеустремленно излилась в приготовленную чашку.

— Ты с сахаром пьешь? — невозмутимо спросил Глеб, передавая Вике эту самую чашку.

Вика сглотнула, но диковинницу приняла. Правда рассматривала долго, словно выискивала скрытые ниточки, магниты или еще какие атрибуты фокусника.

Затем недоверчиво покосилась на Глеба и спросила:

— Как ты это сделал?

Этот «фокус» Глеб показал мне еще в Ельце. Хотел произвести впечатление, наверное, а может, просто хвастался. Тогда я поразилась, но его защитником было море. До отречения. После защитника он потерял, но фокусничать с водой еще мог.

— Глеб немного умеет подчинять воду.

— Ты бы тоже смогла. Если бы захотела, — поправил меня Глеб.

— Кто ты? — Вика резко вскинулась и посмотрела на меня настороженно. — Ведьма или... Я не понимаю.

— Я — хищная. Кое-что в моей жизни необычно... Все необычно. Но влиять на сознание людей я не могу.

— Это радует. И то, что говорил он, — она кивнула в сторону Глеба, — правда?

— Правда.

Скрывать больше не имело смысла. Я могла все свести к шутке, но не стала. Понимала, что Глеб прав: люди, которых мы впускаем в свою жизнь, тем более, называем друзьями, должны знать. Нам-то, по сути, и поговорить с ними не о чем. Мы словно в разных мирах живем.

Я мягко прикоснулась к ладони друга.

— Подожди меня внизу, хорошо?

Он безропотно поднялся и вышел, оставляя меня наедине с Викой, которая смотрела немного затравленно и недоверчиво. Что ж, немудрено — я открылась ей с совершенно

новой, необычной и пугающей стороны.

— И что ты умеешь? — глухо спросила подруга. — Пирокинез, телекинез? Телепатия?
Я покачала головой.

— Я вижу будущее.

Про особенности кена сольвейга решила умолчать — не стоит пугать ее еще больше. Она и так дрожит вся.

— А мое? Мое видишь?

— Твое — нет. Только будущее атли — своего племени. И то — отрывочно. Я не контролирую свои видения.

— Давно?

— Помнишь, когда я ночевала у тебя, и Славик пришел поздно? Ты еще подумала, что он пьян. Я тогда убежала еще...

— И столько лет ты молчала? Звонила редко, почти не навещала меня... Из-за этого?

Подруга поднялась, прошла по комнате. От ее резких, отрывочных движений у меня внутри все сжималось. Вика — единственное, что у меня осталось от нормальной человеческой жизни. Если она не примет меня, прогонит, прошлое уйдет под воду, и я больше никогда не смогу почувствовать то, что чувствовала тогда.

— Это слишком для меня... — прошептала она, и я закрыла глаза. Пропустила удар сердца. Второй. Третий.

Вязкое, парализующее безразличие наполнило до краев. Глеб был прав. А я ошибалась. Люди никогда не поймут нас. Не примут нашу суть.

— У меня, кроме тебя, никого нет, — продолжила Вика. — Все это время я думала, что у тебя своя жизнь. Так оно, в принципе, и есть, но... Почему ты не сказала раньше? Думала, что я не пойму?

Тоскливый, обиженный взгляд я выдержать не смогла, поэтому опустила глаза.

— Мою жизнь трудно назвать спокойной. Я много раз порывалась позвонить, даже брала трубку и набирала номер, но потом нажимала сброс, потому что понимала: не смогу тебе всего сказать. Разве поняла бы ты меня, когда охотник убил всех моих соплеменников? Или тогда, когда Чернокнижник воскресил их для меня? Или когда мою дочь похитили, а затем, спустя несколько месяцев, она вернулась совсем взрослой, влюбленной женщиной?

Я замолчала, чтобы перевести дух. Показалось, все это происходит не в реальности, а в одном из моих кошмаров. Что утром я проснусь, отдышусь, и все снова будет как прежде. И у меня будет надежда, что когда-нибудь я смогу рассказать все Вике, и она поверит.

Но на самом деле я понимала: это не сон. Реальность, которую я так сильно боялась, но которой не смогла избежать.

— Бог мой, Полинка, во что ты ввязалась? — Вика обеспокоенно взглянула на меня и покачала головой. — Кто-то сейчас угрожает тебе?

— Мне всегда кто-то угрожает, — нервно улыбнулась я. — Привыкла.

— Не смешно! Ты-то, может, и привыкла, но у меня одна подруга. Больше не нажила. И хоть ты последняя какашка, я все равно тебя люблю. Со всеми твоими опасностями и тайнами. Так что не смей там умирать, поняла! Вряд ли я все пойму... Но ты там держись.

— Все будет хорошо, — уверила я ее, подавляя желание разрыдаться.

— Твой мужик? — нахмурилась она. — Фокусник этот?

Я покачала головой.

— Друг.

— Плохо. Хороший он вроде. Положительный. И на тебя смотрит по-особенному. Как Матвей.

При упоминании о Матвее, сердце болезненно сжалось. Я уже успела забыть — и теплый взгляд, и заботу, и уверенность. Все это я похоронила давно, и земля на этом месте заросла высокой травой.

— Глеб не Матвей, — сказала я зачем-то. — Он лучше.

Конечно, лучше. Для меня. Ведь он понимает меня, знает о жизни хищных, живет со мной в одном доме и делит все радости и печали.

Друг.

Что ж, это намного лучше, чем любовник. С Владом у меня точно никогда такой близости не будет.

А семья... У меня уже есть семья. Дочь. Атли. Зачем мне что-то еще?

Я рассказала подруге о хищных. Не все — это было бы слишком долго. В общем. О том, кто мы, как живем, с кем дружим, а с кем, наоборот, враждуем. Обнимались мы долго. Минут десять. А потом она отстранилась, утирая выступившие слезы, и пробурчала:

— Иди уже. А то околет твой... друг. Только звони чаще, если уж навещать не можешь. А мне все это переварить нужно. Осознать.

Я рассеянно кивнула, пытаясь перестать реветь. Выходило плохо. Разговор с Викторией вышел непростым, но подруга поняла меня. Конечно, ей придется еще многое обдумать, понять и принять, но она не отвернулась, и это главное. Я не потеряла ее.

Считая на ходу ступени в ее подъезде, я поняла, что безумно счастлива. Впервые за последнее время.

Глава 16. Предложение

Глава 16. Предложение

— И тогда я убью его, — сказала я, запивая очередной кусок гамбургера соком.

Глеб положил голову на согнутые ладони и прикрыл глаза. Казалось, он злится, и когда вновь откроет их, выльет на меня эту злость руганью и криком. Но он лишь покачал головой.

— Не сможешь. Ты не представляешь, что значит: убить. Дрогнешь, и все пропало.

— Не дрогну. И я знаю, что это такое. Я убила Рихара.

— Одно дело — убить охотника, напавшего на твою семью, и совсем другое...

— Колдун тоже напал! — выпалила я и тут же вспомнила, что мы находимся в людном месте. Посетители кафешки начали бросать на нас настороженные взгляды, и я перешла на шепот: — Тан украл мою дочь, забыл? Влюбил в себя и кичится этим. Черта с два я ему это так оставлю!

— Влад ни за что не согласится, — хмуро сказал Глеб.

— Владу не нужно знать. Уверена, он попытается сам. И я хочу, чтобы он попытался. А еще надеюсь, что Филиппу хватит мозгов не посвятить колдуна.

— Тебе сейчас несладко, да? — Глеб понятливо кивнул и, показалось, решил сменить тему. — Нам всем несладко, но тебе особенно. Жить рядом с ней не сможешь, поэтому хочешь съехать?

Воспоминание о девушке, приехавшей с Владом, вспыхнуло в мозгу болезненной пульсацией. Она не просто увлечение, любовница, которую потом легко будет бросить. Она невеста. И скоро станет женой. Я могла бы соврать себе, что мне все равно... Могла бы, но не буду. Признать собственные слабости — своего рода сила.

— И это тоже, что скрывать. Но не только поэтому. Я хочу самостоятельности. С первого дня в атли хотела. Не зависеть от него. Это так невыносимо — от него зависеть.

Глеб положил на стол ключи с длинным брелоком в виде зуба кабана. Он рассказывал, ему подарил его какой-то охотник. Не такой, к которым мы привыкли. Человек, охотящийся в лесах на лосей и зайцев. Знакомый из тусовки байкеров.

— Ну так въезжай. Мебель, правда, пока не всю завезли, ты же помнишь, там и спать было не на чем. Но на днях все сделают, я позабочусь.

— Мебель? — ошеломленно переспросила я, косясь на отшлифованный зуб.

— Я знал, что ты съедешь от атли. Еще когда он впервые привел девчонку в дом — знакомиться. А пока ты лежала без сознания, я занимался обустройством. Все же женщины любят это — занавески там всякие, стулья. Кровать. Спальня-то у меня вообще пустая. Мне что надо — пожрать да поспать. А для этого диван в самый раз.

— Глеб...

— Ты это... помолчи, — перебил он. — А то сейчас орать начнешь, а я еще не все сказал.

Он полез во внутренний карман куртки и извлек тонкий конверт.

— Вот. Только нужно будет заехать в банк, подписать там что-то... я плохо в этом разбираюсь, так что не запомнил.

— Что это? — хрипло спросила я.

— Совсем ослепла? Карточка.

— Это я вижу. Зачем?

— Ты же хотела не зависеть от Вермунда. Вот теперь не зависишь.

— Я хотела работать. А так... Что это вообще? Откуда? Ты банк ограбил?

Я подняла глаза и настороженно посмотрела на друга. Он закатил глаза, словно я спросила огромную тупость, и выдал:

— Ага. Украл все пластиковые карточки, что у них были. Теперь вот дарю девчонкам. — Вдохнул и резко посерьезнел. — Мои это деньги. Вернее, уже твои. Владей.

— Где ты взял деньги? Ты же не работаешь.

— Отличный вопрос. Странно, что ты не задала его раньше. На что, ты думала, я живу? Бензин, сигареты, еда. Они, между прочим, денег стоят.

— Но я... я же... — Все, что я могла, это пялиться на злосчастный зуб. Почему-то стало жаль убитое животное. Представилась кровь, жалостливые глаза умирающей скотинки, и я поморщилась.

— Не сможешь ты работать, пойми. — Глеб взял меня за руку. — Не получится. Охотники, Тан, и невеста что еще в будущем. А видения? Ты же рискуешь каждый раз угодить под машину, свалиться в яму или опозориться на деловой встрече. Хотя какие встречи? Образования у тебя все равно нет. Устроишься официанткой или секретаршей. Не хватит даже на еду. Что это за независимость?

— Но ты откуда деньги взял? Даешь мне... Что это вообще?

— Альберт — человек, который воспитывал меня с мамой, мой названный отец, был не беден. Своих детей у него не было, и он оставил мне то, что нажил.

— При чем тут я?

— Притом, что Влад, скорее всего, тогда был прав. Сложно это признавать, но Юлиана была не той девушкой, которой стоило доверять. Ты не такая. — Он упрямо подвинул ко мне конверт. — Возьми деньги.

— Нет. — Я отодвинула его обратно. — Ты знаешь, как я отношусь к жалости.

— Ты совсем что ли... — Глеб громко выдохнул и, казалось, находился на грани того, чтобы грязно выругаться посреди кафе. — Я жалел тебя когда-нибудь? Возможно, подтирал тебе соплю, когда ты ревела из-за Вермунда? Или плакал вместе с тобой над очередной мелодрамой? Послушай меня и пойми, наконец: жалость — это последнее чувство, которое я буду испытывать к тебе. Я делаю это, потому что ты мой друг и, черт возьми, заслужила! Ты рвала глотки, дралась за меня, ты пошла к охотнику, когда я загибался там, у себя в квартире. Отправилась к Вермунду, зная, как он зол. Просила за меня, и уверен, дошла бы до Первозданных. Ты заключила этот чертов договор с Чернокнижником, чтобы вытащить меня с того света. И не говори ничего об атли — я знаю, что в первую очередь ты хотела вытащить меня. Ни с кем у меня не было такого.

— Ты никогда не говорил о деньгах. Я и подумать не могла...

— Ты никогда не спрашивала, за кой я живу. А знаешь, почему? Тебе это абсолютно пофиг. Я же предлагал тебе, помнишь? Ну, тогда я еще напился сильно, и мне снесло крышу. Думал, не соберу мозги после этого.

— Ты тогда говорил серьезно?! — ошеломленно спросила я. — Я была так зла. Хотелось тебя придушить.

— Но вместо этого ты спросила, как я себя чувствую

— Ты не казался мне плохим. Просто... несчастным, что ли.

— Я загибался, а ты меня вытащила. А потом, в Ельце мне так захотелось поверить...

— Глеб!

— «Не начинай!», я знаю. Не буду. Я принимаю тебя такой, какая ты есть. Принимаю тебя, и его в тебе, потому что, кажется, он вьелся тебе под кожу. Но в ту ночь для меня в тебе его не было ни капли. Ни одной гребаной капли! — Глеб вздохнул и отвернулся, было видно, что ему тяжело дается разговор. Мне он тоже тяжело давался — сердце стучало так сильно, что было больно дышать. — Просто прими то, что я тебе предлагаю, Полевая. Это не плата за дружбу и не жалость. Я делю с тобой все по-братски, потому что мне больше не с кем это делить. У меня никого нет.

Мне почему-то вспомнился мальчик — улыбающийся, на пляже с ракушкой в руке. Тот самый, что остался на фото в ныне заброшенном доме Ольги Измайловой. Не умеющий прощать. И захотелось стукнуть его по голове. Сказать: «Посмотри, мир прекрасен. Если уж я это вижу, почему не видишь ты?». Но вместо этого я кивнула, взяла конверт и ключи и положила в сумочку.

— Хорошо. Только у тебя есть не только я. Атли — семья, ты сам говорил. И они у тебя есть.

— Возможно. Но никого из них я не чувствую в себе. Никого. Только тебя.

В дом атли мы вошли молча. Не хотелось говорить, да и не нужно было. Все сказали друг другу там, в кафе.

Странный день выдался. Вроде и сложный, но какой-то обнадеживающий. И чувствовала я себя усталой, но счастливой. Хотелось поскорее лечь спать — все-таки истощение еще давало о себе знать.

Попрощались мы так же в тишине. Глеб порывисто обнял меня у двери комнаты и пошел к себе. Я еще какое-то время стояла и смотрела ему вслед, словно ждала, что он вернется. А когда этого не произошло, стало отчего-то невыносимо грустно. Толкнув плечом дверь, я вошла к себе...

...Он стоял у окна со сложенными за спиной руками. Сразу возникла ассоциация с человеком, у которого на плечах больше, чем он может нести. Возможно, потому, что плечи эти были слегка опущены — еле заметно для глаза, больше он себе не позволил бы. А может, это было чисто мое восприятие — все же день был трудным и насыщенным. А тут еще и он...

— Что ты здесь делаешь? — осторожно спросила я, прикрывая за собой дверь.

Стало еще тоскливее — тоска заполонила комнату, растеклась по полу, наползла на стены и угрожающе нависла с потолка. Из окна тонким полумесяцем скалилась луна. Небо заволочли тучи, и в голове мелькнула странная мысль, что Влад принес их с собой.

— Пришел убедиться, что ты не наделала глупостей, — не оборачиваясь, бесстрастно ответил он. И от этой бесстрастности стало почему-то еще хуже. Поэтому я призвала то, что помогало мне всегда — злость.

— Я не делаю глупостей! — прошипела и уронила сумку на комод. Захотелось, чтобы Влад поскорее ушел, чтобы я смогла принять душ и упасть в кровать.

— Как же? А сделка с колдуном? — Он повернулся вполоборота, и хоть было темно, я отчетливо представила, как иронично изогнулась светлая бровь.

— Атли живы. Если для тебя это глупости, то какой ты вождь?

— Возможно, скоро у тебя будет другой. Получше.

Эти слова, как ледяной душ за шиворот. Я так и застыла на месте, даже дыхание

задержала от ужаса. Не нужно было объяснять, что Влад имел в виду — я и так все поняла.

Медленно опустилась на кровать и помотала головой.

— Не будет. Филипп не посвятит его. Если ты поговоришь с ним, он не станет...

— Конечно не станет, — перебил Влад и снова отвернулся. — У Макарова на это не хватит смелости. Но этого и не потребуется.

— К...как не потребуется?

Сердце, казалось, поднялось к гортани и билось под подбородком. Во рту появился противный металлический привкус — привкус страха. Я слишком хорошо его изучила, и уже не могла ни с чем спутать. То был даже не страх — ужас. Дикий. Парализующий. Панический ужас, который сковывает движения и путает мысли.

— Тан уже атли. Я его посвятил.

— Ты?!

Все, что я могла — глупо переспрашивать и ловить губами воздух. Кислорода стало катастрофически не хватать. Мне не выжить в этой комнате, в этих стенах. Слишком мало пространства, мало возможностей, мало...

— Быть вождем — значит, нести ответственность. Не только за себя — за всех вас. В том числе за ваши глупые поступки. Эта работа, Полина, посложнее, чем убивать охотников кеном из ладоней. Посложнее, чем решать, когда в следующий раз подставиться под удар. Потому что нужно уметь просчитать каждый поступок и каждую ошибку. Не только свою и врага, но и таких вот... активистов, как ты.

— Не понимаю, причем тут я...

В ушах шумело, и я с трудом могла различить свой голос. Тоска, окрасившись безысходностью, опустилась на плечи и надавила, делая каждое движение невероятно трудным, обременительным.

Где-то на задворках сознания я уже начала понимать, но нужно было услышать. Нужно было, чтобы Влад озвучил.

Как приговор. Вердикт, который не оспоришь.

— Мне было семнадцать, когда Тан пришел впервые. Глеб тогда был совсем мальчишкой, но гонор у него тогда уже вырос до необъятных размеров. Он пошел против колдуна один. Никто из атли не знал, да и почувствовать не мог — Станислав уже распустил племя, энергетические потоки оборвались и, хоть мы и жили вместе — те, кто остался — ощущать друг друга не могли. — Влад оттолкнулся от подоконника, подошел и присел рядом. Он действительно был подавлен — это сквозило и в усталой иронии, и в опущенных уголках губ, и в едва заметной морщинке, появившейся на лбу. Она всегда появлялась, когда он был расстроен и хмурился. — Это безрассудство чуть не стоило Глебу жизни. Но колдун тогда уже знал мои слабости.

Он криво улыбнулся, и я невольно сжала кулаки.

Кого я хотела защитить? Из-за чего злилась? Ненависть к Тану, как волна — в прилив накатывает и поглощает все на своем пути. А затем отступает, царапая душу, как берег, ракушками и мелкими камнями.

— Тан знал, что я не допущу смерти брата. И взамен заставил меня поклясться глубинным кеном...

— Поклясться, что примешь его в атли? — вырвалось у меня.

Влад посмотрел на меня, улыбнулся. От улыбки этой — циничной и злой — стало холодно. Настолько холодно, что невольно захотелось обнять себя за плечи. Но я боялась

пошевелиться, продолжая, как завороченная, смотреть Владу в глаза.

— Чернокнижники никогда не играют честно, пророчица, — ответил он. — Тан всегда говорит так, чтобы запутать. Чтобы ты думал, что все контролируешь. Хотя я уже тогда понимал, что это не так...

— Что он потребовал? — тихо спросила я. Все еще надеясь, что услышанное не окажется убийственным для меня известием.

— Тан сказал, что однажды на совете племени один из атли выступит против меня. Единственный голос в его защиту. Для меня тогда это казалось смешным и нелепым — мы ненавидели Тана. Все. Даже Станислав, который презирал меня, считал абсурдным связываться с Чернокнижником.

Я невольно зажала рот ладонью. Закусила губу от злости на себя саму.

Идиотка! Думала, какая-то мелочь, а теперь... Что теперь?

— Он обещал, что Глеб будет жить, если я изгоню этого атли из племени. Оставлю без защиты, отвергну и забуду. Я поклялся тогда, над телом умирающего брата. Ведь что значила жизнь предателя по сравнению с жизнью того, в чьих жилах текла моя кровь?

— Глеб не говорил мне... — глухо произнесла я. Замолчала. Весь разговор казался каким-то нереальным и нелогичным.

Почему я? Почему, черт возьми, всегда я?!

— Глеб не помнит. Да и ни к чему это... Особенно теперь. Я тогда так решил, а за свои поступки нужно отвечать.

— Почему ты... не изгнал меня? — Горячий воздух никак не хотел вдыхаться, царапал гортань едва сдерживаемыми слезами.

— Мне, правда, нужно объяснять? — Он снова посмотрел на меня, но на этот раз насмешливо, без злости. Словно я не налажала.

Действительно, что тут объяснять? Если бы Кира потребовала созвать совет, мне пришлось бы выполнять обещанное. И уйти. Навсегда уйти из племени. Одной в опасный мир, кишущий охотниками и чудовищами, о силе которых можно лишь подозревать. С моими способностями к защите сколько я продержалась бы? День? Два? Или до того, как окончательно восстановила силы?

Меня резко бросило в жар. Как будто я вошла с мороза в теплый дом — даже щеки заципали. И оттого, что мы здесь вдвоем, в темноте, стало совсем не по себе. Словно я делаю что-то неправильное и постыдное.

У него есть невеста, твердила я себе. Скоро свадьба. Забудь. Не мучайся.

В груди заныло, тупая боль охватила даже легкие, и дышать стало трудно. Я отвела взгляд, стараясь сбросить с себя, избавиться от наваждения. Но оно проникло в воздух, а не дышать я не умела.

Я сглотнула и тихо спросила:

— И что теперь?

— Ничего. Жизнь продолжается, и я не сдаюсь.

— Тан переедет к нам? Будет жить с атли?

Влад пожал плечами.

— Если захочет.

«А потом?» — захотелось спросить мне, но я не спросила. Так и осталась сидеть, глядя на скомканные, трясущиеся ладони, постепенно заполняясь стыдом от совершенного поступка.

Но разве я могла иначе? Разве хватило бы у меня сил тогда отказаться, выстоять под пронизывающим, черным взглядом? Разве могла я сказать «нет», когда колдун предлагал вернуть тех, кто погиб из-за меня?

Что ж, возможно, скоро из-за меня погибнет еще кое-кто...

В угнетающей тишине я четко слышала дикий треск ломающихся досок — так разрываются шаблоны, разрушаются принципы под натиском жестокой реальности, от которой не укроют лозунги о красивой правде. Смерть выжигает обиды едким, пронизывающим взглядом. И становится все равно, ведь перед ней все мы равны — и преданный, и предатель.

Как и перед любовью.

Я нашла его ладонь — теплую, живую. Сама потянулась. Нуждалась в нем сильно, до тянущей боли в груди, как наркоман, страдающий от ломки. Только прикоснуться — всего раз. И снова сделать вид, что мы чужие.

Влад, казалось, удивился. Не ожидал. Конечно, между нами уже такая пропасть, что не преодолеть. И все мосты сгорели. Но мы атли — оба — и перед опасностью должны забыть о ненависти. Действовать заодно.

Не все ли равно, что там было в прошлом, когда поединок может отобрать его у меня? У атли? У мира? Ведь оно еще живет во мне — невыносимое, сладкое чувство, патокой растекающееся в груди. Проклятие, несомненно. Еще одна причина, по которой я должна действовать.

Но пока оно владеет мной, пока кровь откликается на его зов, так и хочется прижаться. Даже не прижаться — проникнуть в него — такого близкого и далекого одновременно, любимого и ненавистного, желанного и запретного...

И когда я успела его обнять? Или он меня обнял? Неважно... Хорошо. Пусть мне сегодня будет хорошо.

Я уткнулась носом Владу в ключицу и закрыла глаза. Жутко хотелось спать — вот прямо так и уснуть, сидя. Но понимала, что это глупые, детские желания. Нужно быть сильной и независимой. Как сегодня утром. Странно, но рядом с Владом я всегда была все той же семнадцатилетней девчонкой с растрепанной косичкой.

Я нехотя отстранилась, заправила волосы за уши и, глядя перед собой, спросила:

— Брак с Ириной поможет? Союз с митаки...

— Иван позаботится о вас, если мои дела с Таном пойдут не так хорошо, как планируется, — закончил за меня Влад. — И вот еще что... дай телефон.

Я послушно вытщила мобильный, он вбил туда новый контакт и подписал: «Даша».

Ах да, его заграничная подруга. Та, с которой он так трепетно разговаривал в больнице. Я нахмурилась.

— Если все будет совсем плохо, позвони по этому номеру, поняла?

Я сглотнула колючий ком.

Ну почему так, а? Почему он сейчас заботится, а назавтра причиняет такую боль, стерпеть которую невозможно? Почему обнимает, а потом уходит к другой? Оставляя после себя холод — пронизывающий и гнетущий озноб отчаяния.

— Плохо не будет, — прошептала я и повторила для верности: — Не будет.

— Конечно, не будет. — Влад кивнул и погладил меня по щеке. Поправил воротник моей куртки. — На всякий случай.

— Я хочу съехать, — честно призналась я. — Особенно теперь, если Тан... И Киру

заберу с собой.

— Нет, — твердо ответил Влад. — Кира останется.

Мне показалось, он будет злиться, но я ошиблась. Его лицо смягчилось, и он добавил уже спокойнее:

— Пусть будет здесь, под моим присмотром. Все же защитница из тебя никакая. — Помолчал немного. — Где будешь жить?

— У Глеба. То есть... в его квартире. На Достоевского.

— Да, у него там знатное жилище. Просторное, главное. Правда, спать придется на полу.

Я улыбнулась шутке и поймала себя на мысли, что не хочу, чтобы Влад уходил. Даже несмотря на то, что устала, и слипаются глаза, а сила земного притяжения так и клонит к кровати.

— Глеб сказал, мебель будет со дня на день.

— Измайлов такой заботливый. Скажи еще, что будет тебя содержать.

Отвернулся. Обиделся. Без повода — но ему никогда не нужен повод. После всего, что у нас было.

— Как-то оскорбительно звучит, — буркнула я и нахмурилась. — Я называю это помощью.

— Ну да, главное — правильно назвать.

— Кому, как не тебе, это знать.

— Когда ты язвишь, ты несносна.

— Ты тоже не подарок!

— Нам обязательно ссориться?

— Нет. — Я вздохнула. — Я вообще не хочу с тобой ссориться. От этих ссор я устаю больше, чем от нали.

— Не только ты. Тяжело мне дается этот союз с митаки. И венчание... не так я себе это представлял.

— А как?

Черт, и зачем я спросила? Само вырвалось. Это все мой ужасный язык — никак не хочет держаться за зубами. И мелет всякую чепуху.

— Глупый вопрос, Полина. — Влад покачал головой. — И совершенно ненужный...

— Венчание — это навсегда. До смерти. И если ты не любишь, скажи ей сразу.

Он усмехнулся, и мне стало холодно оттого, насколько циничной была эта улыбка. Усталой и слишком взрослой. И впервые подумалось, что кроме этого маниакального влечения, у нас и нет-то ничего общего. Разные идеологии, принципы, опыт. Разные цели...

— Ира — взрослая девочка, и понимает, что такие браки редко заключают по любви. Я говорил тебе — все это глупо.

— А как по-твоему умно? — взорвалась я. Встала, подошла к окну, желая избавиться от наваждения, вернуться в сегодняшнее приподнятое настроение. Смыть тревогу ощущением стабильности. Но Влад — его присутствие, слова, жесты, прикосновения — все это сбивало с толку, настораживало и жутко бесило. — Рассчитать свою жизнь, вбить план в компьютер и ежемесячно сверяться, выполнил ли ты норму? Выбирать, с кем ложиться в постель, по тому, какую выгоду сможешь из этого извлечь? Как, скажи?

— Точно не так!

Влад резко развернул меня к себе и поцеловал. Настойчиво. Жадно.

У меня подогнулись колени — в буквальном смысле.

Я отвыкла. И от его напора, и от близости. И от собственной реакции — резкой, насыщенной и противоречивой. С одной стороны я злилась, что он позволяет вести себя со мной так бесцеремонно, по-хамски, а с другой... Не хотелось, чтобы это заканчивалось.

Утонуть, захлебнуться, забыться. Просто уйти от реальности. На время или навсегда — неважно. Реальность злая, колючая и опасная. А здесь, в тепле, в головокружительном ощущении счастья по-настоящему хотелось жить. Не выживать, цепляясь за мнимые и настоящие причины, а именно жить. Чувствовать. Любить.

— Понимаешь, чем я рискую? — прошептал Влад и потерся носом о мое ухо. Черт, как приятно. Что он говорит? А оно важно вообще? — Понимаешь, что я всерьез думаю о том, чтобы отменить этот брак, послать все к черту?

— Как отменить? — Я не без сожаления высвободилась из кольца теплых рук и посмотрела на него с недоверием. Прийти в себя хотелось настолько, что я готова была отхлестать себя по щекам или стать под ледяной душ.

Что я творю вообще?! Это же Влад. Как я могла забыть все, что он сделал? Неважно, каковы причины. Неважно, что наши жизни почти проиграны. Важно сохранить себя — а для этого нужно помнить.

Помнить решительно не хотелось. Как и думать. Чем мы ближе друг к другу, тем сильнее проклятие. Давно мы не были настолько близко. Слишком давно, чтобы я поняла: я больше не умею это контролировать. И не особо хочу. На то, чтобы держать себя в руках, нужно столько сил — мне они понадобятся в другом.

Но разум упрямым занудным голосом твердил: держись от него подальше.

— Ты не можешь все отменить, — упрямо сказала я. — Особенно сейчас, когда Тан уже атли. Сам ведь говорил: поддержка митаки важна.

— А ты?

— Что я?

— Что скажешь ты?

— Скажу, что не имею к этому никакого отношения, — стараясь казаться безразличной, ответила я и спрятала за спину трясущиеся ладони.

Зачем он спрашивает? Это что, эксперимент? Еще один способ помучить? Словно если я скажу: «Не женись», Влад тут же разорвет помолвку. Да и какое я имею право говорить это? Даже мысль допускать, что я могу повлиять...

— Тебе все равно?

От пристального взгляда нельзя спрятаться, укрыться. Похоже, и соврать не смогу. А надо? Влад прекрасно знает, как я отношусь к нему — скрывать всегда было трудно, а из меня неважная актриса. Но он хочет услышать — зачем?

— Это все проклятие, — глухим голосом ответила я и отвернулась к окну.

— Меня жутко раздражает, когда ты хочешь выехать на этой фразе!

— Я не хочу выехать. Я хочу забыть. Примириться. Так проще...

— А может, не нужно мириться? — Его руки сжали плечи, мягкий шепот вызвал непроизвольную дрожь, и я зажмурилась. — Если бы ты хоть на минуту представила...

— Нет! — резко оборвала я. — Не продолжай.

— Ты первая, кого я готов просить об этом. Первая, кого прошу...

Горло царапнуло невысказанными словами. Желание остаться, выслушать, возможно, пойти на компромисс, сводило с ума, но я понимала: еще одна слабость, и оступлюсь. А

если упаду, вряд ли уже поднимусь.

Поэтому я высвободилась и, пока не передумала, быстро направилась к выходу. Уйти отсюда, спрятаться там, где он не найдет — все это помогало раньше, поможет и теперь.

У самой двери я остановилась. Сама не знаю зачем — контролировала себя плохо, перед глазами плыло от выступивших слез. Но слова — сформированные давно, но так долго сдерживаемые — буквально рвались наружу.

— Я не хочу быть первой, Влад, — произнесла я тихо, не оборачиваясь, боясь, что его вид заставит меня передумать. — Я хочу быть единственной.

И вышла.

Буквально бежала по коридору, но все равно казалось, что он не закончится никогда. Ввалилась к Глебу, захлопнула дверь и прислонилась к ней спиной. Пыталась восстановить дыхание, успокоиться, не плакать.

— Эй, ты чего?

Глеб не спал. Сидел в обнимку с гитарой, а на экране телевизора мелькали черно-белые картинки клипа какой-то рок-группы.

Он отложил инструмент, встал и подошел ко мне. Убрал мои ладони от лица, вытер слезы.

Такой близкий, родной... Ну почему, почему я не могу избавиться от этого губительного влечения? Не могу посмотреть вокруг, увидеть, что есть человек, которому я по-настоящему нужна?

Это все проклятие. Если бы его не было, я давно уже нашла бы свое счастье. Забыла бы и Влада, и прошлое, и навязчивые мысли. Проклятие губительным ярмом висит на шее, вороньей стаей кружит над головой. Как в том фильме, что мы смотрели недавно.

— Мне нужно это самой, — сказала я больше себе, чем Глебу. Подняла на него глаза и повторила: — Мне нужно. И я это сделаю!

Глава 17. Новоселье

Белые стены выглядели одиноко и зловеще, словно это не квартира, а больничная палата. А в остальном было очень даже ничего — уютненько. Глеб выкинул старый затертый диван, а вместе него посреди комнаты красовался огромный бежевый уголок с круглыми подлокотниками и широким сиденьем. На него-то с разбегу и плюхнулась Кира. Закинула ноги на спинку и лукаво подмигнула.

— Я тоже хочу отдельную квартиру! Как думаешь, Влад разрешит?

— Сомневаюсь, — скептически ответила я, вспоминая наш с ним последний разговор.

Лучше бы не вспоминала, ей богу! Грудь тут же стянуло невидимыми веревками, а в комнате стало на порядок темнее. Сожаление замуарило пространство, но Кира тут же осветила его лучезарной улыбкой.

— Жаль. Но может, оно и к лучшему. Возможно, он, наконец, поймет, что мы с Таном любим друг друга, и позволит нам венчаться.

Глеб закатил глаза, всем видом показывая, как он относится к такой перспективе, но вслух сказал:

— Сначала посвятись, сопля!

Кира хотела что-то ответить, даже рот раскрыла, но тут у нее зазвонил телефон, и дочь упорхнула на балкон. Как пить дать, Тан звонит. Ну и ладно, пока нужно абстрагироваться и не думать.

— Переживаешь, что не сможешь? — осторожно спросил Глеб и положил руку мне на плечо. — Из-за нее?

— Нет. Если Тан будет вести себя мирно, ничего не придется делать.

— Он не будет.

— Тогда Кира поймет, что он за человек, — резко произнесла я. — А мне будет проще — он ведь ей соврал. И мне.

Глеб кивнул, но дальше допытываться не стал. Обвел взглядом обстановку в комнате и спросил:

— Ну как тебе?

Я проследила за его взглядом. Смотреть-то особо не на что — из Глеба ужасный декоратор. Кроме уголка в комнате — низкий журнальный столик из темного дерева и почему-то трюмо. Надо будет оттащить его в коридор, а то там совсем пусто. В углу, рядом с полу-засохшей драценой, одиноко притаилось кресло. Вот и вся мебель. Хотя по сравнению с тем, как была обставлена квартира до этого, тут даже уютно. А еще на окнах шторы. Простенькие, тюлевые, но они есть.

— Обалдеть! — честно ответила я и добавила: — Спасибо.

— Идем спальню смотреть.

Спальня оказалась по-настоящему домашней. С ковром, кроватью, комодом и цветами на подоконнике. Даже ночники на тумбочках стояли, а кружевное покрывало делало комнату по-настоящему женской. Даже слишком.

Я улыбнулась и крепко обняла Глеба.

— Нравится? — тихо спросил он.

— Очень. Только... Можно я выброшу рюши?

— Делай, что хочешь. Теперь это твой дом.

Мой дом. Жилище, куда я не обязана никого впускать. Где могу делать, что захочу, хоть на голове стоять. И главное — где не буду ежедневно видеть Влада, сталкиваться с ним на лестнице, в гостиной или в кухне. Где не придется каждый день пересиливать безнадежность и дикую тоску от того, что я изменить не в силах. У меня будет что-то свое, личное.

Я даже мечтать о таком не могла.

— Я уже говорила, как сильно люблю тебя?

Прижалась к Глебу, а он проворчал:

— Ты вообще такого не говорила...

— Так вот говорю. Чтобы знал.

— Вермунд не посвятил Киру, — хмуро произнес он и разомкнул объятия. В глаза не смотрел, казался отстраненным и чужим. Даже воздух пропитался этой отчужденностью, что сбивало с толку.

— Думаю, он не хочет пока. Из-за Тана, — сдавленно ответила я.

— Правильно. Пока все не утрясется, лучше пусть побудет непосвященной. Мало ли, как колдун на нее влияет... — Он выглянул в коридор — наверное, убедиться, что Кира не подслушивает под дверь. — Только ты должна рассказать ему. Ну, о своем плане. Иначе он тебе его попросту сорвет.

— Если расскажу, больше вероятность, что сорвет. К тому же, у нас сейчас плохо получается разговаривать.

— Ну да, свадьба, — стараясь казаться безразличным, сказал Глеб. — Через две недели он перестанет быть свободным мужчиной.

— Он никогда им не был, — фыркнула я. — Думаю, скоро все устаканится. А если у меня получится, то...

— А если нет? — перебил Глеб. — Ты думала о том, что будет, если не сможешь, не успеешь? Если...

— Никаких если! Смогу. И успею. Тан не будет вождем атли никогда. Думаю, тут все со мной солидарны.

— Домбровская тебя поцелует, как пить дать, — усмехнулся он. — Она тоже предпочла съехать, ведь скоро великий и ужасный Оз... то есть Тан въедет в наш дом.

— Тебе все хиханьки, — строго осадил я его. — Лично я понимаю Лару.

Глеб достал сигарету и бесцеремонно подкурил. Прямо посреди спальни. Я нахмурилась. Нужно будет провести с ним политбеседу по поводу курения в помещении. И ограничить пространство для вредных привычек балконом.

— Скоро Тан распугает всех девушек-атли, в доме станет пустынно и скучно. Посреди гостиной на огромном троне будет сидеть Ира Диркова и командовать нами. Беда-печаль.

— Она любить командовать? — с любопытством спросила я.

Почему-то захотелось побольше узнать о невесте Влада. Какая она — добрая или злая, жестокая или справедливая? Есть ли у нее друзья? С кем она ладит в атли? Ведь ей, наверное, тяжело здесь, вдали от дома, от собственного племени... От родных.

— Наследница. Ира воспитывалась, чтобы править со всеми вытекающими. И если бы не свадьба с Владом, после смерти Ивана возглавила бы митаки.

— Тогда почему она... То есть я хочу сказать, когда она посвятится в атли, утратит все преимущества. Будет всего лишь... женой.

— Утратила, — поправил меня Глеб. — Ирина уже атли, Поля. Влад посвятил ее на днях. Скоро воссоединится с нами и присягнет вождю.

— Уже? — Воздух со свистом вырвался из легких, и я присела на кровать. Не знаю, почему так резко отреагировала и чего ждала. Ведь знала, что рано или поздно это случится.

— По поводу твоих «почему». — Глеб опустил рядом и взял меня за руку. — Ее отцу выгоден союз с атли. Говорят, их провидица узрела беспорядки, связанные с охотниками. В ближайшем будущем. Но даже если отбросить политику... Ира молода, красива и влюблена по уши.

Я подняла на него глаза и поняла: не врет. Глеб действительно думает, что Ирина любит Влада.

Конечно, все его любят. Бесит! Так бы и дала чем-то по голове. А лучше себе — чтобы навсегда выбить дурь, рождающуюся там каждый раз в присутствии Влада.

Додумать мне не дали. В комнату заглянула Кира и, счастливо улыбаясь, сказала:

— Давайте устроим новоселье. Все атли завтра у тебя. Надо же отметить самостоятельность и начало новой жизни. Как думаешь?

Я глубоко вздохнула, запихивая подальше мысли о влюбленностях-венчаниях, и пожала плечами:

— Почему бы и нет.

В общем, я только потом поняла, на что подписалась. Следующим утром в полпятого утра, когда Кира выдернула меня из сладких сновидений и отправила умываться. А я-то думала, дочь будет как я — совой. Но в ней, наверное, победили гены отца.

К полудню на кухне уже всю кипела работа. Мы Ритой мыли, резали, варили, жарили, а Кира руководила процессом, изредка поднимая голову от экрана планшета. Быстро освоилась в современном мире, ничего не скажешь. Если бы в атли могли править женщины, я бы на месте Димы уже сейчас начала волноваться.

Впрочем, в глубине души я радовалась, что мы нашли общий язык. Кира была милой и, несмотря на твердость и некую бескомпромиссность, понимающей и доброй.

Жаль, конечно, что у нас отняли годы, в течение которых я могла наблюдать, как она растет, меняется, обрастает привычками и знаниями, становится умнее, взрослее. Женственнее. Но я была безумно счастлива, что, несмотря на долгую разлуку, она приняла меня и даже, казалось, полюбила. Настолько, насколько вообще можно полюбить за столь короткое время.

Я же потерялась в ней. Когда дочь была рядом, мне все время хотелось обнимать ее, прикасаться. Видеть ее улыбку.

Кира была жизнерадостной, лучистой и жутко энергичной. Мир вокруг нее постоянно был в движении. Такой себе живчик.

Я всегда сдавалась раньше. Раньше уходила спать, раньше уставала и устраивалась на диван, поглядеть, как они с Глебом смешно играют в твистер. Иногда Кира даже Риту заманивала, и сестра постоянно ворчала, но корежилась на коврик.

В такие моменты я ловила себя на мысли, что теперь у меня есть семья. Настоящая, когда ощущаешь единство и принадлежность, а не когда оно только на словах. С возвращением Киры быт изменился, наполнился теплом, надежностью и любовью. Даже проблема с Таном отошла на задний план.

Хотя она снова придвинулась, когда выяснилось, что он переедет к атли. Будет жить в большом доме, вливаться в коллектив, а затем... Бррр! Даже думать об этом не хочу.

— Ты где витаешь? — Дочь вырвала меня из тоскливых мыслей. — Скоро все соберутся, а у нас ничего не готово!

И упорхнула в спальню, так как у нее зазвонил телефон.

— Лучше бы помогла, — проворчала Маргарита, проверяя, не готово ли мясо в духовке. При виде румяной корочки рот тут же наполнился слюной, и я вспомнила, что сегодня забыла позавтракать. Ну ничего, за стол сядем, ни в чем себе отказывать не буду.

— Не бурчи, — осадила я сестру. — Кира вся в отца, которого ты так любишь, кстати.

Рита скорчила рожицу, но ничего не ответила. Крыть-то нечем. Я улыбнулась, оглядывая уютную кухоньку. Пришлось, правда, сменить занавески — те, что нацепил Глеб никуда не годились, а в целом обстановка тут была милой. Не такая, как у Андрея, но желание проводить много времени за небольшим столом вызывала.

Моя кухня. По-настоящему. Похоже, судьба все же повернулась ко мне лицом. И даже слегка улыбнулась.

Кира вернулась смущенная и растерянная. Взяла меня за руку и, не обращая внимания на сопротивление и протесты, утащила в коридор.

— Эй, ты же сама говорила, времени мало...

— Ты не против, если Тан тоже придет? — выпалила она и посмотрела на меня взглядом кота из Шрека. Понимает, негодяйка, как это на меня действует. Но нет, в случае с Таном я слабости не проявлю. Но это потом. Раньше времени выдавать себя точно не стоит.

— Почему бы и нет, — безразличным голосом ответила я. — Он же атли, а все атли придут.

— Я тебя обожаю! — Кира расцвела в улыбке и бросилась меня обнимать. — Позвоню ему, а то он жутко волнуется.

И снова убежала в комнату.

— Ага, как же, волнуется он... — пробормотала я и вернулась на кухню. В душе поселилось беспокойство — чувство нарастало, множилось и клубилось в груди, отдавая легкой горечью на языке. Словно я что-то упускаю — что-то очень важное, существенное, без чего мой план не то, что неэффективный, но неполный. И ничего не решит...

А потом нагрянули гости, и беспокойство улетучилось за ворохом объятий и подарков.

Первым пришел Филипп. Он был одет нарядно — в костюм и галстук — что сразу вызвало непонятные подозрения. Жрец вел себя очень галантно, поцеловал тыльную сторону моей ладони и подарил большой набор посуды. Что оказалось весьма кстати, так как Рите пришлось тащить кастрюли из дома атли, чтобы приготовить все для сегодняшнего застолья.

Потом Филипп с Глебом долго обсуждали подробности ремонта, и Филипп указывал ему на недочеты. Тоже мне, дизайнер нашелся. Словно не все равно, в какой цвет выкрашены стены, когда ужасно хочется сбежать из другого — роскошного — дома, обставленного со вкусом. За эти два дня я успела полюбить эту квартиру с белыми стенами и несуразно расставленной мебелью. К тому же, стены всегда можно перекрасить, а мебель поставить так, как нравится.

Рита за все это время не проронила ни слова, ходила по квартире, как привидение, суетясь и вечно забывая что-то на кухне. Расставание всегда плохо действует на человека, а когда с бывшим нужно жить в одном доме и постоянно сталкиваться в коридоре, становится совсем невыносимо.

Затем пришли девочки — Оля, Алина и Ксения. Подарили мне сервиз на двенадцать персон, и я обещала, что мы сегодня же его опробуем.

Буквально через десять минут явились Каролина и Алишер. Вдвоем. Как пара.

Черт, сколько всего я пропустила! Жизнь проходила мимо, когда я, влекомая непонятной целью, впускала нали. Затем прогоняла, снова впускала. Лечила раны и вновь калечилась. Те дни навсегда въелись в душу острыми шипами, оставляя шрамы, как напоминание...

А жизнь продолжалась, люди встречались, расходились, признавались в любви. Плакали и смеялись. И вот я вернулась, как с войны, в родные места и поняла, что ничего не узнаю. Все изменилось. Безвозвратно. А те дни, что я пропустила, навсегда останутся не моими днями.

Кирилл тоже пришел с девушкой. Той самой Леной из бухгалтерии. Человеческой девушкой, которая, судя по всему, кое-что знала об атли. И приняла нашу жизнь настолько, насколько вообще ее может принять человек. Это внушало мне надежду. Надежду на то, что не все потеряно. Что мы не совсем отщепенцы — несмотря на опасности, уклад жизни и дурацкие законы.

Лена оказалась довольно милой, поцеловала Глеба в щеку и вручила мне миксер. С такими гостями мне не придется покупать ничего, и после новоселья квартира окажется полностью пригодной для жизни.

А потом прибыл Влад с невестой. Вслед за ними вошли люди в ярко-синих спецовках и втащили в дверь нечто плоское и огромное, а еще несколько больших вместительных коробок.

— Привет, — лучезарно улыбнулась наследница митаки. Улыбка у нее была широкая и открытая, обнажающая идеально белые зубы. Интересно, как у нее получается сохранять их такими? Или это все же заслуга стоматолога? — Это просто возмутительно, что мы до сих пор не знакомы! Я — Ира.

— Полина, — ответила я и нервно улыбнулась.

— Очень приятно. — И пока я замешкалась, она крепко меня обняла и поцеловала в щеку.

Мне что, при каждой встрече придется с ней целоваться? Жуть какая...

Я поймала лукавый взгляд Влада и пожелала мысленно, чтобы он провалился сквозь землю. Ну, или сквозь пол — на этаж ниже.

Но он, конечно же, не провалился.

— Что в коробках? — нахмурилась я.

— Телек! — выкрикнул Глеб из гостиной. — Офигенная плазма.

Влад пожал плечами, словно хотел сказать: «Ничего особенного», и вкрадчиво спросил:

— Покажешь мне дом?

Просьба меня не обрадовала, но я решила не устраивать показушных разборок. Хватит того, что атли постоянно наблюдают за нашими ссорами, к вниманию митаки я не готова. Надоело быть в свете софитов — уйти бы в тень, расслабиться и просто жить. Ведь мне так понравилось это в последние дни — жить. Смеяться. Радоваться. Ни о чем не думать.

Ну, почти ни о чем.

— Твоя комната у атли мне нравится больше, — констатировал Влад, когда я показала ему квартиру. К слову, с пользой показала — он поставил защиту, о которой я даже не подумала, и избавил меня от необходимости просить об этом Лару. — Может, вернешься?

Я покачала головой и отвела взгляд. Наш последний разговор отпечатался в памяти смесью стыда, злости и желания, и казалось, оно не развеялось, а лишь усилилось, а в тесноте небольшой спальни стало невыносимым, гнетущим и дурманящим. Словно все, что есть во мне от пророчицы, отключилось, сосредоточившись лишь на свойствах проклятия.

— Тан въезжает. Глеб говорил...

— Думаешь, не уживется с атли?

— Очень смешно! Ты предполагал, что будет дальше? Он действительно...

— Вызовет меня? Бесспорно. Но не сразу. — Влад помолчал немного. — Боишься?

— Шутишь? Конечно, боюсь!

Я выдохнула и отвернулась к окну. Горячим воском по горлу прокатилась тревога, осела в легких тяжелым, липким комком. Не продохнуть. И снова вернулась неуверенность. Кто я и кто Тан — древний интриган, умный, расчетливый, продумавший свой план до деталей? И что мы можем противопоставить ему — его дару, знаниям, жажде мести?

За окном бушевала осень. Темный, резкий дождь стегал по стеклу, ветер рвал ветви, заставляя их выгибаться в причудливом танце. Низкое небо угнетало, давило и погружало в депрессию. Жаль, что лето кончилось так быстро.

Влад подошел близко — так, что я ощутила его дыхание у себя на затылке. Низкий шепот разрушил иллюзию тишины:

— Почему ты боишься?

— Я — атли и присягала тебе.

— Ты всегда прячешься за неправильными словами. Говоришь, я лгу, но сколько раз лгала сама? — Он развернул меня к себе, приподнял подбородок. Сознание плавилось под взглядом зеленых глаз, в животе безудержно ныло — то ли жила, то ли возбуждение.

Нет, я не для того съехала, чтобы он приходил и мучил меня здесь, в безопасности белых стен. Особенно когда нужно сохранить душевное равновесие.

— Скоро придет колдун, — выпалила я первое, что пришло в голову.

Подействовало. Влад отступил на шаг и громко вздохнул.

— Умеешь ты наломать.

— Извини, но ты, кажется, запутался. Твоя невеста в другой комнате, — зло произнесла я.

— Ты такая колючая. — Он улыбнулся. — Осталось еще кое-что?

— И что же?

— Это.

И пока я не успела среагировать, расстегнул верхние пуговицы моей блузы. Кожу обожгло прикосновением — на миг — а через секунду он держал в руках золотого совенка. Бриллиантовые глазки зловеще сверкнули, а Влад сказал:

— Совершенно бесполезная штука, если не наполнить кеном.

Сладкий запах заполонил пространство, и с каждым вдохом мое дыхание становилось прерывистее, вдохи чаще. Хотелось сбежать и остаться одновременно. Закрывать дверь на замок и забыть о гостях. О колдуне, который должен прийти с минуты на минуту, о Кире, которой я обещала постараться понять Тана, об Ирине... И одновременно бросить все и бежать. Далеко. Вдали проще не думать, не чувствовать, не...

— Готово.

Зеленые глаза улыбались. Влад понимал все не хуже меня, а может, даже лучше. Понимал, насколько мне трудно сдержаться от желания обнять, прикоснуться. Он все делал

специально!

Разозлиться. Нужно разозлиться. Почему, ну почему не получается? В голове кавардак, и кажется, я улыбаюсь...

— Спасибо...

Ловлю отголоски собственного голоса — хриплого, не скрывающего желания.

Теплые пальцы все еще на моей коже — и кажется, на месте прикосновений остаются шрамы от ожогов. Но кожа не болит — плавится воском, мышцы расслабляются, размякают. И вот я уже совершенно не могу мыслить...

Звонок в дверь сбросил наваждение, и я резко отступила назад. Втянула носом воздух, а Влад усмехнулся:

— К тебе пришли.

Приехала Лара. Скептически огляделась, едва скользнула по мне взглядом и всучила в руки оберег. Темное кольцо из переплетенной лозы, наполненное кеном под завязку.

— Повесишь над входом, — бросила защитница. — Я сама делала.

— Спасибо, — изумленно произнесла я, дрожащими руками принимая подарок. Буквально чувствовала, как спину жжет пристальный, едкий взгляд. И показалось, что я сама себя загнала в ловушку, и которой не выбраться. Это ощущение возникло и тут же рассеялось.

Лара метнула ненавистный взгляд на Влада, а затем на появившуюся в проеме двери Ирину. Вот уж кому на самом деле тяжело. Лара ведь действительно думала, что станет его женой. Они были вместе так долго, Глеб говорил, у них это еще с юности... Наверное, больно смотреть, как рушатся собственные иллюзии, которые ты лелеяла столько лет.

Лара, к сожалению, не дочь вождя митаки. Политической пользы никакой не принесет. Как, впрочем, и я.

В целом компания у нас собралась дружная. Как в старые времена, только в более тесном помещении. Атли рассредоточились по квартире и оживленно болтали кто о чем. Спорили, смеялись, обсуждали прошедший день. Словно беда не стояла совсем рядом и не грозила разрушить едва наступившую идиллию.

Беда не преминула появиться. Позвонила в дверь, и разговоры тут же стихли. Атли — те, которые не умели держать эмоции в себе — испуганно переглянулись. Морально закаленные сохраняли невозмутимые выражения лиц.

Влад подошел ко мне и сказал бесстрастно:

— Чего же ты ждешь? Открывай.

Не знаю, чего я ждала. Выплеска всеобщей ненависти, страха, отчаяния? Едких слов? Или собственной немоты?

Я просто открыла дверь, облегченно думая о том, как хорошо все же, что спину мне прикрывает Влад. Могла ли я подумать, что настанет такой момент, когда я буду доверять ему снова?

Наверное, все зависит от опасности. Сейчас я интуитивно чувствовала: мы на одной стороне. И так же, как и я, Влад готов порвать Тана на куски. Но так же, как и я, вынужден принимать его в доме. Ведь теперь никто из атли не может причинить колдуну вред.

Он один из нас. Часть таинства...

— Полина. — Чернокнижник склонил голову набок, и темные глаза лукаво усмехнулись. А затем он перевел взгляд на вождя, и я явно ощутила исходящую от колдуна угрозу. — Влад.

— Не стесняйся, входи, — послышался сзади невозмутимый голос. Показалось, что этот голос — иллюзия, стена, которая стоит между выгодной для Влада игрой и его истинными чувствами. Ненавистью, яростью и бессилием. И что это стена настолько тонкая — надави, и развалится. Распадется на камни, и ярость хлынет неуправляемым, диким потоком, который уже не остановить...

Рядом с Таном стояла Кира и смущенно улыбалась. Хрупкая, ранимая и до глубины души влюбленная.

Колдун вытянул руку вперед. Только теперь я заметила, что он держит в ней розу — абсолютно черную, на длинной ножке, на которой полностью отсутствовали шипы. Самый жуткий подарок, который мне когда-либо дарили.

Но я его приняла. Взяла немеющими руками и пробормотала слова благодарности. Поймала себя на мысли, что Чернокнижник рядом со мной кажется каким-то особенно большим и страшным. То ли мой рост повлиял, то ли смятение от чувств в спальне, от которых я все никак не могла отойти.

Атли тоже не были в восторге от прихода колдуна. Краем глаза я заметила, как Лара придвинулась ближе к Филиппу и инстинктивно сжала амулет на шее — обережную руну на широкой золотой цепочке. Рита забилась в угол, спрятавшись за спинами Алишера и Каролины. Оля прижала руки у груди. Кирилл напрягся.

Только Ирина вытянулась, как струна, и вовсе не выглядела испуганной. Она была зла, и злость эту не скрывала — с яростью глядела прямо в лицо Чернокнижнику, и я могла поклясться, готова была броситься в атаку.

Впрочем, Тан этот жест никак не оценил, даже взглядом не удостоил наследницу митаки.

Кира прокашлялась и нарочито громко сказала:

— Жутко хочется есть. Чем угощаешь?

— Все здесь, на столе, — ответила я и облегченно выдохнула.

Вечер выдался для меня трудным. Нужно было оставаться радушной хозяйкой, избегая при этом половину гостей. Изредка я ловила взгляд Киры — она хмурилась, и я понимала, что дочь ждет от меня чего-то — шага навстречу, примирительного слова, уступки. А меня распирало — так хотелось взять новенькую сковородку и огреть ее милого по голове.

Но я понимала, что это не решит проблемы. Ведь проблема колдуна не моя лично, она касается всех атли, в частности Влада.

А тому, казалось, и дела не было. Влад выглядел расслабленным и отрешенным, много времени проводил с невестой, уделяя ей львиную долю своего внимания. И когда ее рука слегка касалась его щеки, когда она призывно и тихо смеялась над его шуткой или просто переплетала их пальцы, у меня внутри все скручивалось узлом и безумно — до боли в горле — хотелось плакать.

Но я уже не маленькая, чтобы плакать. Переросла. Свыклась.

Часам к десяти я все же сдалась. Вышла на балкон, закрыла глаза и вдохнула колючий воздух, отчетливо пахнувший зимой. Воздух в квартире, пропитанный напряжением и страхом, раздражал легкие.

На балконе стало легче. Я выставила вперед ладони, и морозящий дождь заполнил их поверхность мелкими, приятными каплями. Жила тут же откликнулась, натянулась. Кен заструился по венам, успокаивая, наполняя силой.

Всего лишь день. Такой же, как и остальные. Дождливый, пасмурный, но обычный.

— Неплохая квартирка.

Я открыла глаза. Нахмурилась, но к вошедшему не повернулась. Только спросила строго:

— Зачем пришел?

— Пришел спросить, как долго собираешься бегать от меня, пророчица? Я никуда не денусь.

Я метнула в Тана ненавистный взгляд. Жаль, что кен у меня из ладоней выходит, а не из глаз. А то сгорел бы колдун, как пить дать.

Мечты...

— У тебя мания величия. Ты так высоко, что когда упадешь, ничего не останется — только мокрая лужа на асфальте.

— Ты очень милая, когда злишься, — улыбнулся Чернокнижник и положил руки на перила. Посмотрел вдаль — туда, где огни города сливались в замысловатое крошево из ярких искр.

— И что дальше, Тан? Вызовешь на поединок отца Киры? Убьешь его? Потому что знаешь, Влад ни за что не отдаст тебе племя добровольно.

— Кто знает, как оно будет, Полина...

— Я знаю. Кира возненавидит тебя.

— Помни: ты не должна нам мешать.

— Ах да, как я могла забыть?! Это же то самое обещание, из-за которого меня могли изгнать, — язвительно произнесла я. — Скажи, Кира знает об этом?

— Это была маленькая хитрость. — Тан пожал плечами. — Иначе Влад не принял бы меня. Ты должна понимать.

— Ничего я тебе не должна. — Я отвернулась и хотела было покинуть балкон, но Тан внезапно спросил:

— Чем же я так плох? Не я ли вернул тебе близких?

Его голос прозвучал обиженно. Я даже удивилась — с чего бы. Но виду, конечно же, не подала.

— Мы заключили сделку, и я выполнила свою часть, — произнесла резко.

— А я — свою.

— Относиться к тебе с пониманием я не обещала!

— Вот скажи, пророчица, что ты за него так уцепилась? Сколько еще Влад Вермунд должен причинить тебе боли, чтобы ты поняла: не стоит за него держаться? Драться. Умирать.

— А за кого я должна умирать? За тебя? — Я саркастично улыбнулась и покачала головой. — Ты действительно думаешь, что сможешь меня убедить?

— Нет, — усмехнулся Тан. И уточнил: — Теперь точно нет. Возможно, если бы я попытался раньше...

— Например, тогда, когда делал мне ребенка? — язвительно поинтересовалась я. — Или тогда, когда похищал второго?

— Я зародил в тебе жизнь, а он угробил. Так кто из нас чудовище?

Я вздохнула. Нужно успокоиться. Нет смысла что-то доказывать колдуну. Нет смысла, но почему так хочется?

Все это гребаная справедливость! Хочется верить, что мир справедлив, хотя давно пора было понять — это не так. Кому-то достается сладенькое, а кому-то приходится давиться

скишим супом. Се ля ви.

Но вслух я все же сказала:

— Не нужно пытаться очернить Влада, Тан. Я сама решу, как к нему относиться. Но вот ты... Ты чужой. И позвала я тебя сегодня только потому, что Кира попросила. Она любит тебя, а ты хочешь разрушить ее жизнь. Но я тебе не позволю.

— Я не хочу разрушать ее жизнь, — тихо ответил Тан и отвернулся. — Я хочу лишь то, что принадлежит мне по праву.

— Нужно было вызывать своего брата, а не ждать тысячу лет, чтобы отомстить. Сейчас твои попытки смешны и нелепы.

— Посмотрим, что ты скажешь, когда атли присягнут мне на верность.

— Может, они и присягнут, но никогда не примут. — Я помолчала немного, все больше успокаиваясь и наполняясь уверенностью: у меня получится. Кивнула, будто подтверждая окончательный и бесповоротный вердикт, и добавила: — Я никогда не приму.

Глава 18. Тили-тесто

Глава 18. Тили-тесто

Я была просто счастлива, когда все разошлись. Тишина и покой — что может быть лучше? Глеб помог мне убрать со стола и дремал на диване. Я улыбнулась и подумала, как все же хорошо, что он у меня есть. Именно благодаря ему завтрашнее утро будет спокойным. Накрыла его пледом и ласково погладила по волосам.

Потом с омерзением выбросила черный цветок в урну. Пугающая красота — я к такой не привыкла, и точно не хотела привыкать. Не раздумывая, завязала пакет и вынесла мусор. И что, что ночь — зато не буду со страхом просыпаться оттого, что эта роза все еще у меня в квартире.

Когда в дверь позвонили, я вздрогнула. Тут же строго отругала себя. Самой себе противна — от каждого шороха дрожу. Разве так ведут себя сильные сольвейги?

Я несколько раз вдохнула и выдохнула. Подошла к глазку.

На площадке стоял мужчина. Незнакомый. Высокий. Серая майка, обтягивающая довольно слаженный торс, русые волосы чуть выше плеч завивались на концах. Я посмотрела на часы: почти полночь. Вряд ли кто-то придет в такое время узнать, как пройти в библиотеку...

Тьфу, о чем я думаю вообще? Ведь, как недавно верно подметила: я — сольвейг. Если что, шандарахну кеном. Ну, или Глеб проснется.

Я открыла дверь.

Улыбка у мужчины была открытой, а глаза лукавыми. Вообще он был в меру симпатичным и, казалось, добродушным. Поза ловеласа: одна рука в кармане спортивных брюк, в другой — прозрачная пластиковая емкость.

— Привет. Я ваш сосед из пятидесят второй. Переехал недавно и вот... Не поверите, но сахара нет ни грамма. У вас свет горел — я из окна увидел. — Он протянул мне руку и представился: — Мирослав.

— Полина.

И лишь ответив на рукопожатие, я поняла, что он — хищный. Выдернула ладонь и уставилась на мужчину с подозрением. Зачем он пришел так поздно? Чего хочет? Судьба научила меня относиться с опаской ко всяким сильным типам. Сразу вспомнились особенность моего кена и предполагаемые охотники за эликсиром всевластия.

— Удачно как я зашел, — совершенно невозмутимо произнес он. — Ты живешь здесь одна?

— Я? Да... то есть нет... А тебе зачем?

Внезапная фамильярность с резким переходом на «ты» мне не понравилась. Раздражала его наглость и напористость, и я чувствовала себя некомфортно — сама, на лестничной площадке. И вдруг пожелала, чтобы проснулся Глеб...

— Я не хотел напугать. — Мирослав отошел на шаг смущенно улыбнулся. — Просто ты здесь одна, без защиты, и я подумал: негоже хищной одной-то. Без племени...

— А кто сказал, что я без племени? — удивленно спросила я. Сложила руки на груди и посмотрела на него с вызовом.

— Ну ты же здесь одна. Или нет?

— Ты, кажется, за сахаром пришел. — Я потянулась к прозрачной емкости. Захотелось поскорее от него отвязаться. При этом мучило дикое любопытство. Кто он? Откуда здесь? Из какого племени? И почему Влад ни разу не упоминал, что в Липецке есть еще хищные? Ведь то племя, которое жило здесь много лет назад, давно покинуло город.

Мирослав без лишних слов вручил мне банку, и я скрылась за спасительной дверью. Отдыхалась.

Нет, не бывает таких совпадений. Чтобы сильный хищный селился с тобой на одной лестничной площадке и ничего не знал о том, что ты сольвейг. Ему точно что-то от меня нужно. Кровь? Кен? А может, он и есть тот таинственный драугр? Кто они такие и как отличаются от нас? Умеют ли маскироваться под доброжелательных соседей?

Под лопатками свело от неприятных мыслей. Если мои предположения верны, нельзя выдавать присутствие Глеба в квартире. Умру, так одна...

Но может, он и не станет меня убивать. Я не особо восстановилась после истощения...

Черт, что за мысли? С чего я вообще взяла, что ему от меня что-то нужно? С моим-то прошлым не мудрено стать параноиком, и это вовсе не значит, что все вокруг враги.

Я наполнила емкость сахаром, но руки настолько тряслись, что просыпала немного на гладкую поверхность кухонного стола. Потом уберу. Сейчас главное — сплавить незваного соседа.

Я открыла дверь с натянутой, неискренней улыбкой. Представляю, как она смотрелась со стороны. Но лучше уж так, чем затаиться в квартире и не открывать — тогда Мирослав точно подумает, что я дикая.

— Держи. — Протянула ему сахар.

— Спасибо. Ты меня очень выручила!

— У тебя нет племени? — спросила я, осторожно прощупывая почву. Обычно хищные живут племенами, и если он поселился здесь, значит, отреченный или...

— Есть. То есть было. Мое племя по крови — альва. Их всех убил древний. Я приехал сюда из Твери, а по дороге посвятил нескольких людей. Название менять не стал — я все же вождь.

— Ого! — вырвалось у меня. — То есть... Я хотела сказать, мне жаль. Древний может принести много бед.

— Древние редко теряют след. Пусть хранят тебя боги от встречи с таким охотником, Полина.

Мне вспомнились ярко-красные маки на черном, полу-сумасшедший взгляд и орудия для пыток.

— Мне бы очень не хотелось встречаться с древним, — уверила я.

— Почему ты живешь здесь одна? Тебя изгнали?

— Нет, что ты! — Я ответила так поспешно, что сама удивилась. Удивилась тому, как подействовала на меня эта фраза. А ведь недавно я была за миллиметр от изгнания. Если бы Влад не пошел на поводу у Тана... — Мне просто комфортно здесь. Одной.

— Защита знатная, хвалю, — одобрительно кивнул мой гость, всматриваясь в верхнюю часть дверного проема. И что он там увидел? Хоть убей — не чувствовала никакой защиты. Впрочем, я ее редко чувствую — никакая из меня защитница. — Я даже не сразу ее заметил.

— Спасибо.

Пусть думает, что хочет. О том, что я пророчица, ему знать вовсе необязательно.

— Не знал, что в Липецке живет племя. Город занят? Принадлежит вам?

— То есть как — занят?

— Ну, если это ваша территория, то я должен спросить разрешения твоего вождя, прежде чем поселить здесь свое племя, — пояснил Мирослав. — Мы здесь недавно — пару дней как приехали.

Так вот почему Влад не говорил — он и сам не знает. Ощущение, что я знаю больше его, было приятным. Загораживающим. Личные тайны в мире хищных, о которых атли пока не знают... Хотя последняя моя тайна привела к посвящению Тана в племя.

— Ты прав, лучше спросить у него. Я передам, когда его увижу, что ты спрашивал.

Мирослав сипло рассмеялся, закидывая голову назад, а потом одарил меня лукавым взглядом.

— Ты очень странная.

— Ничего подобного, — сердито пробормотала я. — Я совершенно обыкновенная.

Мне надоело, что на меня смотрят как на мешок с особенным кеном. Не для того я съезжала, чтобы выступить на другой сцене.

— Ну-ну. — Он осмотрел меня с головы до ног, и по коже пробежал неприятный озноб. — Спасибо за сахар, Полина. Извини, что потревожил.

— Спокойной ночи, Мирослав.

Когда я закрывала дверь, он все еще улыбался. И мне казалось, он видит меня сквозь плотный металл двери и дерматиновую обивку. Странное чувство — будто за тобой шпионят. Точно паранойя!

Я выглянула в глазок — лестничная площадка была пуста.

— Кто-то приходил?

Я вздрогнула и обернулась. Глеб стоял у двери, ведущей в гостиную, и протирал глаза.

— Сосед приходил за сахаром, иди спать.

Он уснул сразу же, а я еще два часа ходила по квартире. Думала обо всем: о Чернокнижнике, о Кире, о свадьбе Влада. Потом вспомнила, что за стеной живет хищный из другого племени. Такой же, как и я, но с другой энергетикой.

Другое племя... А ведь их немало на земле. Интересно, отличается ли их быт от быта атли? Чем они живут, дышат? Молятся ли богам?

Измучившись окончательно, я пристроилась рядом с Глебом на диване, крепко обняла его и закрыла глаза.

Не знаю, почему я не рассказала о Мирославе атли. Возможно, из-за того, что стала бывать там намного реже. А может, просто хотелось иметь собственную тайну. Разобраться во всем самой.

Почему он и его племя приехали именно в Липецк? Туда, где совсем недавно организовали свой штаб охотники, выставив в огромном зале машину для слез и боли? Глеб говорил, у пророчицы митаки было видение. Вот бы пообщаться с ней, расспросить. Жаль, что у меня видений больше нет. Чувствую себя слабой и бесполезной. Ненужной.

Я вот уехала, а у атли все осталось по-прежнему. Ничего не изменилось. Ну, если не учитывать кутерьму с подготовкой к свадьбе.

Иру мы приняли на следующий день после новоселья. Как и Тана. Жуткий день. Дождь, грязь, притупленный страх и приглушенный звук шагов на заброшенной пустыре за городом. Свечи, бледное лицо Филиппа и невозмутимое — Влада. Легкая улыбка Ирины. Шершавая поверхность ритуального камня и пустота. Никаких воспоминаний. Хотя когда мы

выходили, мне показалось, я увидела на нем маленькое пятнышко крови.

Все в прошлом. И ритуал, и воссоединение. Душа будто бы онемела совсем. Никаких эмоций.

Когда мы вышли, я подставила лицо под мелкий морозящий дождь, наполняясь энергией, выплескивая негатив. Казалось, под кожей все еще живет кен колдуна — липкий, черный, дурманящий. Чужой. Тан все еще чужой для нас. Мало принять кого-то а племя, нужно принять его душой. Ни один из атли не принял Чернокнижника. Никто, кроме Киры, но ее не приняли тоже.

Домой мы ехали с Глебом. Я обняла его за талию и закрыла глаза. Дорога, гул мотоцикла, ветер, треплющий одежду — все это было уже настолько привычным, родным, что я не представляла себе жизни, где этого не будет.

Осень — унылая пора. Об этом даже писал один русский поэт. Вот полностью с ним согласна. Хотя осень — это скорее состояние души. А вслед за осенью приходит зима. Белый снег, спокойствие, горячий чай и интересная книга. Зиму я любила больше. Наверное, всегда буду любить. За светлые воспоминания, за ощущение надежности и тихого счастья.

Две недели — небольшой срок. Особенно когда приближается событие, которого ты не очень ждешь. Нет, я не противилась — даже мысленно. Свыклась. Примирилась. Даже, наверное, в какой-то мере поняла.

Но находиться в доме, среди этой суматохи, среди нарядных людей, зная, чем обусловлена эта радостная кутерьма... Увольте! Для меня это было слишком. Благо, рядом стоял разнос с шампанским.

Митаки оказались очень суетливым племенем. Особенно женщины. Они бегали так быстро, что я не успевала следить. Сначала пыталась запомнить, как кого зовут — чисто из любопытства. Потом забила. Все равно к утру забуду.

Их мужчины, наоборот, выглядели весьма солидно и держались в стороне.

Иван, отец Ирины, чем-то смахивающий на Гендальфа, только с темной бородой и абсолютно седыми волосами, о чем-то серьезно говорил с Владом.

Двоюродные братья Иры — Виктор и Ярослав — с интересом рассматривали атли из убежища у камина. Остальные мужчины остались на улице. Глеб говорил, митаки самобытны и плохо вливаются в общество. У них на все есть собственное мнение и компромиссы для них неприемлемы. Что ж, эти проблемы придется решать Владу — он же выбирал себе невесту.

А я буду веселиться. Вот прямо сейчас и начну. Я поставила опустевший бокал рядом с другими и взяла новый. Третий, кажется... Пофиг. Не так часто я пью, чтобы считать рюмки.

— Ты не слишком увлеклась? — раздался сзади знакомый голос.

Я развернулась и даже поперхнулась шампанским.

— Ну, ни фигя себе!

Филипп выглядел роскошно. Одетый в золотую мантию с красным подбоем, держа в руках книгу заклинаний, казался королем жрецов. И выражение лица у него было соответствующее — важное и горделивое.

— Тебе идет, — подмигнула я ему и сделала еще один глоток.

— Ты тоже отлично выглядишь.

Это была лесть. Мое платье мышинового цвета с юбкой, едва прикрывающей то самое место, я в последний раз надевала на выпускной. Покупать другие платья для торжеств считала расточительством, так как носить их было некуда. Но вот представилась

возможность откопать в шкафу этот кусочек прошлого...

Вообще я платья не очень любила. Гораздо удобнее в джинсах. Свободнее. Жаль, что на свадьбу нельзя прийти в джинсах. Или можно? И чего я заморачивалась с этим внешним видом? В конце концов, невеста не я.

— Лесть — это плохо, — пожурела я Филиппа и помахала у него перед лицом указательным пальцем. Это показалось жутко смешным, и я не стала себя сдерживать.

— Эй, полегче! Так ты до торта не доживешь.

— Торт — это хорошо. И вкусно, — отметила я, поднимая этот самый палец вверх.

— Ну да, как и шампанское.

— Шампанское — отлично.

— Как освоилась в квартире? Не скучаешь?

— Ни капли. Там хорошо и никто не достает. Даже с соседями познакомилась... — Я вспомнила Мирослава, просыпанный сахар и вопрос касательно города. — Скажи, а правда, если племя живет в каком-то городе, то никто из хищных не может поселиться в этом же городе, не спросив разрешения у вождя?

— Это древний закон, его почти никто не соблюдает. К тому же хищные обычно живут рядом с местом силы и редко переезжают.

— Откуда оно берется? Место силы? — Я отпила еще один глоток и поняла, что меня затягивает рассказ. Впрочем, Филипп был мастак красиво рассказывать — вспомнить только время, когда я жила у него и долгие разговоры на кухне.

— Его создает вождь, когда выбирает место для поселения племени. Но обычно у племен уже есть средоточие их бытности, а создать новое практически нереально — нужно очень много кена. Да и незачем — предки оставили нам такие очаги.

— То есть наш очаг создал какой-то из вождей атли?

— Да. Это случилось много лет назад.

— Как интересно...

— Что интересно?

Влад подошел так неожиданно, что я чуть не пролила на себя напиток. Я нахмурилась. Не хватало еще опозориться на его свадьбе.

Не дождется! Буду пить и веселиться, вот.

И все равно рядом с ним было некомфортно. Особенно когда он такой нарядный и красивый. Неприлично красивый — прям глаз не отвести. И ему безумно идут эта кремовая рубашка и расстегнутый серый пиджак.

— Полина интересовалась древними законами хищных, — пояснил Филипп. — В частности законом раздела территории.

— Надо же мне учиться, — сердито сказала я и отвернулась.

— Ты очень красивая сегодня, — шепнул Влад мне на ухо, и безумно захотелось его ударить. Больно. А затем сбежать к себе — там намного спокойнее. Но нельзя — нужно продержаться до конца вечера. Дурацкие законы, будь они прокляты!

А потом кто-то наверху выкрикнул:

— Невеста готова.

Сердце замерло, потом пустилось галопом. Все пузырьки от шампанского, казалось, разом ударили в голову. Откуда-то издали послышался голос Филиппа:

— Нам пора.

И совсем рядом Влад ответил:

— Да, поехали.

Он еще раз посмотрел на меня — странно и, показалось, вопросительно. А потом отвернулся, и у меня кольнуло в груди.

Последний раз, сказала я себе. Последний раз мне больно из-за него. Нужно попрощаться с ним — здесь и сейчас. И жить дальше.

Так бывает.

Не все наши чувства находят нужный отклик.

Так бывает...

И почему так мало вмещается в этот бокал?!

Они уехали. Влад, Ирина и Филипп. Просто вышли за дверь, и гостиную наполнил праздничный гомон.

А до этого она появилась. Как королева, спустилась с вершины лестницы, в обтягивающем золотом платье в пол, сияющая, красивая. Бог мой, как она была красива! Я сама залюбовалась, забывая дышать, сжимая стекло с такой силой, что удивляюсь, как оно не треснуло.

Ира улыбалась всем на своем пути. Она ехала к очагу — туда, где несколько лет назад стояла я, боясь поверить в то, что он говорил, что предлагал мне... А теперь она — такая красивая — будет там держать его за руки, отдавать часть себя, поглощать ванильный кен и вот так же улыбаться. Только ему одному. А он будет улыбаться ей...

А я буду здесь — просто гостем на их свадьбе. В платье мышинового цвета.

— Не стоит столько пить, — тихо сказал Глеб и отобрал у меня бокал. Какой наглый! Разве я ему запрещала когда-нибудь? Я сердито надулась. — Ни к чему хорошему это не приведет.

— Хорошего сегодня мало.

— Поля...

— Я в порядке! — резко сказала я и забрала бокал обратно. Хороший напиток — притупляет чувства. Не позволю себя лишиться обезболивающего для души.

— Оно и видно.

— Филипп сказал, будет торт. Торт я люблю, свадьбы не очень. Придется идти на компромисс, — деловито произнесла я и отпила довольно большой глоток. — Ради торта.

— Ты пьяна.

— Зато веселая, — раздался сбоку вкрадчивый бархатный голос. — Рад видеть тебя, пророчица.

— А я тебя — не очень, — честно призналась я. В конце концов, я вовсе не обязана любить Тана. Особенно сегодня.

— Жаль, что ты расстроена. Но так правда будет лучше. В первую очередь, для тебя. — Колдун улыбнулся и склонил голову набок. Скоро я возненавижу этот жест всезнайки. — Попытки соединиться с митаки, женитьба... Агония перед смертью, Полина.

— Уйди, а, — нахмурился Глеб. — Без тебя тошно.

— В тебе столько яда, Тан. Смотри не захлебнись, — прошипела я и потянула Глеба подальше — в коридор, ведущий на кухню.

Хотелось просто уйти из заполненного весельем зала. Отрешиться. И выпить. По дороге я прихватила еще один бокал — чтобы не возвращаться. Хотя на кухне, наверное, есть парочка бутылок.

Лара сидела за столом-стойкой и смотрела перед собой. В одну точку. Не шевелясь.

Когда мы с Глебом вошли, смерила нас безразличным взглядом и снова уставилась на темные римские шторы.

Я ее прекрасно понимала сегодня.

— Чего здесь сидишь? — осторожно спросил Глеб, опускаясь на соседний стул.

— Предлагаешь мне любезничать в гостиной? С Чернокнижником? — Лара повернулась ко мне и безэмоционально добавила: — Твоя дочь такая же чокнутая, как и ты.

— Возможно. — Я присела рядом и уронила голову на руки. — Как долго нам нужно здесь находиться?

— Пока не приедут венчанные. Поздравим и можем покинуть свадьбу.

— Скорей бы...

Время тянулось резиной. Шампанское у меня быстро закончилось, а возвращаться в гостиную за добавкой не хотелось. Не хотелось праздника. Хотелось выпить и уснуть без сновидений. У себя в квартире, подальше от атли. Даже торт ради этого проигнорировала бы.

Думай о колдуне. Страшном, злом, ненавистном колдуне. Так я говорила себе целый вечер. И злилась. Не знаю, на кого больше: на Влада — за то, что невольно позволил мне надеяться, или на Тана — за то, что он вообще здесь.

Представляю, как мы втроем смотрелись — я, Глеб и Лара. Три страдальца на кухне. Ну уж нет, я не доставлю Владу такого удовольствия. Не буду лить слезы, думать о нем, сожалеть. Жизнь продолжается. И свет клином на нем не сошелся.

— Ты куда? — поднял голову Глеб, когда я встала.

— Как куда? Развлекаться. Есть хочу, вот.

— Оставь ее, — безразлично бросила Лара. — Пусть идет. Набьет себе шишек, опозорится — ее проблемы.

— Да уж лучше опозориться, чем прятаться на кухне, как некоторые. Ты — атли. Сильная защитница. Тут тебя любят и уважают. А она новенькая. Ну и что, что его жена? Ты же хищная, понимаешь, что у тебя тоже есть шанс.

— Как и у тебя.

Я поморщилась.

— Нет уж. У меня своя жизнь. И я никогда...

— Самое лживое слово, пророчица, — перебила Лара и поднялась. — Никогда — всегда лжет. Не гневи богов, не говори его.

На кухню вбежала запыхавшаяся Рита и нервно улыбнулась.

— Они приехали!

Нашла чему радоваться. Вот если бы Филипп женился, посмотрела бы я на нее.

Я ничего не ответила Ларе. Протиснулась мимо сестры в дверной проем и направилась в гостиную.

Гам стоял невероятный. Как и толкучка. Все поздравляли молодых, желали счастья, обнимали, дарили подарки. Я только и могла видеть из дальнего угла, как в куче ног и рук мелькает отливающее золотом платье невесты и ее ослепительная улыбка.

Я отвела взгляд от праздничной кутерьмы — просто не могла на это смотреть, и нахмурилась. Кира, прищурившись, что-то резко сказала Тану, вырвала руку из его ладони и вышла за дверь.

— На вот, держи, — отвлек меня Глеб, протягивая мне еще один бокал. — Наверное, я погорячился, когда сказал, что тебе хватит. У тебя такое лицо...

— Кира поссорилась с Таном.

— Да ну нафиг! Когда?

— Только что. Я видела. Хочу поговорить с ней — она на улице.

— Уверена, что сейчас подходящее время?

Я пожала плечами.

— Я здесь не так часто бываю. Не хочу потом приезжать специально...

Я хотела проскочить незаметно. Честно хотела. Двигалась по возможности быстро и бесшумно. Пока не снесла по дороге торшер, и он с диким грохотом не свалился на пол. Я и не думала, что торшеры так умеют. Словно шкаф упал, а не какая-то несчастная лампа.

Медленно, чувствуя на себе десятки прожигающих взглядов, я обернулась. Конечно, они все смотрели на меня. Атли — ладно, привыкли. Лара посмеивалась на диване, и мне даже не было обидно. Но митаки... Позорище!

Я подняла вверх бокал с шампанским — как оно только не пролилось, проклятое — и смущенно улыбнулась.

— Совет да любовь.

— Феерично! — заключила Лара, и я почувствовала себя окончательно сконфуженной.

А, к черту! Пять минут позора — завтра новый день. Переживу.

— Спасибо, Полина. — Бывшая наследница митаки выступила вперед, подошла ко мне и широко улыбнулась. Прямо как чеширский кот — всеми зубами сразу. — Не ушиблась?

— Голова на месте, значит, не все потеряно, — пошутила я.

Рядом кто-то поднял рухнувший торшер, сбоку послышались шепотки и гомон, но Ирина резко повернула голову, и все стихло.

— Может, присядешь? — спросила она.

Я помотала головой. Веселиться резко расхотелось, смотреть на нее тоже. Но меньше всего я желала находиться сейчас в центре внимания. Ощущать на себе эти взгляды, которые, казалось, въедаются под кожу. Понимать, что многие в этом зале жалеют меня.

А почему? Потому, что я сама дала им повод. К черту проклятие! Я — сольвейг, и я сильнее.

И эта жалость — только моя вина.

Я вздернула подбородок и взглянула прямо на Ирину.

— Не могу — дела. Я искренне поздравляю тебя. Вас. Пусть боги будут благосклонны и подарят вам детишек.

Я набрала воздуха в легкие, обернулась и посмотрела на Влада. И показалось, его как всегда непроницаемое лицо, окрасилось оттенком грусти.

Все это проклятие. Оно мучает не только меня — его тоже. Это неправильно, несправедливо. Особенно теперь, когда он навеки привязан к другой. Никто из присутствующих здесь не поймет нас.

Я улыбнулась ему — тепло, по-доброму. И впервые поняла, что отпустила прошлое. Как вскоре отпущу и все остальное.

Подняла вверх бокал, а потом одним глотком опустошила его. На счастье. Так будет правильно. Серые мышки не становятся звездами. Они живут в своих норках и заботятся о мышатах.

Возможно, когда-нибудь у меня тоже будет семья. Когда я перестану бояться, когда все беды закончатся...

За дверью было промозгло. Холодный ветер тут же забрался под юбку, и ноги

покрылись крупными мурашками. Зато в голове прояснилось, и вещи перед глазами перестали расплываться и танцевать.

Кира стояла, облокотившись о перила, и смотрела вдаль. Я подошла и встала рядом. Хотелось быть ближе в ней, но лезть боялась. Совершенно не представляла, как говорить с подростками о чувствах. Слова не спешили приходить в голову — там шумело от выпитого шампанского, невыплеснутой горечи и похороненных надежд.

— Он сделает это, — мрачно произнесла Кира, даже не взглянув на меня. — Тан. Он вызовет Влада.

Я с шумом втянула носом воздух и повернулась к дочери. Кира невозмутимо смотрела вдаль, словно не она только что сказала эту страшную фразу.

Я знала это, но услышать из ее уст было невыносимо.

Нужно взять себя в руки. У всех нас свой путь, и Влад с Таном долго к этому шли. Это апогей их противостояния, а ты должна думать о своем. О Кире, потому что ударной волной может задеть и ее.

— Вы поэтому поссорились? — осторожно спросила я.

— А как я должна реагировать? — воскликнула она, повернувшись, и на красивом лице явно различалась злость. Обида. Разочарование.

Правильно, так и должно быть. Моя девочка не могла вырасти другой — бесчувственной и эгоистичной.

— Ты была права, — сказала она уже тише и опустила глаза. — Ты говорила мне, а я не слушала...

Я глубоко вздохнула. Осторожно, словно боясь потревожить, положила руку ей на плечо.

— Он вырастил тебя. Воспитал. Это нормально, что ты веришь ему. Но у Тана давно эта навязчивая идея. Тебе не приходило в голову, что именно для этого он...

— Похитил меня? — закончила Кира. Саркастично улыбнулась. — Я ведь реально думала, мы связаны. Принадлежим друг другу. Он говорил, боги соединили нас.

— Милая, мне жаль...

— Он сильный. Сильнее Влада. Исход поединка нетрудно просчитать.

— У Влада есть поддержка атли. А теперь и митаки.

— У Влада есть ты. Но ты слаба. — Она посмотрела на меня как-то жалостливо, и я вновь ощутила себя ущербной.

Да что ж такое! Не свадьба, а цирк какой-то. И я в роли клоуна. Надоело! Все меня жалеют, сочувствуют, и никто из них даже мысли не допускает, что я могу на что-то повлиять. А ведь я могу. Могу, черт побери!

— Я сильнее, чем кажется, — ответила я и убрала руку.

Торта мы так и не дождались. Глеб увез меня раньше, но это я помнила с трудом — слишком много шампанского вредит нормальному мышлению. Зато дома я встала под прохладный душ и долго приходила в себя. Помогло. Замерзла, правда, зато немного протрезвела. И зачем только пила?

Завернувшись в махровый халат, присела на кровать и спрятала лицо в ладонях.

Все кончено. И бал, и свечи. Туфельку я не теряла, даже золушкой не была.

— Ревешь? — Глеб опустился рядом и вздохнул.

Я помотала головой и убрала руки от лица. Плакать не хотелось. Болела голова и тянуло в сон.

— Митяки жуткие, — продолжил он, как ни в чем не бывало.

Я пожала плечами.

— Они в гостях. Наверняка им интересно, чем мы живем. Ира вроде нормальная, улыбается много.

— Ну да, тебе от этого, конечно же, легче, — фыркнул он.

— Она его жена, — сказала я. И повторила для пущей убедительности: — Жена...

— Не мучь себя. Больно смотреть.

— Врать себе еще хуже. Сколько лет я врала — и к чему это привело? Нужно переплакать, перестрадать.

Я положила голову Глебу на плечо и выдохнула:

— Иначе никогда не буду счастлива.

Глеб приподнял мой подбородок, заставляя смотреть ему в глаза, и очень серьезно произнес:

— Будешь. — Поладил меня по щеке, отчего в груди стало горячо, а в ногах появилось легкое покалывание. И прошептал еле слышно: — Вот увидишь...

И как это у людей происходит? Я забыла, наверное, потому что в последние несколько лет со мной редко такое случалось, и то я быстренько все валила на проклятие. Но где-то за миг до того, как Глеб поцеловал меня, я поняла, что он хочет сделать. Поняла и... не остановила его.

Было тепло, надежно и приятно. Приятно, что он любит меня, готов ради меня на многое, если не на все. И безумно захотелось снова стать слабой, позволить судьбе все решить за меня и отбросить сомнения.

Но я не могла. Не сейчас. Для атли настало время смут, и я не имела права на ошибку. Оступиться — значит, проиграть.

Я медленно отстранилась и отвернулась от Глеба.

— Извини... — тихо пробормотал он. Сложил руки на коленях и уставился в пол.

Ну вот что я за человек? Мужчина в меня влюблен, а я его же выставляю виноватым.

— Не нужно извиняться, — ласково сказала я и взяла его за руку. — Я просто не хочу тебя терять.

Глеб резко посмотрел на меня и нахмурился.

— С чего ты взяла, что потеряешь меня?

— Потому что так всегда бывает, когда заводишь романы с лучшими друзьями.

— Какая ты глупая, Полевая, — сказал он и закрыл глаза. — Так делают, чтобы не влюбиться. Не заводят романов.

— Вот именно.

— А что делать, если я уже влюбился? — Он усмехнулся. — Глупо скрывать это, да и не стоит, думаю. Ты ведь не сможешь быть второй. Знаю, что не сможешь. Так почему бы нам не попробовать? По настоящему, Полина?

— Потому, что если мы попробуем, и я обману тебя, Измайлов, я себя сгрызу! — Я поднялась и сделала несколько кругов по комнате, словно движение могло помочь решить проблему. — Я люблю тебя, Глеб. По-настоящему. Сильно. Но я не влюблена в тебя, прости.

— Знаю.

— Тебе все равно?

— Я готов попробовать.

Я вздохнула. Когда Глеб что-то решил, сложно его переубедить, но то, что он предлагал,

казалось мне форменным безумием. Но это ведь я спец по безумиям. И именно я обычно предлагаю такие вещи.

— Вспомни Юлиану, Глеб. Неужели ты готов рискнуть пережить это еще раз? Потому что я не могу гарантировать...

— Готов, — перебил он упрямо. — И хочу попробовать.

— Влад не даст нам жизни, — уныло сказала я и легла на кровать. Уставилась в потолок, девственно белый, без единого пятнышка.

— Ты не его женщина, у него на тебя нет прав. К тому же у меня есть козырь — Вермунд не поступит так дважды. Не посмеет.

— Ты очень плохо знаешь Влада, — усмехнулась я.

— Но зато знаю тебя. — Глеб лег рядом, развернул меня к себе и настойчиво взгляделся в глаза. — Ты достойна большего, чем быть второй женой. Ты достойна того, чтобы тебя уважали, любили. Ты достойна быть единственной.

Синие глаза смотрели вопросительно. Теплая рука сжимала мою ладонь. На комодике тикали часы: тик-так, тик-так... А мне было безумно обидно, что я не могу влюбиться в него — такого пылкого, преданного, сильного. Хотелось взять ту самую сковородку и отдубасить уже себя.

Что тебе еще нужно, Полина? Скажи «да», и жизнь изменится. Будет тебе и размеренный быт, и тихое счастье, и, быть может, дети... Те, которых ты сможешь растить и радоваться каждому изменению. Которых вы будете любить так сильно, как никто никогда не любил.

В конце концов, тяга, страсть — это еще не все. Доверие — вот самое важное. С Глебом у тебя это есть. Так что же ты сомневаешься?

Глеб погладил меня по щеке и сказал:

— Решай свои проблемы. Я не буду торопить. Просто знай, что я рядом. Всегда.

— Спасибо, — сипло прошептала я, крепко прижимаясь к его груди и вдыхая знакомый запах — терпкую смесь бензина, сигарет и туалетной воды.

Вдруг стало невероятно спокойно. Головная боль прошла, тело расслабилось и не хотелось ни о чем переживать.

И вдруг я поняла: что бы ни случилось, я уже нашла то, что искала — дом и близкого человека. Остальное — мелочи.

Глава 19. Просто верь

Ненавижу рыться в чужих вещах. Словно лезешь без спроса в чью-то жизнь, переходишь черту и крадешься, как вор, по враждебной территории. Особенно, если это территория Лары.

Глеб позвонил полчаса назад и попросил привезти кое-какие вещи защитницы. Лара сняла квартиру в Липецке, и Глеб помогал ей обустроиться. Лара наотрез отказывалась жить в одном доме с Таном, и я ее прекрасно понимала.

— Решила ограбить Ларису? — насмешливо спросил Влад, и я вздрогнула от неожиданности.

Ну правда, как воришка в идеальном мире чулок и духов. Казалось, еще чуть-чуть и я пропитаюсь тонким французским ароматом.

А он еще и издевается!

— Очень смешно, — проворчала я, запихивая ночную сорочку в сумку. Кажется, все. Ах да, пудру забыла. Теперь точно все.

— Поторапливайся, а то Лара вернется, и застанет тебя здесь. Объясняться придется.

— Лара попросила привезти ее вещи. Все равно еду в Липецк.

— С каких пор вы стали лучшими подружками? Мир атли перевернулся с ног на голову?

— Мир атли перевернулся, когда Тан поселился в этом доме.

Влад подошел, делая вид, что изучает обои на стенах. Медленно, грациозно, как тигр перед прыжком. И мне снова перестало хватать кислорода. Наверное, всякий раз, когда он входит, нужно открывать окно. А лучше балконную дверь.

— Тан поселился, ты уехала... — Он перевел на меня взгляд. — Я скучал. А ты?

— Мне некогда скучать.

Я изо всех сил пыталась выглядеть невозмутимой. Игнорировать ускорившееся сердцебиение и легкое головокружение. И постоянно напоминала себе, что нужно дышать.

— Ты не ответила, когда я просил тебя подумать.

Снова опасная тема. Не нужно было приезжать. Попросила бы Риту — собрать вещи не такое уж ответственное дело.

Хотя кому я вру? Когда Влад что-то задумал, он своего добивается. А еще он прекрасно знает, где я живу.

— Я ответила, — твердо сказала я. — Нет. Что за глупости? С чего ты взял, что можешь просить меня о таком? Ты не подумал, что у меня тоже может быть личная жизнь?

— А она есть?

— Конечно, есть. И вообще, мне некогда.

Я постаралась пройти мимо, но он крепко удержал меня за руку. Сильная ладонь легла на затылок, горячий шепот обжег щеку:

— Хватит бегать от меня.

Я попыталась вырваться — не вышло. Объятия стали крепче, взгляд требовательнее. А влечение — практически непреодолимым. Хотелось окунуться, нырнуть под воду и никогда не выныривать больше. Задохнуться его дыханием...

— Влад, пожалуйста, отпусти.

Черт, ну и где эта твердость, когда она так нужна?

— Не помешала?

Надменный женский голос словно ледяной водой окатил. У меня даже за ушами занемело от напряжения, и почувствовала я себя так, словно меня действительно застигли на месте преступления. Взяли с поличным. Отпираться нет смысла, бежать некуда — прямо в середине дверного проема со сложенными на груди руками стояла Ирина.

То, что мы с наследницей митаки не подружимся, я подозревала. Но как-то не очень хотелось, чтобы сильная воительница ненавидела меня. Особенно из-за Влада. Особенно когда я для себя уже все решила.

А Влад... Специально же провоцирует! Иначе как объяснить его поведение, когда жена в доме? Черт, она его жена. А я? Я — кто?

Я резко вырвала руку и крепче сжала сумку с вещами.

— Нужно стучать прежде, чем входить, Ира, — сухо бросил Влад.

От такого тона мне всегда казалось, что я становлюсь меньше ростом. Хотя куда уже меньше — и так метр с кепкой.

И вдруг подумалось: а что я здесь делаю вообще? Не у атли, а в этой комнате, с ними? Как-то это ненормально совсем. Бестактно и неуместно.

Мне показалось, она сейчас смутится. Опустит глаза, или просто посмотрит холодно, но молча, как Лара. Но Ира спокойно ответила:

— В своем доме я привыкла к открытым дверям. Но быть может, у атли не так. — Она занесла кулак и, не сводя с Влада колючего взгляда, три раза громко ударила по дверному полотну. — Теперь меня здесь будут воспринимать?

— Я пойду, — глухо произнесла я и направилась к двери. Ирина перегородила мне дорогу и язвительно сказала:

— Что же ты, оставайся. Тебе не кажется, что ты должна присутствовать?

В такие моменты я ненавидела свой маленький рост. Каблуки, что ли, начать носить — хоть повыше буду смотреться. А вот Ира до этого не была такой высокой вроде...

— Нет, не кажется, — сказала я. — Уверена, я здесь лишняя.

— Отлично, что ты еще помнишь это, — зло прошипела она.

Видит бог, я не хотела с ней ссориться. Тем более, на глазах у Влада — зачем доставлять ему удовольствие? Но ее последняя фраза просто взбесила. То ли сущность сольвейга проснулась во мне, то ли разыгралась банальная гордость — кто уж теперь разберет.

Я вздернула подбородок и яростно произнесла:

— Я — атли, если ты забыла! И в этом доме для меня всегда будет место. А если у тебя проблемы с твоим мужчиной, ничем помочь не могу. Решать их придется тебе.

Затем с силой, на которую только была способна, оттолкнула ее и вышла в коридор.

Щеки пылали, в ушах шумело, и единственное, чего хотелось — поскорее уйти отсюда. Выйти за дверь, глотнуть холодного октябрьского воздуха и громко выругаться.

Нет, ну сколько можно?! Если бы могла, сама придушила бы Влада вот этими трясующимися руками.

На улице, и правда, полегчало. Порывистый, леденящий ветер немного остудил голову и успокоил расшалившиеся нервы.

В какой-то мере я предполагала, что так будет. Особенно после нашего с Владом последнего разговора. Ведь он никогда ничего не говорит просто так. А уж если просит...

Он не отцепится, а сопротивляться у меня иногда просто нет сил.

Чертово проклятие!

Что ж, посмотрим, как оно будет. Когда тебя подстегивает не только долг, но и собственные потребности, всегда действуешь эффективнее.

Низкое, глубокое небо смотрело недружелюбно. Белые перистые облака выглядели тяжелыми и грузными, и плыли неохотно, через силу. Голые ветви деревьев ожесточенно стучали о металлическую крышу крыльца. И только газонная трава, вопреки погоде, ярко-зеленым пятном напоминала об ушедшем тепле.

Я села в такси, пристроила рядом с собой спортивную сумку и сердито бросила водителю:

— В город.

Мы тронулись, а у меня перед глазами стоял сердитый, наполненный яростью взгляд Ирины.

Пока мы ехали, небо успело нахмуриться. Нагнало сизых свинцовых туч и плевалось на землю редким дождем. Впрочем, мне-то как раз погода пришлась по душе — и подзарядилась, и успокоилась. Поэтому когда встретила Глеба у входа в подъезд Лары, даже смогла слегка улыбнуться. Хотя Глеба не проведешь.

— Что стряслось? — нахмурился он, принимая у меня из рук сумку с вещами.

— Не поверишь — поругалась с женой Влада.

— Ты так скоро со всеми девчонками атли подерешься, — усмехнулся Глеб.

— С атли нельзя драться, — поучительно сказала я.

— Зайдешь? Лара сварила кофе.

— Не очень хочется, но с тобой за компанию зайду.

Подъезд высокой новостройки встретил чистотой и запахом вымытого пола. По плитке на полу скользили кроссовки, отполированные перила блестели, на свежевыкрашенных стенах — ни царапинки.

Звонок приятно застрекотал, через секунду щелкнул в замок, и дверь открылась.

Квартира защитницы оказалась просторной и чистой. Кое-где на стенах висели обереги, которые, бесспорно, сделала сама Лара. Она встретила нас в легкомысленно-коротких шортах и просторной майке, что удивительным образом ей шло. Впрочем, Ларе все идет.

— Спасибо, — сдержанно сказала она мне и поморщилась. В кухне сладко пахло ванильным печеньем, что рождало неприятные ассоциации и мешало сконцентрироваться на разговоре. — Не хочу бывать у атли.

— Это можно понять, — кивнула я.

Глеб встал позади и положил подбородок мне на затылок.

— И о чем Влад только думал? — закатила глаза защитница. — Как считаешь, мог Чернокнижник его околдовать?

— Это вряд ли, — мрачно ответила я. — Влад принял Тана, чтобы не пришлось меня изгонять. — Поймала вопросительный взгляд Лары и поморщилась: — Долго объяснять.

— Еще эти митаки... Диркова жутко заносчивая. Как и ее отец. Атли оборвали связь с митаки, когда мне было пять.

— Атли оборвали связь с митаки из-за скади, — возразил Глеб. — Эдмунд бесился, когда Иван приезжал к его жене.

— И правильно делал! Божена вышла замуж и покинула племя. Поздно метаться. Раньше нужно было думать.

— Ира жена Влада, — оборвала я их спор. — И она — атли. А ты, кажется, всегда умела высказать мнение в лицо. Вот увидишь ее и скажешь, нечего обсуждать человека за спиной.

— Ой, только не нужно строить из себя благородную! Видела бы ты себя на свадьбе. А ведь теперь придется наблюдать ее каждый раз, когда приходишь к атли. Она никуда не денется, Влад не может ее бросить. Совсем не тот уровень, что раньше. — Лара расслабилась и посмотрела в потолок. — Лучше уже сейчас начинай ее ненавидеть.

— Я не буду ненавидеть ее только за то, что она его жена.

— Понятно. Будешь ненавидеть молча.

Лара как-то быстро начинает меня раздражать. Стоит нам остаться вместе в небольшом помещении, как возникает конфликт. Уж не знаю, отчего так — то ли из-за Влада, то ли просто несовместимость врожденная.

События сегодняшнего дня меня расстроили, а еще угнетало назойливое предчувствие беды.

Осень? Вряд ли. Все же обстановка в доме атли накалена до предела, моя дочь встала перед непростым выбором, Влад старается удержать позиции, а я... Я не уверена, что смогу довести начатое до конца.

Я сослалась на усталость и собралась домой. На душе было мерзко, изнутри разрывали сомнения и страх. Глеб вышел вслед за мной на лестничную площадку, пропустил пожилую соседку, с нескрываемым любопытством зыркнувшую в щель закрывающейся двери защитницы атли. Люди, а! Все им нужно знать. Хотя Лара, бесспорно, позаботится о том, чтобы ее жилище не привлекало лишнего внимания людей.

Мы спустились вниз в полном молчании, и я остановилась у темных кованых перил под козырьком. Дождь кончился, но небо давило на плечи неизлитыми слезами и противными сомнениями. В холодном осеннем воздухе ослабляющим ядом растворилась тревога.

Странно, что на людей не действуют чужие эмоции. Кажется, из тебя льется все через край — страх, неуверенность, отчаяние, а они не замечают. Идут себе по своим делам, почти не глядя по сторонам, а ты медленно умираешь в сторонке.

— Забей на Лару, она иногда городит чушь. — Глеб встал рядом и положил руку мне на спину.

— Хочу домой, — призналась я и уткнулась лбом ему в плечо.

— Поехали.

— Что если я не смогу? — серьезно спросила я, понимая, что это действительно может произойти. Не сумею воплотить свой план в жизнь, оступлюсь, струшу — и все пропало. Все, чем мы жили, что любили. Мало-мальски налаженный мир в доме. Вечерние посиделки. Разговоры ни о чем. Даже такие вот стычки, как сегодня.

Все это поглотит вязкая, приторно-сладкая темнота Чернокнижника...

Глеб отстранил меня, взял за плечи и посмотрел прямо в глаза. Даже не в глаза, нет — в душу. Глубоко, туда, где болело, где клубилось отчаяние. Где старые раны еще напоминали о себе, где ныли давно зарубцевавшиеся шрамы. И сказал:

— Сможешь. Потому что на твоей стороне правда. Атли. Я. Потому что сильнее тебя я никого не встречал. Ты делаешь обманный маневр всеми этими соплями, но в решительный момент не медлишь. Послушай, что говорит пропахший бензином и дорогами раздолбай. У тебя получится, Полевая.

— А вдруг в этот раз не выйдет? — прошептала я, но не смогла сдержать улыбки.

— Да, это ты тоже всегда спрашиваешь.

Я запустила ладони в волосы, словно таким образом могла прогнать навязчивые сомнения. Истощенная жила не посылала видений, но я и так знала — чувствовала нутром — поединку быть. И не где-то в мифически далеком будущем. Скоро. Так скоро, что я не успею опомниться.

И Влад знает об этом. Не поэтому ли так маниакально ищет близости? Не поэтому ли мне так трудно отказать?

Смерть не обмануть, ее можно лишь отсрочить. Что ж, я попробую. Потому что я жива. Жива, несмотря ни на что. И ни один колдун, ни один охотник не получит эту жизнь легко. Обломается!

Митаки уезжали шумно. Женщины обнимали Иру, причитали, громко смеялись и гроыхали по лестнице дорожными сумками. Прямо табор цыган какой-то. Мужчины же, напротив, молчаливо и сдержанно ждали их внизу. Иван поблагодарил Влада за гостеприимство, велел дочери заботиться о муже, и они покинули дом.

Сразу стало тихо и как-то... пусто. Впрочем, к тишине я привыкла — на Достоевского одинокая квартира располагала к размышлениям и самокопаниям. Несколько раз, когда в подъезде хлопала дверь, я не могла сдержаться и выглядывала в глазок. Новый сосед-хищный интриговал ни на шутку, но его и след простыл. Ни слуху, ни духу, ни ночных визитов за сахаром. Наверное, разобрался, где в нашем районе супермаркет.

В целом ноябрь остался ноябрем. Унылым и хмурым, с низким тучами и полусгнившей листвой под ногами, со скользкими от морозящего дождя дорожками и темными, гнетущими вечерами в ожидании неизбежного.

Впрочем, я не просто ждала. Погода-затейница, вопреки прогнозам синоптиков, сыпала дождем каждый день. И каждый день я копила. По крупицам собирая дары, ниспосланные богами, сосредотачивала в жиле кен, с каждым днем ощущая себя сильнее. Увереннее.

Глеб частенько заезжал к Ларе, помогал и вообще поддерживал. Как-то странно они сблизилась, хотя у Лары в атли и не было друзей, как оказалось. Были поклонники — Глеб говорил, Филипп всерьез предлагал ей отношения, намекал на свадьбу. Но защитница предложение принимать не торопилась. Да уж, Филипп — совсем не тот герой.

А у меня была квартира. Там уж я разгулялась не на шутку. Переставляла мебель, пока меня не начала устраивать обстановка. Сменила шторы на кухне, купила недостающую посуду, скатерти, постельное белье.

Я стирала, утюжила, мыла, чистила, и каждый вечер валилась с ног от усталости.

Так было проще. Меньше мыслей, переживаний, меньше проявлений страха, который растекался по венам, стоило мне только замереть. С каждым днем все сильнее, отчетливее слышался в голове лязг воображаемых мечей, и липкая воображаемая кровь заливала отполированный воском пол.

Поэтому я фанатично занималась квартирой. Благо дел хватало на каждый день.

В тот понедельник я вымыла посуду, в очередной раз отполировала мебель и выгладила белье. Музыка включила громко, и не менее громко подпевала вокалистке с тонким оперным сопрано.

В общем, когда я поняла, что ко мне кто-то пришел, входная дверь сотрясалась от сильного стука. Даже грохота. Видимо, за музыкой я не услышала звонок.

Что мне нравится в отношениях с друзьями — ты никогда не смотришься в зеркало, не поправляешь прическу и макияж перед их приходом. Просто открываешь дверь и ругаешь друга за осыпавшуюся штукатурку, а затем тянешь на кухню пить кофе.

Я так и застыла на пороге, растрепанная, ненакрашенная с несурзной гулей на голове. Но уже не думала об этом. Сердце пропустило удар, странно ухнуло и забилося быстро-быстро. Словно пыталось разжечь костер в груди трением.

— Такой грохот. Я подумал, тебя там убивают, — сказал Влад и улыбнулся.

Я шумно выдохнула. Мне не понравилось ни то, что он пришел, ни тон его голоса — вкрадчивого, хриплого, с затаившимися нотками отчаяния.

— Что ты здесь делаешь? — Показалось, в моем голосе оно тоже сквознуло — только отчетливее, не таясь. Смешалось с испугом и злостью оттого, что нам нужно все это пережить.

— Может, сначалапустишь, а потом я скажу?

Ирония — маска для незащитных. Так сказал герой моего любимого фильма.

Ни я, ни Влад не были незащитными. Или были? Возможно, моя бравада будет погребена под жестокими осколками реальности? Реальности атли, которую так жаждет разрушить Чернокнижник...

В квартире громко тикали часы. Бабушкины. Даже не знаю, зачем я их всюду за собой таскаю. Возможно, для того, чтобы не забывать: можно положиться только на себя. Я всегда одна, несмотря на людей, что окружают меня. Несмотря на лучшего друга, племя, любимых. Сольвейг — означает одиночка. Кому, как не мне, это знать?

— Кира в порядке? — тихо спросила я.

Не о том нужно спрашивать, но задать самый главный вопрос не поворачивался язык. И я, как страус, спрятала голову в песок, зарылась в него целиком и дрожала. Я дрожала внутри, как маленькая испуганная девочка. Я была ею. В последний раз. Даже странно было от понимания, как скоро все изменится.

Я. Он.

Мы.

— Кира в порядке.

Движения словно сковало льдом — пошевелиться было трудно, даже больно. Боль жила в груди, в жиле. В висках едва ощутимым эхом отдавался пульс. И взгляд пронзительный, прожигающий тоже причинял боль.

Но она уже не пугала меня. Я привыкла к ней, приросла. А когда ты не боишься боли и смерти, мало что вообще может напугать тебя. И ты становишься сильнее.

— Когда? — прямо спросила я. Времени оставалось мало, так что юлить?

— В субботу, — просто ответил Влад.

— Ты... сможешь?

Он пожал плечами.

— Слишком долго готовился, чтобы быть уверенным. — Нервно улыбнулся. — Во всяком случае, мне надоело ждать.

Я кивнула.

— Используешь нож?

— Это единственное, чем можно убить его. Убить навсегда. — Он помолчал немного. — Ты должна быть готова к тому, что Кира поддержит Тана на поединке.

От этой мысли стало удушающее плохо. Словно земля раскололась надвое, и мы с Владом остались на одной ее половине, а Кира — на противоположной. А между нами — бездна, заполненная бурлящей, обжигающей лавой.

Но потом вспомнился разговор с дочерью на крыльце в день свадьбы Влада. Нет, Кира

понимает, что будет значить для атли поединок. И она примет правильную сторону.

— А ты? — внезапный вопрос вырвал из размышлений, вернул в реальность.

Я подняла глаза — он стоял опасно близко, но впервые за последнее время это не волновало меня. Я точно знала, что буду делать, как и почему.

— Что я?

— Кого поддержишь ты, Полина?

Серая тень сомнения мелькнула на его лице. Он и правда допускает, что я могу отвернуться. Предать. Что ж, резонно — предавший всегда будет ждать удара в спину.

— Это ваш бой. Я к нему не имею отношения. Но на поединке я буду с тобой.

Он улыбнулся — как-то мягко, тепло и совершенно расслабленно. Влад редко так улыбался. Мне все время казалось, что он где-то далеко, в своих мыслях, неведомых размышлениях и планах.

— А сегодня будешь со мной?

— Зачем? — нахмурилась я.

— Поединок окончится смертью, — уверенно произнес он. Не зло, не яростно, а с ледяным спокойствием, от которого у меня занемели пальцы рук. — Ни один из нас не прогнется.

— Знаю.

Мой голос не дрогнул. Не сорвался. Я надеялась, что и сама такой буду, когда настанет момент «Икс».

В душе поселилось странное спокойствие. Словно землю укрыло пеплом от былых пожаров, и гореть уже было нечему. Не за что трястись, переживать... Сейчас мы вдвоем, у черты, а когда переступим ее, разойдемся навсегда.

Не этого ли ты хотела? Продержаться осталось чуть-чуть.

— Может, пора признаться себе — никакого проклятия нет?

Влад смотрел насмешливо и спокойно, словно загнал меня в клетку, из которой не выбраться, и ждал, когда я это пойму. Глупый. Это он не понимает. Проклятие — это все, что осталось между нами. Оно и атли. Кира выросла, повзрослела. У нее своя жизнь. Прошлое заросло кустарником и мхом. Превратилось в такую непроходимую чащу, что возвращаться туда не хочется. А будущее... Будущее будет другим — таким, как я захочу.

И внезапно мне стало хорошо. Спокойно. Страх растаял, уступив место уверенности. Судьба всегда подсказывает правильные решения, нужно лишь уметь услышать.

Я покачала головой и твердо сказала:

— Оно есть. Теперь я понимаю это, как никогда.

Влад закрыл глаза, и на секунду показалось — он сейчас закричит на меня. Но он лишь горько улыбнулся и отошел на шаг.

— Ты можешь пожалеть о том, что сказала это сейчас.

— Думаешь, что это? Любовь? Серьезно? После всего, что было? Любви не бывает без доверия!

— И ты не веришь мне, — закончил он за меня.

— А ты мне веришь? Смог бы поверить полностью — так, как просишь поверить меня? Смог бы вложить мне в ладонь свою жизнь и сказать: Полина, оно того стоит? Потому что это не проклятие, это что-то большее, о чем я никогда не скажу, но на что постоянно намекаю?

Влад опустил глаза, а мне даже в голову не пришло в тот миг, что впервые он не знал,

что ответить. Впервые растерялся, потому что ответов на мои вопросы еще не было у него. Неважно. У меня были.

— Уходи, — сказала я твердо. — Дома тебя ждет жена, а мне нужно подумать.

Судьба хищного всегда непростая, и нечего сетовать на горести. Боги знают, что нам нужно. Боги отрядили Первых проверять. Если верить легендам, Херсир будет вечно прятаться и никогда не увидит Лив — девушку, которую предал на горе молитв. Так что нам переживать? Мы переродимся, попадем в хельзу или еще куда. А может, просто растаем, растворимся в вечности, и о нас будет напоминать только кен, бурлящий в жилах наших детей.

Влад ушел, а я всю ночь простояла на балконе, проплакав от мысли, что никогда себе не прощу этого разговора, если он умрет в субботу.

Глава 20. Поединок

Помню, еще когда работала в «Скрепке», безумно любила субботы. В субботу можно было спать хоть до обеда, а потом до полночи смотреть телек, не переживая, что утром будет сложно проснуться. Выходной перед выходным — что может быть лучше?

С работы уволилась, а любовь к субботе осталась. Но после этой, наверное, остальные обречены оказаться в списке самых отстойных дней.

В особняке было тихо. Слишком тихо для заполненного людьми помещения. Но я не удивилась. Напряжение в воздухе можно было резать ножом, а атли, хоть и разбились по кучкам, но были дружны, как никогда.

Глеб подошел и взял меня за руку.

— Не передумала?

Я помотала головой.

Сердце билось сильно, у самого горла. Попросить бы Кирилла сварить успоительный отвар... Но ему сейчас не до того. Нам всем не до того. Да и нельзя мне расслабляться.

— Поговорю с Кирой, — сказала я и направилась было в комнату дочери, но остановилась — с вершины лестницы на меня пронзительно смотрела Ирина.

Ну что за черт! Только разборок с женой Влада мне сегодня не хватало. Как же не вовремя. Впрочем, я всегда могу нагрубить и уйти от диалога. Я не любитель, но когда-то же нужно учиться.

— Пророчица, — горделиво сказала Ирина и начала медленно спускаться вниз. — Могу я поговорить с тобой?

Я вздохнула и пробормотала:

— Что ж, если не терпит, давай поговорим.

Если честно, я не знала, как ей в глаза смотреть. На самом деле не было у меня ненависти к этой девушке, а вот ее ко мне неприязнь вполне можно было понять. Особенно после сцены в комнате Лары. У меня сегодня сложный день, но пусть выскажется, что уж. Думаю, Ире не легче — ведь на поединке будет решаться и ее судьба тоже.

В кабинете было неестественно тихо. Тише, чем во всем доме. Лишь напольные часы раскачивали длинный маятник, неизбежно приближая час боя. Сквозняк из приоткрытого окна слегка раскачивал занавески.

Ира вошла первая, ко мне не повернулась — прислонилась ладонями к отполированной темной столешнице и молчала. Я прикрыла за собой дверь и остановилась у порога. С ней рядом было невыносимо трудно находиться — аура бывшей наследницы митаки подавляла, даже угнетала. Впрочем, возможно, ощущения были вызваны вовсе не близостью Иры, а поединком.

— Ты видела исход? — спросила она глухим голосом и повернулась. У меня в прямом смысле слова сжалось сердце — такой испуг был написан на обычно уверенном, симпатичном женском лице. Испуг и отчаяние, а еще вера — настойчивая, искусственная вера в победу Влада и крах колдуна. — Видела исход поединка?

Я покачала головой.

— Нет, с чего ты взяла?

— Ты провидица, и, быть может... — Ира замолчала, и показалось, она сейчас расплачется. Прямо здесь. Перед девушкой, которую должна ненавидеть, но почему-то говорит с ней о грядущем бое.

— Я не контролирую видения, — сказала я мягко и добавила: — К сожалению.

— Ты любишь его?

— Я... кого?

— Влада, кого же еще! — раздраженно пояснила Ира и всплеснула руками. — Впрочем, не отвечай. Я, кажется, поняла уже.

— Не думаю, что нам стоит говорить об этом с тобой. — Я отвернулась и подошла к окну. Отодвинула занавески.

День был на удивление солнечный и теплый. Словно где-то вдалеке вспыхнуло ушедшее лето, а до нас дошли лишь отголоски — светлые и радостные, но настолько недостижимые, что становилось тоскливо.

Тан стоял вдалеке, у самого забора, около застывшего в предзимней дреме жасмина. Колдун сложил руки за спиной и смотрел вдаль, и от этого его позы, от уверенной осанки, абсолютно расслабленной и гордой, мне стало не по себе. А в душе проснулась червоточина сомнений, разрастаясь и зудя в мозгу беспокойными мыслями.

Нет, нельзя думать о плохом! Даже если оно наступит.

— Почему? — спросила Ира, и я повернулась в ней.

— Потому что он твой муж.

— Я не дура, Полина, — горько улыбнувшись, сказала она. — Заметила, как он смотрит на тебя, и как ты смотришь на него. Меня не покидает ощущение, что я появилась в атли очень не вовремя, но, поверь, я не знала. Когда Влад приехал просить моей руки после месяца знакомства, я удивилась и, возможно, сделала ошибку, так опрометчиво согласившись...

— Влад будет тебе отличным мужем, — уверено произнесла я. — Обещаю, то, что произошло в комнате Лары, никогда не повторится.

— Он приходил к тебе недавно, ведь так?

— Да, но ничего не было. — Я посмотрела прямо ей в глаза и уверено добавила: — И не будет.

Она кивнула.

— Я должна быть с ним сейчас. Как жена. — Ира судорожно и громко выдохнула, и я поняла, что чувствую ее боль, как свою. Странно вышло, ведь я никогда не думала, что буду говорить с ней так откровенно. Ни с кем из его женщин у меня не было таких разговоров. — Молись, Полина.

Она отвернулась и вышла, а я прошептала уже в пустоту:

— Я сделаю немного больше.

Киру я нашла в спальне. Дочь сидела на кровати, по-турецки скрестив ноги, и смотрела прямо перед собой. Не шевелясь.

Нам всем было плохо и страшно, но Кире, наверное, было хуже всех. Ведь именно ее любимый сегодня бросил вызов всему, что было дорого атли. Все ненавидели его, осуждали, а она любила. И именно ее сегодня будут осуждать за поддержку того, кто, возможно, станет проклятием для племени.

Если победит.

— Кира.

Она подняла на меня глаза. На лице ни один мускул не дрогнул, и я мысленно позавидовала ее выдержке.

— Я пойму, если ты будешь на стороне Тана.

— Присядь, — тихо сказала она и протянула мне руку. Прохладная ладонь обхватила мои пальцы, и мне захотелось согреть ее изнутри. Девочку, повзрослевшую быстро. Которой нужно выбирать между родным племенем и человеком, сформировавшим ее мир.

Как жаль, что ей приходится выбирать! Что мне приходится... Ведь сегодняшний день изменит не только меня. Он изменит и ее тоже. Сделает взрослее, злее и циничнее. Научит ненавидеть...

— Я не буду, — спокойно ответила Кира. — Потому что это неправильно. То, что делает Тан.

— В нашей жизни мало правильного, Кира.

— Но ты есть. — Она улыбнулась одними губами, и от этой улыбки моя кожа почему-то покрылась мурашками. — Жаль, что ты не можешь действовать на поединке.

Я опустила глаза и ответила:

— Жаль...

— Все будет хорошо, — уверила она. А я почему-то размякла. Расслабилась на миг, хотя все эти дни запрещала себе расслабляться.

Нет, нельзя. Нужно быть сильной, а если понадобится, то и злой.

— Не будет. Один из близких тебе людей умрет сегодня.

— Люди умирают, — безразлично ответила Кира. От ее холодного, безэмоционального голоса мне стало не по себе, но я убедила себя, что она таким образом пытается укрыться, защититься от реальности. — Я видела много смертей. Видела, как стекленеют глаза, когда последний порывистый вздох выходит из тела. Я убивала...

От ее слов, от безразличия, с которым она произносила их, бросало в холод. Моя ладонь тоже заледенела, а ненависть к Тану разгорелась сильнее, разрушая последние сомнения.

Он заставлял мою девочку убивать! Он показал ей смерть так рано, научил принимать как должное. Разве я умела так в ее возрасте? Разве умею сейчас?

Будь проклят Чернокнижник!

— Близкие люди умирают так же, как и другие, — закончила Кира и посмотрела мне прямо в глаза. — Когда-нибудь ты тоже умрешь. И я.

— Не хочу об этом думать. — Я сглотнула противный комок, ощущая, как он царапает горло.

— И не стоит. — Кира улыбнулась и крепче сжала мою ладонь. — Кесарю — кесарево...

...В спортзале я бывала редко. Разве что так, посмотреть, как дурачится Глеб. Спортивной я себя назвать не могла, на физкультуре в школе не блистала, даже была в отстающих, и всегда завидовала Вике с ее неплохой физической подготовкой.

Сегодня спортзал был полностью освобожден от инвентаря. Огромное пространство оставляло свободу для маневров и рождало странные ассоциации с рингами и гладиаторскими площадками.

Мы стояли у стен — друг напротив друга — хищные с бледными, испуганными лицами. Холодный, яркий свет больших ламп лился сверху, превращая эти лица в покореженные ужасом маски.

Я не боялась. Заставила сердце биться ровнее, а в голове разложила по полочкам будущие действия. Странное спокойствие, даже умиротворение заполнило душу. Я бросила короткий взгляд на Глеба и слегка кивнула.

Началось.

Тан, как всегда, был одет в черное. Двигался легко и грациозно, зажимая в правой руке отливающий сталью меч. Я не разбиралась в видах оружия, тем более такого, но меч Чернокнижника не показался мне тяжелым. Да и зачем — доспехов соревнующиеся не носили, а легкий клинок гораздо удобнее и маневреннее.

Колдун вошел, поздоровался и поклонился атли в своей излюбленной пафосной манере. Затем как-то странно посмотрел на меня — словно я что-то должна была понять из его взгляда. Но я, конечно же, не поняла. А потом он направился в дальний угол, уступая место противнику.

Влад следовал за ним, держа свое оружие на плече. Двигался расслабленно, словно шел на пикник, а не на смертельный поединок. А мне почему-то вспомнились его слова о том, что никто не прогнется. Страшные слова.

В зале воцарилась гробовая тишина.

Только Филипп вышел вперед и срывающимся голосом произнес:

— Да свершится поединок, и пусть боги решат ваш спор.

И снова отступил к стене.

Что же ты трусишь, жрец? Боги тут ни при чем. Все решает сила. Кен. И отвага.

Чернокнижник смотрел прямо на вождя атли, и я была уверена, что видела в его глазах торжество. Тот день, к которому он так долго готовился, наступил.

Влад недобро улыбнулся и легким движением опустил меч.

Поединок — своего рода танец. Зажигательный, страстный, пугающий. Танго клинков.

Лязг стали, тяжелое дыхание, выпады, блоки... И ты, призванный наблюдать за неистовой борьбой жизни со смертью, заморожено смотришь, не в силах оторвать взгляда.

Поединок прекрасен, если на нем не дерется тот, кто тебе дорог.

Выпад, и тонкое лезвие скользит по коже, оставляя на ней кровавую борозду. Удар — и меч замирает у самого лица, и ты почти ликуешь, так как это лицо твоего врага.

А потом танец продолжается, двое кружатся по залу, и напряжение становится невыносимым, зловещим.

Неопределенность всегда хуже самого плохого известия. Потому что она давит, угнетает, съедает уверенность и оставляет тебя — растерянного — смотреть, как разрушаются остатки иллюзий.

Я отрешилась. В сознании отчетливо всплыла картинка будущности — я знала итог поединка, о котором спрашивала Ирина в кабинете. Каждое движение, каждый шаг соревнующихся, каждое слово, которое будет сказано.

Казалось, время застыло. Остановилось и тоже наблюдало за сражающимися.

Влад гораздо лучше дрался. Я даже засмотрелась. Как плавно скользил он по полу, как резко наносил удары, как вовремя отступал.

Ах, если бы это был всего лишь показательный бой! Если бы воздух не пропитался смертью.

И если бы колдун не был колдуном...

Новая атака дала Владу преимущество — Тан замешкался, отступился, не сдержал следующий удар и грузно рухнул на пол. Кира рядом со мной шумно выдохнула и сжала

кулаки. Я перевела взгляд на лежащего Чернокнижника...

Чернокнижники не играют честно. Нужно было мне запомнить, но я забыла. Влад тоже забыл.

Тан откатился в сторону, хитро улыбнулся, схватил выскользнувший из ладони меч и полоснул по запястью.

Он предполагал, что так будет. Он готовился.

— Кровь от крови моей, — произнес колдун очень серьезно и поднял глаза на Влада.

Древняя магия, замешанная на родственных связях. Страшная, подчиняющая волю, дурманящая сила. Я вспомнила глаза Риты несколько лет назад. Вялые, скованные движения. И полную подвластность колдуну.

Влад зажмурился, отступил на шаг. Расслабил руку, что зажимала меч...

А потом поднял голову и не менее хитро улыбнулся. Дразнится. Даже здесь не может без ехидства.

— Глупо было думать, что я не подготовился.

Тан резко спружинил и отбежал в сторону, а клинок Влад рассек воздух в том месте, где он стоял.

Чернокнижник строго посмотрел на Киру и покачал головой.

— Плохая девочка. Ты зачем разорвала связь?

— Разве не ты хотел честно драться? — спокойно спросила она.

Оружие снова заплясало, отбрасывая причудливые тени на пол. Удар. Атака. Шаг назад. Выпад.

Тан оттолкнул Влада и снова полоснул по запястью.

Пара слов, хитрая улыбка. На этот раз он заговаривал меч. Сталь на миг засветилась золотом и тут же погасла, превратившись в обычный металл. Но это лишь на первый взгляд.

Мечи вновь соприкоснулись, клинок Влада треснул, разломился, и в руке у него остался лишь огрызок некогда опасного лезвия.

— Нужно тщательнее выбирать себе оружие, — насмешливо произнес Тан и бросился в атаку.

Выпад, и Влад уклонился в сторону. Подножка — и он уже на полу.

А потом Тан ударил. Сильно. Ногой по ребрам. Затем по лицу. И еще. Удары посыпались градом, и я зажмурилась. Мысленно ненавидя колдуна, ощущая каждый новый удар на себе.

Когда я открыла глаза, поединок был окончен. Тан приставил лезвие меча к горлу Влада, и спокойно спросил:

— Готов ли ты добровольно отказаться от племени и отдать мне принадлежащее по праву?

— Иди к черту! — прохрипел Влад, стирая кровь с лица.

И только тогда я заметила рукоять того самого кинжала, спрятанного под майкой у Влада. Заметила ровно за секунду, как он выхватил его — молниеносно, стремительно...

Недостаточно стремительно, чтобы Тан не успел увернуться.

Я вздохнула. Боль, страх, обида, ненависть — все перемешалось, слилось в голове, путая мысли. Лара у противоположной стены почти плакала. Ирина побледнела, но стояла, выпрямившись, как струна. Ни один мускул не дрогнул на ее величественном лице, и я даже позавидовала. Всегда восхищали люди с такой выдержкой.

Тан точным ударом выбил нож из руки Влада, потом грубо пихнул его ногой и поднял

пресловутое оружие.

— Интересненький артефакт, — удивленно пробормотал колдун, внимательно рассматривая нож. — Как ты достал его?

Влад молчал, и Чернокнижник продолжил:

— Неужели старина Ирвин мертв? Какая жалость. Бесспорно, потеря для мира. — Он цокнул языком и покачал головой, словно ему было очень жаль погибшего Чернокнижника.

— Но я отвлекся. — Тан сунул клинок за пояс и улыбнулся. — Наверное, ты не расслышал, поэтому повторю вопрос. Отдаешь ли ты добровольно племя атли? Принимаешь ли мою власть как власть нового вождя? Присягнешь мне на верность или умрешь, Влад Вермунд?

Вот оно — то, что я ждала. Чего боялась больше всего и что свершилось. Но я поняла одно: чем сильнее боишься, тем большую власть имеет над тобой страх.

И я решительно шагнула вперед. Туда, где было место лишь двоим. Нарушая негласные законы поединка.

Но жизнь редко подчиняется законам, кроме одного — закона выживания. А уж его-то я изучила досконально.

На полу, рядом с Владом не было страшно. Твердо было — отполированное дерево больно давило колени. Воздух вокруг сгустился, превратился в вязкий кисель и наседавал со всех сторон.

Наверное, так всегда себя чувствуешь, когда от тебя многое зависит... Ненавижу ответственность!

Я решительно приказала себе не жалеть Влада — избитого, почти сломленного, но до ужаса упрямого и несговорчивого. У меня есть цель — моя цель, и я сделаю все, чтобы добиться своего.

— Пожалуйста, не умирай...

Когда опасность близко — осязаемая, холодная, неумолимая — становится плевать на гордость. Когда понимаешь, что секунда решает будущее, будешь использовать каждую из них.

— Прими его власть, потому что она его погубит. Я говорю это как пророчица.

— Нет, — сквозь зубы ответил Влад, и на меня даже не взглянул. Словно от его пристального взгляда колдун должен был испепелиться и умереть.

— Влад, пожалуйста... Он выиграл нечестно.

— Отойди, Полина. Ты нарушаешь правила.

— А если я нарушу одно свое?

Гулкий стук сердца в застывшей тишине. Недоверчивый взгляд, смятение.

И надежда.

Моя?

— Я люблю тебя, — прошептала я и закрыла глаза.

Только бы не расплакаться!

Странно, но плакать совсем не хотелось.

— Я, конечно, знал, что будет весело, но даже подумать не мог, что настолько, — с насмешкой произнес Тан.

Провоцирует. Ненавижу!

«Не слушай его, — шептала я, мысленно обращаясь к Владу. — Не слушай...»

— Я всерьез подумаю над тем, о чем ты просил, Влад, — произнесла, не обращая

внимания на реплику колдуна. — Но и ты вспомни наш разговор о доверии.

Я сказала это и отрешилась. Больше не могла ждать. Ярость поднялась во мне, жила натянулась, встревоженный кен кружил голову.

Кен.

Как много он значил для окружающих, и как мало — для меня.

Зря. Я чувствовала, как дышит каждая клеточка моего тела. Как сжимается и расслабляется сердце, как расширяются легкие, когда впускают воздух.

Ладони зачесались. Предвкушение было сильным, практически непреодолимым, и, тем не менее, что-то останавливало меня, будто говоря: «Еще не время!».

Я не должна помогать Владу — он сильный, сам для себя решит. Я должна помочь себе.

Даже представить не могла, сколько во мне кена. Казалось, дам слабину — и он поглотит меня, подчинит волю. Станет мной. И я растворюсь в этом свете, растаю...

«Доверяй», — прошептала мысленно.

— Я принимаю твою власть надо мной, — через секунду услышала злой, скрипящий голос.

Он сказал это. Сказал. Невероятно!

Я открыла глаза. Мир вокруг не изменился — не разрушились стены, потолок не свалился на голову. Из щелей не полезли демоны, даже рак на горе не свистнул.

Только Тан улыбался — восторженно, счастливо. И я поняла, что слышать слова присяги от Влада ему было приятнее, чем убить его. Колдун склонился ниже и перевел на меня взгляд.

— Пусть она скажет. — И с сарказмом спросил: — Ну что, моя маленькая пророчица, теперь разрешишь себя так называть?

Моя голова тут же стала тяжелой, словно в нее залили расплавленный свинец. Перед глазами поплыло, жила натянулась до предела, реагируя на проникающий взгляд колдуна. И я поняла: он влияет на меня. Как тогда, у очага, когда пал скосил его.

И почему я об этом вспомнила?

Конечно же, тогда его кен был во мне. А сейчас — нет.

Я — сольвейг, и Чернокнижник не подчинит меня никогда.

— Я принимаю твою власть надо мной, — сказала спокойно и улыбнулась. Про себя отметила, что Тану не понравилась эта улыбка. Она насторожила его. Нет, не вызвала подозрений, всего лишь встревожила.

Но Чернокнижник беспечно проигнорировал единственную мою оплошность.

Он выпрямился и обвел взглядом прижавшихся к стенам атли. Торжествуя. Показывая, кто отныне тут хозяин.

Я выдохнула. Все правильно. Все так и должно быть.

Атли боялись. Нет, они были в ужасе. Битва проиграна, а жизнь... жизнь стремительно летит под откос.

Но таковы правила поединка — они должны принять нового вождя.

Я посмотрела на Глеба. Он один, кроме меня, понимал, что вскоре произойдет. И он первый из атли, не раздумывая, преклонил колени. Гордо вскинул голову и произнес слова присяги. Синие глаза друга при этом улыбались, словно говоря: «Подавишься, Чернокнижник!».

Я снова сосредоточилась на себе, наблюдая за атли краем глаза.

Колдун отвернулся, колдун не давит, значит, можно собрать кен.

Я — спрут, а мои руки — щупальца.

Крепко, до боли, сжала кулаки — чтоб не выплеснуть ни капли. Нельзя. Еще не время.

Едва сдерживая слезы, на колени встала Рита. Затем Филипп, Оля.

Голова кружится, сила дурманит, подчиняет...

Алина, Ксения, Лара...

Ладони горят огнем, в груди так тесно, что не продохнуть...

Кирилл, Алишер, Каролина...

Только Ира, натянутая, как струна, стояла и смотрела прямо в лицо Чернокнижнику.

Королева — ни дать, ни взять! Только сейчас эта горделивость не к месту совсем.

— Что же ты молчишь, дитя? — спросил Тан, и его голос прозвучал зловеще.

Впрочем, наверное, только для меня. Во всяком случае, Ира и глазом не моргнула.

— Пошел ты!

— Ира, пожалуйста, — прошептала я, но она даже не взглянула в мою сторону.

— Смотри на меня, женщина! — прохрипел Влад, сплюнув сгусток крови. Я поморщилась — почти физически ощущала его боль. — Смотри и слушай. Ты поклонись ему и применишь его власть, потому что так говорю я — твой муж и господин.

Прозвучало комично и пафосно, будь ситуация другой, я, наверное, рассмеялась бы. Но к моему удивлению, это подействовало — Ира покорно опустилась на колени и сказала, сцепив зубы:

— Я принимаю твою власть надо мной.

Свершилось. Атли переступили черту, сожгли мосты, и назад дороги нет...

— Что теперь скажешь, Влад? Кто был прав в тот день? — Тан повернулся в нашу сторону и усмехнулся. — И прочее тоже сбудется.

Чернокнижник, сын хранительницы очага и жестокого вождя племени атли только что сам стал вождем.

Я поднялась с колен — не собиралась больше пресмыкаться. Кен переполнял меня через край, казалось, еще чуть-чуть, и живот разорвет от напряжения.

— Возможно, мы с тобой подружимся, — улыбнулся Тан и протянул мне руку.

— Бесспорно. Прямо сейчас.

И я ударила. Стремительно. Резко. Колдун не успел укрыться, и левая половина его лица тут же покраснела и покрылась волдырями.

Я ударила еще раз. И еще.

— Неплохо, — прошептал Чернокнижник, уклоняясь от следующих атак. Казалось, Тан не замечал боли. Просто удивился. — Весьма неплохо...

Следующий удар попал ему в грудь, и колдун отступил на шаг.

А потом ударил он.

Мне не было больно. Его сила была другой. Вязкая, тягучая — она проникала сквозь мою защиту, наполняя вены, пробираясь к жиле.

Когда я успела поставить защиту?

Атли почти все поднялись, но я заметила Лару — слева. Она стояла на коленях и шептала, глядя прямо на меня. Что она делает? Да она же... она... Лара защищает меня! На расстоянии.

Но Тан был сильнее Лары. Он быстро подошел, надавил на плечи, и я вновь стояла на коленях и смотрела на него с ненавистью.

— Тебя будут судить, пророчица, — спокойно сказал он и дотронулся пальцами до

искореженного лица.

Секунда — на то, чтобы отвлечься. Секунда, чтобы я оценила перспективы.

— Не будут, — ответила я, выхватывая у него из-за пояса нож.

Он вошел мягко, с каким-то булькающим звуком, и я едва сдержала тошноту. Мои ладони окропила теплая и вязкая жидкость.

Кровь. Кровь колдуна.

— Ты — вождь, а я пророчица. Первозданные оставили нам право... Проклятие... Символично, не находишь? Твоя мать наложила его, а ты разрушишь.

Мне не было жаль Черно knjника. Только откуда-то издалека, словно из параллельной реальности послышалось, что всхлипнула Кира.

Я поднялась на ноги. Тан шумно выдохнул и улыбнулся. Агония? Предсмертные судороги?

Не похоже было. Колдун посмотрел на нож, а потом на меня, и взгляд по-прежнему оставался ясным и умным. Тан качнулся, но не упал. У него еще были силы.

— Ты все придумала.

— Когда у тебя появляется серьезный противник, начинаешь размышлять, как он, — сказала я.

— Ты всегда мне нравилась, пророчица...

Тан уже не мог оставаться на ногах, поэтому упал на колени. Теперь он стоял передо мной — раненый, почти мертвый. И все равно улыбался.

Окровавленная ладонь крепко обхватила мое запястье, и Черно knjник прохрипел:

— Не отдавай ему то, что получишь от меня... Сохрани. — Он несколько раз глубоко вдохнул и резким движением выдернул нож. — Выживи!

А затем повалился навзничь.

Медленно, словно боясь поверить в то, что натворила, я перевела взгляд на свои окровавленные ладони, и меня тут же стошнило на гладкий пол, прямо рядом с мертвым телом колдуна.

Глава 21. Тень Чернокнижника

Желудок скрутило в узел, спазмы не прекращались, в висках стучало, а к лицу прилила кровь.

Кровь...

Липкая, чужая субстанция высыхала на ладонях. А я сидела на коленях и старалась не смотреть на тело человека, которого только что убила. Потому что понимала: если посмотрю, то осознаю. И пожалею.

Я ведь не убийца.

Кому я вру? Влад еще тогда довольно ясно выразил мнение на счет сольвейгов. Возможно, я не хочу быть такой, но природа берет свое. Вот она — твоя суть, Полина. Оставляешь отметины в виде белесого пепла и крови на полу.

Любовь. Ха! Смерть — твое предназначение. Ты — гребаная машина для убийств.

— Держи.

Я подняла глаза. Лара протягивала мне бутылку воды с таким видом, будто я просто упала где-то в пустыне от жары. На тело колдуна защитница не смотрела, но и не избегала, как я. Словно труп посреди спортзала — мусор, недостойный ее внимания.

— Спасибо.

— Это всего лишь минералка.

— Не за воду. За помощь, когда Тан...

Она безразлично пожала плечами.

— Мы — атли. Должны помогать друг другу.

— Вставай. — Ира подошла, протянула руку, и я неуверенно приняла ее помощь. — Великолепный план!

— Спасибо, — сдавленно ответила я.

Что-то я слишком часто благодарю девушек, с которыми у меня были контры. Неужели я разрушила все проклятия на свете?

Мельком взглянула на Влада. Даже сердце ёкнуло от вида избитого лица, подавленного и уничтоженного поражением. У каждого из нас есть что-то важное, незыблемое, и для Влада это была непокоренность. Произнеся слова присяги, он изменил себе. Прогнулся под обстоятельства, наплевав на собственные принципы.

Я знала, как это больно. И огромной теплой волной во мне проснулось сочувствие, заполонило грудь и выступило слезами на глазах.

Я усилием воли отвела взгляд и нервно улыбнулась Ире.

— Иди, вымойся, — спокойно и как-то тепло произнесла она. Повернулась к атли и королевским тоном приказала: — Уберите тут все.

Замашки наследницы. Жены вождя. Впрочем, вождя у атли пока нет...

Но, как ни странно, Иру послушались. Девушки засуетились, обходя стороной окровавленное тело, а ко мне подошел Глеб.

Ну, я сегодня прям звезда. Если бы живот так не крутило, а перед глазами не плыли черные круги, наверное, загордилась бы.

— Ты как? Держишься?

— Плохо, — простонала я.

Я не врала — становилось все хуже, жила ныла нестерпимо, с ней вместе саднили ладони и почему-то колени. Круги перед глазами слились в одну черную пелену, которая стала практически беспросветной. В ушах загудело, внешние звуки, наоборот, притихли, слились в далекий и однообразный гул.

Я зажмурилась и услышала искаженный голос Глеба:

— Ты в порядке?

Меняхватило лишь на то, чтобы помотать головой и опереться на него.

— Кен Тана, — сказала Кира совсем рядом, и в ее голосе мне послышалась скорбь.

— Ритуал выкачки жилы, — задумчиво сказал откуда-то справа Филипп. — Что ж, действительно умно.

А дальше мир завертелся цветным калейдоскопом, звуки стихли, тактильные ощущения исчезли — я будто парила в невесомости где-то далеко от земли.

Когда разлепила глаза, на меня смотрел потолок. Мой потолок, вернее, потолок моей комнаты у атли, от которой я уже успела отвыкнуть.

— Вот это тебя торкнуло! — выдал Глеб и всмотрелся мне в лицо.

Я слабо улыбнулась. Тело больше не болело, но усталость растеклась по нему сладкой, сонной негой.

Огляделась: все тут осталось по-прежнему. За исключением совят — широкий светлый подоконник пустовал, и на него так и просился хотя бы кактус.

— Слишком близко к сердцу я восприняла реализацию своего плана, — тихо сказала я.

— Скорее, близко к желудку.

— Мой желудок меня предал. Я с ним больше не дружу. Это же надо, так опозориться на виду у всего племени.

— Шутишь? Они до сих пор в шоке. Вермунд в шоке, надо было видеть его лицо!

— Видела. — Я поморщилась. — Оно избитое.

— Ну а ты? — Глеб деланно отодвинулся и посмотрел на меня с хитрым прищуром. — Чувствуешь себя хозяйкой планеты?

— Я? С чего бы?

Только теперь заметила, что руки все еще измазаны в крови. Как и одежда.

Какая гадость! Придется теперь выкинуть, а я так любила эти джинсы.

— Как с чего? В тебе теперь кен колдуна. А ты не поняла — из-за этого тебя так плющило. Ножичек-то непростой оказался. Протыкаешь жилу — и вуаля — пользуйся силой. Уверен, Вермунд этого и добивался от поединка. Так что ты не только Тану нос утерла, Полевая.

— Кен Тана? Во мне? — Я прислонила ладонь к животу, не в силах поверить в то, что сказал Глеб. Вязкая, темная, смолянистая субстанция теперь во мне.

От этих мыслей я невольно дернулась и села.

И что теперь делать с ней?

Душ я приняла быстро. Терлась мочалкой минуты две до красноты кожи, затем выбросила ее вместе с одеждой в мусор. Надеюсь, Влад запрячет тот нож подальше — не хочу, чтобы что-то напоминало мне о поединке.

Жаль, что изнутри не отмоешься, не вычистишь жилу от темноты.

Вспомнились последние слова Тана. Кому он просил не отдавать его кен? Впрочем, тут

и так понятно — Владу. Еще бы колдун хотел, чтобы его наследие получил заклятый враг.

Выживи...

Очень странное пожелание тому, кто его убил. Вот ни капельки не верю в альтруизм Тана. Впрочем, за тысячу лет он вполне мог свихнуться. Ведь не якшался Влада вызывать, хотя, по сути, зачем ему атли? Потешить самолюбие? Кроме мыслей о навязчивой идее, ничего в голову не приходило.

Я переоделась и вернулась в спальню. Глеб ушел, а у окна, глядя вдаль, как ни странно, стояла Лара.

— Глеб помогает внизу, — пояснила защитница, даже не обернувшись. — Тело нужно убрать.

Тело. Странное слово... Ведь совсем недавно был живой человек. Двигался, думал, говорил. А теперь его нет. И только тело — грузное, тяжелое — лежит на полу в луже крови.

— Хорошо, что ты его убила! — зло произнесла Лариса и повернулась ко мне. — Это был твой самый полезный сумасшедший поступок.

— Почему ты так ненавидишь его? Что Тан тебе сделал?

Лара вздохнула и опустила глаза. По ее лицу пробежала непонятная тень. Испуг? Отвращение? Боль?

— Единственное, что охотники не могут тронуть у нас — разум, пророчица. Пока ты соображаешь, можешь умереть достойно. Когда колдун похитил меня, он подчинил мой разум. Все, что я делала в его темной пещере — даже не знаю, пещера то была или мне привиделось — я делала по собственному желанию. Я резала себя и танцевала, измазанная в собственной крови. А потом он заживлял мои раны, и все начиналось по новой. Я лежала на грязном полу и плакала, так как не могла подняться. Хотела, но не могла. Стригла себя — по пряди в день, избавляясь от волос, а ведь именно они во многом делают меня защитницей. Готовила ему еду, стирала его вещи, словно он был... словно...

— Не продолжай, — сдавленно оборвала я ее. От страшных подробностей прошлого Лары о времени, проведенном с Таном, меня передернуло.

— Не знаю, как мне удалось сбежать. — Защитница вновь отвернулась и посмотрела в окно. — Наверное, он позволил. Я даже не помню, как дошла до квартиры Филиппа. Он и спрятал меня в Австрии. Никто, даже Влад, не знал, жива ли я. Но так было лучше. Ведь похитив меня, колдун мог повлиять на него. А потом Станислав распустил атли. Я так и не смогла вернуться... Боялась. Так боялась, что просыпалась среди ночи от собственного крика. Потому что во сне я не могла кричать. Каждую ночь во сне он приказывал мне молчать. Он приказывал, и я не могла послушаться.

— Мне жаль, Лара.

— Не стоит жалеть меня. Я пережила. И ты переживешь.

Я хотела ответить, но дверь с шумом распахнулась и на пороге появилась Рита. Лицо у нее было такое, будто Тан восстал из мертвых. У меня даже сердце ёкнуло.

— Там... там... — Она продолжала бы открывать рот и что-то бормотать, если бы Лара не прервала решительно:

— Что? Говори!

— Поединок. Еще один. — Тяжело дыша, выдала, наконец, Рита. — Филипп...

— Черт! — громко сказала защитница и быстро вышла из комнаты.

Я еще не до конца поняла, что произошло, но интуитивно выбежала за ней, а за мной, едва поспевая, семенила Рита.

Спортзал был убран до блеска. Тело Тана унесли, пол вымыли и, казалось, натерли воском. Я даже удивилась, как быстро можно скрыть следы убийства и создать видимость обыденности.

Впрочем, обыденность это мало напоминало. Атли, так же, как и час назад, стояли у стен, а на «поле боя» теперь находилась новая пара. Вернее, новым в этой паре был Филипп, крепко сжимающий меч Тана.

Влад стоял неподалеку, небрежно держа ритуальный нож Чернокнижника и, казалось, скучал. Впрочем, от его вида у меня все еще бежали по коже неприятные мурашки. Видно было, что он устал и ему трудно стоять.

— Ну вот, все собрались, Вермунд, — зло выплюнул Филипп. — Пора решить это раз и навсегда!

— Давай решим, а то отдохнуть охота, — небрежно ответил Влад и пристально посмотрел мне в глаза.

Хорошо, что он не смотрел так, когда я дралась с Таном. Тогда бы у меня точно ничего не вышло. Такое впечатление, что все внутри плавилось под этим взглядом. Было в нем что-то новое, неизвестное. И это «что-то» не понравилось мне.

Поэтому я перевела взгляд на Филиппа и строго спросила:

— Какого черта ты творишь?!

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Более подлого поступка вообразить себе было сложно. Влада ослабил поединок с колдуном, а у Филиппа в руках был заговоренный Таном меч. Хотя возможно, после смерти Чернокнижника он снова превратился в обычный кусок железа...

Но все же это был отличный шанс стать вождем.

— Это только между мной и Владом, — не глядя на меня, ответил жрец. — И только посмей вмешаться — тебя будут судить, пророчица!

Они все забыли мое имя?

— Тогда я не буду сожалеть, если ты умрешь, — зло сказала я.

— Возможно, сегодня умру не я.

Влад сдержанно засмеялся — видно было, что любое движение причиняет ему боль.

— Серьезно, жрец? Хочешь выставить себя на посмешище — вперед, только побыстрее.

— Будешь драться с ним, несмотря на то, что он едва стоит? — не унималась я.

Почему-то в тот момент мне стало реально страшно. Ведь от Тана я знала, чего ждать. Но Филипп... Почему-то показалось, что предали меня.

— Да брось, Полина, — улыбнулся Влад. — Это же Макаров. Все закончится быстро.

Филипп разозлился. У него даже ноздри раздулись от этих слов, и он стремительно ринулся вперед.

Гнев — не лучший помощник в битве. Мозги туманит, а сил не придает. Другое дело злость — осознанная, яркая, но не слепящая вспышка.

Филипп Макаров ужасно дрался. Да он и не дрался, по сути. Бежал с мечом наперевес Влад ловко увернулся — откуда и силы взялись, ногой с разворота выбил меч из руки жреца, а его самого пнул, и тот гулко рухнул на пол. Да уж, действительно позорное поражение, не хотела бы я вот так валяться.

Влад поднял меч колдуна, приставил его к горлу Филиппа и прошипел:

— Прибить тебя, что ли?

Филипп — бледный, запыхавшийся — смотрел на него снизу вверх и молчал.

— Ну, кто-нибудь еще хочет попытаться счастья? — резко спросил Влад, не сводя с него ненавидящего взгляда. Теперь эти двое никогда не помирятся, подумалось мне. Он отступил на шаг, давая возможность Филиппу подняться. — Я жду.

— Я принимаю твою власть надо мной, — сцепив зубы, выдохнул жрец и закрыл глаза.

Присяга прошла быстро. Все устали и вымотались, особенно Влад. Я смотрела на Киру понурившуюся в дальнем углу, брошенную и несчастную, и подумала, что худшей жизни для себя не могу представить.

Убить любимого дочери. На ее глазах. Что может быть ужаснее?

На меня навалилось бессилие. Темный кен колдуна разлился по венам, тяготил и дурманил голову. Или то были мрачные мысли?

Я преклонила колени почти беспристрастно, с таким же безразличием выдержала горящий взгляд Влада. Даже не размышляла, что он может значить. Зачем? Все закончилось. Поросло былью, осталось за чертой.

Кира посмотрела на меня как-то резко, а затем быстро покинула спортзал.

Я закрыла глаза. Она никогда меня не простит. Никогда... Моя дочь теперь до смерти будет меня ненавидеть.

Наверх я поднялась в полном бессилии. Решила сначала выспаться, а потом уже ехать домой. К дочери войти не решилась, хотя и стояла долго у ее двери. Все же нет во мне стержня никакого. Страх никуда не делся, его кровью не смоешь. А страх перед правдой всегда самый сильный...

К себе я буквально ввалилась. И застыла на пороге. На моей кровати лежала Кира, поджав под себя колени. Лежала с закрытыми глазами и не шевелилась — маленькая, беззащитная, слабая. Моя девочка. Слишком быстро повзрослевшая, испытавшая так много и в итоге потерявшая того, кого любила.

Как я не хотела, чтобы она повторила мою судьбу — прошла по шипам и изранила душу в кровь.

Я присела рядом, закусив кулак, чтобы не расплакаться в голос и не нарушить ее сон. Кто знает, что снилось ей? Возможно, будущность, не омраченная потерями. Или те миры, в которых она оставила частичку своего сердца. Воспоминания иногда ранят сильнее, чем реальные люди. Они вгрызаются в душу счастливыми сценами, лицами погибших близких, упущенной возможностью все изменить.

Я зажмурилась, глотая горячие, соленые слезы, и услышала тихий голос:

— Не плачь.

— Прости, — прошептала я, закрывая лицо руками. — Прости. Я — чудовище!

Кира села на кровати, обняла меня и погладила по голове. Как маленькую. Это я должна ее так утешать. Я! Рыдания больше не сдерживала — они рвали грудь изнутри, причиняя ощутимую боль. Жила ныла, в венах пузырился, бурлил кен человека, которого любила моя дочь.

— Не плачь, — повторила она. — Полежи со мной. Обними. Просто... давай помолчим.

Кира снова легла, подтянув колени к подбородку, а я обняла ее сзади, уткнувшись носом в волосы, вдыхая приятный сладковатый аромат духов и расслабляясь.

Так устала плакать! Поспать бы...

...Когда я вновь открыла глаза, была уже ночь. Тишина стояла гробовая, лишь Кира мерно дышала рядом. Я вздохнула, погладила ее по волосам, еще несколько минут смотрела, как она спит. Потом встала и вошла в ванную, включила свет.

Из большого зеркала на меня смотрела молодая женщина. Круги под глазами, едва заметная морщинка между бровей. Опущенные уголки губ. Слегка растрепанные волосы.

Поправимо. Просто устала.

Ничего особенного.

Если бы не глаза. Горящие нездоровым блеском глаза убийцы.

Нет, это не был порыв, как тогда с Мишелем, когда Влад буквально заставил меня проткнуть мягкую восковую фигурку. И не безысходность, как в тот день, когда погиб Рихар — рассыпался белесым пеплом на лестничной площадке Влада.

Я спланировала убийство. С тщательностью продумала детали, учла факторы риска. Хладнокровно проткнула жилу ритуальным ножом. И я могу врать себе хоть тысячу раз, что спасала атли. Черта с два! Я сделала это для себя. Чтобы жить и не мучиться, дышать без боли. Убила человека, чтобы спастись от влечения, черной полосой перечеркнувшего мое счастье.

Убила, даже не спасаясь. Я убила ради выгоды.

Ну, тебе стало легче, Полина?

Разве так неправ был колдун? Разве не его лишили всего: любви отца, наследия, семьи? Разве мы хотя бы попытались понять его, помочь? Разве кто-то из нас поставил себя на его место?

А ведь он был атли. Одним из нас. Частью целого. Запутавшимся мужчиной с обугленным сердцем.

Кира. Кира любила его. А я убила. Все просто.

Черт бы побрал простоту!

В венах на каждую мысль о Тане отзывался его кен — темный, вязкий, тяжелый. Как мне теперь носить это в себе? Вечное напоминание о том, кем я стала...

Убийца. Чудовище.

Нет, нужно домой. Подальше от этого дома, от воспоминаний, который, словно ржавчина, съедают душу. Выйти на воздух, иначе задохнусь!

Я вышла из комнаты и быстро спустилась по лестнице. Застыла на последней ступени, не решаясь пройти мимо...

Влад стоял у окна и смотреть в ночь. В очень темную ночь, так как в гостиной царил почти беспросветный мрак. Наверное, тучи снова затянули небо.

Ноябрь — месяц, когда не знаешь, что посыплется с неба — дождь или снег. Погода переменчивая, лживая, то улыбается ясным солнечным днем, то злится и шумит холодными дождями, стучит по крышам ошалелыми ветвями деревьев. Ноябрь делает ночи мрачными, промозглыми, так и хочется зарыться под одеяло и дожидаться весны.

Влад обернулся — наверное, услышал мои шаги.

— Не спишь? — спросил тихо.

— И ты, — ответила я. — Кира уснула. А я... домой поеду.

— Это твой дом. Ты — атли.

— Не могу здесь спать. На Достоевского легче дышится. — Я помолчала немного. — Тана... похоронили?

— На заднем дворе. Хотя от его кена мало толку, ведь он почти весь в тебе.

— Тан — атли по крови, и должен остаться им и после смерти.

— Это было очень безрассудно — не посоветоваться со мной. — Влад подошел ближе, и я с удивлением заметила, что у меня больше не дрожат руки, не кружится голова и не

дурманится разум. Самовнушение? Или проклятия действительно больше нет?

— Я безрассудная.

— Тебя нужно воспитывать, — улыбнулся Влад.

— Вряд ли усилия стоят того, — нахмурилась я.

— Я все же рискну.

— Ты и так меня постоянно воспитываешь!

— Рад, что ты решила раздвинуть горизонты. — Его ладонь прошлась по моему предплечью, затем скользнула выше — к шее, и остановилась на щеке.

— Что ты имеешь в виду? — насторожилась я, отстраняясь.

— Твое обещание.

— А, это... Я солгала.

Сама не знаю, как сказала это. Слова вырвались, словно из подсознания. Усталость все больше давила на плечи, сожаление разрывало грудь.

— То есть как, солгала?

Я пожала плечами.

— А что сделаешь ты, чтобы спасти близкого человека, Влад? Разве это не твоя философия — обмануть, но выжить? Разве не так ты обычно поступаешь с теми, кто тебе дорог? Не щадишь чувства, врешь, причиняешь боль, чтобы сохранить им жизнь? Или свое лекарство слишком горькое?

Влад ничего не ответил, стоял с каменным лицом и смотрел мне в глаза, не отрываясь. На его избитом лице не мелькнуло и тени эмоций. Отменная выдержка, не то, что у меня.

— Проклятия больше нет. Все кончено. А я хочу спать.

Я направилась к двери, и у самого выхода меня настиг насмешливый голос:

— И что будешь делать, когда поймешь, что проклятия не было, пророчица? Впрочем, я с удовольствием посмотрю на тебя, когда ты это осознаешь. Отдохни, выпишись. И да, ты не умеешь врать, Полина. Не так убедительно.

Я с силой распахнула дверь, вышла на улицу и прислонилась спиной к дверному полотну.

Ненавижу. Ненавижу Влада Вермунда! Его самоуверенность, саркастичную улыбку, прожигающие взгляды, прикосновения. И правда у нас никогда не будет одна.

Я сжала кулаки, пытаюсь сдержать слезы обиды и разочарования. Он не прав. Я ничего не чувствую. Совсем ничего. Ни капельки!

Где-то вдали гроыхнуло. Гроза в ноябре — еще одна выходка природы. С неба сорвалось несколько крупных капель, затем еще, и еще. Скоро стучало так, словно кто-то вколачивал в крышу гвозди.

Я оторвалась от двери и сошла с крыльца. За ворот тут же полились ледяные струи, волосы намокли и повисли сосульками. Мне было все равно. Я направилась к воротам, размазывая по лицу слезы, понимая, что сегодня атли похоронили не только Тана, но и прошлое. Там, за чертой остались последние крупинцы моей наивности...

И сама я стала другой. Словно темный кен колдуна менял меня изнутри. Корежил воспоминания, плавил и заново формировал душу. И когда я дошла до кованых ворот дома атли, была уже совершенно другим человеком.

Глава 22. Новые угрозы

Проснулась я, когда уже почти стемнело. Сумерки окрасили воздух в серо-синий, делая очертания предметов нечеткими, цвета приглушенными, а обстановку таинственной. Сразу вспомнилось недовольное лицо таксиста, когда я ночью села, насквозь промокшая, на новую обивку заднего сиденья его авто. Впрочем, слова «три счетчика» иногда творят чудеса и меняют людей до неузнаваемости.

Под легким пледом я совсем продрогла. Переодеваться ночью не стала, просто сбросила с себя одежду да так и уснула в одном белье. Сейчас поняла, насколько опрометчивым был тот поступок. Горло отзывалось на глотание противной болью, а голова предательски болела. Температура поднялась, наверное. Вот что бывает, когда мокнешь под дождем в ноябре. Все эти рассказы о крепком здоровье хищного значительно преувеличивали действительность.

Под душем я стояла долго — даже кожа покраснела. Нацепив свой любимый бесформенный свитер с высокой горловиной и леггинсы, почувствовала себя лучше. Горячий чай, и я снова буду в седле.

На пороге кухни я замерла, как вкопанная. Жила натянулось, кен встревожился, и внутреннее чувство потянуло меня к выходу. Странное ощущение: я знала, что там опасно, но все равно направилась туда. Вышла на лестничную площадку, не обеспокоившись тем, что нужно закрыть дверь.

Соседняя дверь тоже была распахнута настежь...

В коридоре оказалось темно. Вечер окончательно залил мглой пространство — в преддверии зимы ночь приходит рано, и передвигалась я практически на ощупь. Мне нужно было туда, в комнату, где ярким цветком распустился страх.

Ни секунды не раздумывая, я шагнула туда. Свет ослепил на секунду, а когда я поморгала, смогла разглядеть просторную комнату, серый диван, голубые шторы и небольшой телевизор в углу на тумбочке. Ноутбук на журнальном столике был открыт — видно, что за ним совсем недавно работали.

Хозяин квартиры застыл в нелепой позе, словно резко вставал с дивана, но так и не успел полностью разогнуться. Нервы, натянутые, как струна, казалось, сейчас зазвонят.

Охотник, напротив, расслаблен. Глаза закрыты, а голова слегка покачивается из стороны в сторону. Медитирует, что ли?

Мирослав, заметив меня, взглядом указал на дверь, побуждая бежать. Словно от древнего можно сбежать. Да он, наверное, за версту меня заметил.

Будто прочитав мои мысли, охотник открыл глаза и произнес:

— Я тебя чувствовал.

— Никогда не думала, что скажу это, но я тебя тоже.

— Она не альва, — хрипло сказал Мирослав. — Нечестно для такого сильного, как ты, обижать маленьких девочек.

— На счет маленьких девочек я бы поспорил, — усмехнулся древний и пристально посмотрел мне в глаза. Странно, но желания защищаться не возникло. — Привет, Каstellла.

— Мишель. Сколько лет, сколько зим, — съязвила я. — Что ты здесь делаешь?

Сначала спросила, а потом поняла, как глупо прозвучал вопрос. Мишель, похоже, этого не заметил, потому как прикрыл глаза и рассеянно улыбнулся.

— Все прозаично. Охота.

Питон Каа недоделанный!

Мирослав поморщился от боли, и я невольно посочувствовала ему. Если Мишель убьет вождя альва, без зазрения совести превращу его в пепел. Прямо тут, на сером ковре. Чувствовала, что могу, особенно после вчерашнего.

— Ты снова атли, — как бы между прочим, сказал Мишель.

— Да, я атли. Вернула свою дочь — помнишь ее? Кира. А колдун мертв. Так будет с каждым, кто причинит мне вред. Мне или моим друзьям.

Мишель лукаво приподнял бровь.

— Вот как? Альва твой... друг?

— Да, — не задумываясь, соврала я. — И довольно близкий.

Мы же с Мирославом не ссорились, а немного приврать, чтобы спасти кому-то жизнь, явно не помешает.

— Что ж, он ничего. — Древний обошел Мирослава слева, пристально осматривая. — Сильный. И ловко сбежал от меня несколько лет назад.

— Раз он так тебе нравится, может, отпустишь его?

— Что скажешь, альва? — Охотник обратился к Мирославу. — Надеюсь, ты ее ценишь? Полина смелая девочка. И отважная. Иногда даже слишком... — Он поморщился. — Чересчур.

— Она необыкновенная! — нагло соврал Мирослав. И посмотрел на меня так проникновенно, словно мы были намного большим, чем просто друзьями.

Что ж, умение вовремя принять правила игры — отличное качество для вождя.

— Пожалуй, оставлю тебе жизнь. — Мишель снова повернулся ко мне и сказал: — Он подходит тебе лучше, Кастелла. Хотя ты мне нравилась подобной нам. Жаль, не оценила перспектив... Особенно сейчас это тебе пригодилось бы.

— Спасибо, но мне больше нравится так. — Я сложила руки на груди и с ненавистью посмотрела на охотника. Наверное, не стоило так отчетливо выражать свои чувства, но я не смогла сдержаться. Самоуверенность древнего раздражала. А ведь только вчера Тан умер из-за излишней самоуверенности.

— Может, ты и права. Альрик правильно сказал, нечего мне вмешиваться. Возможно, ты снова переродишься. — Он резко взглянул на Мирослава и бросил: — Тебе повезло сегодня, зверь.

Затем, не попрощавшись, покинул квартиру, хлопнув при этом дверью, а я поймала строгий взгляд Мирослава.

— Что это было? — серьезно спросил он.

Я облегченно выдохнула и облокотилась о дверной косяк. Смелости хватило лишь на время, пока не ушел древний, а теперь меня колотила крупная дрожь, и подгибались колени.

Как я вообще додумалась настолько дерзко говорить с охотником? Особенно после того, как вчера потратила львиную долю кена на колдуна? Я вообще сейчас не чувствую зуда в ладонях. Что если бы Мишель прибил меня?

— Полина? — Мирослав вырвал меня из панических размышлений и вернул в реальность.

— Какого черта у тебя в квартире делал древний охотник?! — выпалила я первое, что пришло на ум.

— Говорил же, древние редко теряют след, — нервно улыбнулся вождь альва. — И легко открывают входные двери. С твоего позволения я выпью. Будешь?

— Пожалуй, — ответила я, проходя и присаживаясь на край дивана. Сердце бешено колотилось, и все время казалось, что Мишель передумает и вернется, поэтому я часто косилась в сторону входной двери. — Постой, хочешь сказать, Мишель — тот самый охотник, который уничтожил альва?

— Это он, — бесстрастно кивнул Мирослав, достал из тумбочки два стакана и бутылку с янтарной жидкостью. — Меня другое волнует: откуда какая-то маленькая хищная знает имя древнего охотника? Нет, не так — живая маленькая хищная?

Он посмотрел на меня исподлобья.

— Длинная история, — поморщилась я.

— С удовольствием ее послушаю, — настойчиво произнес Мирослав и поставил тару на журнальный столик, рядом с ноутбуком. — У меня как раз свободный вечер. — Он плеснул из бутылки в стаканы и один протянул мне. — Бренди.

Я выпила залпом. Горло обожгло, на глазах выступили слезы, и я судорожно хватала ртом воздух, стараясь облегчить себе участь. Через минуту смогла нормально глотать, а в желудке стало тепло, приятно закружилась голова, и я расслабленно откинулась на спинку дивана.

— Так что там с охотником? — повторил свой вопрос Мирослав и присел рядом. Так близко, что я сумела разглядеть радужку его глаз — серо-зеленую, с мелкими темными прожилками. Голова закружилась еще больше, ладони непроизвольно поглаживали обивку дивана.

Как же хорошо расслабиться. Просто посидеть, поговорить со старым знакомым.

— Это все колдун, — устало произнесла я и зевнула. — Он воскресил Мишеля. Если бы не Тан, ничего этого не случилось бы.

— Воскресил?

— Ну да. Я убила древнего несколько лет назад. Ритуал кроту, черный воск, нож, все дела.

— А ты сложнее, чем мне показалось сначала, — задумчиво произнес Мирослав, отводя взгляд. — Ритуал кроту, надо же... Как ауру древнего взяла?

— Держала за руку. Он был рядом в тот момент.

— И позволил тебе убить себя? Древний мог порвать твою жилу в секунду.

— На нем была печать. Дед Влада... вождя атли поставил ее.

— Как интересно. А колдуну оно на что — воскрешать охотников? — Мирослав подался вперед, всем видом выражая заинтересованность.

Я заговорщически прищурилась и ответила шепотом:

— Он был атли, но его изгнали много лет назад. Мстил нам — вот зачем!

— Почему охотник не убил тебя сейчас? Печать, я так понял, снял колдун?

Я нахмурилась.

— Он помешан на мне, — пробурчала с отвращением. — Мишель.

— Охотник? На хищной?

— Ну да. — Я пожала плечами и поставила стакан на столик.

Мирослав как бы между прочим подлил мне еще горячительного напитка.

Черт, мне нравится бренди! Голова кружится, но это мелочи.

— Что охотник имел в виду, когда говорил, что ты была подобной ему?

Ответ уже крутился на языке, но я резко закрыла рот и строго посмотрела на собеседника.

— Ты что, влияешь на меня?

— Долго же ты к этому шла? — рассмеялся он. — Думал, сразу догадаешься.

Он даже не пытался прятаться — открыто воздействовал на меня ментально. А я не заметила. Тоже мне, сильная называется!

— Наглец! — сказала я обижено и надулась.

— Извини. Я, правда, думал, ты поймешь. Сильная же. — Он лукаво прищурился. — Охотник сказал: чересчур.

— Охотник необъективен, — пробормотала я.

В кармане свитера зазвонил телефон, и я вздрогнула от неожиданности. Отругав себя за истеричность, подняла трубку.

— Где тебя носит? — возмутилась она голосом Глеба.

— Зашла к соседу за сахаром, — ответила я, и Мирослав хитро улыбнулся.

Определенно наглец. А я ему еще жизнь спасла. Неблагодарный!

— Издеваешься так пугать? Ты в курсе, что у тебя дверь нараспашку?

— Видимо, забыла закрыть. — И ведь ни капельки не врала — о двери в тот момент я думала меньше всего. — Подожди, сейчас выйду.

— Мне пора, — повесив трубку, сказала, обращаясь к Мирославу.

— Мы еще увидимся? — спросил он, пристально глядя мне в глаза.

— Ты мой сосед. Больше чем уверена, скоро у тебя закончится соль. Или гречка.

— У меня ничего этого нет, — с полной уверенностью заявил вождь альва.

— Но учти, если будешь так делать и впредь, я дам сдачи.

— Очень хотелось бы на это посмотреть, — промурлыкал Мирослав, откидываясь на спинку дивана.

— Тебе не понравится, — серьезно сказала я.

— До встречи, Полина, — догнал меня у самого выхода голос соседа.

Я не ответила — толкнула дверь и вышла из квартиры.

Глеб злился у меня в гостиной — сидел на диване со сложенными на груди руками, закинув ногу на ногу, и хмурился.

— Извини, — посмотрела я виновато. — Не хотела тебя пугать.

— Шутишь? Бродишь где-то с кеном колдуна в жиле. Ты хоть знаешь, как он может на тебя повлиять?

— Ну, прости. — Я присела рядом и положила голову ему на плечо. — Тут такое дело... Этот сосед мой — хищный. Вождь альва. И только что я, кажется, спасла его от охотника.

Глеб отстранился и пристально посмотрел мне в глаза.

— Ты убила охотника? Еще одного?

Я покачала головой.

— Не уверена, что справилась бы с древним, учитывая, что вчера потратила... достаточно. — Вздохнула. — Это был Мишель. Он ушел.

— Хороший же подарочек тебе оставил колдун. Чтобы не расслаблялась, — проворчал Глеб. — А этот хищный как здесь?

— Говорит, приехал из Твери. У него сборное племя, настоящих альва Мишель убил,

когда еще была не запечатана его жила.

— Мутный какой-то, — сделал вывод Глеб. — Сосед этот твой.

— Да ну его... Как там Кира? Видел ее?

— Сегодня утром, — кивнул Глеб. — Но подходить не решился — она ругалась с Владом.

— Ругалась? — насторожилась я.

— Говорила очень громко, — уточнил он.

— Думаешь, из-за Тана?

Конечно, из-за Тана. Вспомнились глаза дочери предыдущей ночью, обреченность и тоска. Наверное, она уже сожалеет о том, что помогла Владу в битве. Ведь подростки обычно склонны поддерживать своих парней, а не родителей. Кира же поступила вполне рассудительно, но вопреки желанию сердца. Рано я обрадовалась, что у нас не возникнет проблем из-за поединка.

— Переживет. Колдун был чудовищем! — резко произнес Глеб.

— Он просто запутался. Я не хотела его убивать. Хотела лишь разрушить проклятие. Эгоистка!

— Дура — вот кто ты. Чернокнижник превратил бы жизнь атли в ад, убил бы твоего ненаглядного Влада и помыкал нами, как хотел. Лариса чуть с ума не сошла из-за него. Думаешь, ей легко было бы подчиняться колдуну? Да ты и сама бы не смогла. А еще этот его кен в тебе... Брр!

— Ну, прости. Не могу его выбросить.

— Уверен, Вермунд будет рад, если ты передашь этот кен ему, — фыркнул Глеб.

— Алё, ты забыл: Тан настоятельно советовал этого не делать.

— Это ты алё! — Глеб постучал кулаком мне по лбу. — Тан был врагом. С чего это ты начала его жалеть? Ты героиня, так принимай лавры. Съезди к атли, пусть тебя похвалят, а Вермунд вручит медаль. Может, тогда мозги на место встанут.

— Я не отдам Владу кен Тана, и не уговаривай. Разве что Кире...

— Нафига молодой девчонке такой геморрой? И вечное напоминание о том, как мама убила ее парня...

— Ты и прав, — поморщилась я. — Может, ты хочешь...

— Нет уж, уволь. Не горю желанием гонять по венам его цианид.

— Много кена. Несколько лет питаться не придется.

— Спасибо, мне хватает.

— За это я тебя и люблю. — Я обняла Глеба, но тут же отстранилась и смутилась. — Извини.

Он что-то ответил, но я не расслышала...

В гостиной атли людно. Даже слишком. Невысокая блондинка с округлыми формами прижимает к себе рыжеволосую девочку лет семи. Девочка дрожит — ее нос, обильно усыпанный веснушками, раздувается, ясно-синие глаза расширены. Глеб с улыбкой на губах говорит с блондинкой — наверное, старается успокоить.

В стороне Иван Дирков о чем-то обеспокоенно общается с Владом. Рядом Виктор смотрит насуплено и хмурится.

Женщины-митаки сбились в углу, некоторые плачут, некоторые замерли с белыми, как полотно, лицами. Ира командует с вершины лестницы.

Защитницы колдуют у окон.

А я знаю: на улице охотники. Не один, не два — много. И мы здесь в ловушке, словно мыши в норе, а перед ней сидит голодный кот. Кот, который может войти внутрь...

У двери в позе лотоса сидит Лара. Глаза защитницы закрыты, волосы распущены. Колдует. Каким-то внутренним чувством я знаю: силы Лары на исходе. Так же, как и силы остальных защитниц.

А снаружи несколько древних.

Наконец, обессиленная защитница падает на спину. На лбу у нее испарина, руки дрожат.

— Не могу, — шепчет она. — Не могу больше...

Я пытаюсь помочь, даже бегу. Убрать ее от выхода. Спрятать Лару!

Плавно, словно в замедленной съемке открывается входная дверь, и на пороге появляется охотник. Совершенно незнакомый мне человек. Безразличный к нашим страхам, боли и потерям.

Он смотрит на лежащую у него возле ног Лару. Я понимаю, что он сделает через секунду. Выставляю руки вперед...

Поздно. С таким же бесстрастным выражением лица охотник рвет жилу Лары, переступает через обездвиженное тело и идет дальше.

Я кричу и выпускаю смертельную порцию кена...

— Тише, тише, не кричи. — Глеб нежно гладил меня по голове.

Дрожь в руках и коленях не прекращалась — давно у меня не было таких ярких и болезненных видений. Виски пульсировали, сердце колотилось. Больно было открыть глаза.

Глеб сходил на кухню и принес таблетку. Горло снова отозвалось болью на глотание. Наверное, простудилась я основательно.

— Охотники, — выдохнула я. — Много. Лара, она... Черт, Глеб! Мы умрем. Нас всех убьют!

Глеб снова обнял меня, и в кольце крепких рук мне стало немного легче. Не менее страшно, но надежно. Тепло.

— Расскажи мне все, — спокойно попросил он.

Я пересказала свое видение. Картинки — яркие, пугающие своей реалистичностью — то и дело возникали перед глазами. Я не могла забыть выражение лица того охотника — отрешенного, отстраненного и совершенно безразличного.

— Думаешь, охотники пришли за атли? — нахмурившись, спросил Глеб.

— Нет, — помотала я головой. — Не только за атли. Там были митаки — всем составом. Какая-то незнакомая хищная с девочкой. И охотников было много. Я видела одного, но чувствовала — там за дверью их десятки.

— Первозданные не допустят такого наглого истребления хищных, — возразил Глеб, но в голосе не чувствовалось уверенности. — Это полностью нарушает их законы.

— Если охотники не наплюют на законы! — с чувством сказала я, мечтая о горячем чае с лимоном, теплом одеяле и расслабляющем фильме. Но вместо этого придется одеваться и ехать к атли — рассказывать видение, а потом возвращаться среди ночи обратно. — Первозданных четверо, а охотников... Только древних двадцать, а сколько молодых? Мы не знаем. Никто не знает. И если какой-то из них скажет другим: почему мы должны прогибаться под каких-то старикашек? Мало того, под зверя, которому когда-то чудом досталась благодать?

Глеб вздохнул.

— К атли?

— К атли, — согласилась я.

Хватит уже плести интриги за спинами друг у друга. Охотники — не шутка. Армия охотников — организованная и сплоченная — почти смертный приговор для нас.

По дороге я думала, каким сумасшедшим выдался для меня последний год. Рихар, мертвые атли, Тан, воскрешение. Похищение Киры, нали, охотники. Альрик... При воспоминании о Первозданном я вздрогнула и отчего-то поежилась. Словно сквозняком обдало. Жуткий он. Один взгляд чего стоит.

И в то же время жаль будет, если его не станет. Все же он помог мне, хоть и из эгоистичных побуждений.

Глеб придвинулся ближе и пощупал мой лоб.

— Да ты горишь!

— Простыла вчера, — оправдалась я. — Попала под дождь.

С той минуты он обнял меня и больше не выпускал, а мне стало так тепло, что я не сопротивлялась. Размякла в его руках, растеклась воском и смотрела на мелькающие огни из-под полуопущенных век. Мир людей казался чужим и негостеприимным. Если не считать последний разговор с Викой и редкие визиты в супермаркет, я отдалилась от этого мира настолько, что забыла: я там выросла. Выросла, как человек, а не как хищная.

Как мало времени, оказывается нужно, чтобы полностью себя перекрыть. Всего-то несколько лет — и вот ты уже человек, которому безразличны кинотеатры, кафешки и поиски работы. Зато волнуют древние охотники и их планы. Каждый день думать о смерти — неплохое лекарство от человечности.

Когда машина притормозила у крыльца дома атли, я почти спала. Глеб осторожно потрепал меня по плечу.

— Приехали.

В гостиной было людно. Лара с Филиппом о чем-то сокровенно общались на диване. Оля задумчиво смотрела в окно. В кресле у камина с книгой в руках притаился Кирилл, а Алина с Ксенией занимались уборкой.

Мы поздоровались, и Глеб деловито поинтересовался, где Влад.

— В кабинете с Кирой, — бросила Лара и снова повернулась к Филиппу.

При упоминании дочери, в груди шевельнулось сожаление и страх. Как она примет меня? Сможет ли по-настоящему простить, не только разумом, но и сердцем? Станет ли доверять после того, как я убила Тана.

Путь до кабинета показался мне марафонской дистанцией.

Глеб распахнул дверь, и я услышала шипящий, едкий голос Киры:

— ...начинаю жалеть, что помогла тебе! — выдохнула она и осеклась, заметив нас.

Затем нервно улыбнулась и добавила, уже обращаясь к нам: — Привет.

— Глеб, тебя не учили стучаться? — раздраженно спросил Влад.

Я уже скоро научусь угадывать его реплики по выражению лица.

— Вы поссорились? — игнорируя пронизывающий взгляд вождя атли, я обратилась к дочери.

— Не сошлись во мнениях, — уклончиво ответила она и подошла ближе. — Я могу поговорить с тобой?

— Кира! — строго произнес Влад.

— Не нужно затыкать мне рот! — огрызнулась она, и я даже опешила.

Дерзко и в точку. Я бы тоже так ответила. Ей сейчас нелегко... Не знаю, о чем они говорили, но уверена: Влад не жалеет о том, что Тан погиб. Ни капельки. Даже несмотря на то, что творится у Киры внутри.

— Чуть позже, милая, — тепло сказала я и взяла ее за руку.

— Ты заболела? — обеспокоилась она.

— Ерунда. Обычная простуда. Завтра пройдет.

Кира сдержанно кивнула, бросила еще один взгляд на Влада и неслышно выскользнула из кабинета, прикрыв за собой дверь.

Воздух тут же пропитался напряжением.

— Я не намерен обсуждать то, что произошло в этой комнате, — зло буркнул Влад и отвернулся.

— Мы здесь не поэтому, — серьезно сказал Глеб. — У Полины было видение. Не очень... приятное.

Влад нахмурился, посмотрел на меня, потом на Глеба и тихо велел:

— Оставь нас.

Тожe мне, раскомандовался тут! Ну и что, что вождь? Вот сейчас Глеб как ответит — мало не покажется. Всегда его уважала за это — он никогда не прогибался под Влада.

Но Глеб послушно кивнул и вышел, и я осталась стоять у двери — ошарашенная и уставшая.

— Говори, — холодно бросил Влад, не сводя с меня колючего взгляда.

Злится. Сильно злится, и я даже знаю, почему. Надо же, как на него подействовала моя вчерашняя шпилька. А ведь я была права. Ну, вот и пусть на себе испытает то, чем постоянно кормит других!

Я кратко пересказала видение, делая вид, что меня совершенно не цепляет ни его холодность, ни деловой тон.

— Мне кажется, охотники пойдут против Первозданных, — заключила я и замолчала, скрестив руки на груди. Стоять было трудно, почти невозможно. Возникло желание улечься на диванчик и оттуда продолжить неприятный диалог, но я сдержалась.

— Серьезное заявление, Полина. Твое видение это никак не подтверждает, — ответил Влад и отвернулся.

А мне стало безумно обидно. Разве не его жизнь я спасла вчера на поединке? Разве не присягнула ему снова — на этот раз по собственной воле, а не из страха быть убитой в подворотне каким-то охотником? Разве не была с ним заодно, когда остальные опустили руки? И это после всего, что произошло между нами.

— Я ничего не утверждаю — лишь высказала мысли по поводу видения, — обиженно буркнула я, опуская глаза. Почему-то чувствовала себя слабой и незащищенной. Снова захотелось забиться в угол и плакать. Но ведь я больше не маленькая, нет! Я сильная. Сольвейг. И Влад больше не увидит моих слез. — Кто знает, может, с кеном колдуна в меня вошла и его склонность к интригам?

— Тебе нужно избавиться от него — ни к чему хорошему это не приведет, — не глядя в глаза, тихо сказал Влад.

— Предлагаешь отдать его тебе? — язвительно поинтересовалась я.

— Как вариант.

— Это не вариант. Тан просил не делать этого, и знаешь, я ему верю. Ты постоянно врешь, юлишь и используешь людей.

— Забываешься! — вскинулся Влад и гневно посмотрел на меня. — Я все еще твой вождь.

— Я помню. Вчера присягала тебе после поединка. — Я вздохнула. — Послушай, я не хочу ругаться. Было видение, теперь ты в курсе. Но выслушивать претензии — уволь.

Влад снова отвернулся, но перед этим я успела заметить, как на его лицо легла маска безразличия. Что ж, хоть в этом он преуспел — надевать маски. Иногда кажется, он их вообще не снимает — так гармонично они сидят. Надо и мне у него поучиться.

— Не смею задерживать, — глухо произнес он. — Отдыхай и лечись. Ты нужна мне в строю.

Он сказал это безэмоционально, и мне стало реально больно — где-то в груди, глубоко, в самой душе. Там, где еще совсем недавно горело и плавилось сердце под его насмешливыми взглядами. Глаза защипало от непрошенных слез, и я быстро повернулась к двери, распахнула ее и вышла.

Не дождется — я больше не буду слабой! Переступлю через прошлое, тем более, впереди нас ждет нечто намного страшнее разбитых сердец. И если я права на счет Первозданных, вероятнее всего мы не выстоим.

Но я не собиралась дешево продавать свою жизнь. Охотники — не благословенные. Они убийцы. Но кому, как не мне, знать, что убивать не так сложно? Нужно просто обладать силой — остальное приложится.

В коридоре я судорожно вытерла выступившие на глазах слезы. Чего это я, в самом деле? Проклятия больше нет, и переживать нечего. Наверное, правда, жар мозга расплавил...

Кира ждала в гостиной. Сидела на диване рядом с Филиппом и Ларой, и видно было что ее мысли блуждали где-то далеко. Она нервно улыбалась и отвечала невпопад, а взгляд был больным и вымученным, словно она не спала несколько суток.

Бедная моя девочка!

А Влад еще и давит на нее. Надавить бы на него так, чтоб аж кости затрещали!

Увидев меня, Кира встала и расправила несуществующие складки на черной плиссированной юбке. Я молча взяла ее за руку и повела наверх.

Она выглядела совершенно безвольной. Усталой, несчастной и маленькой. Так хотелось передать ей немного своей уверенности, любви к жизни, даже злости. Кира злой больше не была. Скорее сломленной.

— Что у тебя произошло с Владом? — спросила я, присаживаясь рядом с ней на кровать.

Она едва заметно помотала головой.

— Ничего. Я вспылила. Просто здесь никто не будет помнить его... — Она помолчала немного и зачем-то добавила: — Тана.

Я обняла ее за плечи и, едва сдерживая слезы, прошептала:

— Я буду.

Кира подняла на меня глаза. Зрачки расширены, и показалось, она даже смахивает чем-то на колдуна. Тот же умный взгляд, темные глаза, гордо вздернутый подбородок. Он растил ее и, несомненно, был ближе ей, чем когда-либо стану я. Она впитала его мировоззрение с детской любознательностью, примерила на себя его стиль жизни. Да что там — она жила им.

— Почему?

— Ты любила его. А я люблю тебя.

Кира отвела взгляд и попросила:

— Обними меня.

Затем, не дожидаясь, впилась в мои плечи руками, прижалась ко мне всем телом и прошептала с какой-то ревностью в голосе:

— Он в тебе. Его кен...

Я вздохнула. Тяжело будет с ней об этом говорить. Тяжело, но необходимо. Нельзя дальше делать вид, что все в порядке, и между нами ничего не поменялось.

— Я бы с удовольствием отдала его кому-то.

— Влад был бы не прочь, — горько усмехнулась она.

— А ты?

— Что я?

— Кира, Тан был близким тебе человеком, ты любила его. Как бы ты хотела, чтобы я поступила с его кеном? Если учесть, что, скорее всего, нас ждет война...

— Война? — насторожилась Кира.

После пересказа моего видения она на минуту впала в ступор. Долго думала о чем-то, а затем спокойно сказала:

— Если кен Тана поможет тебе драться, оставь себе. Потратить на благое дело — Тан был бы доволен.

— Уверена?

Она помолчала несколько секунд, а затем кивнула.

— Абсолютно.

Из дома мы с Глебом вышли за полночь.

Чувствовала я себя получше — Кира настояла на жаропонижающем и даже напоила меня горячим чаем из трав. Потом я долго просидела с ней в комнате и, убедившись, что дочь уснула, спустилась вниз.

Гостиная атли встретила тишиной и пустынностью, только Глеб, как верный страж, дремал на диване. Ждал.

Я улыбнулась. Сейчас поняла по-настоящему: я свободна. Свободна от прошлого, что камнем тянуло вниз. От дурманящего влечения, которое не давало дышать. Осталось всего-то — сделать выбор. И, кажется, я уже знаю, что делать...

Я присела на диван, погладила Глеба по щеке. Будить его не хотелось, но нестерпимым было желание покинуть сегодня этот дом. Уехать туда, где я впервые почувствовала себя нужной.

Глеб встрепенулся, открыл глаза и несколько секунд растерянно моргал, а потом взгляд стал осознанным и взволнованным.

— Точно не хочешь остаться?

Я улыбнулась и покачала головой.

— Нет.

— Отвезти тебя домой?

Я помотала головой.

— Не хочу домой. Давай поедem в Елец, и ты покажешь мне всю усадьбу. Проведем там завтрашний день и не будем думать о проблемах.

Глеб нахмурился и неуверенно кивнул.

— Как хочешь...

— Хочу, — кивнула. — Хочу почувствовать ветер, скорость и свободу.

Он покачал головой и насмешливо выдал:

— Ты фрик!

— Как и ты, Измайлов. Поехали.

Ветер действительно был холодным и пронизывающим, но меня это мало волновало. Возможно, подействовали таблетки или чай, а может, во мне действительно что-то переменялось, стало другим. Я прижималась щекой к грубой коже куртки Глеба и не могла стереть глупой улыбки с лица.

Все казалось проще. Прозрачнее. Веселее. И даже промозглый ноябрь не мог испортить мне настроение.

Сомнений больше не было, страха перед будущим тоже. Ведь будущее — это то, что мы творим своими руками. Остальное — блажь. И преграды, и опасности, и даже толпа разъяренных охотников не лишали меня веры в лучшее.

Полусонный дом Ольги Измайловой был хорошо освещен. Глеб припарковал мотоцикл, взял меня за руку и увлек за угол, откуда начинался огромных размеров сад.

В саду тоже горели фонари — не такие яркие, свет у них был сизым и приглушенным и разливался по мощенной камнем тропинке размытыми кругами.

Я крепко держала Глеба за руку. Очень интересно было, куда он так настойчиво ведет меня, что я едва успеваю за его размашистым шагом. Но я молчала, боялась задавать вопросы. Воздух пропитался волшебством и магнетизмом, сердце билось сильно-сильно, у подбородка.

Глеб свернул направо, мы сошли с тропинки и оказались в куститых зарослях, среди деревьев, склонивших ветви к нашим головам.

— Здесь очень красиво в конце мая, — шепнул мне Глеб. Синие глаза блестели — то ли от восторга, то ли от возбуждения. Словно это место было особенным для него.

Странно, мы знакомы столько лет, а я еще никогда не видела его таким — порывистым и ранимым одновременно. Таким настоящим.

— Они цветут, — проникновенно сказал он и добавил шепотом: — Вишни.

— Мы обязательно приедем сюда в конце мая, — пообещала я.

Мы прошли еще несколько метров, путаясь в зарослях, и остановились у невысокого дерева с изрезанной, покореженной корой. Его ветви раскинулись куполом, свисая почти до самой земли, и нам пришлось наклоняться, чтобы нырнуть под него.

— Странно, что она еще не засохла, — сказала я, проводя ладонью по гладкому, покрытому порезами стволу вишни.

— Я хотел убить ее, — с горечью ответил Глеб. — Но видишь, не вышло.

— Убить? — Я посмотрела на него вопросительно и на миг увидела того парня, которого знала когда-то давно — замкнутого и злого. Но лишь на миг — потом он снова стал моим Глебом — взгляд потеплел, а губы тронула едва заметная улыбка. В темноте она казалась еще более симпатичной, а ямочки — выразительнее.

— Банально хотел стереть их запах. Они же тут целовались... — Он замолчал на секунду, а потом продолжил, как ни в чем не бывало: — Я даже намеревался выкорчевать дерево, но мама не дала. Она любила свой сад.

— У тебя была мудрая мама. Замечательная.

— Я думал, Юлиана такая же, — усмехнулся он. — Она нравилась маме.

Я подошла к нему, прикоснулась пальцами к щеке и яростно прошептала:

— Дура твоя Юлиана! — Поймала его взгляд — растерянный, дикий — и добавила: —

Давай останемся здесь навсегда...

Глеб перехватил мои пальцы, поднес к губам, и кожу обожгло порывистым, горячим дыханием.

Потом он резко развернул меня, прислонил спиной к тому самому покореженному стволу. Глеб целовал меня, и я думать забыла и о Юлиане, и об истерзанном, но не погибшем дереве, и о сомнениях, которые тут же захлебнулись в водовороте эмоций и не выплеснутых чувств.

Он обнял меня крепко, затем подхватил на руки и понес в дом. Прижимаясь к его груди и вдыхая запах кожи и бензина, я подумала о том, как бы на самом деле хотелось все бросить, забыть и остаться здесь, в этой тихой усадьбе рядом с человеком, который любит меня, и который, возможно, залечит мои раны заботой и лаской.

На этот раз мы зажгли камин только под утро, а потом уснули на полу — расслабленные и счастливые.

Глава 23. Переговоры

Глава 23. Переговоры

Утро медленно кралось тонким солнечным лучом по полу, и я лениво следила, как он подбирается к рассыпанным по подушке волосам Глеба. Он спал. Дышал мирно, откинув руку в сторону, а второй во сне сжимал мою ладонь. Словно я могла куда-то деться или сбежать, пока он не видит.

Но в то утро я точно знала, что не сбегу. Наоборот, хотелось остаться и улыбаться Глебу весь день. И плевать на всяких там охотников!

Телефонный звонок заставил вздрогнуть. Глеб приоткрыл один глаз, недовольно поморщился, а потом поймал мой взгляд и почему-то покраснел. Впервые видела его смущенным. В груди разлилось тепло, в легких появилось странное покалывание, а слова испарились. Впрочем, Глебу тоже было не до меня — он взял телефон, посмотрел на экран и нахмурился. Затем поднял трубку и проворчал:

— Полседьмого утра. Ты в своем уме вообще?

Потом долго слушал и хмурился все больше.

— Ладно, вечером будем. — И отключился. Взглянул на меня смущенно. — Влад звонил.

— Чего хотел? — безразлично спросила я, встала и, нагло выдернув у Глеба плед, завернулась в него. Подошла к окну, поставила локти на широкий подоконник и выглянула на улицу.

Чей-то серый котенок гонял грязно-розовый шарик по усеянному пожухлой листвой двору. Небо было ясным и ярко-голубым, даже глаза слепило. Рассвет отражался в соседских окнах янтарным заревом.

— Сегодня вечером приедут митаки. По поводу твоего видения целый консилиум соберется. — Глеб тоже поднялся — слышно было, как зашуршала одежда. — Я обещал, что мы будем.

— А мы не можем пропустить консилиум? — не поворачиваясь, тихо спросила я.

Возвращаться не хотелось. Рушить гармонию прошедшей ночи — еще меньше. А она разрушится непременно.

— Ну, ты чего? — Глеб подошел и обнял меня за плечи.

— Сейчас Влад скажет, что все настолько серьезно, что никому нельзя отдаляться от атли, — зло сказала я. — Плакала моя свобода. И квартира на Достоевского.

— Ты же ушла из-за проклятия. Теперь его нет. Ведь нет?

— Конечно, нет, — уверила я и повернулась к нему. В синих глазах явно читалось беспокойство, готовое перерасти в страх. — Теперь все будет по-другому. Ты и я...

— Давай не будем спешить, — улыбнулся Глеб. — Слишком мало времени прошло, тебе нужно привыкнуть, многое понять. Но я рад, что ты дала мне шанс, Полевая.

— Ты дурак, Измайлов. Ближе тебя у меня нет никого.

Я обняла его крепко и попыталась воссоздать свое состояние до звонка Влада. Вышло не очень, но ведь у нас с Глебом еще целый день впереди. Настроение — штука переменчивая, его отлично поправляет сладкий кофе и булочки. И килограмм мороженого.

Мы целый день занимались дуракавалянием, гуляли по поселку, много говорили и смеялись. Вернулись в Липецк под вечер, уставшие и довольные неожиданным, но таким приятным выходным.

У входа в дом атли словно незримая пелена повисла — Глеб отстранился, выпустил мою руку и неестественно сжался, словно при виде нас вместе все демоны ночи слетятся на полянку, а рядом разверзнется ад. Я нахмурилась, бесцеремонно потянула его за рукав, нащупала ладонь и переплела наши пальцы.

Ишь чего удумал! Не собираюсь ни от кого прятаться. Я свободная женщина, можно сказать, девица на выданье. А Глеб сильный, красивый и вообще — это никого не касается. Наше дело.

Гостиная была пуста, лишь приглушенный свет невысоких торшеров лился на паркет. Зато из кабинета раздавался неумолкаемый гул. Словно услышав, как мы пришли, из коридора появилась Ирина и поманила нас за собой.

В кабинет мы скользнули, как мыши, и я поймала недовольный взгляд Влада. Мысленно показала ему язык и нагло уселась на диван рядом с Филиппом, и тому пришлось придвинуться ближе к Ларе. Глеб пристроился около меня на подлокотнике.

Митаки на собрании присутствовали не полным составом — только мужчины. Где были в тот момент женщины, я не знала, да и, признаться, это не очень меня волновало.

Влад сделал многозначительную паузу и закончил прерванную нашим появлением фразу:

— Это то, что мы с Иваном смогли пока о нем узнать.

— Почему бы тебе не договориться с ним? — с умным видом спросил Филипп.

Я даже удивилась: после неудачной попытки вновь свергнуть Влада, думала, жрец атли будет тихонечко помалкивать в углу. Но Филипп вел себя так, словно ничего не произошло, и не было позорного поражения на чисто вымытом полу спортзала атли.

— Я пытался, — подал голос Иван Дирков. — Он вежливо отказался. Сказал, ему альянсы ни к чему, а в его племени полно воинов, защитниц и ищеек.

— Мы не будем пресмыкаться перед каким-то хищным, — надменно произнес Влад, и я машинально закатила глаза. К несчастью, от него это не укрылось.

— Ты с чем-то не согласна, пророчица? — спросил он, и в кабинете воцарилась пугающая тишина.

Вот как? Пророчица, значит?! Даже не по имени.

Я вскипела.

— Понятия не имею, о чем речь, — стараясь держать себя в руках, небрежно ответила я.

— Все потому, что нужно приходить вовремя. Не хотелось бы повторяться, но мы говорим о проблеме войны с охотниками.

— И причем тут хищный, с которым нельзя о чем-то договориться?

— Нам не мешает помощь, если все будет так, как ты видела, — тихо пояснил Филипп. — А об альва идет молва как о довольно сильном племени. Их поддержка была бы кстати...

— Альва, говоришь, — хитро улыбнулась я. Опустила глаза, стараясь не выдать ликования.

Так и подмывало совершить какую-то пакость, чтобы сбить спесь с Влада. Эти его обидки, особенно после того, что я сделала на поединке, бесили до невозможности, и желание щелкнуть по носу вождя атли было практически непреодолимым.

Я бросила предупреждающий взгляд в сторону Глеба, чтобы он помалкивал и не выдал раньше времени моего секрета. Посмотрим, что Влад скажет, когда я договорюсь об альянсе с альва.

Что ж, мой таинственный сосед Мирослав, пора отдавать должок!

— Мне нужно на Достоевского, — шепнула я Глебу, когда собрание закончилось, все покинули кабинет и переместились в гостиную.

— Брось, Полевая. Зачем этот детский сад? Охотники объединятся против нас. Думаешь, время для шуток и подколов?

— Влада он все равно слушать не будет. А меня послушает. В конце концов, он мне должен!

— И электричество в кабинете тут ни при чем? — не глядя мне в глаза, с иронией спросил Глеб.

— Какое эле... Глеб! Не было никакого электричества! — прошипела я. Взяла его за руку и отвела в сторону. — Мне обидно, понятно? Влад мне даже спасибо не сказал и вообще ведет себя как последняя свинья.

— Так ты ждешь «спасибо» от альва в виде переговоров с атли?

— Как вариант. Я планировала договориться сама, но и обещание обсудить альянс с вождем тоже будет неплохо. В конце концов, я спасла ему жизнь.

— Это аргумент, — согласился Глеб.

— Поможешь?

— Не могу. Должен ехать в Лондон. Завтра рейс из Москвы, так что придется отправляться уже сегодня.

— Ты не говорил, что улетаешь...

— Не до того было. Совсем вылетело из головы. Я должен вернуть клинок. Ведь брал его на время, а теперь он уже не нужен.

— Я буду скучать, — вздохнула я.

— Вот увидишь, ты не успеешь с этим альва чай допить, а я уже вернусь.

— Лжец, — пожурила я и улыбнулась.

— Не знал бы вас, сказал бы, что вы — пара, — сказал подошедший к нам Филипп. Я посмотрела на него серьезно и невозмутимо ответила:

— Так и есть.

— То есть как? — Жрец атли даже запнулся и выкатил глаза от удивления.

— Очень просто, Филипп Макаров. — Я обняла растерявшегося Глеба за шею, притянула к себе и поцеловала в губы. — Еще нужны доказательства?

И тут же замолчала. Было ощущение, словно мне за шиворот вылили кипяток, а затем насыпали льда. Жар поднялся к горлу, перекрывая гортань и мешая дышать. С противоположной стороны гостиной на нас смотрел Влад. Просто смотрел — даже не могла понять по взгляду, что у него на уме. Поза была расслабленная, как обычно. Выражение лица — почти безразличное. Но мне отчего-то стало жутко от этого взгляда.

Наверное, память подвела, ведь именно после инцидента с Глебом в прошлом, Влад и решился на тот жуткий кровавый ритуал. Теперь-то я знала, что он значил на самом деле, но тогда... Память и страх сплелись в одно и мешали соображать.

Я отвернулась, нервно улыбнулась Глебу, все еще ощущая на спине прожигающий взгляд.

— Проводишь меня до такси? А лучше, давай подождем на улице.

Такси приехало на удивление быстро, я порывисто поцеловала Глеба и села в машину. Признаться, уехать от атли было облегчением. Зря я думала, что после того, как проклятие будет разрушено, остальные проблемы уйдут сами по себе.

Без поддержки Глеба эти несколько дней будет тяжело пережить. Но справлюсь, не маленькая уже. К тому же, если у меня все выйдет с вождем альва, есть шанс, что это время меня никто не будет трогать. Пусть себе мужчины договариваются, а я снова стану той, кто есть на самом деле — пророчицей. И заживу, наконец, спокойно. Все устаканится и войдет в свою колею.

Ну, если не считать войны.

Расплатившись с таксистом, я вошла в подъезд. Мысленно считая ступени, прокручивала в голове возможные варианты разговора с Мирославом и каждый раз удовлетворенно понимала, что у меня много козырей на руках. И все их я собиралась использовать. Как бы там ни было, но Глеб прав: война — не шутки. Не время сводить счеты. Впрочем, для мелких подколов время всегда есть. Владу пора понять, что он не пуп земли, и что у других людей тоже есть чувства.

Остановившись у квартиры номер пятьдесят два, я несколько раз глубоко вдохнула, выдохнула и, наконец, позвонила. Затем еще раз. И еще.

Горьким разочарованием в груди разлилось осознание того, что Мирослава попросту нет дома. Хотя если вспомнить, я его редко встречала здесь. Вернее, всего дважды.

Возможно, эта квартира — перевалочный пункт или временное убежище. Ведь где-то же живут остальные альва. Может, они, как атли, поселились в большом доме?

И что мне теперь его перед дверью караулить?

Изнывая от досады, я достала ключи из сумочки и собралась было открыть дверь.

— Так легко сдаешься? — раздался у меня за спиной насмешливый голос.

От неожиданности я выронила связку и резко обернулась — на меня смотрел улыбающийся Мирослав. Он был одет в легкий джемпер и темно-синие джинсы, стоял на пролет ниже, облокотившись о перила, и нагло меня рассматривал.

— И не стыдно так пугать? — пожурила я его. — Как ты умудрился подкрасться так бесшумно?

— У меня есть некоторые... таланты, — уклончиво ответил вождь альва. — Ты хотела меня видеть? Соскучилась?

— Нужно поговорить, — прямо сказала я. — О грядущей войне.

Мирослав тут же посерьезнел, поднялся ко мне и пристально посмотрел в глаза.

— Так-так... И часто ты по ночам выстраиваешь военные стратегии?

Я не ответила, подняла ключи и вставила их в замочную скважину. Открыв дверь, сделала приглашающий жест рукой.

— Проходи, угощу тебя чаем, — произнесла непринужденно и выдержала изучающий взгляд.

— Когда девушка в полночь зовет тебя на чай, жди беды.

— И не надейся. У меня есть парень, — строго осадил я его. — И вот еще что: не смей применять на мне свои способности! Иначе я применю свои.

— Интересно будет испробовать их на себе, — засмеялся он и вошел в квартиру.

— Поверь, тебе не понравится. — Я выглянула в подъезд, будто ожидала увидеть там кого-то, кто мог нас подслушивать, и захлопнула дверь.

Малознакомый мужчина на моей кухне смотрелся странно. Показалось даже, он занял

значительную часть пространства, и дышать стало тяжелее. А может, я просто волновалась.

Как бы там ни было, сохранять ледяное спокойствие оказалось трудно. Я включила электрический чайник и достала чайные пакетики. Мирослав наблюдал за мной молча, не отводя взгляда, что жутко раздражало.

— Черный? Зеленый? — стараясь казаться невозмутимой, спросила я.

— Черный. Так что за таинственные способности у тебя, кроме умения влюблять древних охотников?

— А этой способности мало? — Я повернулась к нему и не смогла сдержать улыбки. Мирослав невероятно к себе располагал. Интересно, он снова влияет или сам по себе обаятельный? — Как по мне, весьма впечатляюще.

— И волнительно, — согласился мой гость.

— Давай начистоту. — Я опустила на соседний стул и посмотрела на свои ладони. — Я знаю, что ты очень сильный. И племя у тебя большое, хоть ты и дал понять в прошлый раз совсем обратное.

— Ты хорошо осведомлена.

— Атли не настолько большое племя. Но древнее. У нас есть сильные воины, защитницы, а еще союз с митаки — не менее сильным племенем, чем твое.

— Ты что-то хочешь предложить? — спросил он очень серьезно.

— Альянс, — кивнула я.

Он вздохнул и положил подбородок на сложенные руки.

— Полина... Ты очень открытый человек и спасла мне жизнь, так что думаю, могу быть с тобой откровенным. Альва действительно сильны. У меня достаточно воинов, чтобы отразить удар. Защитниц, чтобы превратить дом в крепость, и ищеек, чтобы учуять приближение охотников. У меня есть лекари, чтобы залечить раны, и сильный жрец. Не думаю, что мне нужна помощь атли или даже митаки.

Я уже хотела пожуричь его за неблагодарность — все же я спасла ему жизнь, но потом передумала. Не похоже, что вождь альва ведется на разводки девчонок, и будет глупо, если я провалю переговоры и лишу атли сильного союзника.

— Откуда ты знаешь о войне, Мирослав? — спросила я серьезно, а потом догадалась: — Ты говорил с Иваном Дирковым, не так ли? У пророчицы митаки было видение.

— Так и есть.

— Никого не хочу чернить, но митаки вряд ли подозревали тогда, насколько огромная угроза нависла над хищными. А вот я видела. Десятки охотников под дверью атли. Испуганных хищных, которым некуда бежать. Ослабленных защитниц. Смерти...

— Ты — пророчица?! — Он отпрянул от меня и нахмурился. — Та самая пророчица атли, о которой столько слухов ходит?

— Обо мне ходят слухи? — удивилась я.

Даже голова немного закружилась от неожиданной гордости. Слухи обычно распускают о тех, кто действительно выделяется из толпы. Получается, я в некотором роде знаменитость?

— Всякое говорят, Полина. Я не всему верю — людям свойственно перевернуть действительность. Даже слышал, что ты якобы впустила нали, но ведь женщины никогда... — Он покачал головой, как бы отмечая, что люди порой городят чушь.

Я сложила руки на груди и безэмоционально произнесла:

— Советовала бы тебе почаще прислушиваться к тому, что говорят люди.

Несколько секунд он молчал, словно пытался вникнуть в смысл сказанной мной фразы, а затем удивленно выдохнул:

— Да ладно!

— Мужчины так тщеславны. Им говоришь об угрозе войны, а они удивляются каким-то там нали.

Я встала, поставила на стол чашки и сахарницу и принялась заваривать чай.

— Альва сильное племя, — сказал он очень серьезно. — Многочисленное. Намного больше атли. И я готов обсудить твои требования.

— Касательно альянса? — обрадовалась я.

— Касательно посвящения. — Мирослав сделал многозначительную паузу, а затем добавил, улыбаясь: — Твоего посвящения в альва.

— Совсем с ума сошел? — нахмурилась я.

— Немыслимо так не ценить собственные кадры! — возмутился он. — Позволять тебе жить тут одной, практически без защиты...

Он обвел взглядом пространство кухни, брезгливо поморщился, будто находился сейчас не в уютном помещении, где его гостеприимно угощали чаем, а в какой-то сырой и грязной норе.

Я сложила руки на груди и обиженно произнесла:

— Я живу здесь, потому что сама хочу. И, помнится мне, в позапрошлую нашу встречу ты хвалил мою защиту. А в прошлую — защита понадобилась тебе самому.

— Не обижайся, — примирительно улыбнулся Мирослав. — Я вовсе не имел в виду, что у тебя плохо и неудобно... Просто ты важна! Нельзя так беспечно относиться к таким людям, как ты, Полина. Я рассуждаю как вождь. Если бы ты была альва, я бы не позволил тебе жить одной.

— Но я не альва, слава богу, — пробормотала я. — И вольна сама принимать решения.

— Я все испортил, да?

— Да, — согласилась я и снова присела. Насыпала сахара в чашку и тщательно перемешала. — Я не уйду из атли, но обещаю, ты будешь знать о каждой угрозе, которую я увижу, если примешь предложение о союзе.

Звонок в дверь заставил меня подскочить на месте. Все эта чертова паранойя.

Мирослав лукаво прищурился и насмешливо сказал:

— Да у тебя вся движуха начинается после полуночи.

Мне было не до смеха. Если Глеб уехал, то кого принесло среди ночи? На одеревеневших ногах я подошла к двери и выглянула в глазок.

Черт, черт, черт! Только этого не хватало! Может, выключить свет и притвориться, что дома никого нет? Можно было бы, только у Мирослава возникнут лишние вопросы, отвечать на которые я не хочу. Да и в глазок наверняка виден свет. Как и в окнах с улицы.

Я глубоко вдохнула и нехотя щелкнула замком. Зло нахмурилась и резко спросила:

— Что ты здесь делаешь?

— Пришел защитить твоё жилище. Если уж моя пророчица живет здесь одна, я должен позаботиться о ее безопасности, — ответил Влад и втолкнул меня внутрь.

— Тебе нужно научиться сначала звонить по телефону, а то вдруг я тут не одна! — съязвила я, когда он закрыл за собой дверь.

— Глеб ведь уехал. Или у тебя есть еще какие-нибудь мужчины, которым ты назначаешь свидания по ночам? Это и есть та личная жизнь, о которой ты говорила недавно?

— Тебя она точно не касается! И в следующий раз звони, Влад.

— Непременно. Если обещаешь брать трубку. Потому что иногда я не знаю, зачем тебе мобильный, пророчица. Чтобы в сумочке что-то лежало?

Я недоверчиво покосилась на трюмо, взяла сумку и нашла телефон. Так и есть — три пропущенных от Влада. Конечно, я же поставила телефон на беззвучный еще в Ельце, чтобы нам с Глебом никто не мешал. И забыла сменить режим.

— Я не слышала, как ты звонил, — не глядя на него и чувствуя, как краснею, пробормотала я. Машинально включила звук и поставила блокировку.

— Наверняка у тебя были дела поважнее, чем звонки твоего вождя.

— Так и есть. И вообще, защита еще держится, вон висит амулет Лары, так что... уходи.

— Ты, наверное, забыла, кто такой вождь, да? — вкрадчиво сказал Влад, приближаясь, и я вздрогнула. — Давно стоило напомнить тебе. И напоминать до тех пор, пока не усвоишь окончательно.

— Я знал, что у тебя много поклонников, но чтобы настолько. Ах, у меня, наверное, совсем нет шансов! — услышала я насмешливый голос Мирослава. Влад отстранился и резко повернулся голову.

— Это еще кто такой? — спросил он сквозь зубы.

Я осторожно выскользнула из опасной ловушки, подошла к соседу и фамильярно взяла его под руку.

Влад меня убьет. После такого точно. Но, черт возьми, оно того стоит! Увидеть ошеломленное выражение его лица, понимать, что снова оставила его с носом. Мне никогда не надоест.

— Мир, познакомься, это Влад Вермунд, — сказала я невозмутимо.

— Мирослав. — Он протянул руку в приветствии и добавил: — Теплов.

— Вождь альва, — доверительно шепнула я Владу, прикрываясь ладонью, совсем как в детстве, когда делишься с кем-то заветным секретом.

Телефонный звонок заставил меня слегка подпрыгнуть.

Они что, издеваются так пугать?! После этой ночи мне, наверное, суждено стать зайкой. И зачем я только включила звук на телефоне? Хорошо хоть не успела положить его на трюмо, а то снова пришлось бы приближаться к Владу. Что-то подсказывало мне, что в ближайшие полгода мне этого делать не стоит, ибо чревато.

Я извинилась и юркнула на кухню. Пусть теперь Влад продолжает — не мое — все эти политические переговоры. Главное, я увидела его выражение лица. Оно того стоило, но надо учиться вовремя остановиться. Я, конечно, сольвейг и во мне кен колдуна, но противостоять Владу в словесной перепалке никогда не умела. Да и не хочу. Устала...

Жаль, что Глеб уехал — его поддержка мне сейчас не помешала бы.

Я машинально подняла трубку, даже не взглянув на экран.

— Привет, Полина.

— Андрей?

— Извини, что так поздно, но у меня мало времени. Ты у атли? Нужно поговорить и срочно.

— Нет, я на Достоевского. Что случилось?

— Не по телефону. Я тут рядом, скоро буду.

Трясущейся рукой я нажала на сброс и облокотилась о холодильник. Андрей приедет — значит, жди беды. Мы с охотником никогда не видимся просто так, пропустить по

бокальчику.

Может, зря я устроила весь этот спектакль? Наверное, стоило сразу рассказать Владу о вожде альва и позволить ему разбираться.

Я медленно вернулась в прихожую... и обнаружила, что мужчины исчезли. Зато из гостиной раздавались голоса и приглушенный смех.

Мне не послышалось? Может, я схожу с ума?

Я осторожно заглянула в дверь. Так и есть: сидят на диване и мило общаются. Пока меня не было, что, конец света наступил?

— Я буду кофе. Крепкий без сахара, — едва взглянув на меня, бросил Влад, и я уловила в его взгляде ехидный блеск.

— Андрей звонил, — сказала я и присела на подлокотник кресла.

Это, конечно же, заставило его ко мне повернуться.

Мне расхотелось ругаться. Темной чернильной кляксой по душе растеклось плохое предчувствие.

— Что сказал? — серьезно спросил Влад.

Я помотала головой.

— Ничего. Сейчас приедет и скажет лично.

В комнате воцарилось нервное молчание. Влад о чем-то размышлял, я тихо боялась, а Мирослав ждал, когда мы, наконец, выйдем из ступора. Потом ему, видимо, надоело ждать и он спросил:

— Кто такой Андрей?

— Мой друг-охотник, — не раздумывая, ответила я и тут же осеклась.

— Еще один? Или это позывной того, древнего?

— Того древнего? — Влад даже привстал, а я наоборот, сползла в кресло. По-моему, сегодня я действительно перегнула палку.

— Мишель — тот охотник, который уничтожил альва, — ответила я, не глядя ему в глаза. — И Мира... Мирослава он нашел совсем недавно — на днях. Я случайно зашла, вот и... В общем, выяснилось, что Мишель не хочет убивать моих друзей.

— Как интересно. Особенно то, что я узнаю об этом только сейчас.

Я пересилила себя и подняла на него взгляд. Да уж, лучше бы Мирослав не упоминал о Мишеле. Впрочем, ему, похоже, было интересно наблюдать за нашими с Владом перепалками — вождь альва смотрел лукаво и улыбался.

Звонок в дверь нарушил «идиллию», воцарившуюся в гостиной, и я поспешно выдохнула:

— Андрей пришел.

Андрей всегда приходил мне на помощь. Будем надеяться, что после разговора с ним Влад остынет и не станет меня убивать. А еще лучше, чтобы потом они все волшебным образом испарились из моей квартиры, и я могла бы спокойно дышать. А то от недостатка кислорода меня ужасно тянуло в сон.

Андрей спасителем не выглядел — наоборот, казалось, он от кого-то долго бежал и так устал, что вот-вот упадет. Я впустила его в квартиру и еще раз проверила, никто ли за нами не следит. Точно мания преследования — впору в клинику ложиться, поправлять психическое здоровье.

Подъезд ответил мне пустынной тишиной и унынием. Нет уж, уныния мне и так хватает в жизни. Я с шумом захлопнула дверь.

— Что стряслось? — спросила, удивленно понимая, что вернулись прежние ощущение — и легкий страх, и тревога, и непреодолимое желание выпроводить Андрея побыстрее. Странно, что рядом с Мишелем в прошлый раз я такого не ощущала. Хотя, возможно, на меня так действовал кен Тана. А сегодня я столько переживала, что нервная система просто не справлялась.

— Пока ничего. Но произойдет, и очень скоро.

— Ты о войне? Охотники готовятся, да? — Андрей метнул на меня удивленный взгляд, и я добавила: — У меня было видение. Проходи, Влад тоже здесь.

Мы вошли в комнату.

— Новенький? — спросил Андрей, кивая на Мирослава.

— Это Мирослав, мой друг, и вождь альва. Он в деле.

Мирослав держался молодцом, хотя я явно ощущала волны тревоги при виде охотника. Странно, ведь обычно я ужасно вижу ауры.

Я присела рядом и инстинктивно взяла его за руку.

— Андрей нам очень помог когда-то, и не раз, — пояснила Мирославу. — Он очень хороший друг.

— Да, но в этот раз я мало, чем смогу помочь, Полина. Уже тем, что нахожусь сейчас здесь, я подвергаю себя, да и вас всех опасности.

— Все так серьезно? — спросила я испуганно.

— Более чем. Некоторые из нас решили, что Первозданные имеют слишком много власти, если вы понимаете, что это значит. И древние возглавляют это движение.

— Охотники пойдут против Первозданных? — удивленно спросил Влад, а меня так и подмывало бросить ему в лицо: «А я говорила!», но я промолчала.

Не до того сейчас. То, что происходит в мире хищных, более чем серьезно. И вряд ли кто-то из нас сможет этого избежать.

— Похоже, что так.

— Да брось, Первозданные прекрасно умеют читать мысли! Это не могло пройти мимо них. Коллективный заговор? Seriously?

— Их всего четверо, Влад. За всеми не уследишь. К тому же большинство из них уверены в нерушимости работающей системы.

— Но рано или поздно Первозданные поймут, что замышляют охотники, — вмешалась я. — Не думаю, что они будут медлить с расправой.

— Они не успеют, Полина. Боюсь, все слишком далеко зашло...

— Охотники убьют их? — нахмурился Влад. — Первозданного можно убить?

— Любого можно убить, если собрать достаточно кена, — поучительно ответил Андрей.

— Мне жаль Альрика, — грустно сказала я. Поймала недоумевающий взгляд своего вождя. — Что? Он помог мне. И вел себя... достойно.

— Поверь, Альрик совсем не душка. Я бывал в его пыточной, и даже меня тошнило.

— Тебе лучше знать, ты с ним дольше тусовался. — Я скорчила рожицу и отвернулась.

— Ты... тусовался с Первозданным? — с восхищением в голосе спросил Мирослав, и я закатила глаза. Только не нужно про подвиги Влада, иначе я не выдержу эту ночь.

— Не я один. — Влад многозначительно посмотрел на меня.

— Я думал, они не общаются с хищными?

— Они и не общаются. Долгая история.

— Влад был охотником, — важно сказала я. — Около года. Мне понравилось меньше, и я быстрее ушла. Первозданные снобы, особенно этот Сар. Он называл щупальца благодатью...

— Сар считает, что он самый важный на земле, — пояснил Влад.

— Тогда у вас много общего!

Понесло меня нехило. Наверное, опасности так влияют — превращают меня в безрассудную девушку, напрочь лишенную тормозов.

— Окей... — Мирослав нахмурился и, показалось, ушел в себя. Наверное, слишком много информации для одного раза. Чтобы переварить такое, нужно подумать.

— Хватит ссориться, Полина, — серьезно сказал Андрей. — Не время. Не уверен, что до лета в обществе охотников продержится мир.

— Так может, стоит кому-то намекнуть Первозданным о заговоре, — предложил Влад.

— Тогда, боюсь, мир не продержится и до лета. Всех несогласных древние уничтожают — не подкопаешься. Многие не хотят ждать уже сейчас.

— Ты это имел в виду, когда говорил, что рискуешь? — взволнованно спросила я.

Андрей кивнул.

— Советую вам подумать, что делать дальше. Возможно, стоит уехать. — Он повернулся ко мне. — Ты ведь знаешь, что охотники устроили в Липецке логово?

У меня в голове возникли жуткие картинки пыточной и огромного зала, по которому с легкостью могло гулять эхо.

— Зачем это им? — вынырнув из размышлений, спросил Мирослав.

— Кое-кто считает, что давно пора избавить землю от вашего вида. Кому-то надоело пресмыкаться перед Первозданными. Кто-то просто решил примкнуть к армии сильных. У каждого свои причины.

— И если мы останемся... — прошептала я и замолчала.

— Вам придется драться, — уверенно закончил за меня охотник. Помолчал немного и серьезно посмотрел на Влада: — Я не могу вам этого говорить, потому как эти слова противоречат моей идеологии, но любой здравомыслящий хищный посоветовал бы вам собирать кен. Из любых источников.

— Советуешь нам выйти на улицы и пить ясновидцев? — ошеломленно спросила я. Никогда не думала, что услышу такое от Андрея.

— Я ничего не советую. — Он пристально посмотрел в глаза, и от этого взгляда у меня по позвоночнику пробежал холодок. — Но это будет бойня, Поля. Бойня, каких не помнит история.

После ухода Андрея в квартире стало тихо. Неестественно тихо. Мирослав напряженно хмурился, Влад, казалось, ушел в себя, а мне сложно было найти себе место в гостиной. Я тщательно вымыла чашки, вернулась и теперь не знала, куда себя деть. Снова присела на подлокотник, но тут же встала. Подошла к окну и раздвинула занавески.

Город рассыпался вечерними огнями и дремал. Даже ветер не шевелил ветки за стеклом. Или это время остановилось?

Странно, я считала, когда куда-то приходит война, спокойствие уходит. Но город жил своей жизнью, и ему было плевать на судьбу хищных. Не думаю, что кто-то из людей огорчится, если я умру. Разве что Вика.

— Кто-нибудь мне расскажет о волшебном способе превращения в охотника и обратно, или это секрет? — внезапно спросил Мирослав, и я вздрогнула.

— Нали, — задумчиво ответил Влад. — Все считали, это приводит к великой силе, но это лишь делает тебя убийцей.

— Изгнание Девяти? Серьезно? Я не слышал, чтобы кто-то в последнее время делал это! — восхитился Мирослав. — Ты долго к этому шел?

— Она сделала это быстрее. — Влад махнул на меня рукой и замолчал.

Думает. Когда он думает, словно не здесь находится. Ну, хорошо, хоть один из нас еще способен размышлять. У меня в голове образовалась каша, а Мирослав только и мог, что переводить удивленные взгляды с Влада на меня и обратно.

— Что? — спросила я в ответ на один из таких взглядов. — Говорила же, нужно слушать, что говорят люди.

— Офигеть! Женщина! Нет слов.

— Я помогу тебе найти слова. — Влад вынырнул из размышлений и серьезно посмотрел на вождя альва. — Теперь ты знаешь, что в атли есть сильные бойцы, а война принесет много потерь нашему виду. Альянс — наилучший выход в данной ситуации. Но я могу обратиться с предложением к другому племени, варианты есть. Решать тебе.

— Думаю, мы сможем договориться.

— Сколько у тебя человек? — деловито спросил Влад.

— Семьдесят семь.

— Сколько?! — Я даже рот раскрыла от удивления. Затем уперла руки в бока и покачала головой: — Нескольких хищных, говоришь, посвятил...

— Смотрю, вы очень близкие друзья, — съязвил Влад. Я снова отвернулась, а он продолжил, обращаясь уже к Мирославу: — В доме атли есть свободные комнаты, но думаю, придется построить несколько времянок на заднем дворе. В митаки больше тридцати человек.

— Что ж, тогда завтра я заеду. Обсудим все детально.

Я услышала, как Мирослав поднялся с дивана, и обернулась.

— Пойду я. — Он мне подмигнул. — Спасибо за чай.

— Не за что. Ты же не можешь уснуть без сладкого чая. Для этого и нужны соседи.

За Мирославом закрылась дверь, и на мне плечи опустилась усталость. Даже была мысль выскользнуть вслед за ним, и уйти, пока Влад не опомнился, но я ее подавила. Не буду от него бегать, как трусишка. Я большая девочка, и за свои поступки буду отвечать сама.

Я вернулась в комнату, подошла к окну и задернула занавески.

— Влад, я устала. Ты поставил защиту, договорился с альва, а поругать меня вполне можешь и завтра. Больше пользы будет — сегодня я не в состоянии воспринимать информацию.

— Извини меня, — сказал он тихо, и я даже застыла на месте.

— Что?

Меня только и хватило, что развернуться и глупо хлопнуть ресницами.

Когда Влад последний раз извинялся передо мной? Год назад? Два? Никогда?

— Я был груб, прости.

Влад тоже поднялся, приблизился, а я застыла на месте, не зная, чего ожидать от него в следующую секунду.

— Ты же сделала это не для того, чтобы меня позлить?

— Я действительно хотела тебя позлить, — избавляясь от наваждения, сказала я и

открыла балконную дверь.

Свежий воздух наполнил легкие и вызвал слабое головокружение. Интересно, можно умереть в квартире от недостатка кислорода и нервного истощения?

Я практически не чувствовала холода. Мир окрасился оттенком нереальности, звуки отступили и доносились словно через ватную пелену. Звезды по-летнему низко рассыпались по небу, а узкий серп луны отчетливо выделялся на ясном небосклоне.

— Если ты хотела меня позлить, то перегнула палку, — серьезно произнес Влад и встал рядом.

Я пожала плечами.

— Ты же получил поддержку альва, так какая разница?

— Я говорю не об альва.

Я недоверчиво взглянула на него, но Влад смотрел вдаль, положив руки на перила.

— Глеб весь светится, — сказал он, спустя несколько минут. — Но ты понимаешь, что будет, когда он поймет, что это лишь твоя месть мне?

— Что за глупости? Я люблю Глеба.

— Возможно. Как друга.

— Вот почему ты всегда лезешь, а? У тебя есть жена, вот и пили ее. Но тебе нужно учить меня жизни. Зачем?

Влад улыбнулся уголками губ и ответил, все так же не глядя на меня:

— Глеб хороший парень. Преданный, заботливый и никогда не будет иметь от тебя секретов. — Влад повернулся и пристально посмотрел в глаза. — Но ты никогда не полюбишь его. И рано или поздно ранишь. Это неизбежно.

— Мне не обязательно повторять твои ошибки, — хрипло прошептала я и отвернулась.

— Вовсе нет. Ты способна на свои собственные. Ты вообще никогда не думаешь, когда действуешь. Сплошная энергия без цели. И можешь сделать больно тем, кто рядом.

— Ты такой милый!

— Меня можешь не бояться ранить, но Глеб... Подумай, стоит ли оно того.

— Обязательно воспользуюсь твоим советом, — съязвила я. — Теперь можно поспать?

— Можно. Только дома. Собирайся.

И он покинул балкон.

Я сжала руки в кулаки и мысленно отругала Влада самыми неприличными словами.

Прощай свобода и отдельное жилье! Привет тирания и воспоминания прошлого.

До дома атли мы ехали в полном молчании. Я отвернулась к окну, а Влад, казалось, совершенно не стремился вызвать меня на диалог. Только вот его слова волшебным образом поселились в голове и вызвали тревогу, медленно перерастающую в панику.

Что если он прав? Что если однажды я пойму, что нам с Глебом действительно не по пути? Смогу ли сказать ему об этом, глядя в глаза? Смогу ли пережить его боль? Ведь, по сути, Глеб действительно мне ближе всех в мире. Боль проходит, а разрушенные отношения можно никогда уже не выстроить заново.

Что если я потеряю Глеба навсегда?

От этой мысли даже голова закружилась, а ужас поселился в груди щемящим чувством.

Нет, я не позволю себе обидеть Глеба. Никогда.

Глава 24. Ты бывала в Альпах?

Глава 24. Ты бывала в Альпах?

Весна пришла внезапно. За какую-то неделю грязный снег растаял, размочил землю, которая через несколько дней покрылась легким налетом зелени, а потом и вовсе высохла под теплыми солнечными лучами.

Я истосковалась по теплу. Могла подолгу сидеть на крыльце с книгой в руках, ощущая, как солнечный свет проникает в меня и согревает изнутри. Отчего-то было холодно — отчаянно, нестерпимо. В отдельные ночи я не могла спать. Выходила из комнаты и долго слонялась по дому, не зная, куда себя деть.

Больше мы с Владом к теме отношений не возвращались да вообще общались мало. У него было много забот: строительство, работа, жена. А у меня был Глеб. Ведь был, бесспорно, хотя наши отношения все еще напоминали дружеские, несмотря на то, что он переехал ко мне в комнату с вещами. Ночью хоть и обнимал, но сблизиться не пытался и частенько засиживался до утра с Кирой, играя в компьютерные игры. Она словно помешалась на них после смерти Тана.

Каждый сходит с ума по-своему, а уж чтобы не сойти с ума, все средства хороши. И компьютерные игры, как бы их не хаяли в современном обществе, кажется, спасали мою дочь от отчаяния.

Альва въезжали в дом кучками. Сначала Мирослав, его жрец — Алексей, пара защитниц и несколько воинов. Они заселились в свободные комнаты в доме, а нам, в свою очередь, пришлось потесниться. Впрочем, у нас было много незанятых спален, и все поместились. Для остальных же альва и митаки, которые не сильно спешили переезжать, было решено построить времянки на заднем дворе. Лужайка там была что надо, мне даже жаль было, что ее испортят, но выхода не было. Война есть война, со всеми вытекающими. Придется терпеть неудобства хотя бы ради того, чтобы выжить.

Строительство проходило бурно и быстро, и к весне уже были видны первые результаты — несколько небольших, но вместительных домиков без крыш.

Лара, как и все остальные защитницы, была полностью поглощена своей работой. Работой после основной, имеется в виду. Приходила вечером с больницы и полностью выкладывалась дома.

Андрей сказал, мир продержится до лета, но мы не могли рисковать и ставили усиленную защиту с того самого дня, как узнали об угрозе. И ежедневно девушки подпитывали ее, проверяли каждую дверь и окно, чтобы ни один охотник, даже самый древний, не смог проникнуть внутрь.

— Послушай, ты ведь не живешь больше в своей квартире? — спросила меня однажды Лара. — Я дарила тебе амулет на новоселье. Если ты не в курсе, в нем столько кена, что он способен несколько часов удерживать древнего за дверью. Твоя квартира пустует, и защищать там нечего. А здесь он мог бы нам очень пригодиться.

— Нет проблем, я привезу его, — пообещала я. — Сегодня же съезжу.

Лара кивнула.

— Только возьми с собой кого-нибудь. Сейчас не те времена, чтобы отрываться от

племени.

Хищные из нашего альянса никогда не выезжали в город поодиночке. Никто не знал, как и когда будут действовать охотники. Было много споров о том, уехать нам или остаться, и было решено, что у нас хватит воинов отразить удар и здесь, а уж защитниц — чтобы продержаться в доме — предостаточно. Митаки переезжать не спешили, хотя Иван и обещал Владу помощь в войне. А вот Мирослав, похоже, прикипел к атли душой.

— Попрошу Мирослава, может, ему тоже нужно забрать какие-то вещи из квартиры.

Вождя альва я нашла на стройке. Они с Владом склонились над схемами и что-то бурно обсуждали.

Я действительно поначалу полагала, что они не поладят. Где-то недели две ждала, что они начнут делить власть и собачиться за право называться главным. Но к моему удивлению, они подружились. Никогда не видела Влада, так тесно общающегося с женщиной. Я в принципе не думала, что у него может быть приятель, а тут на тебе. Прямо друзья — не разлей вода.

Я поздоровалась и выказала желание съездить на Достоевского. Все же не стоит разбрасываться защитными амулетами в такое время. Все пригодится.

— Съездим вместе, — согласился Мирослав. — Только давай ближе к вечеру, я немного занят.

— Я могу закончить и сам, — сказал Влад, не отрываясь от изучения чертежей. — Вечер — не лучшее время, чтобы покидать дом.

— Хорошо, тогда сейчас приму душ, переоденусь и можно ехать.

В Липецк мы прибыли около трех. Родной подъезд встретил тревогой и ненадежностью, но я отогнала дурные мысли. Все это самовнушение — столько дней себя накручивать.

Воспоминания нахлынули волной, как только я переступила порог квартиры. Почему-то сразу вспомнился последний разговор с Владом и его утверждения на счет Глеба. Вокруг сердца змеей зашевелилось спящее до этого момента сомнение, в голову просочились ненужные, неприятные домыслы.

Я не влюбилась в Глеба. Так и не смогла насильно навязать себе чувство, как ни старалась. Мне было хорошо с ним, спокойно, душа не терзалась, но и счастья не было. Внутри все покрылось толстой коркой льда, застыло в ожидании тепла, а тепло никак не приходило. Казалось, в день поединка я убила не только колдуна, но и способность чувствовать.

Из задумчивости меня вырвал голос Мирослава:

— Я бы на твоём месте поторопился, а то Влад начнет названивать. Или, чего хуже, твой парень. Заподозрит нас в непотребствах всяких. — Он мне подмигнул.

— Очень смешно! — улыбнулась я и отправилась на кухню за табуреткой. Амулет висел высоко над дверью, и мне с моим ростом было до него не дотянуться.

— Возьму кое-какие вещи у себя, — крикнул мне вдогонку Мирослав. — Буду через пару минут.

Амулет снять сразу не получилось, он застрял, и я долго возилась, отдирая его от гвоздя. С чувством выполненного долга положила трофей на трюмо, предварительно стряхнув с него пыль. Думаю, Лара не будет рада, что я за ним не следила. Если что, свалю все на Влада — в конце концов, это он запретил мне тут жить.

Мирослав вернулся хмурый, и у меня в груди кольнуло от плохого предчувствия.

— На Алекса только что напали у дома, — сказал он серьезно. — Два охотника,

молодые. Влад с Глебом положили их на месте, но не факт, что не придут еще. — Он помолчал секунду и натянуто улыбнулся. — Похоже, началось.

Я инстинктивно потянулась к пыльному артефакту и прижала его к груди. Нервно сглотнула.

— Поехали, — решительно произнес вождь альва. — Нечего оставаться тут вдвоем, без защиты.

— Думаешь, Первозданные мертвы? — шепотом спросила я, быстро обуваясь.

— Думать будем дома. Сейчас надо идти.

— Никто никуда не пойдет, — прозвучал мужской голос со стороны двери.

Мы с Миром резко обернулись и синхронно застыли — загораживая грузной фигурой дверной проем, на нас с насмешкой смотрел охотник.

Он выглядел действительно устрашающе — массивный торс, обтянутый серым джемпером, красное лицо, испещренное мелкими капиллярами, и светлые, почти белые волосы, коротко остриженные и торчащие во все стороны. Сквозь них просвечивалась молочно-розовая кожа головы.

— Какая хорошенькая зверушка, — произнес он, делая шаг в мою сторону, и я буквально ощутила, как он метит в мою жилу цепкими щупальцами.

Инстинктивно выставила вперед амулет Лары, одновременно пытаясь собрать силы для удара. Охотника моя бравада, похоже, забавляла.

— Симпатичная безделушка, — сказал он, — но бесполезная.

Я ударила. Силы было мало, охотника едва задело. И даже не обожгло — лишь обескуражило на миг и испортило свитер.

Чертов кен Тана, я так и знала, что с ним будут проблемы!

Пока охотник пытался прийти в себя, я швырнула в него амулетом Лары, схватила Мирослава за руку и потащила на кухню. Понимала, что нам не укрыться, и что щупальца способны проникнуть за дверь, но не могла просто стоять на месте.

Мирослав, казалось, ушел в себя. Выглядел сосредоточенным и не сопротивлялся, когда я втолкнула его в комнату. Я взяла табуретку и подставила под дверь. Он внезапно вынырнул из раздумий и скомандовал:

— Дай руку! — Я подчинилась, он крепко прижал меня к себе и шепнул на ухо: — Задержи дыхание.

А потом мир исчез. Реальность завертелась вокруг меня разноцветным калейдоскопом, и я почувствовала себя так, будто сижу на центрифуге, и ее вертит во все мыслимые и немыслимые стороны. В голове зашумело, воздуха перестало хватать, желудок скрутило узлом, и я зажмурилась.

Через миг, когда открыла глаза, я стояла на камнях, поросших травой, перед маленьким деревянным домиком, огороженным плетеным забором, а вокруг были горы.

— Избушка-избушка... — пробормотал Мирослав, и меня стошнило на траву.

— Эй, ты чего? — Он склонился ко мне и обнял за плечи.

— Что... что это было? Где мы? И какого черта здесь происходит?! — спросила я, пытаясь отдышаться. Выходило плохо. Воздух был тяжелым, насыщенным, и от него кружилась голова.

— Ты никогда раньше не телепортировалась?

— Я... что?!

— Извини, что не предупредил, да и времени не было. Нужно было бежать быстро, при

охотниках у меня плохо получается — они блокируют многие активные способности.

— Ты умеешь это?! Как ты вообще... как такое возможно?

— Надо же, я еще могу поразить женщину, — усмехнулся он.

Я ошеломленно огляделась, все еще не веря глазам. Зеленая долина раскинулась, куда хватало взгляда. На ней, уютно устроившись, дремали небольшие домики с разноцветными крышами. Слева на горизонте, извиваясь и уходя вдаль, возвышались горы. Снежные вершины уходили вверх — к небу, над ними клубились перистые облака, а солнечный свет, отражаясь, слепил глаза.

Красота!

— Где мы вообще? — изумленно спросила я.

— Я расскажу, но, может, сначала войдем в дом? Эти перемещения выматывают, знаешь ли.

— Чей это дом?

— Здесь живет Ева, — ответил Мир. — Она и я — это все, что осталось от альва. От истинных альва.

— Я думала, остался только ты.

Мирослав серьезно посмотрел на меня, но ничего не ответил и постучал в дверь.

Через несколько секунд она отворилась, и на пороге возникла милостивая блондинка небольшого роста в переднике и со скалкой в руке.

— Хорошо же ты встречаешь гостей, Ева, — насмешливо произнес Мирослав, и женщина отступила на шаг. Видно было, что она не ждала гостей, и что ее отношения с вождем альва крайне натянуты.

А я застыла на пороге, потому что поняла: жертв не избежать, как бы мы ни защищались. Никакие альянсы не помогут, когда придет сплоченная армия охотников.

Я узнала Еву — именно она была в моем видении. Ее и рыжую девочку лет семи...

Словно материализовав мои мысли, из-за юбки Евы выглянуло симпатичное личико, усыпанное веснушками. Увидев Мирослава, оно расплылось в широкой улыбке.

— Папочка! — крикнула девочка и кинулась на ему на шею.

Я поежилась от прохладного ветерка — обуться я успела, а куртка так и осталась на вешалке в квартире. Трикотажная туника совершенно отказывалась греть.

— Это Майя — моя дочь, — сияя, сообщил Мирослав. Посмотрел на блондинку, и улыбка сошла у него с лица. Взамен оно окрасилось непонятной мне эмоцией, с примесью тоски и сожаления. — И Ева. Моя жена.

— Очень приятно, — смущенно пробормотала я. Показалось, я вторглась в мирок, который должен быть скрыт от всех, и была в нем непрошеным гостем.

Почему Ева и Майя живут здесь, если остальные альва почти полным составом переехали в дом атли? Что заставляет Мирослава подвергать опасности жену и дочь? Особенно сейчас, когда угроза нападения охотников настолько велика.

Ответов на эти вопросы не было. Была лишь дикая усталость, сонливость и неутрачиваемая тошнота. А еще я жутко замерзла — зубы стучали друг о друга, а кисти рук посинели.

— Ева, может, ты наспустишь уже, здесь немного прохладно, — бросив на меня сочувствующий взгляд, упрекнул жену Мирослав.

— Да, конечно же, входите!

Внутри было тепло и пахло яблоками. Прихожая, смежная с кухней и большой

комнатой, устлана темным и мягким ковром. В углу под вешалкой аккуратно ютилась обувь. Я машинально стянула кроссовки и поставила туда же. Мирослав заморачиваться не стал — так и вошел в ботинках.

Я нахмурилась. Да уж, я бы тоже на месте Евы его пару раз скалкой огрела — никакого уважения к чужому труду. Впрочем, не он один такой — это, должно быть, привычка всех вождей.

Кухонька была крошечной, с маленькими шкафчиками в стиле кантри и пестрыми тарелочками на стене. От основной комнаты кухню отделяли массивные балки, к которым присоединялся низкий плетеный декоративный заборчик.

Сама комната оказалась просторной. В большом камине, выложенном камнем, гостеприимно трещали дрова, над каминной полкой висела картина неизвестного художника — поле и закатное небо, глубокое и бесконечное. На самой полке стояла ваза с сухими цветами.

Рядом с камином пристроились кресло и пуфик для ног. На кресле лежал смятый плед и книга с закладкой.

Небольшое окно в противоположной стене было занавешено рюшевыми шторами. А посреди комнаты стоял массивный обеденный стол.

В доме Евы было так уютно, что сразу возникало желание остаться навсегда.

Я потерла ладонями озябшие плечи и подошла ближе к огню.

— Присаживайся, — смущенно улыбнулась Ева и убрала с кресла плед и книгу. Потом всплеснула руками и побежала на кухню.

Мирослав, не стесняясь, уселся прямо перед камином, на ковер. Девочка пристроилась рядом и положила голову ему на плечо. Прямо идиллия! Я не смогла сдержать улыбки. Странно, как Мирослав преобразился здесь, в тепле небольшого домика в горах, а именно — в объятиях рыжего веснушчатого чуда. Таинственный и себе на уме мужчина превратился в домашнего милого папочку с вертящейся рядом егозой.

Майя же впилась в меня пристальным взглядом, рассматривала несколько секунд, а затем серьезно спросила у отца:

— Твоя женщина?

Если бы я ела в тот момент, подавилась бы точно.

Мирослав раскатисто рассмеялся, лукаво взглянул на меня и покачал головой.

— Полина — пророчица атли, это племя из Липецка. И нет, она просто друг. Полина спасла меня от охотника, кстати, — добавил он, и я смутилась.

— От охотника? — испуганно спросила Ева из кухни.

— От того самого, Ева.

Ева вытерла руки о передник, взяла стул и присела рядом с креслом. На ее побледневшем лице читался ужас и отчаяние.

— Он нашел тебя! — выдохнула она. — Тот древний...

— Нашел, — тихо ответил Мирослав и отвел взгляд от жены. Лицо вождя альва окрасилось скорбью, и я вспомнила, как страдала сама, когда Рихар уничтожил атли. То черное, всепоглощающее чувство обреченности...

— Но ты выжил. Как? — не унималась Ева.

— Удивительно, но тот охотник очень лояльно относится к Полине. Она моя соседка и пришла на помощь очень вовремя. Древний меня отпустил.

— Отпустил? Почему?

— Полина считает, он влюблен в нее.

— Неправда, — вмешалась я в разговор. — Мне кажется, Мишель немногосумасшедший, и влюблен он не в меня, а в девушку, которую знал несколько столетий назад. В Кастеллу. Я — ее новое воплощение. И в этой жизни у нас не сложилось дружбы, увы. — Я повернулась к Мирославу. — Если бы был хоть один шанс, что ты выживешь без моего вмешательства, я бы не стала. Нельзя доверять древним.

— Это ты запомнила из времени, когда была... хм... подобной им? — насмешливо спросил Мирослав.

— Именно.

— Подумать только, он нашел тебя. Ты мог умереть, а я... — Ева закрыла лицо руками и расплакалась. Я растерялась, не зная, как реагировать на ее порыв, и вжалась в кресло.

Мирослав поднялся и обнял жену.

— Перестань, не надо так. Ты знаешь, мы сделали все, что могли.

— Не все! Если бы ты меня послушал... — всхлипнула она.

— Довольно! — резко оборвал ее Мир. — Не время копаться в прошлом. Грядет война, Ева, и ты мне нужна. Ты и Майя.

— Я больше не альва! — Ева оттолкнула мужа и отступила на шаг. — Как и Майя. И хватит, слышишь, Теплов, хватит использовать мою дочь!

— Она и моя дочь тоже. Сейчас не то время, чтобы спорить. И некоторыми правилами тоже можно пренебречь.

— Правила для отреченных священны. Я не могу жить среди альва, и тебе это известно.

— Ты — отреченная? — ошарашено спросила я.

Такого поворота событий я не ожидала. Теперь понятно, почему Мир их скрывает. Если Ева отреклась, то ни она, ни Майя никогда не смогут жить в племени Мирослава. Ему и общаться-то с ними нельзя. И не жена она ему больше — при отречении рвутся все связи, в том числе и связи венчаных из одного племени.

— Да, я отреклась, и ни капельки не жалею, — гордо вскинув голову, произнесла Ева. — А спроси его, почему?

Женщина вернулась на кухню, а я опустила глаза. Показалось, я еще больше влезла не в свое дело — в проблемы этих людей, чужих мне, по сути. Майя бросилась за матерью, оставив нас с Миром одних.

— Осуждаешь? — с горечью в голосе спросил вождь альва.

Я покачала головой.

— Ева отреклась из-за охотника? Из-за Мишеля?

— Это длинная история. Возможно, я расскажу тебе... потом.

— Зачем ты тащишь их с собой? Разве тут им не безопаснее? У непосвященных больше шансов укрыться, тем более, здесь, в горах, где наверняка совсем нет охотников.

— Сейчас никому не безопасно. К тому же... — Он вздохнул, будто решая, стоит ли говорить мне, но потом продолжил: — У Майи дар. Бесценный дар, который пригодится нам в войне.

Я подумала несколько секунд, а затем кивнула. Кто я такая, чтобы ему указывать? Это его личное дело. Все мы разные. Хотя Влад не стал посвящать Киру именно из-за опасности. Непосвященного легко спрятать перед носом у охотников. Когда начнется заварушка, Кира просто уедет в безопасное место и переждет войну. Это единственное решение Влада, с которым я полностью согласилась.

В то время я узнала, как легко сделать человека. Не в прямом смысле, а официально. Документы, история, все дела. И как легко человека убрать...

Кира оказалась дальней родственницей Влада. По документам. Приехала из глубинки, поселилась в его доме. Звали ее Марией, работала она у него на фирме, тоже, естественно, лишь по бумагам.

А наша Кира умерла. Заболела и не выжила. Все необходимые справки и выписки подготовил Кирилл, я даже расписывалась где-то, но толком ничего не запомнила.

Дико. Представила себя на месте обычного человека, не знакомого с жизнью хищных. Впрочем, мне давно пора перестать себя такой представлять. Вспять ничего не повернешь и не изменишь.

Кира долго отпиралась, но в конце концов все же согласилась уехать. У непосвященной-то и дар, скорее всего, не проявится, а мы будем отвлекаться на то, чтобы ее защитить.

Мирослав же тащил Майю в самую гущу событий.

Я трянула головой, отгоняя безрадостные мысли.

— Где мы вообще?

Мир улыбнулся.

— Идем, покажу.

Мирослав набросил мне на плечи белый пиджак, который, по всей видимости, принадлежал Еве. Мы вновь вышли на улицу. Спустились с пригорка, обогнули склон и вышли на небольшую смотровую площадку, окруженную поросшими мхом камнями. Отсюда открывался еще более живописный вид на долину и ясно-голубое небо над ней.

У меня захватило дух от представшей перед глазами красоты. Казалось, кусочек пространства аккуратно вырезали из какой-нибудь средневековой сказки о рыцарях и вставили в нашу реальность. После пыльного, пропахшего выхлопными газами Липецка, эта картинка виделась слишком уж нереальной. Было похоже, что я попала в рекламу шоколада «Милка», только без сиреневых коров.

— Обалдеть! — восторженно прошептала я.

— Я влюбился в это место, как только увидел, — улыбаясь, сказал Мирослав. — Это подножие горы Юнгфрау. Вон там, видишь, селение в долине? Это Венген, знаменитый лыжный курорт Швейцарии.

— Дом, в котором живет Ева — твой?

— Я купил его много лет назад, чтобы... — Он замолчал.

— Чтобы спрятать ее, — закончила я за него. — По законам хищных Майя вообще не должна была появиться на свет.

— Я нарушил все законы ради них.

Его явно печалила вся ситуация. Теперь же ему предстоит явить жену и дочь перед соплеменниками. Кто знает, как отреагируют альва.

Я понимала его. Вспомнила, как тайком бегала к Глебу в квартиру, как выкраивала редкие минуты свиданий с другом, понимая, что если атли узнают, меня будут судить.

Тяжело соблюдать законы, когда сердце живет по своим собственным.

— Тебе не обязательно говорить альва, кто они. Они все равно не почувствуют, так как не альва по крови. Еву ты принять не сможешь, но они с дочерью спокойно будут жить с нами.

Мир покачал головой.

— Я не буду врать альва. К тому же сейчас война, нам понадобятся любые кадры, даже

если они отреченные.

— Дар Майи слаб без посвящения. Не знаю, что она умеет, но в полную силу не сможет себя проявить.

— Я думал об этом. — Он отошел от меня и присел на небольшой валун.

Почему-то показалось, что он устал — и скрываться, и скрывать. Бегать всю жизнь от преследующего альва охотника, принимать в племя незнакомцев. И помнить.

Прошлое никуда не уходит — оно появляется по ночам, мучит, и никуда от этого не деться. Умершие преследуют нас до самой смерти.

Меня преследовал Тан. Снился в самых непредсказуемых снах, молчал и смотрел в глаза тяжелым, будоражающим взглядом. Казалось, хотел сказать что-то, но не мог. А я должна была понять, но не понимала, и это причиняло ему боль — настоящую, неизбежную.

Так и мучились мы оба — в моих снах. Поутру он растворялся в рассветном солнце, и я провожала его на балконе. Почти каждое утро. А потом возвращалась в кровать, прижималась к Глебу и пыталась согреться.

Напрасно. Холод наступал изнутри и никуда уходить не спешил.

— Я просил Влада, и он согласился... — тихо сказал Мирослав и опустил глаза.

— Ева и Майя станут атли? — ошеломленно спросила я.

— У них будет семья, Поля. Они это заслужили.

Ева позвала нас в дом. Ужинать при свете свечей перед камином было настолько приятно, а стряпня Евы настолько вкусной, что я невольно разомлела. Напряжение между Мирославом и Евой сошло на «нет», и женщина улыбалась, поглаживая жующую Майю по голове.

Как же уютно у них! Сама бы жила здесь, в горах, вместе с Кирой. А что, может, мне тоже отречься? Интересно, Влад купил бы нам такой домик?

Конечно, нет. Я не жена ему. По сути, вообще никто, особенно теперь, когда проклятия нет. Странные мысли в голову приходят. Наверное, горный воздух так действует. Перепады давления, отсутствие вредных примесей. Как бы глюки не начать ловить.

Затем Ева ушла укладывать Майю. Сама она осталась спать в комнате дочери, гостеприимно отдав нам свою. Мирослав сказал, что спать не собирается, а взамен пойдет на охоту, так как на телепортацию нас отсюда уйдет много сил.

Я не возражала. Не было сил и желания. В конце концов, даже Андрей сказал, что мы должны собирать силы. Нас придут убивать, и мы обязаны сделать все, чтобы выжить.

После ухода Евы мы с Мирославом устроились на полу возле камина. Я смотрела на горящие поленья и наслаждалась теплом. Щеки пылали, мысли плавно текли, а я расслабленно улыбалась.

— Интересно, тот охотник чувствует нас? — без единой эмоции спросила я.

— Нет, конечно, мы слишком далеко.

— Так ему и надо! — Я вздохнула. — Только вот... Глеб с ума сойдет.

— Лучше пусть понервничает он, чем убьют тебя. Здесь нет связи, к сожалению, но я сегодня буду в поселке и позвоню Владу. Мне кажется, он переживает не меньше.

— Потерять пророчицу будет прискорбно, — с горечью произнесла я.

— Потерять тебя будет прискорбно, — со странной интонацией сказал Мирослав, и я посмотрела на него. — Да брось, а то ты не знаешь, что если бы не твой роман с его братом, Влад давно бы...

— Нет! — резко перебила я и отвернулась. — Как скажешь, — насмешливо ответил

Мир и тоже посмотрел на огонь.

Мы немного помолчали, а потом он сказал:

— Ты ударила охотника. Несильно, но я заметил. Разве у пророчиц бывает дар воина?

— У меня бывает. Потому что я сольвейг, — честно призналась я.

Не видела смысла утаивать больше. Мирослав открыл мне свой страшный секрет, привел в дом к отреченной жене и дочери, зачатой вне закона. К тому же, он тесно общается с Владом, все равно рано или поздно узнает.

— Сольвейг? Ого! Настоящий?

— Ну да. Поверь, от меня больше проблем, чем пользы.

— Верю. Но как-то слабо ты ударила. Я читал, сольвейги сжигали поселения. Или летописи врут?

— Не врут, — угрюмо ответила я. — Это все кен Чернокнижника, будь он неладен! Полгода прошло, а я до сих пор не восстановилась. Похоже, он душит мою жилу, не дает скопить собственный кен.

— Чернокнижника? Того, который погиб? — Я взглянула на него, и Мир уточнил: — Влад обронил как-то в разговоре, но в подробности не вдавался.

— Я убила его ритуальным ножом.

— Ритуал выкачки жилы, ну ничего себе! Ты его перед этим усыпила?

— Долгая история, — поморщилась я. — Не люблю вспоминать. Если хочешь, спроси Влада, он расскажет.

— Разве кен колдуна не должен сделать тебя сильнее? — удивился Мирослав.

— В прошлом я могла ударить так, что тот охотник умер бы на месте.

— Впечатляет. Возможно, темный кен — яд для сольвейгов?

— Возможно.

— Отдай его. Нужно уметь избавляться от балласта.

— Я подумаю.

— К слову о том, о чем ты не хочешь говорить, — отвернувшись к огню, произнес Мирослав. — Влад мог бы заставить тебя отдать кен ему. Как вождь. Но он не стал.

Я поморщилась. Думала, после разрушения проклятия будет проще, но оказалось, не очень. Почему кто-то постоянно пытается доказать мне, что у нас с Владом есть будущее? Какое может быть будущее после всего, что случилось в прошлом? После того, как он женился, в конце концов!

— Влад хочет тебя. Похоже, одна ты этого не видишь, — усмехнулся Мир.

— Влад хочет то, что не может получить! — со злостью выдохнула я.

— Серьезно думаешь, что Влад не может получить тебя? Ты — атли, он вождь. Тут все просто. Есть много способов получить женщину в собственном племени. Я не горжусь, но я пользовался некоторыми.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Влад уважает твои решения. Это дорогого стоит.

Я горько улыбнулась. Знал бы он, как Влад уважал мои решения раньше. Когда причинял боль и делал вид, что все нормально, а я должна просто принять это, потому что он лучше знает и понимает ситуацию.

Все это давно поросло быльем, но память не обманешь. Память слишком часто подкидывает картинки из прошлого.

— Влад женатый человек, — отрезала я. — Ничего не будет.

— Все возможно, если любишь, — возразил Мирослав. — У меня было пять жен, когда я встретил Еву. Я просто потерял голову, и она... Это было сумасшествие какое-то! Для Евы другие мои жены не были помехой. Это ничего не значило. Не значит, когда любишь.

— Для меня значит. Ты спрашивал когда-нибудь у Евы, каково это: знать, что этой ночью ты делишь постель с другой? Лежать в темноте, смотреть в потолок и представлять? Подумай, как чувствовал бы себя сам, если бы Ева уходила от тебя к другому, делила бы с ним постель, а утром вы, как ни в чем не бывало, встречались за завтраком и мило болтали втроем?

— Это разные вещи, — мрачно ответил Мирослав.

Похоже, я, сама того не ведая, задела его за живое. Больная мозоль? Впрочем, сейчас не похоже, что у них вообще что-то есть.

— Разные для тебя.

— Так ты для этого с Глебом? Чтобы спрятаться от собственных чувств?

— Что? Нет, конечно. Я с Глебом потому что люблю его. Он самый близкий мне человек.

— Можно нескромный вопрос? Как давно у вас с Глебом был секс?

— Ты прав, вопрос нескромный. И неуместный.

— Я прекрасно вижу ауры, Полина. Особенно до и после — они отличаются... особым свечением.

— Мы не торопимся, ясно! — взорвалась я и встала. — Ты, кажется, на охоту собирался. А я спать хочу. Устала.

— Да, что-то засиделись мы.

Мирослав тоже поднялся, и я разглядела на его лице довольную улыбку.

Ну, прохвост, а! Так бы и врезала больно. Где там у Евы хранится скалка?

Впрочем, чего еще можно ждать от мужчины, который дружит с Владом Вермундом? Одного поля ягоды!

Затем он попрощался и ушел, а я отправилась в спальню. Небольшая, но уютная комната располагала, так и хотелось поскорее улечься на широкую, мягкую кровать и уснуть. Но вместо этого я подошла к окну.

Долина светилась огнями, и это было еще красивее, чем то, как она выглядела утром. Не мудрено, что Мирослав влюбился в это место. Я и сама, кажется, начинала в него влюбляться.

На улицу я смотрела долго, словно замороженная, а из головы не шли слова вождя альва. Засели там прочно и никак не прогонялись, хотя я очень старалась.

И только здесь, вдали от дома, стало очевидным, что скучаю я совсем не по тому человеку, с которым живу. Это было так откровенно и страшно, что я испугалась собственных пробудившихся эмоций.

Это неправда, твердила я себе, проклятия больше нет!

А потом возник вопрос, логичный и пугающий: что, если мои ощущения были вызваны вовсе не проклятием?

От этой мысли бросило в жар, и я тут же убедила себя, что это не так. Это все Мирослав со своими разговорами и мое самовнушение. Завтра поутру я посмеюсь над сегодняшними страхами.

Я, наконец, улеглась — как была, в одежде — и закрыла глаза. Нет, все же волшебю — проснуться в России, а уснуть в Швейцарии.

Глава 25. Запреты и рамки

Глава 25. Запреты и рамки

Разбудило меня солнце, пробивающееся сквозь занавески. Мне было невероятно уютно здесь, на мягкой кровати, далеко от опасностей большого мира, и совершенно не хотелось возвращаться. Не помню, что снилось ночью, но впервые не просыпалась от тревожного чувства потери и разочарования. И утро действительно было добрым.

Еву я нашла на кухне — она смотрелась в переднике и с поварешкой так естественно, что я невольно залюбовалась. Защитница улыбнулась.

— Кофе готов. Сейчас накрою на стол.

Мирослав вошел в дом с охапкой дров. Я сдержанно поздоровалась и отвернулась — вспомнился вчерашний разговор, и отчего-то стало не по себе. Вождь альва подбросил бревен в огонь и присел рядом за стол.

— Как спалось? — спросил, как ни в чем не бывало.

— Замечательно, — уклончиво ответила я.

— Звонил Владу. Они, конечно, очень испугались, но рады, что мы живы. Так что позавтракаем, и отправимся домой.

— Отлично.

— Ну не злись, — ласково произнес Мирослав и взял меня за руку. — Я добра желаю. Моя дочь от первой жены, если бы не погибла, твоего возраста была бы. Возможно, в тебе я ее вижу.

— Дочь? — удивилась я. Неприлично уставилась на него, пытаюсь сопоставить его внешность с предполагаемым возрастом. Не вышло. Слишком молодо он выглядел для пятидесятилетнего дядечки. Неправдоподобно молодо.

— Мне много лет, Полина. Сильные хищные долго не стареют. А еще я был юн, когда пришла пора править — мне только исполнилось пятнадцать. Слишком рано — я теперь понимаю это. Юношеский максимализм не давал замечать многих вещей.

— Считаешь, я тоже... максималистка? — с горечью спросила я.

— Думаю, ты несчастна. Но возможно, мне так только кажется. Я не буду больше лезть, это твоя жизнь. И убеждал я тебя не со зла. Таковы реалии хищных.

— Знаю. Но мнения не поменяю. Слишком поздно я узнала о том, кто я. Видимо, меня не переделаешь.

От откровенного разговора с Мирославом стало легче. Все же хорошо, что мы все выяснили. Не хотелось бы недомолвок и обид, мне действительно нравился вождь альва.

Мне даже захотелось обнять его, но я не успела...

Резко дернулась назад, со стола полетела тарелки и ложки. Мозг полыхнул ярко-красным, виски заныли, а я, кажется, полетела на пол.

Охотник входит внезапно. Ева сидит на корточках и собирает осколки с пола. Поднимает голову, ее глаза расширяются от ужаса, но лишь на миг. Он рвет ее жилу и идет дальше.

К нам.

Мы в спальне. Я лежу на кровати, Мирослав сидит рядом и о чем-то серьезно говорит.

Охотник распахивает дверь, сейчас я увижу его лицо...

Вскрик справа заставляет меня повернуть голову. У окна стоит Майя — замерла, словно изваяние.

И я уже знаю, знаю...

Нет!

Я вскинулась и очнулась. На кровати. Рядом с Мирославом.

— Видение? — спросил он, но я подскочила, как ошпаренная.

— Нужно уходить. Охотник. Сейчас. Зови Еву. Забери нас отсюда.

— Не могу забрать всех, — мгновенно среагировал Мир и тоже подскочил. — Одного.

Максимум двоих.

— Тогда уводи Еву и Майю.

Он покачал головой.

— Влад меня убьет...

— Пусть катится! Из них никто не может драться. А я могу. Скорее, Мир!

Он смотрел на меня несколько секунд, хотя мне показалось, вечность. Затем взял Майю за руку и громко позвал:

— Ева, сюда, быстро! — Ева вбежала, как пуля — наверное, тон Мирослава на нее подействовал. На лице был написан испуг. — Руку.

Она тут же подчинилась.

— Вернись за мной, — попросила я, и Мир кивнул.

А затем они исчезли. Только что стояли в спальне, а потом — бац, и нет их. Так вот как со стороны выглядит телепортация! Глазом моргнул, и картинка поменялась.

И ты стоишь один посреди опустевшей спальни, в доме, который больше не кажется таким милым и безопасным, и ждешь, кто придет быстрее — Мирослав или охотник.

Я поежилась. Мир успеет. Ему всего-то надо пару слов Владу сказать да отдышаться две минуты. Что такое две минуты? Я и больше наедине с охотниками проводила.

Соберись, Полина. Ты знаешь, как действовать. Послать сигнал в жилу, собрать кен, подвести к ладоням. Выходило плохо, а кена было мало. Слишком мало, чтобы выстоять даже против молодого.

Да что со мной? Полгода прошло, а все еще выжата, как губка. Неужели кен колдуна действительно яд для сольвейга?

В прихожей хлопнула дверь, и я вздрогнула.

Стул! Подпереть дверь стулом. Я такое в фильмах видела. А потом вылезти в окно и бежать. Спрятаться, пока не вернется Мир.

Ну, где же ты, Мирослав? Почему так долго?

Я метнулась за стулом, схватила его, но тут же застыла на месте — на меня из проема двери смотрел охотник. Наблюдал насмешливо, но пристально, как кот за мечущейся мышкой. Щупальца не выпускал и не приближался. Наверное, был уверен, что я никуда не денусь.

Я бы и не делась. Я вообще забыла, как двигаться, думать, говорить. Этот охотник внушал мне ужас — животный, неконтролируемый. А его глаза — карие с темно-красными вкраплениями гипнотизировали.

— Ай-яй-яй, Полина. Какая ты испорченная девочка, — улыбнулся он. — Разве тебе не говорили, что пить ясновидцев плохо?

— Бен... — прошептала я, выпустила стул и вжалась в стену.

— А я вспоминал тебя, знаешь... Ты очень глупо поступила, отказавшись от благодати. Но мы это исправим. Я буду суров, но справедлив. И перед смертью ты все поймешь, обещаю.

Улыбка сошла с лица охотника, и он шагнул ко мне.

Я еще сильнее вжалась в стену, боясь пошевелиться. Забыла и про свой кен, и про возможный способ побега. Да что там, я забыла, как дышать! Смотрела в манящие глаза Бена и растворялась в них. Полностью подчиненная его гипнотическому влиянию.

Как кролик перед удавом.

Прохладные пальцы прошли по коже моей щеки, и я со свистом выдохнула. В груди нестерпимо жгло, колени подкашивались.

Обычный охотник, Полина. Он обычный охотник. Даже не древний. Тебе вообще не стоит его бояться. У него нет власти над тобой.

Но она была. Бен даже не касался моей жилы, а я уже умираю от страха.

— А ведь ты была так близко от величия, — хрипло прошептал охотник. — И так бездарно распорядилась благодатью. Глупая зверушка!

— Мишель не погладит тебя по головке, если ты меня убьешь, — стараясь сохранять уверенность в голосе, сказала я и вздернула подбородок. Нельзя показывать, что я боюсь. Уверенность и упорство — ключ к спасению. Мне нужно лишь потянуть время. Помощь придет.

— Он разозлится, — согласился Бенджамин и прищурился, — если узнает.

— Я не пила ясновидцев. Никогда. Я сольвейг, мне это не нужно. Охотники призваны убивать тех, кто причиняет вред, а я ничего не сделала!

Подумала, если попытаюсь с ним поговорить, как с Андреем, Бен прислушается, но он лишь звонко рассмеялся, крепко схватил меня за горло и прижал к стене.

— Да мне глубоко плевать, кто ты такая! Я хочу тебя и я тебя получу. Тебе понравится, малышка, я буду нежен.

Он развернулся и швырнул меня на кровать.

Мной завладела паника — леденящая, сводящая с ума. Так страшно мне, наверное, не было никогда. Я закричала, перекатилась и вскочила на ноги, но Бен был тут как тут. Взмахнул рукой, щеку обожгло, в ушах зазвенело, и я вновь упала.

Слезы полились градом, а я только и могла, что умолять:

— Пожалуйста, прошу, не надо...

Ненавидела себя за слабость, но сил не было — словно откуда-то из души выдернули пробку, и вся сила вышла через нее в сток. А на ее месте воцарился страх — я захлебывалась им, тонула и все больше отдавалась предательской панике.

Бен, казалось, не слышал — он был увлечен процессом. Медленно, размеренно расстегивал пуговицы на своей рубашке, в то время как его щупальца крепко держали мою жилу.

Я зажмурилась, глотая слезы и шепча про себя: «Нет, нет, только не это!» Кричать уже не могла — горло парализовало. Руки одеревенели и не слушались, и все, что я могла — лежать, раскинувшись, на постели и ждать, когда охотник разделется.

Цепкие пальцы схватили меня за подбородок и крепко, до боли, сжали.

— Не смей закрывать глаза! — прошипел Бен. — Смотри на меня.

А потом я услышала треск собственной одежды — тонкий трикотаж легко порвался, и по коже груди пробежался сквозняк.

Бог мой, если Бен сделает то же с бельем, я просто умру, не дождавшись самого «действия». Умру от ужаса, бессилия и дикого отчаяния.

— Я не буду торопиться, — почти ласково произнес охотник, его рука спустилась по моему животу и скользнула к пуговице джинсов. — Позволю тебе насладиться каждой секундой.

— Извини, но это не твоя ягодка, — прорычал кто-то совсем рядом, путы щупалец ослабли, и охотника сорвало с меня невидимой силой.

Я хватала губами воздух, все еще не понимая, что происходит, а потом кто-то обнял меня и прижал к себе.

— Все хорошо, девочка, — прошептал этот кто-то мне в затылок голосом Мирослава, а я все продолжала задыхаться от ужаса, всхлипывать и дрожать. — Все закончилось.

— Называешь нас зверушками, — продолжал другой, рычащий, голос. — Так умри, как зверь, малодушная тварь!

Послышался какой-то грохот, и я слегка высвободилась, чтобы посмотреть, что происходит.

Бен полусидел в углу, рядом с разломанным стулом, и смотрел на меня вытаращенными глазами, словно я могла как-то ему помочь. Затем его рот комично открылся, как у рыбы на берегу, и он перевел взгляд на свой живот. Дернулся два раза в конвульсиях и обмяк.

В комнате повисла звенящая тишина. Я слышала лишь, как рука Мирослава с шелестящим звуком гладила меня по волосам. Еле справляясь с истерикой, перевела взгляд на Влада. Он на меня не смотрел, тяжело дышал и все еще был поглощен мертвым охотником.

Потом медленно повернулся к нам, и я встретила взглядом с холодными зелеными глазами.

— Убери это отсюда, Теплов, — тихо сказал он, и я сильнее вжалась в Мирослава.

Казалось, Влад меня способен прибить на расстоянии, даже не приближаясь, и оставаться с ним один на один сейчас — не лучшая идея.

— Влад, давай успокоимся, — словно прочитав мои мысли, тихо произнес Мирослав. — Я виноват, со мной и разбирайся. Не трогай девочку, ей и так досталось.

— Я прошу тебя, выйди. И это, — он махнул рукой в сторону лежащего в углу охотника, — забери. Видеть не могу!

Мирослав немного помедлил, а потом выпустил меня из объятий. Страх тут же вернулся, холод тоже, и я сжалась, подтянув колени к подбородку. Краем глаза увидела, как Мир подхватил Бена, перекинул через плечо и вынес из комнаты. Дверь за ним закрылась, и мы с Владом остались наедине.

Напряжение сгустилось, заполонило комнату и стало невыносимым. Стук моего сердца, казалось, был слышен в долине. Я сидела на кровати, боясь пошевелиться, произнести хоть слово или отвести взгляд.

Чертов страх! Ненавижу. Именно из-за собственного страха я оказалась в такой унижительной ситуации. А ведь раньше могла убить охотника за секунду. Да Бен даже пикнуть не успел бы!

Что произошло со мной за эти полгода? Неужели смерть Тана сделала меня слабой и беззащитной? Как раньше... Нет, я никогда не стану такой больше! Ни за что.

Я громко выдохнула и поджала колени еще сильнее.

— Тебе понравилось? — вкрадчиво спросил Влад, и я с недоумением посмотрела на

него. Дрожь все никак не унималась, меня колотило так, что даже кровать скрипела.

— Что?

— Понравилось, спрашиваю, делать это с охотником?

— Ты в своем уме?

— Нужно было дать ему проучить тебя, как следует. Но я не мог позволить ему убить тебя — должен сделать это сам.

От этих слов мне стало совсем плохо. Горло полыхнуло обидой, глаза наполнились слезами, я уткнулась носом в колени и разревелась. Не помню, когда в последний раз так плакала. Рыдания были такими сильными, что болели ребра и живот. Саднила щека, по которой заехал Бен, и висок. Не хватало еще синяка. Вот позорище!

Кровать продавилась, Влад сел рядом, бесцеремонно посадил меня на колени и прижал к себе. Как ребенка. Я разрыдалась еще сильнее — теперь уже громко, не сдерживаясь. Обняла его за шею и зажмурилась. Хотелось представить, что ничего не было, что это только приснилось мне.

И в то же время я поняла, что впервые за последние несколько месяцев по-настоящему счастлива. В груди — на месте привычного подвального холода — разлилось тепло. Жар разгорался сильнее, поднимаясь к горлу, и спускаясь к животу. Раздраженная щупальцами охотника жила звенела, напрягалась и ныла.

Влад молчал и обнимал меня. Не ругал, не жалел. Просто обнимал. И мне стало так хорошо, что я размякла, прижалась щекой к его ключице и редела. А со слезами выходили страх и отчаяние.

Постепенно слезы закончились, я всхлипывала все реже и просто сидела, боясь разрушить внезапную гармонию и прогнать тепло из груди.

Он спас меня. Снова. Как же приятно это осознавать! Хватит уже врать себе, Полина. От этого одни разочарования. Наверное, Влад был прав тогда — никакого проклятия не было. Мне просто было удобно прикрывать им неудобные эмоции.

Я еще крепче обняла его и прошептала в самое ухо:

— Спасибо!

Влад отстранил меня, крепко сжал плечи и проникновенно сказал:

— Если ты еще раз так поступишь и выживешь, я лично тебя выпорю — неделю сесть не сможешь! Поняла?

Я машинально кивнула. Спорить не хотелось, да и сейчас чревато было. Пусть ругается. Главное, что он здесь, со мной, и больше никакие охотники не пытаются стянуть с меня штаны.

Но Влад больше не ругался. Смотрел как-то странно, пристально, и от этого взгляда тепло в груди превратилось в пожар — дикий, неукротимый.

Его пальцы скользнули к моей щеке и убрали волосы с лица.

— Больно?

Я помотала головой.

Больно? Да я вообще себя с трудом ощущаю. А в голове совсем другие мысли... Или их нет совсем?

Влад поцеловал меня в висок, и с моих губ сорвался непроизвольный стон.

— Как же ты меня бесишь! — прошептал он совершенно беззлобно.

Я закрыла глаза и запустила пальцы ему в волосы.

К черту! Устала. Идет война, я могу умереть и не ощутить больше счастья.

Нашла его губы — горячие, требовательные.

Забывать обо всем, просто наслаждаться. Никуда не выходить. Остаться здесь, забаррикадировать дверь и никого не впускать.

Я снова ощутила спиной упругий матрас и вздрогнула — на этот раз не от страха. От предвкушения.

Как долго я врала себе, что не хочу его? Врать себе — неблагодарное дело...

Разорванная туника полетела на пол, туда же отправились злосчастные джинсы и остальная одежда.

А за окном продолжал жить мир. Реальный, беспощадный, опасный. С охотниками, загадками, ловушками. Там остались рамки, разделяющие нас навсегда. Ложь и предательство. Венчание с другой. Отношения с другим. Страхи.

В той комнате и в тот момент ничего этого не существовало для меня.

Только я и только Влад.

Мы.

Впервые вместе без проклятия. Без дурманящей, приторно-сладкой патоки безысходности. Освобожденные от липких пут навязанных чувств, и обнажившие свои собственные — глубокие, неконтролируемые. Окрыляющие.

Комната, пропитанная страхом, постепенно наполнялась наслаждением.

И я поняла, что не проклятие вождя и пророчицы влияло на нас всегда. Если это и было проклятие, то какое-то другое, и я совершенно не представляла, как его разрушить.

Глава 26. Последствия

Дыхание все никак не хотело восстанавливаться. Сердце колотилось, как сумасшедшее — на миг мне и правда показалось, что оно сейчас выскочит из груди.

Влад же, напротив, был спокоен. Крепко обнимал меня, а его пальцы лениво перебирали мои волосы.

Гул в ушах постепенно стихал, сознание прояснялось, а с ним возвращалась реальность. И первая мысль, которой ошарашила меня эта реальность, была: «Мирослав».

Вождь альва мог вернуться с минуты на минуту, а мы тут лежим на кровати Евы... обнаженные.

Стыд какой!

Я осторожно отодвинулась и попыталась встать, но Влад крепко ухватил меня за подбородок, заставляя смотреть ему в глаза, и насмешливо спросил:

— Снова будешь делать вид, что ничего не произошло?

— Боюсь, мне придется делать совершенно другой вид, если сюда войдет Мирослав, — строго ответила я.

— Он не войдет. — Влад отпустил меня, забросил руки за голову и лениво улыбнулся. — У него есть чувство такта.

— Да, ладно, откуда он... О черт!

Я быстро вскочила и принялась натягивать одежду. Вспомнилось, как Мир говорил накануне, что он различает ауры до и после. Как теперь в глаза ему смотреть? Особенно после того, что я сама отпиралась. После того, как я...

Бог мой, Глеб! Что же я наделала?

Я села на кровать спиной к Владу и закрыла лицо руками. Безумно захотелось, чтобы это все оказалось очередным видением или сном. Но никак не реальностью.

Лучше бы Бен меня убил!

Что я скажу Глебу? Его же это сломает. Надо было еще раньше все прекратить. Несколько месяцев назад, когда я поняла, что пары из нас не вышло. Но мне было так удобно... Эгоистка!

— У тебя прекрасно получается нанести удар по самооценке мужчины, — обиженно сказал Влад, вставая и натягивая штаны.

— Переживет твоя самооценка! — огрызнулась я. — У тебя она, как моя жила, сама восстанавливается. А вот Глеб не сможет.

— А я говорил тебе, помнишь? Еще осенью...

— Да, ты был прав, мистер всезнайка! Дома вручу тебе медаль и грамоту. Повесишь в рамочке над кроватью.

Влад присел рядом и беззлобно спросил:

— Легче становится, когда на меня злишься?

Я помотала головой и отвернулась. На душе было паршиво, недавняя эйфория сменилась едким сожалением. Почему-то вспомнился разговор с Ириной перед поединком, и стало еще хуже. Правильно, добивай себя, Полина, ты отлично это умеешь.

— Зная тебя, можно предположить, что этого не повторится, — отстраненно произнес Влад. — Можешь ничего не говорить ему.

— Ты серьезно думаешь, я смогу врать Глебу? — возмутилась я.

Он посмотрел на меня как-то странно, прищурившись, и, показалось, подумал о чем-то своем.

— Иногда мы врем, чтобы не ранить.

— Только не мы с Глебом. Мы не обманываем друг друга. Никогда.

— Жалеешь? — спросил он с горечью.

Я покачала головой.

— О том, что было здесь, нет. Я чуть не умерла. Глупо жалеть о хорошем. Но ранить любимых плохо. Они потом могут не оправиться, и это будет на нашей совести.

Влад вздохнул, обнял меня за плечи и прижал к себе.

— Ты еще такой ребенок. Несмотря ни на что. Но мне это нравится.

— Как ты убил охотника?

Я решила сменить тему. Высвободилась, встала и подняла зверски испорченную тунику. Мою любимую, между прочим. Я покупала ее с Кирой, мы тогда провели целый день вместе в городе. Ходили по магазинам, затем в кино, смеялись в кафе и ели мороженное. Ее глаза сияли, и, казалось, она немного счастлива.

Такое с ней случалось редко после смерти Тана. Грустные глаза дочери всякий раз напоминали мне о том злосчастном дне. Кира никогда не говорила о колдуне, но в душе помнила. Я чувствовала, как она страдает. И, несмотря на то, что наши отношения были теплыми, тот поступок всегда будет стоять между нами. Всегда разделять.

А в тот день нас не разделяло ничто. Мы держались за руки, много обнимались и болтали ни о чем.

И вот теперь эта туника испорчена, как часть того светлого дня.

Хорошо, что охотник мертв, злорадно подумала я.

— Парализовал его щупальца, а затем разорвал их, как охотник рвет жилу, — небрежно ответил Влад. Я ошеломленно уставилась на него, но он отмахнулся. — Альрик научил. Тогда еще. Вот пригодилось.

— Полезное умение, если учесть, что на пороге война. А еще тот замедляющий пасс, которым ты задержал Рихара.

— Нам понадобится все, что у нас есть. — Влад поднял свою футболку и протянул мне. — Надень. Ты же не собираешься возвращаться в таком виде.

Вот даже не знаю, в каком виде мне лучше вернуться — в нижнем белье или в футболке Влада. Но ее я все же взяла и машинально натянула.

— Охотники напали на нас, Полина. Этой ночью. Подкараулили тех, кто возвращался из города с охоты. Двое из альва мертвы. И Ксения. Глеб и Алекс отбились. Мы усилили защиту. — Он сделал многозначительную паузу и добавил: — Думаю, началось.

— Первозданные мертвы? — с ужасом спросила я, прижимая руки к груди. Сердце колотилось, теперь уже снова от страха. Контрастный душ какой-то из эмоций.

— Предположительно, мертвы еще с зимы. Думаю, все спланировали древние, они и поведут армию.

— Мы... выстоим?

— А у нас есть выбор?

Мирослав ждал на кухне. Умиротворенно пил кофе из приготовленной Евой чашки и

смотрел в окно.

Когда мы вошли, я поймала его лукавый взгляд, горячий и откровенный. И на лице у него словно написано было: я же говорил.

Отвернулась, игнорируя нарастающий стыд. Хватит себя жалеть! Люди умирают, армия охотников придет, чтобы убить тех, кого я люблю.

Единственный, о ком стоит переживать в связи с последними событиями — Глеб. Но с ним я разберусь сама, без посторонней помощи.

— Не смогу забрать обоих сразу, слишком вымотался. Придется по одному.

Я посмотрела на Влада, он кивнул, и я взяла вождя альва за руку. Глубоко вдохнула и зажмурилась.

На этот раз тошнота была не такой сильной, наверное, потому что я готовилась. Когда через секунду открыла глаза, стояла уже в гостиной атли, а еще через миг оказалась в крепких объятиях Глеба.

— С ума сошла так пугать, Полевая! — прошептал он, и его голос дрогнул.

От этого у меня на душе стало тоскливо и мрачно, как в темном глубоком погребке. Но я с удивлением заметила, что совсем не жалею. Несомненно, стоило порвать с Глебом раньше, но от осознания, что мне не придется больше путаться в ненужных отношениях, полегчало.

Я тут же выругала себя за эгоизм.

— Все хорошо, видишь, — пробормотала смущенно и поймала испуганный взгляд Киры. Протянула ей руку, и она сильно, даже слишком для такой хрупкой девушки, сжала мою ладонь. — Я уже тут, с вами.

Глеб выпустил меня из объятий, и меня крепко стиснула дочь.

— Нельзя быть такой безрассудной! — строго сказала она. Я невольно улыбнулась. Не думала, что так скоро ребенок будет меня поучать. Впрочем, Кира давно уже не ребенок...

— Больше не буду, — бессовестно соврала я.

Накатила какая-то непонятная слабость, голова закружилась, перед глазами потемнело, и я несколько раз поморгала. Ну, вот и стресс выходит.

— Что с твоей одеждой? — спросила Кира, указывая на разорванную тунику, которую я машинально держала в руке.

— А, это... — Я покосилась на Глеба и почувствовала, что заливаюсь краской. Мирослав все еще был здесь — отдыхал, наверное. И от его присутствия, как невольного свидетеля моей слабости, снова накатила удушливая тоскливость. — Охотник...

— Вот урод! — зло произнес Глеб и сжал кулаки.

— Мы успели вовремя, — подал голос Мирослав. — Влад убил его.

— Что произошло здесь вчера? — высвобождаясь из объятий дочери, спросила я.

Отметила, что многие атли и альва собрались в гостиной. Ева все еще прижимала к себе Майю, а девочка рассеянно гладила ее по руке и восхищенно смотрела в нашу сторону. Ну, конечно же, я осталась наедине с охотником на целых... несколько минут.

Вспомнился горько-сладкий привкус страха, оцепенение от горящего взгляда Бена, карие, с красными прожилками глаза.

Он мертв, сказала я себе мысленно. И так будет с каждым, кто придет в наш дом насиловать наших женщин.

Нужно что-то делать с кеном колдуна. Иначе как я смогу защитить родных? Впервые, когда сила сольвейга могла реально пригодиться атли, я не могу ее использовать. Ну что за несправедливость?!

Может, и правда, отдать этот кен Владу? Тан был врагом, скорее всего его предсмертные слова были призваны причинить мне вред. Ведь так и есть — я слаба из-за его кена.

Странно, но при мысли о том, что нужно избавиться от него, становилось не по себе. Что-то отвращало от вполне логичного поступка.

Тан сказал: выживи. Мог ли он каким-то образом прознать о драугре? Ведь именно им меня стращали весь последний год. Намеки древних, сны, слова Влада... Драугру нужен мой кен, а сейчас его почти нет.

Что ж, логично. Но как по-другому я смогу драться на войне?

— Охотники теперь ходят кучками, — в обычной расслабленной манере ответила Лара. — И знают, где мы живем. Вчера они напали на наших у ворот.

— Все будет, как в моем видении. Они войдут...

— Они не войдут, — перебил Мирослав довольно резко. — У нас много сильных защитниц. И воинов достаточно.

— Тебе нужно отдохнуть, — тихо сказал Глеб и взял меня за руку. — Идем, отведу тебя наверх.

Я не стала противиться. Слабость, накатившая внезапно, никуда не делась — растеклась по телу и превратила мышцы в кисель. Я облокотилась на Глеба и позволила ему довести себя до спальни.

— В душ пойдешь или так поспишь? — спросил он как-то странно, тихо и без эмоций.

В груди защемило, полыхнуло жаром раскаяние.

— Глеб, присядь...

— Зачем? — Он исподлобья взглянул на меня и отступил на шаг. Одинокий. Растерянный.

В голове мелькнула мысль: знает. Понял все еще там, в гостиной. А теперь пытается осознать, что с этим делать. Один. Снова один.

— Нужно кое-что сказать.

— Нет, не нужно.

— Глеб...

— Не говори. Зачем? И так все видно. На тебе его футболка, запах. И в глазах этот блеск... Мне не нужны слова, чтобы догадаться.

— Прости... — прошептала я, опасаясь расплакаться.

Глеб не выносит слез. Никогда не мог терпеть.

Странно, но слез и не было. Какая-то пустота внутри. Выжженное поле. И усталость. Глаза буквально слипались, и я не могла сконцентрироваться ни на чем.

— Дело-то житейское, — пожал плечами Глеб. В глаза не смотрел. — Поспи, я пойду вниз.

Затем резко сорвался и вышел.

Я улеглась, не в силах больше противиться слабости, обняла подушку и уснула.

Проснулась, когда уже стемнело. На стене мягким желтым пятном отбрасывало свет бра, на комодке размеренно тикали часы. Окно было приоткрыто, на улице пели ночную песню сверчки.

Я села на кровати и протерла глаза. Отдохнувшей себя не чувствовала совершенно — мышцы затекли, в голове гудело, в мозгу отчетливо ворчала совесть, сразу же обрушив на меня лавину воспоминаний вперемешку с сожалением.

Чтобы не было так тоскливо, я встала и щелкнула выключателем. Глаза тут же зажмурились от яркой вспышки, в висках отдалось тупой болью, но она постепенно стихала, и я привыкла к свету.

Странно, но легче не стало. Ни капельки. Нерадужные мысли клубились в голове, в груди камнем осело раскаяние, мешая дышать. Вспомнились синие глаза Глеба, полные обиды, его тон и отрешенный вид.

Мы больше не близки. Я потеряла друга. Навсегда.

Сдерживая подступившие к горлу слезы, открыла балконную дверь.

Легкий ветерок обдул лицо, принося секундное облегчение. В воздухе явно чувствовалось лето — знойное, липкое и жужжащее. Но оно было где-то далеко, за поворотом. Не напрягало жарой, поздними закатами и комарами.

Темное небо раскинулось широкой панорамой, сверкало стразами звезд, контрастирующими с холодным светом уличных фонарей. Пахло свежескошенной травой и клубникой. Со двора доносились приглушенные голоса и тихий смех.

В мою дверь постучали. Видеть никого не хотелось, говорить — тем более. Но в большом доме с огромным количеством людей есть свои недостатки — не спрячешься.

Дверь приоткрылась, и в проеме появилось лицо Ирины.

Черт, ну за что мне это, а? После тяжелого разговора с Глебом видеть жену Влада хотелось меньше всего. Особенно в свете последних событий.

— Ты как? — дружелюбно поинтересовалась Ира и прикрыла за собой дверь.

Я нервно улыбнулась.

— Хорошо. Совсем не пострадала, больше испугалась. Мирослав с Владом вовремя появились, и Влад убил охотника.

— Он очень переживал за тебя. — Она присела на кровать и похлопала ладонью рядом с собой, приглашая меня присоединиться. — Мы все переживали.

— Спасибо... — смутилась я. Присаживаться не стала — смотрела на нее настороженно и удивленно.

— Ты извини, что я тогда тебе нагрубила, — добавила Ирина и еще раз улыбнулась.

Мне стало еще паршивей на душе, и я отвела взгляд.

— Не думаю, что тебе стоит извиняться передо мной.

— Я никогда не питала иллюзий, что буду единственной женой, готова была принять другую женщину в семью. Но тогда меня возмутило, что он не делился со мной. Совсем. А потом поняла, что он ни с кем не делится. Такой человек.

— Это точно, — подтвердила я и все-таки присела.

Ситуация складывалась до ужаса странно, даже можно сказать нелепо. Я и Ирина в одной комнате, болтаем о Владе. Могла ли я подумать, что такое вообще возможно?

— Ты мне нравишься, Полина. Из атли больше всех. И я бы хотела, чтобы мы подружились, если...

— Если? — перебила я. — Не будет никаких если! Совсем. Никогда. Я не смогу и ты не должна себя ломать. Нельзя мириться с таким. Он твой и должен быть только твоим. Ты не обязана его делить.

— Мы хищные, — мягко возразила она. — Таковы законы. Не мы их выдумывали и не нам их менять. Но на свою жизнь я привыкла влиять сама. И если могу сблизиться с тобой, чтобы лучше понять, я это сделаю.

— У тебя тут нет подруг? — зачем-то спросила я и добавила через секунду: — В атли?

Она покачала головой.

— Рита сторонится меня, Лариса тихо ненавидит, а остальные... серые какие-то. Не о чем с ними говорить. Из женщин воительниц в атли только ты. Ты восхитительно дралась с колдуном!

— Не знаю, говорил ли тебе Влад, но я сольвейг. Отсюда и дар, и проблемы.

— Возможно. — Она пожала плечами. — Я всю жизнь училась драться и убивать. Ничего другого не умею.

— Я бы все отдала, чтобы не уметь убивать, — откровенно призналась я. — Чтобы стереть из памяти прошлые убийства.

Ирина и положила руку мне на плечо. Странно, но я не почувствовала дискомфорта. Стыд тоже испарился, уступив место непонятному ощущению. Приятному. Словно меня только что впервые за долгое время по-настоящему поняли и оценили.

— Ты спасала атли. Я рада, что мы с тобой в одном племени. — Она потрепала меня по плечу и еще раз мило улыбнулась. — Поправляйся.

После ухода Иры я еще долго ошеломленно пялилась в стену. Станный у нас вышел разговор. И на удивление теплый. Ей, как и мне, было одиноко здесь. Ни друзей, ни подруг, только ненавидящие ее бывшие женщины Влада. А ведь она, по сути, ни в чем не виновата. Вот совсем. Влюбилась в него, так и я влюбилась, что такого? Ей он вены не резал, почти не врал и не предавал.

Возможно, я бы тоже смогла принять другую женщину в семье, если бы воспитывалась по законам хищных. И, несомненно, хотела бы с ней дружить или хотя бы не ссориться.

У нас намного больше общего, чем может показаться на первый взгляд. И я поняла, что Ира нравится мне. Как человек.

А теперь, когда у меня нет Глеба...

Нет, нельзя так думать! Я все исправлю. Пойду на что угодно, чтобы вернуть его дружбу, даже если придется ждать сто лет. Даже если ради этого нужно будет заключить пятьсот тысяч сделок с колдунами. Потому что Глеб — единственное настоящее, что было у меня в жизни.

Я решительно встала и направилась в душ. Хватит хандрить. Война не будет ждать, пока я жалею себя. Нет времени на сопли. Глеб говорил, в решительный момент я всегда умею собраться. Сейчас настал как раз такой момент.

Смыв с себя минувший день, я почувствовала себя лучше. Переделась в майку и джинсы, аккуратно свернула футболку Влада и вышла из комнаты. Хотя и был огромный соблазн оставить ее себе и носить вместо пижамы, но я решила не поддаваться слабости. Сильной я нравилась себе больше.

В коридоре явно различила его голос, доносящийся из гостиной. Правильно, так и должно быть. Ошибки нужно исправлять и уметь прощать себя за несдержанность.

Я вошла в его комнату и на секунду остановилась. Все здесь было по-другому, хранило отпечаток чужой женской руки. Больше никогда не будет, как прежде, и я, наконец, поняла это.

Но мне не хотелось, как раньше. И я вдруг поняла, что смогу стать счастливой. Не сейчас. Когда-нибудь, в будущем. Потому что хочу этого сама.

Я улыбнулась и, оставив футболку на кровати, вышла из спальни Влада.

Почти все наши собрались внизу, в кабинете. Приехали митаки — Иван и Сергей, из племени Мира присутствовали Алексей, две защитницы и Ева, мышкой притаившаяся на

краю диванчика.

Впрочем, Ева больше не была альва. Скоро они с Майей присоединятся к нам и станут частью атли. Хотя честно не понимала, почему бы Мирославу вновь не посвятить их в племя. Если Первозданные действительно мертвы, то смысл в придуманных ими законах?

Я вошла и тут же наткнулась на колючий взгляд Глеба, который он сразу отвел и сделал вид, что меня не заметил. Глупый. Его обиду я чувствовала из-за двери — неуправляемую и жгучую.

Я тихо прошмыгнула мимо стоящих у стены Риты и Ирины и присела рядом с Евой. Защитница улыбнулась мне, но как-то нервно. Я бы тоже нервничала, если бы мою восьмилетнюю дочь хотели использовать в войне с охотниками как оружие.

Наверное, я прервала речь Влада, потому что он проводил меня пристальным взглядом, а затем медленно повернулся к Сергею.

— Уверен, наша агрессия ничего не решит, лишь сделает слабее.

— Мы не можем просто сидеть здесь и ждать! — яростно воскликнул Сергей. — Ждать, пока всех нас убьют.

— Предлагаешь выступить против армии охотников, не имея понятия, каково их количество? — возразил Филипп.

— Я воин, и привык драться! — Сергей подскочил со стула, на котором сидел, и тот опасно пошатнулся, рискуя рухнуть на пол. — Я не боюсь их. Эти мрази ответят за то, что сделали с Ивонной!

— Охотники напали на митаки сегодня утром, — шепотом пояснила мне Ева. — Десять человек погибло.

— Сережа, успокойся, — мягко осадил племянника Иван. — Никто не забыл Ивонну.

— Я лично отомщу за твою жену, — уверила кузена Ирина. — Охотник умрет в муках.

Да уж, не хотела бы я оказаться в списке ее врагов. Такая загасит и не задумается. Как-то не вязался у меня образ воительницы, сидящей в кабинете атли, с той мягкой девушкой, с которой я говорила час назад.

— Их слишком много, чтобы драться, — мрачно произнес Мирослав. — Ищейки альва учуяли десятерых в городе. И если они знают, что мы объединились, скоро сюда съедется еще дюжина. И то это лишь те, о ком нам известно. Я не знаю, сколько их еще. Так что тут я согласен с Владом — нужно укрепиться в доме и обороняться.

— Мы не единственный альянс в Европе, — добавил Влад. — Возможно, именно это поможет нам выстоять. Вместе проще отражать атаки.

— Если охотники не придут мочить сильнейших, — подал голос Глеб, и у меня в груди заныло от звука его голоса. — Тогда осада затянется, и мы просто умрем от голода.

— У нас достаточно сильных воинов, — уверенно сказал Мирослав. — И защитниц. А еда вообще не проблема — доставят.

— Достаточно воинов, защитниц, два жреца и Майя, — подытожил Влад.

— И пророчица, — добавила Ирина и посмотрела на меня.

— Две, — смутилась я.

— Уже одна. — Бывшая наследница митаки отвела взгляд и взяла Сергея за руку.

На лице мужчины отразилась скорбь вперемешку со злостью, и я поняла, что Ивонна, о которой шла речь, и была пророчицей митаки.

Была... Так странно теперь звучало довольно обычное слово. Возможно, скоро так скажут и обо мне... О многих из нас.

И я вдруг поняла, что не хочу смотреть, как умирают близкие мне хищные. Совсем. Даже бояться этого не хочу.

— Я нравлюсь древнему, — озвучила я промелькнувшую в сознании мысль. — Могу поговорить с ним. Мирослава он отпустил, возможно...

— Нет! — резко перебил Влад. Окинул меня ледяным взглядом, и остатки эйфории улетучились, а в душе шевельнулась обида. Словно почувствовав это, он добавил уже мягче: — Ты не будешь говорить с древним.

— С каждым днем она все чокнутей, — закатила глаза Лара.

— Разве мы не должны сделать все, чтоб избежать войны? — продолжала настаивать я.

— Ты не пойдешь, — произнес Влад, чеканя каждое слово. Тихо. Безапелляционно.

Я резко выдохнула, сложила руки на груди и отвернулась.

Раскомандовался тут. Захочу и пойду. Ведь это рационально — попытаться поговорить, выиграть себе привилегии. Тем более, Мишель всегда был ко мне благодушен, а в последнюю нашу встречу даже оставил Мирославу жизнь.

Ничего, вот дождусь ночи и выскользну из дома. Я помню, где живет древний. Почему-то была уверена, что он сейчас в Липецке и контролирует охотников именно в нашем регионе. Если так и есть, от него зависит жизнь трех племен. Я не могу просто сидеть и ждать, если знаю, что имею возможность что-то изменить. Да я ночью не усну!

Решено: иду. Только бы по дороге никого из охотников не встретить.

Рассеянно взглянув в сторону Глеба, я поймала его пристальный, изучающий взгляд. Встретившись со мной глазами, он еще несколько секунд смотрел на меня, а потом отвернулся. Тут же проснулось чувство вины. Словно сигнализация включилась.

Я заставила себя не думать об этом. Ни к чему хорошему самоистязания не приведут — займусь ими, когда закончится война. Сначала нужно спасти Глебу жизнь, а потом уже думать, как залечить его душевные раны.

В гостиной ко мне подошла Кира и нахмурилась.

— Влад отсылает меня, — сказала мрачно и взяла меня за руку.

— Отсылает? Уже? — встрепенулась я.

Она кивнула.

— В тот коттедж в Венгене, где вы были сегодня. Я непосвященная, охотники не найдут меня, а кроме того ненормального, что на тебя напал, никто о том месте не знает.

Я вздохнула. С одной стороны было боязно отпускать ее одну, а с другой... Там ей точно будет безопаснее, чем здесь. Когда придут охотники, им будет все равно, кого убивать.

— Можно, я сегодня переночую с тобой? — попросила Кира и положила голову мне на плечо. — Неизвестно, сколько мы еще не увидимся.

Я вздохнула. Хотела же сегодня сбежать в Липецк. Но я столько не увижу дочь... Впрочем, я могу дождаться, пока она уснет. Да и сама посплю немного.

Усталость накатывала волнами, жила все еще болела от прикосновения щупалец охотника. Мерзкое ощущение. Особенно если учесть, что собирался сделать Бен.

— Конечно, можно, — улыбнулась я и погладила ее по голове. — Влад не говорил, когда тебе нужно отправляться?

— Влад говорит, что нужно отправляться сейчас, — прозвучал рядом бархатистый голос, и я вздрогнула. Повернулась и встретилась взглядом с зелеными глазами. Я все еще злилась, поэтому никак не отреагировала на его слова. Он же посмотрел на Киру и добавил: — Собирай вещи.

— Но ты сказал, я сегодня ночую здесь, — надулась она.

— Я передумал. — Он сделал паузу, и на обычно расслабленном лице промелькнула тень. — Я должен сбегать атли.

Кира опустила глаза, несколько секунд подумала о чем-то, а затем серьезно кивнула и отпустила мою руку.

— Пойду наверх собираться.

Она ушла, и в воздухе повисло напряжение. Я уже начинала его ненавидеть — противное чувство. К нему примешивалась злость, обида и что-то яркое, теплое и неуправляемое. То, что заставило меня тогда поцеловать Влада.

Нужно давно было признать: это чувство никуда не делось после смерти Тана. И вряд ли денется. Возможно, в будущем, если я буду над этим работать. Но не сейчас.

— Злишься? — улыбаясь, спросил Влад, и я честно ответила:

— Убить готова.

— Ты не можешь пока. Слаба. Поэтому не должна делать глупостей. Ну и еще потому, что потом буду злиться я. — Он склонился к моему уху и проникновенно добавил: — Ты ведь помнишь, к чему это приводит?

От этих слов по телу прокатилась волна жара, следом — волна возмущения, я открыла рот, чтобы возразить, но Влад сказал очень серьезно:

— Не злись. Ты нужна мне для другого. Эта девочка, — он указал на Майю, — очень важна. Когда придут охотники, будешь ее охранять.

— Я? — Я даже опешила от такого предложения.

— Ты же всегда бросаешься в гущу событий, разве нет? — Влад иронично изогнул бровь. — Будешь в гостинной, с ней. Приставим к вам защитниц и воинов, а если охотники подберутся ближе, ты знаешь, что делать.

— Вот уж не уверена. В последнее время я что-то совсем не в форме.

— Говорю же, тебя прикроют. Нужно когда-то учиться работать в команде. Раз уж тебя тянет ввязаться в неприятности, делай это у меня на глазах.

— С чего это ты такой щедрый? — подозрительно поинтересовалась я.

— Цветы ты вряд ли оценишь, бриллианты тоже. А вот позволить тебе подраться с охотниками — отличный шанс набрать очки, — пошутил он.

— Ты не участвуешь в соревновании, извини. У меня строгий отбор, и женатые отсеиваются на пороге.

— Что ж очень жаль. Но подарки я не отбираю — пользуйся, — улыбнулся Влад и оставил меня одну.

Странно, мы даже не поссорились. И я буду охранять Майю — ценное оружие, если верить Мирославу. Интересно, какой у нее дар? Нужно будет поинтересоваться у Евы на досуге.

Хотя Влад и предложил мне напрямую участвовать в битве, особого энтузиазма я не испытала. Слабость никуда не делась и, хоть я и выспалась, накатила с новой силой, клонила к земле, усиливала гул в голове и напрочь выбивала все мысли.

Чертов кен колдуна! Посмертный подарочек — бомба с замедленным действием. Уметь бы с ним обращаться... Но я не умею. Единственное, что он делает — защищает меня от драугра.

Защищает ли? Сомнительно.

Догадки, недомолвки, странные предчувствия настолько утомили, что я буквально

ввалилась в комнату. Да так и застыла на пороге — на кровати с каменным лицом сидел Глеб. Когда я вошла, он поднял на меня глаза.

— Дверь прикрой, — буркнул сердито.

— Что ты здесь делаешь? — вырвалось у меня.

— Я пока еще здесь живу.

Действительно глупый вопрос. Я теперь не знаю, как с ним говорить. А тем более о чем.

Вина тяжелым грузом навалилась на плечи, и стало еще хуже. Так я до Липецка точно не доеду — упаду где-нибудь по дороге и усну.

Глеб поднялся, прошелся по комнате, закинув руки за голову, а затем вскинулся и резко произнес:

— Черт, Полевая! Я мог бы злиться на тебя три года, но... Ты ведь пойдешь?

Я вздохнула. Села на кровать и посмотрела на свои ладони.

— Уверена, Мишель не станет причинять мне вред. Я только поговорю, попрошу за атли.

— А если они тебя схватят? Охотники? Ты об этом подумала? Схватят и потребуют от твоего ненаглядного Влада сдать позиции?

— Не думала... — согласилась я и потупилась.

А ведь правда. Вечно я стремя голову лечу, так и нарваться недолго. Мишель, может, меня убивать и не станет, но что он может один против девятнадцати древних и толпы молодых, но сильных охотников? Что если они прикажут ему меня схватить? Или еще чего хуже — пытаться в гулком просторном зале заседаний?

Я вздрогнула, пытаюсь прогнать ужасающие картинки из головы. Вспомнился взгляд Бена — дикий, торжествующий. Проникновенный. И собственная слабость, горячим потоком разливающаяся по венам.

— Ты никогда не думаешь. — Глеб присел рядом и сжал кулаки. Шумно выдохнул.

— Ты прав.

— После того случая с Юлианой я был в ярости. Потом понял, что она дрянь, через много лет. Но ты — другая. А ощущения почему-то такие же...

— Я тоже дрянь, — тихо сказала я.

— Ты тупишь иногда, но ты не гнилая внутри, Полина. — Он помолчал немного, а затем спросил: — Любишь его?

Я пожала плечами.

— Это неважно.

— Утром было важно.

— Просто слабость. Испуг. Пройдет.

— Врать себе полезно, только нужно делать это дозировано. Может, он и правда твой мужчина. Изошелся тут весь, пока Теплов отдыхал. Влад обычно хорошо скрывает эмоции, но в этот раз не вышло.

— Поздно что-то менять.

— Я советовать не буду. Сложно мне об этом с тобой... Мы тогда договорились: если что, вернемся к тому, что было. Похоже, время пришло.

— Ты не обязан, если не хочешь.

— Хочу.

— Ладно.

Мы помолчали немного. Неловкость усиливалась с каждой секундой, сказанные слова

не привели к пониманию и близости. Но я и не ждала. То, что Глеб разговаривает со мной, уже огромная радость. И его желание вернуться к тому, что было... Я очень надеялась, что получится. Не совсем забыть — хотя бы сгладить углы.

Глеб окинул меня взглядом и кивнул:

— Устала?

— Чертов кен колдуна! — со злостью выдохнула я.

— Да уж, что-то ты не похожа на супероружие.

— Моя жила совершенно опустела. Кен не скапливается или не вырабатывается, не знаю. Не вовремя, вот совсем. — Я помолчала немного. — Влад отправляет Киру в Венген.

— Оно и к лучшему. Там охотники ее не найдут. Они придут в города, выцеплять альянсы вроде нашего.

— Считаешь, мы выстоим?

— Против древних и сплоченной армии охотников? Сама-то как думаешь? — усмехнулся Глеб. — Но я предпочитаю умереть так, а не в кровати от истощения. Питаться нам еще долго не светит.

— Я предпочитаю жить.

Глеб не ответил.

Ветер рванул шторм и принес с улицы прохладу. Часы на комодке показывали три. Скоро рассвет. Новый день, новые проблемы. Опасности, нападения. Битвы. Обиды и разочарования.

Но я была готова. Несмотря на слабость, не собиралась сдаваться. В моей жизни было так мало хорошего, что рано сдаваться смерти.

Хотелось счастья. Такого, как я испытала в домике Мира в Швейцарии. Пусть не с Владом, пусть не сразу. Я готова была ждать. Всегда легче ждать, когда знаешь чего.

Глава 27. Война

Июнь выдался на удивление прохладным. Дождливый, хмурый и задумчивый. Низкое небо моросило дождем или дремало в обрамлении сизых облаков. Мне на радость. Жила наполнялась кеном, бессилие постепенно отступало, ладони чесались, и я наслаждалась временным подъемом. Во всяком случае, я думала, что он временный. Кен колдуна никуда не делся, а ощущение опустошенности я запомнила надолго.

С моего балкончика открывался прекрасный вид на лужайку перед домом, и я сидела в кресле-качалке с книгой в руках. Но она была закрыта, так как я смотрела вниз.

На траве Влад тренировал Диму. Показывал какие-то недоступные мне приемы битвы, касался ладоней и что-то настойчиво объяснял. Дима вдумчиво слушал и сосредоточенно кивал, а затем раз за разом пытался повторить показанные приемы. Выходило, видимо, плохо, мальчик психовал, топал ногами, а затем с усиленным рвением продолжал тренировку. Упорный. Похож на отца.

Я поймала себя на том, что улыбаюсь. Залюбовалась даже. Никогда не видела таких проявлений отцовских чувств от Влада — с Кирой он был совершенно другим, возможно, потому что дочь вернулась к нам уже взрослой. А еще она девочка. С сыновьями у мужчин иные отношения, девочкам не понять. Что-то чисто мужское, необъяснимое, глубокое.

Мне нравился такой Влад. Домашний, заботливый, теплый и какой-то близкий. Пусть не мне. Мне все равно не светит, а понаблюдать было приятно.

Прошло три недели с ярких событий в Венгене. Три недели смутных мыслей и погребенных надежд. Время, которое я дала себе посомневаться. А потом убедилась в правильности принятого решения.

Чувства — это еще не все. Даже сильные. Даже проверенные на прочность. Есть преграды, которые не преодолеть. И хотя я прекрасно общалась с Ирой, не могла представить себя частью их семьи. Наверное, некоторые традиции нельзя навязать в сознательном возрасте.

Впрочем, я мало задумывалась об этом. Больше размышляла об охотниках, их планах и наших перспективах. Казалось странным то, что они хотят истребить нас всех. Что за смысл тогда будет в их существовании? Откуда они будут получать силу? Ведь убийство хищного делает охотника сильнее. Не думаю, что они стремятся к процветанию расы ясновидцев. Особенно древние.

Я общалась с древними охотниками, кажется, их вообще не интересует то, что происходит с индивидами, на которых не снизошла благодать.

От смутных размышлений меня отвлекла Юля. Из комнаты она выходила редко, почти ни с кем не разговаривала, и было, видно, что женщина находится в глубокой депрессии. Темные круги и мешки под глазами кричали о проблемах со сном, подавленность — о тревогах и переживаниях.

Страшно, наверное, когда твой ребенок хищный, а ты нет. И ты никак не можешь повлиять на его судьбу. Не можешь защитить, увезти, спрятать. Можешь лишь наблюдать и бояться.

Юля плакала и кричала на Диму, хватала за руку и пыталась увести, но мальчик брыкался, вырывался и бежал обратно к отцу. Она плакала все сильнее, причитала, затем присела рядом с ним и начала что-то шептать на ухо, обнимать, пока Влад не поднял ее с земли и не отвел в сторону. Там он что-то ей проникновенно говорил, и постепенно женщина успокаивалась и лишь слегка всхлипывала.

Стукнула дверь, и я обернулась. Глеб подошел к комоду и открыл верхний ящик. Увидев меня, иронично улыбнулся:

— Строишь концерт внизу?

— Что там происходит? — нахмурилась я.

— Юля хочет увести сына. Но Димон посвященный, увозить нельзя.

— С атли ему теперь безопаснее, — согласилась я. — Что ты делаешь?

— Вещи собираю. Съеду к альва, заодно и за Майей присмотрю.

Я вздохнула. Несмотря на то, что мы с Глебом общались почти как раньше, и поговорить с ним я могла обо всем, трещина в наших отношениях никуда не делась, чем бы я ее ни замазывала.

И вот он съезжает. Я буду совсем одна здесь, в этой комнате, в доме, заполненном людьми.

Впрочем, странно, что он не съехал раньше. Все равно ведь ночами пропадал где-то и неизвестно, спал ли вообще. Я лежала и смотрела в потолок, пока усталость не брала свое. А утром, когда Глеб возвращался, делала вид, что все в порядке.

— Тебе необязательно... съезжать, — пробормотала я и снова вышла на балкончик. Лужайка опустела, только Юля все еще всхлипывала на крыльце, а Рита обнимала ее за плечи.

Успокаивает. Толку только? Если придут охотники, ей нужно быть готовой к тому, что...

Если бы я могла ударить, как раньше! Как на поединке или тогда с Рихаром. Я закрыла глаза, сосредоточилась. Ощутила концентрацию кена в жиле, попробовала подвести его к ладоням. Получилось. Даже голова не закружилась. Словно я каждый день это делаю.

Что со мной происходит вообще? То я чуть ли не истощенная, то жила наполнена кеном. Правда, былой мощи как не бывало. Но может, оно и к лучшему.

— Странно будет, если я останусь. — Глеб вышел вслед за мной, вытащил сигарету и подкурил. — Ты мой друг, и чтобы ты им оставалась и дальше, мне лучше съехать.

Я кивнула и расслабилась. Кен из вен перетекал обратно в жилу, оставляя в теле приятное тепло. Небо полыхнуло молнией, а через несколько секунд раскатисто громыхнуло. Сорвались первые теплые капли — крупные, оставляющие аляповатые следы на гладкой плитке подъездного пути.

— Тренируешься? — Глеб кивнул на мои сжатые кулаки.

— Мне лучше, — поделилась я. — Действительно лучше. Кен прибывает, как ни странно. Но его мало. В прошлый раз на Достоевского я не смогла даже отбиться, а ведь охотник был молодой.

— Избавляться тебе нужно от этого дерьма, — посоветовал Глеб. — И побыстрее. Хочешь, отдай Теплому.

— Вот тогда Влад точно меня прибьет. А если я спрошу, не позволит. Все же эта сила пока у атли. Знать бы, как ее применить.

— Ну, вот у Влада и спроси, — пробормотал он и замолчал.

Я хотела еще что-то сказать. Что-то важное. Не помню уже, что. Потому что в следующую секунду в комнату вбежала Лара. Запыхавшаяся, покрасневшая Лара. Она блеснула на нас безумными глазами и выдохнула:

— Началось!

Жила отреагировала на слова защитницы мгновенно — заняла и наполнилась кеном. Вены обожгло, в голове зашумело, а перед глазами поплыли багровые круги. Лишь на секунду — потом все пришло в норму. Я вновь почувствовала себя сильной. Не такой, как раньше, но молодого охотника ударить смогу.

Я научилась ощущать свой кен, его концентрацию. Научилась управлять им. Ударить, когда нужно, сдержат, если время не пришло. Отличное оружие в войне. Еще бы кена побольше.

Лара бросилась вниз, забыв о присущей ей медлительности. Конечно, сейчас время защитниц — если они не смогут сдержать охотников, те войдут в дом. В голове тут же всплыли пугающие картинки из видения. Страх, отчаяние, смерть.

Я поймала взгляд Глеба и, показалось, в блестящих синих глазах уловила прощание.

К черту! Я не умру. И ему не позволю.

Вниз мы спустились быстро, и я тут же подошла к Майе. План был на удивление прост: мы с Глебом, еще двумя воинами и тремя защитницами альва защищаем девочку в гостиной. Но мне отчего-то не хотелось защищаться — я хотела драться. Сделать больно. Убить.

Злость всколыхнулась черным осадком, а за ней поднялся из глубин жил кен Тана — тягучий, липкий, дурманящий, как крепленое вино. Соединившись с кеном сольвейга, образовал термоядерную смесь — она обжигала, сдавливала дыхание, туманила мозг.

Я отмечала все, что творилось на тот момент в гостиной — рассредоточившихся воинов, готовящихся отражать атаку, защитниц у дверей и окон. Влад, Мирослав и Филипп появились наверху. Алексей Край притащил журнальный столик и поставил прямо перед ними.

Я отвернулась и взяла за руку Глеба. Не искала поддержки — скорее, хотела ее дать.

Война всегда сближает, затирает обиды, делает врагов сообщниками. Забываются будничные проблемы. Перед смертью они — ничто.

Глеб сжал мою ладонь и ободряюще кивнул, а я подумала, что впервые мы будем драться вместе. По-настоящему. И почему-то от этой мысли стало радостно, в груди заняло предвкушение, а на губах появилась злорадная улыбка.

Лара распустила волосы и села перед порогом. Закрыла глаза, губы зашевелились, а тонкие музыкальные пальцы перебирали воздух. Лара безумно красива, когда ставит защиту. Жаль будет, если ее убьют.

В углу Кирилл колдовал над воином альва и качал головой.

— Охотники повредили его жилу, — проследив за моим взглядом, сказала защитница, Света. — Вряд ли выживет.

Девушку трясло, глаза лихорадочно блестели.

— Мы выживем, — произнесла я твердо и посмотрела ей в глаза. — Верь мне.

Она кивнула и громко выдохнула.

На плечо легла чья-то рука. Я обернулась.

— Справишься? — дружелюбно спросила Ирина и улыбнулась.

Воительница выглядела совершенно спокойной и расслабленной. Что ж, она привыкла к битвам и смертям. Это я никак не могу...

— Справлюсь, — кивнула я и улыбнулась в ответ.

— Я буду рядом, — пообещала она.

— Спасибо.

Рядом с Ирой всегда было тепло. Я больше не зажималась, говорила все, что думаю, и она отвечала мне тем же. Иногда по вечерам мы много разговаривали о жизни, и мне все больше нравилась наследница митаки. Наш странный тандем сначала удивлял домочадцев, а потом все привыкли. Да и не до того было. Кроме Вики, у меня не было подруг, но с Ирой мы подружились.

И сейчас, когда пришли охотники, я была рада, что у меня есть поддержка сильной воительницы.

Хищные в доме притихли. Тишина пугала, давила страхом и отчаянием, вызывала дрожь в коленях и рождала панику.

Ева испуганно прижала Майю к груди, в глазах защитницы застыли слезы. Глеб подошел к ней и что-то шепнул на ухо. Она кивнула, отпустила дочь, и он подвел девочку к нам.

— Все будет хорошо, — сказала я и улыбнулась. — Веришь?

— Конечно, — кивнула Майя, поморщила усыпанный веснушками носик и уверенно добавила: — Тебе — да.

Я оглянулась на защитниц. Лицо Лары было напряжено, на лбу выступил пот, но она все шептала и раскачивалась, словно в транс. Плохое предчувствие шевельнулось в груди холодной змеей, жила откликнулась всплеском кена.

Я подняла голову и крикнула:

— Лара не выдержит!

Какое-то внутреннее чувство проснулось во мне свистящей противной сиреной. И я поняла: мы действительно не выстоим. Падем. Неважно, сколько нас внутри, сколько у нас воинов и защитниц. Охотники все равно сильнее. Их много, они сплочены и действуют по плану.

— Замените защитницу у двери, — крикнул сверху Влад.

Глеб ринулся вперед и поймал обессиленную Ларису. Она посмотрела на него и прошептала:

— Не могу... больше... — И отключилась.

Он оттащил ее, на ее место тут же встали две защитницы альва.

Нет-нет, нельзя! Они умрут. Погибнут сразу же.

Уходите от двери! Убирайтесь...

Моя жила бушевала, кен стремился по венам к ладоням, не находя выхода. Голова кружилась от нахлынувшего внезапно всеислия.

— Рассредоточьтесь! — скомандовал откуда-то сбоку Сергей, и митаки разошлись по комнате, готовые отразить удар охотников. Иван стоял поодаль и сжимал в руках острый клинок.

— Вот черт, — сказала я, и входная дверь распахнулась. — Бегите! — крикнула защитницам и подвела кен к ладоням. Мгновенно опьянела, шагнула вперед и выставила руки.

Первый охотник упал сразу — погиб от сжигающего кена сольвейга. Его грудь покрылась волдырями, из которых тут же начала сочиться сукровица, стекая на начищенный до блеска паркет.

Второй вошел почти сразу, перешагнул через своего товарища, с ненавистью взглянул на меня и порвал жилу одной из защитниц альва. Я узнала его — это был тот, из квартиры на Достоевского, от которого мы с Мирославом сбежали в Венген.

Я ударила снова, но он увернулся и тут же пошел в наступление — прямо на меня. Собрать кен не получалось, тело, как из ведра, окатило паническим страхом.

Я машинально задвинула Майю за спину и сосредоточилась.

Не бояться. Дышать. У тебя все получится.

Охотник был близко, я явно различала сеточку капилляров на его раскрасневшемся от азарта лице. Он смотрел на меня с ненавистью, и я поняла — этот не дрогнет. Пойдет до конца. Фанатик.

Все произошло в секунду. В воздухе взметнулись энергетические щупальца — я ощутила их кожей, — а затем охотник упал, сбитый с ног бросившимся на него с разбега Глебом.

— Глеб! — с ужасом выкрикнула я, но он не ответил. Зло бил охотника по лицу, не давая ему опомниться и понять, что происходит.

Я сосредоточилась.

Я — спрут, и мои руки щупальца.

Жила завибрировала, кен всколыхнулся, отделился от черной липкой субстанции и устремился по венам к ладоням — туда, где мог вырваться на свободу смертельным оружием.

Краем глаза увидела, как охотник сбросил Глеба и поднялся на ноги. Я уже собралась ударить, но сзади на охотника набросился Альшер, Глеб моментально воспользовался заминкой и вскочил на ноги.

А вокруг меня погибали хищные. Воины, защитницы падали на пол, их глаза стекленели, а тела безвольно ложились на паркет.

Смерти... Много смертей. И я среди этого ужаса, в доме, полном охотников — растерянная, несчастная.

Что делать? Что мне...

Майя!

Я повернулась к девочке. Она стояла — хрупкая, отрешенная — посреди усеянной трупами гостиной, и перебирала пальцами воздух. Вокруг нее столпились воины, отражающие удары, защитницы непрерывно шептали заклинания, не подпуская охотников, отвлекая их внимание.

Меня кто-то грубо схватил за плечо и развернул к себе.

— Она? — спросил у кого-то молодой охотник. Вгляделся мне в лицо и обратился уже ко мне: — Ты — Кастелла?

Я не успела ответить — он упал на пол, и под ним растеклась кляксообразная лужа крови. Иван Дирков вытер небольшой клинок о серую футболку убитого врага и кивнул мне.

— Майя? — крикнул Мирослав с вершины лестницы.

— Еще немного, папа, — откликнулась девочка, даже не взглянув в его сторону.

— Достаточно, — скомандовал Влад. — Иди наверх.

Майя встрепенулась, метнула на него взгляд и растерянно кивнула. Ну конечно, Влада она не имеет права слушаться — он теперь ее вождь. Девушек посвятили на второй день после нашего возвращения из Венгена. Посвятили в доме, где они позже воссоединились с атли.

Я решительно шагнула к ней.

— Дай руку.

Нашла теплую, маленькую ладошку и кивнула Еве. Страшно, наверное, когда твой ребенок — супероружие в войне. Я вот была несказанно рада, что Кира сейчас далеко, в безопасности швейцарского курорта.

— Идем, — шепнула Майе, одновременно выпуская смертельный кен в подбирающегося близко к нам охотника. — Ничего не бойся.

Справа рухнул на пол Иван, выпуская из рук тот самый клинок. Алишер с диким рыком прикончил охотника, надорвавшего его жилу.

Алина вскрикнула у окна, метнулась в сторону кухни, но ее перехватил двое грузных мужчин и потащили в коридор.

Я вздрогнула.

Не думать. Отрешиться. Довести Майю до цели.

С вершины лестницы полетел охотник, следом еще один. Два вождя дрались рука об руку, защищая... стол? На кой черт он им сдался?

Разбираться времени не было — я рванула Майю вперед, не заботясь о том, что могу сделать больно.

Мимо прокатился сброшенный с лестницы враг и замер на полу в странной позе поломанной куклы.

— Беги! — крикнула я девочке и отбила еще одну атаку. — Беги к папе!

И Майя побежала. Перескакивая через две ступени, помчалась наверх, а я развернулась, чтобы прикрыть ей спину.

Картина, представшая перед глазами, ужасала. Десятки мертвых хищных. Люди, которых я знала, с которыми жила, больше никогда не встанут, не будут дышать, любить, плакать и смеяться.

Никогда...

Чертовы охотники!

Злость поднялась волной, накрыла, затмила разум. Я била и била, старательно целясь, и радовалась, когда умирал кто-то из врагов. Они пришли сюда нас уничтожить, так почему я должна жалеть кого-то из них? Это война, а на войне смерть — хозяйка.

Выдохлась я быстро, поднялась на пару ступенек и села, тяжело дыша. Мельком увидела, как Ирина прикончила двоих, подняла клинок отца и пронзительно закричала. Был ли то крик боли или боевой клич? Какая разница? Я опустела. Совершенно. В жиле плескалась лишь темная, вязкая субстанция Тана.

Подняла голову наверх — туда, где колдовал Филипп. И наконец, поняла...

На журнальном столике — том, что охраняли вожди атли и альва — были аккуратно разложены восковые фигурки. Каждую из них брала в руки Майя, касалась и что-то шептала, а затем брала следующую и повторяла процедуру. Филипп вытирал салфеткой ритуальный нож атли.

Когда Майя положила последнюю фигурку на стол, он торжественно произнес:

— Благословенные духи Севера, воздушные пространства. Я призываю вас!

— Благословенные духи Юга, недра земли. Я призываю вас! — вторил ему сосредоточенно Мирослав.

— Благословенные духи Запада. Водные глубины. — Это уже Влад. — Я призываю вас!

— Благословенные духи Востока. Всепоглощающее пламя. Я призываю вас! — закончил заклинание Алексей.

— Охотник, разрушитель, убийца, — воскликнули они хором. — Я — хищный. Я — твой враг. Я призываю тебя — явись!

И я поняла, какой дар у Майи. Находясь там, среди десятков врагов, в самом эпицентре войны, она собирала ауры охотников. На расстоянии проникала к ним в жилу и брала флюиды, необходимые для ритуала кроту. И теперь Влад с Миром, Филиппом и Алексом могли убить их всех одним ударом. Проткнув восковые фигурки ритуальным ножом.

Я злорадно улыбнулась. Захлебнитесь, гады!

Чья-то теплая ладонь легла мне на плечо, и я не успела опомниться, как моя жила была на крючке. С ужасом я повернулась, и встретилась взглядом с серыми глазами.

— Атли! — громко сказал держащий меня на крючке охотник. — Прекрати это, или она умрет.

Сердце пропустило удар. Воздух со свистом вырвался из легких. Живот взорвался болью.

Ирония судьбы.

Однажды мы уже проходили это, только я была в роли палача, а он — в роли жертвы.

Мишель погладил меня по щеке тыльной стороной ладони, жалостливо заглянул в глаза.

Жалует. Жалость тут же откликнулась яростью. Будь у меня хоть часть былой мощи, я бы... Но поняла: не смогла бы. Посмотрела бы в серые глаза и не смогла. Только не его. Чувство вины — ненужная эмоция. Жаль, что я не умею от нее вовремя избавляться.

Два вождя и два жреца на вершине лестницы замерли, рука Филиппа застыла над черным воском. Ясно, как день: глупо меня спасать. Любой вождь, не раздумывая, проигнорировал бы ультиматум древнего.

Любой...

По спине пробежал холодок, вспомнились слова Мишеля о перерождении. Этот псих точно дождетя. Не пощадит.

Я подняла взгляд на Влада. Не знаю, зачем. Попрощаться? Наверное. Хотелось жить — неистово, до безумия. Дышать, любить, радоваться, смеяться. Что-то решать. Действовать. Чувствовать себя нужной.

— Видишь, Каstellла, — прошептал Мишель мне на ухо. — Вот так жертвуют людьми.

— К чему весь этот цирк, Мишель? — подал голос Влад. — Если мой жрец остановится, умрут все.

— Глупо думать, что полководец ведет войско, чтобы перебить всех врагов. Кто же тогда будет рабом? — усмехнулся Мишель.

— Сделаешь хищных рабами? Зачем? — спросил Мирослав. — Что тебе с того?

— Ты не в том положении, чтобы задавать вопросы, альва! — огрызнулся охотник. — Ну, так что мне делать с девочкой?

Влад опустил глаза. Сердце билось у меня в груди раненой птицей. Невысказанные мольбы взрывались внутри яркими вспышками. Липкая тишина заполонила мозг, постепенно превращаясь в противный гул. Жила болела от прикосновения смертоносных щупалец.

Если я умру, то не буду жалеть ни о чем. Только пусть они выживут. Глеб, Влад, Кира, Рита, Ира.

Они.

— Дай сюда клинок, — сдавленно велел Влад Филиппу.

Жрец помешкал и удивленно посмотрел на него. Протянутая рука не дрогнула, как ни

один мускул на бледном лице.

Нехотя Филипп вложил нож в руку Влада, и он поднял его над головой.

По телу медленно разлилось тепло. Я важна. Важна! Захотелось плакать и смеяться одновременно, но я сдержалась. Тепло поднялось к затылку, охватило голову и спустилось к вискам.

Где-то справа облегченно выдохнул Глеб.

— Брось нож, хищный, — оскалился Мишель.

— Гарантии? — деловито осведомился Влад, хотя по тону было понятно — бросит. Но нужно торговаться, потому как от его решения зависят жизни остальных.

— Ты будешь жить. И девочка. Мы уйдем, возьмем нескольких в заложники. Вернемся завтра и будем решать вопрос о вашем подчинении новой системе. Это больше, чем ты достоин получить.

Влад смотрел на Мишеля несколько секунд, а затем небрежно швырнул клинок ему под ноги. Я с шумом выдохнула, когда охотник убрал щупальца с моей жилы. Осознание, что все происходит на самом деле, по-настоящему, что наши жизни зависят от убийц, и те ставят нам условия, нахлынуло резко, вырвалось обидой, и я с силой сжала кулаки.

— Иди сюда, Полина, — позвал Влад, и я послушно шагнула на ступеньку, но прохладная ладонь охотника коснулась моего плеча.

— Она пойдет со мной. Мы оба знаем, что у атли ей не безопаснее, чем у охотников. Заодно и ты будешь думать быстрее. Мы оба знаем, для чего ты хранишь ее.

— Полина — атли. Все остальное тебя не касается, — бесстрастно ответил Влад.

— Кем вы себя возомнили? В былые времена, когда приходил охотник, хищные сидели в норках и боялись дышать. А что я вижу сейчас: вы бросаете нам вызов? Серьезно?

Он раскатисто засмеялся.

— Ни один хищный не может безнаказанно бросать мне вызов. — Мишель посмотрел на меня. — А тем более, обижать тех, кто мне дорог. Или думал, я не узнаю? Не найду способ тебе помешать? Что молчишь, атли? Мне четыреста лет, неужели действительно думал, я не отличу драугра от зверя?

От упоминания о древнем вампире у меня по спине пробежал холодок. Я непонимающе взглянула на Влада, но он был полностью поглощен Мишелем.

Молчал. Не отрицал, не спорил. Просто молчал. Боялся разозлить древнего или...

— Хватит разговоров! — раздался голос со стороны двери. Облокотившись о стену там стоял еще один древний. Я не знала его имени, но лицо запомнила хорошо — еще с совета. — Бери то, зачем пришли, Мишель. У нас еще дела.

— Ее. — Мишель кивнул на меня. — Брюнетку и отреченную альва.

Второй охотник скользнул по мне взглядом, а затем заинтересованно пригляделся, по-видимому, узнавая.

— Ба! Кого я вижу. Сегодня прям день сюрпризов. — Вновь посмотрел на Мишеля, схватил за руку дрожащую рядом Риту и подтолкнул ее к стоящему неподалеку молодому русоволосому охотнику. — Поехали.

Мишель направился к двери, и я инстинктивно шагнула за ним. Чувствовала себя совершенно растерянной.

Что нужно охотникам? Ради чего они затевали войну? Как прошли через поставленную девушками защиту? Как Мишель смог подобраться ко мне, ведь лестница — единственное место в доме, к которому был закрыт проход даже самому древнему из древних? Влад

собственноручно ставил защиту, а Мир помогал.

Глеб возник перед нами внезапно, я даже вздрогнула. Смотрел на охотника без страха и сомнения. Отчаянный. Мой Глеб.

— Зачем тебе эта? — кивнул на Риту. — Возьми меня.

— Ни шагу больше атли, — серьезно предупредил Мишель. — Не нарывайся, я слегка раздражен.

— Глеб, отойди, — прошипела я, но он даже не взглянул на меня.

— Она доверяет мне. Если уж ты настолько озабочен ее состоянием...

— Отойди, атли! — грозно велел охотник. — Послушай девушку. Не хотелось бы убивать тебя у нее на глазах.

Прохладный воздух ворвался в легкие, остудил голову и немного отрезвил. Я оглянулась назад — на дом, в котором жила столько лет и который казался мне крепостью.

Бред. Хищные не могут быть ни в чем уверенными. И вот сейчас та жизнь, к которой я привыкла, летела под откос, трансформировалась в новую, неизведанную, опасную и лишенную свободы.

Я поймала взгляд Влада — сосредоточенный и спокойный.

Что он предпримет? Будет ли вызволять нас?

Проще, конечно, собраться и уехать. Обосноваться там, где охотники не найдут, и основательно задуматься о будущем.

Нет, Влад не уедет. Не оставит пророчицу и собственную сестру в руках у охотника. Это же неразумно. А Мирослав не оставит Еву. Нас спасут.

Ладонь Мишеля прошлась у меня по спине, и я вздрогнула. В окружении десятков охотников, два из которых древние, было совершенно неудобно.

У входа нагло припарковались три авто, Мишель взял меня под локоть, подвел к белому «Опелю» и галантно открыл заднюю дверцу. Я рассерженно вырвала локоть и нашла взглядом сестру и Еву. Рита, как всегда, дрожала и нервно оглядывалась. Ева держалась лучше и, поймав мой взгляд, ободряюще кивнула.

Я села в машину и отвернулась к окну. На душе было паршиво. Освещающие двор фонари грустно моргнули нам вслед и скрылись за поворотом. Я подавила проснувшееся в душе отчаяние. Толку от него мало, а паника, которая неизменно появилась бы следом, лишила бы возможности нормально думать.

Подумать было о чем. Во-первых, охотники, как оказалось, не хотели нас уничтожать. С одной стороны это, конечно же, плюс, а с другой могло обернуться для хищных бесконечным рабством. Во-вторых, безумно хотелось узнать, что же Мишель знает о драугре.

Он явно хотел сказать. Я кожей ощущала это желание и досаду оттого, что сказать он не может. Клятва глубинным кеном — это вам не шутки. Слова древнего, которые вертелись у меня в голове последние несколько минут, с каждым разом вспыхивали новым, пугающим смыслом.

Одно я поняла точно — и Влад, и Мишель знают, кто драугр. Существо, желающее моей смерти совсем рядом, готово выйти из тени и выпить меня досуха. И Мишель считает, Влад хочет этого.

Что за бред? Зачем тогда было меня спасать? Ведь ритуал изгнания Девяти, каким бы ужасным и жестоким он ни казался, был призван спасти меня. Уверена, по этой же причине Влад не настаивает, чтобы я отдала кен Тана. У него странные способы заботы, но они хотя бы логичны.

Охотник же заботится весьма своеобразно: приходит в наш дом, убивает моих близких и забирает меня в плен.

Нет, древнему точно верить нельзя, особенно если учесть, что он слегка не в себе. Да что там — Мишель просто чокнутый! Наверное, вредно жить столько. Мозги плесенью покрываются.

— Ты молчаливая сегодня, — как бы между прочим, произнес охотник, вырывая меня из смутных размышлений.

— Ты не подумал, что мне просто не нравится собеседник? — огрызнулась я.

— Все зависит от темы беседы, которую он может предложить, — философски парировал он.

— Будто ты можешь сообщить мне что-нибудь новое! — фыркнула я и сложила руки на груди. — Хотел бы, давно сказал.

— Я не могу сказать, верно. Прямо не могу. Но ты умная девочка и сама умеешь делать выводы.

— Хорошо, говори, я слушаю. Речь пойдет о драугре, верно? Я знаю, что он хочет мой кен. Что ты еще можешь сообщить мне?

— Когда твой вождь пойдет на уступки, я отпущу тебя. Как смотритель города имею право. Тогда советую тебя отречься и уехать.

— Смотритель города? Ты о чем?

— Мы поговорим об этом позже. Это не те вещи, которые нужно обсуждать сейчас — слишком мало у нас времени наедине. Есть гораздо более важные темы.

— Я не уеду. И отречься не стану — что еще за глупости?

— Твоя каста. Сольвейги. Найди их, и будешь в безопасности. — Мишель склонился близко и проникновенно прошептал мне на ухо: — Ищи такого же, как ты.

От невольной близости древнего в душу вполз страх. Неконтролируемые инстинкты хищного проснулись, усиливая и без того сгустившееся напряжение. В машине было душно, но попросить открыть окно я не решалась. Слова охотника осели на задворках сознания, перекрываясь эмоциями от его присутствия.

Что он имел в виду, говоря о сольвейгах? Есть другие? Те, кто выжил?

Я невольно отодвинулась, а Мишель усмехнулся. Грустно, как мне показалось. Черт, неужели он всерьез убежден, что у нас что-то выйдет? Он же охотник, а я хищная. Такие отношения не имеют будущего. Ладно еще дружба, как у меня с Андреем, но любовь... Бррр! Он точно чокнутый. Еще чокнутей меня.

До Липецка мы доехали меньше, чем за двадцать минут. Водитель гнал по трассе, оставляя позади фонари и спящие деревья, а с ними надежду на счастливое разрешение ситуации.

Мы остановились у красивого здания в центре города. Того самого, где в прошлом году проходил совет древних. В памяти тут же всплыл огромный зал, величие на лицах охотников и высокая машина для пыток.

Я невольно вздрогнула и отстраненно приняла помощь Мишеля, чтобы выйти из машины. Из рядом припаркованного автомобиля вышла Ева, а следом Рита, которая тут же влипла в защитницу и уткнулась носом ей в ключицу. Трусиха!

— Это что, ваш штаб? — спросила я заносчиво, прямо взглянув в глаза Мишелю.

— Ты догадливая. Впрочем, ты тут уже была. — Он на секунду задумался и сморщил лоб. — Как же глупо ты поступила, отказавшись от благодати.

— Тебе было бы проще, если бы я осталась охотником, — съязвила я и смело шагнула к входу к зданию, полному охотниками.

Хватит прятаться. Хищные и так почти на грани поражения, а мы в заложниках у армии разъяренных убийц. И если я смогу выведать что-то внутри, минусом это не будет.

Мы поднялись на второй этаж, проследовали витиеватыми коридорами, скрадывающими шагами, которые тонули в толстых, пушистых коврах. Остановившись у массивной двустворчатой двери с резными ручками, и Мишель негромко постучал.

— Входи, — раздался до ужаса знакомый голос. Я уже слышала его раньше, только вот где?

Подумать мне не удалось, охотник распахнул дверь и осторожно подтолкнул меня внутрь. Я сделала шаг и застыла на пороге, открыв от удивления рот, забыв обо всех опасностях на свете.

Теперь ясно, как охотники смогли преодолеть защиту хищных. Да у нас просто не было никаких шансов. Даже мизерных. Мы были обречены с самого начала!

Хозяин комнаты поднялся с высокого кресла, обитого темно-зеленой парчой, и небрежно сунул руки в карманы широких брюк.

— Ну, здравствуй, Полина, — улыбнулся Альрик и подмигнул мне. — Я скучал.

Глава 28. Побег

— Альрик! — выдохнула я. Застыла на пороге, забывая про стоящего сзади Мишеля, и нагло уставилась в глаза Первозданному. — Ты жив?

— Да ну брось, ты ведь не думала, что я настолько глуп!

— Но как... Зачем это все? Как же Сар? Остальные?

— Эти мертвы. — Он поморщился. — И я ничуть не жалею.

— Ты все спланировал, — догадалась я. — Еще когда я была охотником, ты уже знал.

— Я планировал это не одно столетие, девочка, — снисходительно улыбнулся Альрик. — Взрастил их, как собственных детей. — Он кивнул на Мишеля. — Да ты проходи, присядь. Как же все-таки интересна жизнь!

— Зачем ты убил их? — спросила я и бесстрашно вошла в комнату древнего.

Внутри пахло мускусом и лимоном, а еще табачным дымом. Окно было завешено тяжелой складчатой шторой. В углу, возле кресла раскинулся высокий фикус. В пепельнице на журнальном столике лениво дымилась сигара, в чашке остывал недопитый кофе. Рядом стояла полупустая бутылка коньяка.

— Они пахли нафталином. Да с них пыль уже сыпалась — ты сама видела. Никакого понимания ситуации в мире. Такие бриллианты, как ты, нуждаются в огранке, но им было плевать на хищных. Да и сил у Первозданных почти не осталось — так, отголоски былой мощи. Рано или поздно охотники сделали бы это сами. И тогда ничто не спасло бы вас.

— А ты спасешь?

— Я дам выбор. Спасись или нет, решать вождям.

— И что дальше — перебьете всех хищных? Или заставите работать на вас? Превратите нас в рабов?

— Бог с тобой! Откуда ты набралась этого первобытного бреда? В рабов... — Он рассеянно улыбнулся. — Каждая война ведется для достижения мира, в той или иной степени удовлетворяющего обе враждующие стороны. Новый порядок, который мы собираемся ввести, будет учитывать интересы трех сторон конфликта: охотников, хищных и ясновидцев.

— Каким образом?

— Это вопросы политики. Не думаю, что тебе интересно их обсуждать. Но если хочешь, можешь присутствовать на переговорах с вождем атли. Ты — сильна, а это всегда интересно.

— Альрик, касательно вождя атли, — подал голос Мишель. — Мы обсуждали...

— Довольно! — перебил Первозданный и махнул рукой. — Ты силен и самодостаточен, чтобы решать проблемы сам. Разве атли свергали его? Нет. Вот и оставь Влада в покое. Как по мне, он достоин того, что имеет.

Мишель с шумом выдохнул и замолчал, а во мне проснулось злорадство. И надежда. Все-таки Альрик импонировал мне. Возможно, именно с ним я смогу договориться.

Но Первозданный, к несчастью, потерял ко мне всякий интерес. Уставился в окно, вернее, на завешивающий его бархат и рассеянно произнес:

— Ты устала. Поспи. Мне нужно решать организационные вопросы.

— Идем, — мрачно велел Мишель и коснулся моего локтя.

Да что же он меня трогает, а! Будто я дитя малое, и не могу сама определиться, идти мне или стоять. Все же он охотник, и мне не очень-то приятны его прикосновения.

— Альрик. — Мишель слегка поклонился, Первозданный обернулся к нам и снисходительно сказал:

— Не стоит, друг мой. Поклоны оставь рабам, — дружелюбно улыбнулся охотнику. — Спокойной ночи, Полина. Я безумно рад, что ты вновь с нами.

— Зачем нас привезли сюда? — спросила я Мишеля, когда мы вышли.

— Ваши вожди должны пойти на переговоры, и вы — часть этих переговоров. Разменная монета. Заложники.

— Не лучше ли вернуть нас в целостности и сохранности, если вы так хотите мира?

— Так и будет, — уверил Мишель. — Всему свое время.

— Почему ты так ненавидишь Влада?

— Я не ненавижу его. Он для меня — ничто

— Тогда почему добиваешься его отставки?

— Ты слишком разговорчивая для пленницы.

— Я думала, ты хотел поговорить.

Мишель остановился и серьезно посмотрел на меня.

— Это не шутки, Полина. Меняется власть, и если думаешь, что тебя пощадят из-за твоих способностей или из-за моего особого к тебе отношения, ты ошибаешься. На кон поставлено слишком много.

— Меня пощадят из-за особого отношения Альрика, — смело парировала я. — Он ведь хочет посмотреть, что я буду делать, когда придет драугр, верно?

— Замолчи! — прошипел охотник, прижал меня к стене, а его щупальца коснулись моей жилы. — Или я собственноручно прибью тебя.

— Зачем ты это делаешь? — прохрипела я. Он медленно отпустил меня, отвел взгляд и, казалось, смутился. — Говоришь все это? Пугаешь?

— Просто хочу, чтоб ты выжила.

— Почему?

— Боюсь вновь потерять тебя, Кастелла.

— Ты не можешь меня потерять, — произнесла я, четко выговаривая каждое слово. — Меня у тебя никогда не было.

— Ты права, не было, — согласился он. — Но ты есть у мира...

Остаток пути мы преодолели молча. Мишель открыл для меня дверь и кивнул — мол, входи.

Комнатка была маленькой, но чистой. Три небольшие опрятные кровати в ряд, тумбочка в углу, а на ней — настольная лампа. Прозрачная тюль на окнах. И две дрожащие девушки, вскочившие при нашем появлении.

— Спокойной ночи, Кастелла, — сухо попрощался Мишель и закрыл за мной дверь.

— Ты в порядке? — обеспокоенно спросила Ева, ощупывая меня на предмет повреждений. — Почему они держали тебя так долго?

— Я цела. Но боюсь, мы здесь заложники. До переговоров точно.

Я села на кровать и зевнула. Безумно хотелось спать.

— Чего хотят охотники? — испуганно спросила Рита.

— Насколько я поняла, хотят, чтобы мы им подчинялись, — устало ответила я. Легла и

подтянула колени к груди. — Я вот готова подчиниться. Мне сказали идти спать, и я ложусь. Что и вам советую сделать.

И закрыла глаза. Девочки еще некоторое время шептались о чем-то, а затем погасили свет. Темнота оказалась уютной и приветливой, тело расслабилось, и я провалилась в сон.

Мне снилась рыжая, она держала меня за руку и улыбалась. Затем мы шли куда-то, пробираясь сквозь терновник, и острые шипы царапали руки до крови. Я терялась, кто-то обнимал меня сзади. Мне становилось тепло и безразлично, я проваливалась в яму, летела вниз. Знала, что разобьюсь, но сил сопротивляться не было. Не было ничего. Не было меня. Я растворялась в темном вязком киселе, плавала в нем, обездвиженная, мертвая.

Пустая.

Липкая темнота поглощала, впивалась в мозг, вливалась в уши, в рот, вдыхалась вместе с воздухом и растворяла меня в себе. Страх проснулся внезапно, заставил бороться, двигаться, выныривать из темноты.

Тщетно.

Тьма была сильнее, завладела моим телом, давила изнутри, подчиняла.

Я проснулась от резкого рывка и тут же поняла, что кто-то зажал мне рот ладонью. Дернулась, меня прижали к кровати, и шепнули в ухо:

— Тихо, свои.

И убрали руку.

— Влад? — Я опешила, села на кровати. У окна мелькнула еще одна фигура, и я услышала, как Мирослав шепотом будит Еву. — Вы совсем обалдели?! В помещении полно охотников.

— Зато у меня есть это. — Он взял мою руку, поднес к груди, и я нащупала знакомую вязь амулета Альрика. — Знаешь, такие вещи не хранят в косметичке.

— Ну, извини, бронированного сейфа у меня нет.

Язвила я на автомате. На самом деле была ужасно рада, что они пришли. Рита тоже проснулась, бросилась на шею Владу так, что не отлепить, и беззвучно расплакалась.

— Испугалась? — шепотом спросил Мирослав и приобнял меня за плечи.

Я замотала головой.

— Амулет скрывает вас обоих?

— У меня был еще один, забыла? — откликнулся Влад. — Пошевеливайтесь. Вас они не защищают.

Со второго этажа мы спускались долго. Во всяком случае, мне так показалось. Я поняла, что альпинист из меня никакой, когда соскользнула с веревки, упала в кусты, подвернула ногу и оцарапала руку. Ни к месту вспомнился странный сон, откликнулся в душе смесь страха и злости, и усилил сердцебиение.

— Отпускать нужно, когда чувствуешь землю, — пошутил Влад и, пока я не успела возразить, подхватил меня на руки. Возражать хотелось первые несколько секунд, потом это желание исчезло, я обняла его за шею и закрыла глаза.

Машина была припаркована за углом. Влад спустил меня на землю и открыл дверцу. Я подавила легкое сожаление и забралась внутрь. Нога болела все сильнее, скорее всего, я ее таки вывихнула. Впрочем, это все равно лучше, чем ночевать в штабе охотников. Разговор с Альриком окончательно убедил: пощады для хищных в этой войне не будет.

Ехали мы быстро. Неизвестно, как скоро охотники заметят наше отсутствие и поднимут шум. Я даже боялась представить, что они сделали бы с нами, если бы поймали. На ум

приходили всевозможные способы использования пыточных орудий.

Знакомый город казался чужим — скалился яркими витринами, задерживал на светофорах, отсвечивал безразличными лицами ночных гуляк. Город продолжал жить, несмотря на нашу утрату, а сегодня мы покидали его. Надолго ли?

Короткие остановки на трассе — купить воды и перекусить, бесстрастный, отрешенный взгляд продавщицы в синем переднике. Окурки на асфальте у входа.

Безумно, с непреодолимым желанием захотелось курить, дрожащими руками я распечатала новенькую пачку «Marlboro», чиркнула зажигалкой. Сладкий дым вполз в легкие, растекаясь по крови приятным расслаблением.

Скорее всего, массовые убийства являлись своего рода запугиванием, чтобы показать нам, насколько сильны охотники. Альрик — хищный и сечет в психологии своего вида. Карабкаться наверх и пресекать любые поползновения — такова была его нынешняя тактика.

Хотя я была уверена: нас с Владом он не тронет при любых обстоятельствах. Да и Первозданный настолько силен, что может сквозь пальцы смотреть на трепыхания каких-то несчастных трех племен. Каждый из нас имеет слабости. Для Альрика слабостью было любопытство.

Мимо на огромной скорости проносились машины, освещая фарами темную гладь новенького асфальта.

— Поехали, — произнес совсем рядом знакомый голос, и на плечо легла теплая рука. — Они все еще могут выследить нас.

— Они выследят по-любому, — устало ответила я. — Альрик жив.

Влад на секунду замер, недоверчиво взглянул на меня, а затем опустил глаза.

— Это многое объясняет.

— Он был рад меня видеть. А вот Мишель — не очень. Советовал отречься и бежать из страны. Была бы возможность улететь на Луну, думаю, он купил бы мне билет.

— С чего бы? — спросил Мирослав. Он появился откуда-то сзади, незаметно, и это не понравилось Владу. Впрочем, вида он не подал. Ну и я не стала. Играть, так до конца.

— Он убежден, что я в опасности. Что поблизости бродит драугр, который хочет кен сольвейга, — ответила как можно спокойнее.

На самом деле спокойствие соблюдать было тяжело — в виски тут же ударило, а внутренности будто погрузили в кипяток, а затем в ледяную воду. Жар поднялся вверх по позвоночнику, но я выдержала взгляд Влада.

На этот раз он был колючим и злым, словно предупреждал: еще одно слово, и тебе несдобровать. Но я больше не верила угрозам. Где-то поблизости притаилась гораздо более страшная, которая может убить, а этого я никак не мог допустить.

— Драугр? Серьезно? — Мирослав рассмеялся и посмотрел на Влада с таким видом, будто считал древнего свихнувшимся идиотом.

Влад пожал плечами, всем видом соглашаясь с мнением вождя альва.

Ах так, значит! Играешь в собственную игру. Ну ничего, так просто я в этот раз не отстану. Надоело быть пешкой в чьей-то затейливой игре. И мне все равно, кто игрок — Альрик или Влад. Да хоть сам Херсир, черт возьми!

— Этот охотник с самого начала показался мне чокнутым, — покачал головой Мирослав. — Ты конечно, клевая, Полинка, но он к тебе слишком привязан. Слишком для врага. И эти разговоры о драуграх... Он бы еще сказал, что за тобой Санта охотится.

— Влад, а ты как думаешь, они существуют? — спросила я, стараясь казаться равнодушной.

Представляла, что он выскажет мне после, но тут, при свидетеле, отвертеться уже никак не получится. Да и молчать я не собиралась.

— Сейчас нужно думать о существующих проблемах, а не о всяких глупостях, — поучительно сказал Влад и направился к машине.

Понятно, решил съехать. Сейчас меня еще параноиком выставит, как пить дать. А потом наедине устроит скандал. Что ж, я не против скандала. Вот совсем.

— Куда мы едем? — подала испуганный голос Рита, когда мы уселись в машину.

— В Воронеж, к митаки, — ответил Влад. — Ненадолго. Если Альрик жив, охотники и курсе места жительства большинства племен. Нужно будет искать укрытие понадежнее.

Я подумала о том, что будет, когда охотники найдут нас. Если найдут...

Альрику, конечно, интересны мы с Владом, но остальные-то нет. И то, что пленников увели у него из-под носа, используя его же защитные амулеты, несомненно, покоробит Первозданного. А обиженные древние — всегда не к добру.

Впрочем, останься мы в Липецке, охотникам ничто не помешало бы убивать и дальше. Не думаю, что Альрик стал бы останавливать дорвавшихся до власти фанатиков. Таких, как Бен. Своих солдат нужно кормить, иначе они восстанут против тебя.

Быстрое движение усыпляло. Я закрыла глаза, но уснуть почему-то не смогла. В голове беспорядочно кружили мысли. Враг ближе, чем я могла предположить. Рыжая как-то связана с драугром. Как и человек из сна — тот, рядом с которым всегда тепло и уютно. Рядом с которым хочется остаться. Интересно, он существует, или это лишь плод моего воображения?

Осознание сказанного Мишелем мелькнуло в мозгу вспышкой — яркой и болезненной. Я открыла глаза и больше уже не смогла закрыть. Внутренности наполнились холодным ужасом, дышать стало тяжело, почти невыносимо, а сердце пропустило удар.

Взглядом я подозрительно обвела сидящих в машине. Оценивала все — мимику, позу, эмоции, которые каждый из них позволял себе выразить. Вспоминались обрывки брошенных мимолетно фраз, обрастающие вдруг новым смыслом — пугающим, ненормальным.

Завершали картину слова, брошенные древним.

Думаешь, я не отличу драугра от зверя?

...от зверя...

Получается, драугр маскируется под хищного? И Влад знает об этом.

Что если он рядом, или даже сейчас едет с нами в машине...

Нет, я не верю! Влад бы не стал. Не из-за меня — он просто не позволил бы подвергнуть атли такой опасности.

И себя.

Влад любит жизнь больше кого-либо, а драугр может убить его в секунду. Укрывая меня, он подвергает племя опасности.

Но Мишель говорил так уверенно... Думаю, если бы не клятва глубинным кеном, охотник с радостью поведал бы, что скрывает вождь атли. Да, но ведь я сама могу спросить. Влад больше не сумеет запугать меня — пугать просто нечем. Авторитетом тоже давить без толку, я редко подчиняюсь его приказам.

Сольвейг, что с меня взять? Чужая...

Мишель просил меня найти своих. То есть, существуют и другие сольвейги —

выжившие. Те, до которых не добрались чудовища типа того, что преследует меня.

Где же их искать? Скорее всего, они скрываются и знать не знают о том, что подобная им живет среди хищных. Но они-то ведь сами такими были. У них была семья, племя, возможно, дети...

В Воронеж мы приехали уже с рассветом. Припарковались у высоких металлических ворот, от которых вправо и влево расползлся забор из остроконечных кольев разной высоты. Забор огибал широкий двор и показывал лишь небольшую часть пологой крыши.

Место казалось заброшенным и негостеприимным. Словно вырванное из прошлого, наполненное жестокостью, нерадушного и опасного, хмурилось и впускать не спешило. От серых, кое-где покрытых легким слоем ржавчины ворот, веяло холодом и враждебностью. И почему-то вспомнились слова Лары в больнице о том, что митаки странные.

Влад набрал номер и лаконично сказал в трубку:

— Открывай.

Ворота разъехались в разные стороны, являя нам еще более мрачный двор, поросший травой и кустарником. В митаки явно не придавали значения уюту и теплу.

Мы припарковались у крыльца, я вышла из машины и поежилась. На пороге нас встречала Ирина. Не говоря ни слова, она спустилась, обняла меня и шепнула на ухо:

— Я безумно испугалась!

Стало приятно, и дом уже не казался таким негостеприимным. Раз уж сама хозяйка так приветлива, то не стоит сетовать на неудобства.

Дом оказался просторным. Светлым, с большими окнами и высокими потолками, чистым, но все же немного холодным. Лишенным уюта. Штор на окнах не было, в гостиной стоял лишь широкий угловатый диван и несколько кресел. Ни ковра на полу, ни цветов в горшках. Огромный каменный камин в углу распахнул широкую темную пасть и скалился.

На диване плакала Каролина, а Оля гладила ее по спине. Я дохромала до девушек и присела на соседнее кресло. Подняла глаза на Иру и спокойно спросила:

— Кто?

— Отец и Сережа... не пережили битвы. Из атли погибли две защитницы и воин — Алишер. Лариса... — Она запнулась и отвела взгляд.

— Что? — Сердце забилось быстрее, в глазах потемнело.

Видения не врут. Или врут? Можно ли избежать смерти, если пророчица предупредила о ней?

— Боюсь, она не доживет до вечера, Полина. Истощена.

Рита ахнула у двери и повисла на стоящей рядом Еве.

— Где Глеб? — Я испуганно осмотрелась, но Ира присела рядом и накрыла своей ладонью мою.

— Помогает атли устроиться. Хотел ехать с Владом вас спасти, но потом они решили, что Мирослав все же сильнее, если учесть его способности. Никто не знал, получится ли у них.

Я кивнула. От сердца отлегло, дыхание постепенно приходило в норму. Впрочем, в норму уже ничего не придет. Атли потеряли троих, возможно, к вечеру умрет и Лара. Мы с защитницей никогда не ладили, но я не хотела бы, чтобы она умерла вот так. Чтобы она вообще умерла.

— Ты как? Держись? — спросила я Иру, отгоняя мрачные мысли.

— Я привыкла к смертям. Каждый воин готов к тому, что кто-то из близких умрет. —

Она опустила глаза и произнесла безэмоционально: — Ненавижу охотников. Думала, что не смогу ненавидеть кого-то больше, чем Чернокнижника. Но оказалось, могу.

— Кто теперь будет править митаки?

— Все решится на совете. Я больше в праве влиять на жизнь митаки.

— Почему? То есть... ты ведь могла править, даже будучи женой Влада? Зачем было менять племя? — Я прищурилась, склонилась к ней и шепотом спросила: — Влад настоящий?

Ира улыбнулась и покачала головой.

— Муж и жена должны быть всегда вместе, Поля. Иначе когда пути племен разойдутся, им придется разойтись тоже. Жить раздельно. Это неправильно. Жена должна идти за мужем — такова традиция.

Я сжала ее руку и искренне сказала:

— Твой отец спас мне жизнь. Он погиб, как герой.

Ира ничего не ответила. Лишь улыбнулась и обняла меня крепко. И мне стало хорошо. Тепло. Уютно.

Война сближает. Стирает разногласия, сглаживает острые углы, заставляет сплотиться. Атли именно этого не хватало всегда — сплоченности. И теперь мы здесь, выжитые из собственного дома армией убийц, вдали от источника силы, охваченные горем и отчаянием. Привезли вместе с собой запах смерти — сладковатый, приторный. Рождающий страх и панику.

Кирилл вышел из темного коридорчика слева, тяжело вздохнул и отхлебнул из бутылки, стоящей на столе у камина. Затем взглянул в нашу сторону, и на лице лекаря мелькнуло облегчение.

— Слава богам, вы живы! — произнес он и отпил еще глоток.

— Как Лара? — спросила я и поморщилась. Нога болела все сильнее и, показалось, даже опухла.

— Я не могу ей помочь. Вряд ли кто-то сможет. — Кирилл подошел и присел рядом на корточки. — А вот тебе не помешает помощь. Что произошло? — Он кивнул на опухшую коленку.

— Упала, когда выбиралась из окна штаба охотников, — призналась я и застонала — лекарь слегка надавил на больное место и нахмурился.

— Идем ко мне в комнату. Там пока никого, будет удобно тебя лечить.

Комната Кирилла находилась на первом этаже. Проходя мимо одной из спален, дверь которой была приоткрыта, я заметила сгорбленную фигуру Филиппа, сидящего над почти безжизненным телом Лары.

Лицо защитницы было бледным, щеки впали, под глазами легли черные круги. Смерть не щадит красоту, а мои видения — не панацея от потерь. Увы. Лариса Домбровская, сильнейшая защитница в истории атли не переживет этот день.

На глаза навернулись слезы, я почувствовала теплую руку Кирилла у себя на плече.

Нужно жить дальше. У нас множество поводов для этого. И причин. У меня-то уж точно. Стать сильнее, поговорить с Владом о драугре. Подстраховаться. Хорошо, что кен колдуна пока еще защищает меня, но что будет, если вдруг его не станет?

Словно прочитав мои мысли, Филипп резко обернулся и посмотрел в нашу сторону. Карие глаза хищно блеснули, и я невольно отшатнулась.

— Идем, ты еле стоишь, — шепнул мне на ухо Кирилл, и я заставила себя отвернуться от жреца.

Кирилл помог мне быстро — через полчаса отек сошел, и я смогла наступать на ногу, почти не ощущая дискомфорта. Кен целителя творит чудеса. Каждый из Макаровых силен в своем деле.

Лекарь оставил меня отдыхать в своей комнате, а сам спустился вниз помочь остальным устроиться. Дом митаки, хоть и был большим, но нас всех вместить было сложно.

Я закрыла глаза, почти погружаясь в сон. Отдохнуть хотелось невероятно, особенно если учесть, что ночь была та еще. Меня уже охватила нега полузабытья, когда я ощутила, как кто-то коснулся моей руки.

Я вздрогнула, распахнула глаза, но Филипп приставил указательный палец к губам, призывая к молчанию.

— Тсс, не кричи. Нужно поговорить. Это важно.

Серьезно слушала я минут пять, потом уверилась в мысли, что Филипп помутился из-за приключившегося с Ларой. Вид его это подтверждал — фанатичный блеск в глазах, нервные движения, путанная речь. Но смысл сказанного я уловила хорошо.

— Ты в своем уме? Отдать тебе кен Тана? Ты и без него отлично плел интриги. Извини, но это был бы самый глупый мой поступок, а у меня их — коллекция.

— Я же не прошу все! Немного — чтобы я смог... Она сейчас не здесь — далеко, и ни один ритуал не помогает. Я все перепробовал. Все, что умел. Все, к чему у меня есть способности. Но есть другие ритуалы — темные. Я изучал. Много знаю. Для них нужен особый кен — полученный в результате кровавых жертвоприношений.

Я поморщилась, но Филипп даже внимания не обратил, продолжал говорить быстро, сбивчиво и все больше нервничал.

— Я бы пошел на что угодно. Проводить ритуалы умею. Но чтобы собрать все необходимое количество, нужно время. Выбор жертвы, контакт с ней, поиск места... Лариса просто не доживет. А у тебя есть все, что нужно — готовый кен.

Я встала и прошлась к окну. Нога окончательно восстановилась, боли не было — хоть снова в окно лезь. Идея казалась заманчивой — я совершенно не знала, что отвечать Филиппу. Его просьба была дикой, но такой проникновенной.

На что способен любящий человек, чтобы спасти любимого? Что делала я, чтобы спасти Киру? Если подумать, то каждый из нас рано или поздно в той или иной мере становится безумцем.

Я понимала Филиппа. Но помочь не могла. И дело было даже не в их противостоянии с Владом и том, что Филипп мог воспользоваться кеном Тана, чтобы свергнуть его. Сама идея поделиться с кем-то полученным в результате ритуального убийства казалась дикой. Неправильной. Тан предупредил, что его кен — путь к спасению, и вот я жива, несмотря на общую слабость и бессилие.

— Не могу, — произнесла я тихо, не поворачивая головы и не глядя в глаза жрецу.

— Почему? — Он с шумом выдохнул, и я услышала, как продавилась кровать.

— Тан бы не хотел этого.

— Тан? Seriously? С каких пор мы задумываемся о том, чего хотел бы мертвый колдун? Разве не ты убила его?

— Именно поэтому, — твердо сказала я.

— Интересно, если бы на месте Лары сейчас лежал Глеб или Влад Вермунд, как бы ты поступила? Смогла бы жить с тем, что могла спасти кого-то из них, но не спасла? Я так не думаю.

— Неважно, кто там лежит.

— Ой ли? Ты никогда не любила Лару. С такого ракурса все выглядит... знаешь, не очень.

— Вот уже не думала, что ты будешь обвинять меня в отсутствии морали, Филипп Макаров!

— Ты сама себя обвинишь. Потом. Но для Ларисы будет поздно.

Он демонстративно гордо поднялся, развернулся и вышел, громко хлопнув дверью. На душе было паршиво, словно я действительно виновата в состоянии Лары. Самокопания — самая вредная привычка в мире. От нее почти не избавишься, зато неприятных ощущений — хоть отбавляй.

Я вышла в коридор и тут же наткнулась на Риту.

— Не видела Влада? — спросила она. Я покачала головой. — Хочу узнать, где нас поселят. Устала, жуть! — Рита бегло оглянулась и спросила: — Чего хотел Филипп?

— У него маниакальная уверенность, что я смогу спасти Лару, — призналась я. — Вернее, что он может. С помощью кена Тана.

— Надеюсь, ты не...

— Нет. Если бы меня попросил об этом кто-то другой, но Филипп... Зная о его разногласиях с Владом, глупо доверять ему оружие против вождя. Особенно, когда идет война.

— Филипп любит Лару, — с горечью сказала Рита и отвернулась. — Вряд ли он думает о противостояниях сейчас.

Из-за угла вынырнул Глеб, подошел к нам и обнял меня, положив подбородок мне на затылок. Рита сослалась на усталость и пошла искать себе приют. Да уж, тесно нам тут будет — три племени это вам не шутки. Особенно если учесть, что у Мирослава много людей.

— С ума сошла, так пугать, Полевая! — выдохнул Глеб мне в волосы.

— Извини, но мне показалось глупым спорить с древним охотником, который собрал армию, чтобы нас поработить, — пошутила я.

— Это правда, что Альрик жив?

— Альрик все это затеял. Настроил охотников против остальных Первозданных, помог от них избавиться и дал своим ребятам порезвиться. Не думаю, что Альрик хочет войны, ему нужен мир и повиновение, но пыл охотников нужно чем-то охладить. Убийства хищных — отличный способ.

— Но он дал вам сбежать. — Глеб иронично изогнул бровь. — Почему?

— Думаю, Альрик убежден, что мы никуда не денемся. Он же Первозданный — знает с местонахождении всех племен хищных. Нам нужно уезжать, если хотим уцелеть. Переждать период массовых убийств и вернуться тогда, когда все закончится.

— Вы с Вермундом уже говорите синхронно.

Я нахмурилась, но он крепче обнял меня и добавил:

— Не парься. Главное — пережить войну. Время смут.

— В моей жизни время смут с рождения. Я привыкла.

— Идем, пристрою тебя. Я этим с ночи занимаюсь, прям метрдотель!

Спален в доме хоть и было много, но на всех катастрофически не хватало. Людей селили по трое, а то и по четверо. Митаки тащили из чулана спальные мешки, раскладывали их на полу в комнатах и даже в гостиной.

Мы с Глебом поднялись на второй этаж, прошли по коридору, и он распахнул для меня

дверь одной из спален. Небольшой, но светлой с двумя односпальными кроватями, накрытыми ажурными вязаными покрывалами. Окно было зашторено старенькими, но веселенькими шторками с рюшами. Непривычно уютная для этого дома комната.

— Я взял кое-какие вещи для тебя. — Глеб указал на сумку в углу. Он помолчал немного и добавил: — Игрушка твоя любимая тоже там, среди вещей.

Я раскрыла сумку и благодарно улыбнулась, прижимая к груди плюшевого совенка. С ним вернулись воспоминания о доме, тепле и уюте. Суровая реальность, бегство и блуждающий поблизости драугр, который, возможно, маскируется под хищного — все это было слишком для меня. Иногда усталость оказывалась сильнее настолько, что никакие вампиры не могли с ней сравниться. Бессилие порабощало, превращало мышцы в кисель, а мозг — в кашу из мыслей. Заплесневелых, хаотичных, ленивых мыслей.

Что-то из прошлой жизни, более или менее стабильной, нарушало этот порядок, заставляло надеяться на лучшее, бросалось обрывками былого счастья и наивности. И, как ни странно, придавало сил.

— Спасибо, — прошептала я, улыбаясь.

— Мы переживем это, Полевая, — уверенно произнес Глеб и обнял меня за плечи.

Уснуть мне так и не удалось. Мысли роились, досаждали странными, противоречивыми образами, жужжали в уши страшными предчувствиями и навязывали паранойю. День прошел непродуктивно — в беспокойных размышлениях и сомнениях.

За окном стемнело, когда я встала. Спустилась вниз и выскользнула во двор.

Прохладный ветер принес облегчение, я облокотилась о сучковатые перила и осмотрелась. Деревьев во дворе почти не было — лишь иссохшая липа и старый клен, шелестящий листвой при каждом порыве ветра.

В отдаленном уголке двора взад-вперед расхаживала Лина. На лице деторожденной надолго обосновалась маска скорби. Потери всегда трудны, но для каждого из нас мера потерь своя. Кто-то теряет друга, кто-то человека, с которым по воле судьбы просто жил в одном доме. Кто-то любимого... Того, с кем могла связать тебя судьба, но так и не связала. Того, кто мог стать счастливым, но так и не стал.

Дверь позади меня хлопнула, и на улицу стремглав выбежала Оля, направляясь к Лине. Подошла к девушке, обняла, что-то яростно зашептала на ухо.

Мы, хищные, прекрасно ощущаем эмоции друг друга. Боль, любовь, страх, отчаяние.

Еще некоторое время я смотрела, как девчонки говорят, едва сдерживая рвущиеся на свободу слезы.

На темно-синем полотне неба яркими точками горели звезды. В воздухе растворилась тишина, которую нарушал лишь умиротворяющий стрекот цикад.

Мысли плавно оседали в сознании, обнажая самую важную — вывод, к которому я пришла. Верный ли?

Разве существуют абсолютно верные выводы? Аксиомы бытия? Человек пропускает поступки сквозь призму совести, а совесть, как мера морали и добродетели, у каждого своя.

Бросив последний взгляд на молчаливое, безэмоциональное небо, я покинула крыльцо.

Хищные в гостиной готовились ко сну, перешептываясь и укладываясь в спальные мешки. Я нашла в толпе Влада и встретила с ним взглядом. Его лицо, казалось, ничего не выражало, но эмоции вождя атли я научилась распознавать без мимики — каким-то внутренним радаром. Смесь тепла и раздражения — привычная реакция на мое присутствие.

Он всегда все решает сам. За всех. Возможно, так и должно быть — он ведь вождь. Но

желание решать за себя было сильнее понимания.

Я не отсюда. Не часть целого. Возможно, однажды я найду свой собственный путь. Если выживу.

Ведь именно сейчас я готовилась раскрыть тылы и ничуть об этом не жалела.

Стараясь казаться незаметной, я скользнула в темноту узкого коридора, ведущего к комнатам на первом этаже. Филипп сидел все там же, у тела Лары, держал ее за руку и что-то шептал одними губами. Я коснулась его плеча, жрец резко развернулся и замер, словно не ожидал меня здесь увидеть.

— Я помогу Ларе, — сказала я тихо.

Глаза Филиппа расширились, выражая недоверие, которое постепенно сменилось радостью. Он благодарно улыбнулся, вскочил и крепко прижал меня к себе.

— Спасибо, — прошептал, опаяя горячим, лихорадочным дыханием мое ухо.

— Мы — атли, и должны помогать друг другу, — повторила я фразу Лары, сказанную после поединка.

Филипп отстранился, окинул меня странным взглядом и ответил:

— Ты права. Мы — атли.

За окном плаксиво вскрикнула птица. Ветер качнул занавеску, и мне показалось, губы Лары дернулись в ироничной улыбке. Но, наверное, мне просто показалось.

Глава 29. Отряд не заметил потери бойца

Глава 29. Отряд не заметил потери бойца

Комната завалена каким-то хламом и щедро припорошена пылью — видно, здесь давно никто не появлялся. Портал в другой мир — где не существует полироля и швабр.

Я брезгливо поморщилась и чихнула.

— Знаю, здесь грязно, — виновато улыбнулся Филипп. — Но в других комнатах слишком людно.

— Как же та, где лежит Лара?

— Там тоже нельзя... уединиться. — Он отвел взгляд.

Мне не понравился этот жест. Так обычно ведут себя те, кому есть, что скрывать. Но отступить поздно — решила уже. Лара не заслужила такой смерти. Несколько атли ушли безвозвратно, обидно будет, если племя потеряет еще и защитницу.

Да и я уже не настолько глупа — знаю, как подстраховаться.

В руке жреца опасно блеснул нож. Символично — нож и я. Я и нож. По позвоночнику холодом прокатился страх.

Филипп положил клинок на пыльный пол, отставил дряхлую тумбочку, загораживающую проход. Достал из кармана кусок мела и принялся рисовать ритуальный круг. Мгновенно вспомнился июньский лес, затянутое облаками небо и проглядывающая сквозь них полная луна. Я тогда была наивной и глупой. Не совершаю ли глупость теперь?

Достав из-под полы одежды темный пузырек, он протянул его мне:

— Вышей-ка!

— Что это? — насторожилась я.

— Ниаро. Отделит твой кен от кена Чернокнижника. Ты же не хочешь умереть от истощения?

Пузырек неприятно охлаждал кожу и усиливал роящиеся в душе сомнения.

— Я сделаю небольшие надрезы на наших ладонях и возьму немного кена через кровь, — пояснил Филипп.

Я покачала головой.

— Нет, — сказала твердо.

— Не понял?

— Нет, — повторила я. — Сначала ты сделаешь надрезы для другого.

Я не умела проводить ритуалы. Совсем. Но дважды уже клялась глубинным кеном и ничего сложного в этой клятве не видела. Смешиваешь кровь, задаешь вопрос, человек говорит «клянусь» и дело сделано. Почему-то сейчас уверенности в этом не было. Но я невозмутимо взглянула на Филиппа — прямо в глаза. И поняла — я на правильном пути.

— Ты не доверишь мне? — обиженно спросил он. — Мы же атли, не имеем права причинять друг другу вред.

— Поклянись, что не используешь то, что возьмешь у меня, против Влада. И никогда больше не вызовешь его на поединок. Больше того, я хочу, чтобы ты навсегда забыл о претензиях на пост вождя.

— Это все? — сдавленно спросил Филипп.

— Этого будет достаточно.

Он безэмоционально полоснул себя по ладони и, глядя мне в глаза, произнес:

— Призываю свой глубинный кен в свидетели — я никогда не посягну на пост вождя атли и не использую кен колдуна, чтобы свергнуть Влада Вермунда. Клянусь.

Темная бровь слегка приподнялась, и я осторожно протянула руку.

В этот раз было больно, словно Филипп хотел, чтобы я почувствовала. Словно затаил на меня обиду и пытался ее выплеснуть. Плевать! Не для этого мы здесь.

Наша кровь смешалась, и мне в вены проник приторно-сладкий, медовый кен. Не знаю, что Рита нашла в нем, у меня даже на молекулярном уровне жила отвергала Филиппа. А может, все дело в плохих ассоциациях.

Ниаро противно горчило и оставило на горле маслянистый след. Голова тут же закружилась, жила напряглась и заныла, заставляя поморщиться от боли. Несколько секунд ничего не происходило, а затем я почувствовала, как темная, вязкая субстанция потекла по венам, которые тут же вздулись. Из живота в грудь поднялся жар, обжигая легкие и пищевод. Ладони горели. Нет, это не было похоже на момент перед ударом — никогда прежде мне не было так больно исторгать кен.

Следующий надрез я уже не почувствовала — почти ушла в забытие. Лишь горячее дыхание в районе уха и хриплый шепот:

— Потерпи немного, девочка. Потерпи и... прости...

Я дернулась в сторону и провалилась.

Озеро в хельзе покрыто коркой льда. Застыло рябью, припорошилось желтой листвой и спит. Ивы на берегу склонили голые ветви к замерзшей воде.

Воздух стылый и пахнет зимой. Моя кожа покрыта мурашками, тонкий шифон совсем не защищает от ветра.

Я одна. Ни рыжая девушка, ни незнакомец не пришли, и от этого страшно одиноко. Поворачиваю голову. Позади — там, где в хельзе находится лучезарный дворец Вестара — куда достает взгляд, раскинулась молчаливая пустыня. Замерла песочными дюнами и притаилась.

Вокруг ни звука. Даже шелест песка потонул в звенящей, опустошающей тишине.

— Глупая пророчица, — раздается совсем неподалеку голос Тана. Слова режут воздух, как горячий нож — масло. — Зачем отдала мой подарок?

Поворачиваю голову — черные глаза светятся участием и сожалением. И сам он ничуть не изменился, даже одежда та, что на поединке.

Я открываю рот, чтобы ответить, но тут же захлебываюсь темнотой. Она выходит изо рта черной дымкой, обволакивает, сковывает движения. Я пытаюсь отступить, отогнать ее руками, но не могу пошевелиться. Ловлю губами воздух, но вдыхаю ту же темноту. Покачнувшись, падаю на песок, а тьма сгущается, становится непроглядной, и вот уж совсем не видно ни Чернокнижника, ни качнувшихся ветвей уснувших ив...

Резкий свет бил в глаза, слепил и причинял боль. Хотелось снова погрузиться в спасительную, спокойную темноту и спать. Не просыпаться. Во сне не нужно переживать, во сне нет боли и разочарований. Можно встретиться с теми, кто давно погиб или даже не существует.

Из сна меня настойчиво вырывали. Трясли за плечо, хлестали по щекам, будоражили скрипящим, противным голосом. Слов я не различала, но понимала по тону — приятного

мне не говорят. Так зачем просыпаться?

Но у голоса, казалось, были другие планы. Меня еще раз тряхнули, и я различила слова:

— Полина, ты слышишь меня?

В ответ я смогла лишь промычать.

— Что ты сделала?

— Спать хочу, — упрямо ответила я и попыталась отрубиться. Не вышло.

— Что ты сделала? — настойчиво повторил тот же голос. Узнавание пришло постепенно, вместе с тревогой.

Огромным усилием я заставила себя разлепить веки, и первое, что увидела, было обеспокоенное лицо Риты. Она сидела рядом со мной, на пыльном полу, а неподалеку подсыхала пролитая во время ритуала кровь.

— Где Макаров? — повторил голос, и я нехотя повернула голову. Влад смотрел пристально, цепко, и уйти от вопроса не представлялось возможным. — Он говорил, куда пойдет?

Я несколько раз моргнула, фокусируя взгляд, и хрипло спросила:

— Что случилось?

— Случилось то, что ты снова поступила бездумно. Хотя чему я удивляюсь? Разве что тому, что ты не поступила так раньше!

— Лара... — прошептала я. Осознание совершенного наступало медленно, память прояснялась, кидаясь обрывками недавних событий.

Нож, клятва, черный кен. Брошенное Филиппом «прости».

У меня похолодело в районе лопаток, и я встретила глазами с Владом.

— Лара жива?

— При чем тут Лара? — раздраженно спросил он и резко поднялся. Повеяло холодом и безысходностью. Я села и потерла зудящие запястья, морщась от вида запекшейся на ладонях крови.

— Филипп уверил, что Лара выживет. Он обещал. Сказал, что знает ритуалы...

— Для того, чтобы вытащить Лару, ему не нужен был весь кен!

— Как... весь? — Я рассеянно поморгала и уставилась на пол. Словно там сейчас крупными буквами должна была проступить ложь жреца атли. — Зачем ему весь?

— Ну вот где взять на тебя терпения?!

— Филипп всегда мечтал править, Полина, — тихо сказала Рита. На меня не смотрела, вступила в ритуальный круг.

— Я не дура. Филипп поклялся, что не будет претендовать на пост вождя и смещать тебя, — обратилась я к Владу. — Уверена, он не нарушит клятву глубинным кеном.

— Теперь ему необязательно смещать меня! — яростно ответил Влад и снова отвернулся. Казалось, еще секунда — и он просто взорвется. Я понимала все меньше. Единственное, что осознала точно: Филипп обманул меня. Каким-то образом обвел вокруг пальца, взял весь кен Тана, но... зачем?

— Когда колдун пришел во второй раз, — тихо произнесла Рита, — Филипп обмолвился, что глупо, обладая такой мощью, требовать пост вождя атли. Что Тан мог бы... мог... — Она замолчала.

— Мог бы что? — Я поднялась на ноги и, небрежно отряхиваясь, уставилась на Риту. В груди горячим комом возникло плохое предчувствие — почти осознание необратимости.

— Мог бы собрать свое племя, — прошептала Рита и расплакалась. Прямо там, на полу.

На пыльном полу, заляпанном нашей с Филиппом кровью.

В висках острой болью отозвалось понимание. Судорожно вспоминая слова клятвы, я, наконец, поняла, насколько облажалась.

— Но как же... Лара? — спросила растерянно, толком ни к кому не обращаясь. На глаза навернулись слезы обиды. Филипп использовал меня. Использовал... А я позволила. Снова.

— Какая, к чертям, Лара?! — зло выдохнул Влад и замолчал. — Макарову нужен был кен, и он его получил.

— Ушел? — сдавлено спросила я.

Ответ был очевиден, и вопрос я задала чисто машинально. Поняла, что совершила глупость. Вновь поверила мужчине, не единожды совравшему. Черт бы побрал мою доверчивость и желание всех спасти! Давно пора уже было понять — всех не спасешь.

— Филипп отрекся, — всхлипнула Рита и закрыла лицо руками.

— Он оставил племя тогда, когда нам так нужен жрец, — безэмоционально закончил Влад. — Надеюсь, ты довольна.

И вышел, громко хлопнув дверью.

Мои ноги словно приросли к полу, в голове стаями кружили обрывки мыслей. Верить в предательство не хотелось, но как в него не верить, когда оно так очевидно?

— Не плачь, — машинально буркнула я Рите и вышла из комнаты. Прислонившись спиной к стене в коридоре, закрыла глаза. Душили слезы — обжигающие, досадные слезы разочарования. Царапали горло, заставляли сжиматься кулаки.

Увидела бы сейчас Филиппа, убила бы, ей богу! Как можно спекулировать жизнью Лары в корыстных целях? Лучше бы я действительно отдала кен Владу — и то больше пользы было бы. А теперь...

Что теперь?

Бессилие убивало, собственная глупость рождала злость. И снова пришло осознание: я все та же маленькая девочка, несмотря на то, что убила колдуна. Возможно, мне просто повезло, ведь Тан был намного умнее меня. Но я настолько поверила в собственную несокрушимость, что прокололась с Филиппом. Он прекрасно знал, на какие струны давить, чтобы получить желаемое.

Теперь атли лишились и жреца, и кена, который мог помочь в войне, и защитницы.

— Будь ты проклят, Филипп Макаров! — со злостью выдохнула я и ударила кулаком в стену.

— Поля. — Голова Глеба высунулась из-за поворота, он позвал меня жестом и снова исчез.

Идти было тяжело — последствия то ли ритуала, то ли разочарования давили на плечи. В комнате, где лежала умирающая защитница атли, собралось много народа. Влад сидел на кровати и держал Ларису за руку. Она устало и вымученно улыбалась, а затем перевела на меня взгляд.

— Это ты меня спасла, да? Спасибо.

На меня уставились много пар глаз, и я смутилась.

— Не стоит, — ответила я. — Как ты себя чувствуешь?

— Словно побывала на том свете, — честно призналась Лара и зевнула. — Спать хочу.

— Отдохни, — ласково сказал Влад и положил ее ладонь на одеяло. — Мы не будем мешать.

Перешептывающиеся атли вышли в коридор. Я рассеянно наблюдала, как Ирина отдает

указания Рите и Оле, и думала о своем.

Так ли плохо я поступила? Ну да, неправильно сформулировала клятву, но я даже подумать не могла, что Филипп отречется. Чистокровный — у него наиболее сильная связь с племенем. Тем более, он хотел править именно атли и никогда не заикался о том, чтобы создать собственное племя. Рите обмолвился, но мы с ней не близки, так откуда я могла знать? Умение все просчитывать — не мой конек, но я просто не простила бы себе, если бы могла помочь Ларе и не помогла. Если бы она погибла.

Филипп не раз доказывал, что ему не хочется подчиняться Владу, так пусть катится. Да, нам будет сложно без жреца, но у нас есть Алекс, в конце концов. Не пропадем.

Я поймала недовольный взгляд Влада. Он демонстративно отрешенно прошел мимо и поднялся по лестнице.

Нет уж, не позволю сделать вид, что все грехи — мои. Ведь именно при его правлении Филипп стал таким. Если у вождя нет понимания со своими людьми, это проблема вождя. Бесит, когда пытаются навесить на меня не мои ошибки.

К тому же, вопрос с драугром давно пора решить. Сейчас это особенно актуально, кена колдуна больше нет. Устала от недомолвок, тайн и заговоров. Хочу все знать. Прямо сейчас.

Я оттолкнулась от стены и решительно направилась за Владом. Сейчас, когда он зол, у меня реально есть шанс раскрутить его на откровенность. Нужно только выбрать правильную тактику. Остаться спокойной. Не юлить.

На лестнице я столкнулась с Глебом. Он о чем-то говорил с Евой, но когда я приблизилась, широко улыбнулся и покачал головой.

— Ну ты, подруга, дала! Хоть поняла, что натворила?

— Дай подумать... Избавила племя от жреца, который был готов предать в любой момент? — саркастично ответила я. — Ищу Влада, где его комната?

— Может, пора остановиться? А то как бы он тебя не прибил.

— Ничего справлюсь.

— Третья дверь направо. — Он взял меня за руку и наигранно-серьезно добавил: — Удачи.

— Иди ты!

Расстояние до комнаты Влада я преодолела без колебаний. Даже мысли выключила. Начну сомневаться — разговора не выйдет.

Мы слишком долго шли к этому. Слишком долго играли в «замки». Я готова была высунуть голову, даже если в нее прилетит снаряд.

Война не оставляет места тайнам и недомолвкам. Это время сбрасывать балласт. Оставлять в прошлом то, что больше не пригодится. И идти вперед налегке.

Я с силой толкнула дверь спальни и остановилась на пороге.

Просторная. Отдельный камин в углу, связка дров рядом, темный ковер на полу и огромная, заваленная подушками разных цветов и размеров кровать. Над ней висело полотнище, где черными нитками вышиты защитные символы хищных.

Все тут в стиле митаки — пропитанное первобытностью и незнакомыми традициями.

Влад стоял у окна, сложив руки за спиной, и не шевелился. Думал. Оценивал перспективы. Конечно, ведь он наверняка ждал, что кен Тана достанется ему. Скорее всего, он действительно был необходим Владу. Жаль, что методы, которые он выбирает, чтобы защитить нас, неприемлемы. Думаю, ему тоже пора понять это. Но все постепенно. Сначала мой ход.

— Извини. Я не хотела подставлять тебя и атли.

— Уходи, Полина. Не сейчас.

— Нет, сейчас! — Я сделала шаг вперед и закрыла за собой дверь. Как в клетку со львом вошла, ей богу. Но не могла иначе. За свои поступки нужно отвечать, а не прятать голову в песок. Если сглупила, нужно проанализировать все и больше никогда так не делать. Ну или делать, но не так. — Я просчиталась. Реально просчиталась и понимаю это.

— Что ты думаешь, изменится, если ты это скажешь? — не поворачиваясь, так же безразлично спросил Влад.

— Я лишь старалась спасти Лару. Она сильная защитница и нужна атли.

— Ты — просто ты. Себе не изменяешь. Не думал, что тебя настолько волнует судьба Ларисы, но я рад, что она жива. Племени нужны сильные и верные.

— Нужен ли племени жрец, готовый вонзить нож в спину и использующий любую возможность, чтобы стать вождем? Жрец, которому плевать на племя?

— Макаров сейчас волнует меня меньше всего. Пусть катится, если уж так хочет.

— А что тебя волнует? Драугр?

Влад развернулся и сверкнул глазами.

— Не смей...

— А что будет? Он выпрыгнет из кустов и выпьет меня? Ведь именно от драугра меня защищал кен колдуна?

— Ты не понимаешь, о чем говоришь. — Влад отвел взгляд.

— Так объясни.

— Нет.

— Почему? Что тебе мешает? Глубинным кеном ты не клялся, я давно в курсе, что ты знаешь многое о драугре. Боишься, что я все испорчу, так обещаю — я не буду портить. Вообще ничего делать не буду. Позволю тебе разрулить. Но разве это честно, что я до сих пор не посвящена? Ведь именно меня хочет вампир.

— А разве ты бежишь докладывать мне об очередном безрассудстве? — иронично спросил Влад. — Вспомни, сколько их было, начиная с охотника? Ты не доверяешь мне, и я примирился, но разве я могу тебе верить? Ты безрассудная, неуправляемая, непредсказуемая. Так что уж прости — я не могу рисковать всем, чтобы потешить твое самолюбие. Придется довериться.

— А мне что прикажешь делать? Заболеть паранойей? — обиженно поинтересовалась я. — Если ты помнишь, в случае с Таном...

— В случае с Таном тебе повезло, — перебил он. — Везение может внезапно закончиться.

— Я не могу доверять тебе полностью. Не после всего, что ты сделал. Даже чтобы уберечь меня.

Влад усмехнулся, подошел, и от его близости мне стало не по себе. Неотвратимо. Словно уже ни на что нельзя повлиять, и он знает это. Знает и... смирился.

— Тогда что ты делаешь в атли, Полина? — тихо спросил он, и по спине побежали непрошенные мурашки, а за ними поднялось тепло, даже жар. Он охватил затылок и бился в голове бешеным пульсом.

Легкие полыхнули огнем, дыхание сбилось, а эмоции Влада я, казалось, ощущала кожей. Безысходность. Сожаление. Желание. И страх. Страх, который он никогда никому не показывает и никогда не покажет.

Страх оступиться.

— Ты в атли, потому что не можешь иначе. Признайся, ты давно бы ушла, если бы хотела. Но ты не хочешь. Так что, либо созывай совет и предъяви мне претензии официально, либо смирись.

— Ты не думаешь, что у нас получилось бы... сотрудничать, если бы я больше знала о том, как себя вести?

Влад иронично приподнял светлую бровь и невозмутимо заявил:

— Ты никогда не ведешь себя, как надо. Особенно, когда что-то знаешь. — Глубоко вздохнул и сделал вид, что ужасно устал. — А теперь, правда, уходи. Я до сих пор хочу тебя прибить.

— Если меня выпьет драугр, это будет на твоей совести! — злобно прошипела я, захлебываясь поднявшимся из груди бессилием.

Развернулась и резко вышла из комнаты, громко хлопнув дверью и не без удовольствия замечая, как изменилось выражение лица Влада.

Ничего, сама все узнаю. Что там говорил Мишель? Драугр — хищный? Если да, то возможно, именно сейчас он находится в этом доме. И больше ничего не мешает ему взять мой кен.

Страх хлынул в легкие вместе с воздухом. Я замерла в коридоре, понимая, что на самом деле совсем не защищена. Никто из нас не защищен. И только Влад знает, что на самом деле происходит.

Могу ли я верить ему?

Есть ли у меня выбор?

Глава 30. Затишье перед бурей

Ночью я почти не спала. Мучили кошмары, я часто просыпалась и оглядывалась, боясь увидеть на кровати драугра с огромными красными глазами и загребущими руками, или, того хуже — с ножом, который он вонзит мне в жилу, чтобы забрать кен.

Но в кровати со мной тихо посапывала Лина, сжавшись в комок и подложив ладонь под щеку. С другой стороны ее обнимала Оля и тоже крепко спала.

Я встала и потянулась, размяла затекшие конечности. Стен было много — целых четыре, они давили, сверху зловеще нависал потолок и грозил массивной хрустальной люстрой. В окно зловеще скалилась луна.

Да уж, с психикой у меня явные проблемы.

На улице стало полегче. Воздух был прохладным и свежим, в лицо дохнул летний ветерок, принося с собой облегчение.

Я закурила и закрыла глаза. Нужно подумать, что делать дальше. Могу ли я что-то сделать? Если драугр в этом доме, только и ждет, когда я избавлюсь от кена Тана, то почему не напал этой ночью? Впрочем, я не особо восстановилась. Возможно, вампир притаился до того момента, пока у меня не накопится побольше кена. Следующий сильный всплеск у меня будет через год, и к этому времени я должна разобраться с проблемой драугра. Я хорошо помнила уроки Филиппа.

Филипп... Как же так получилось, что человек, которого я когда-то считала другом, так поступил со мной? С атли? Почему вначале он казался мне неплохим парнем?

Нет, не о том нужно думать. Не сейчас.

Мишель говорил, я должна найти своих. Словно это так просто: вышла в чисто поле, закричала «Сольвейги, выходите!», и они тут как тут.

Где их искать? Ведь даже зная, что где-то существуют подобные мне, я понятия не имею, с чего начинать поиски. Особенно сейчас, когда идет война. Охотники повсюду. А в атли доверять я могу, по сути, лишь Глебу.

К тому же есть Альрик. Вдруг он спит и видит, что я приведу его к остальным сольвейгам? Ведь он однажды заикнулся, что встречал лишь одного. Первозданному несколько тысяч лет, а сольвейги интересуют его больше, чем он хочет показать. Если Альрик еще не нашел себе никого для опытов, значит, они хорошо скрываются.

Получается, найти себе подобных не получится. По крайней мере, в ближайшее время. Влад личность драугра не выдаст — он уже не раз давал это понять.

И драугр знает, что Влад в курсе. Мишель намекал, а Влад не отрицал. Играет в двойную игру? Зачем? И почему, черт возьми, при таком раскладе я все еще жива?!

— Вредные привычки до добра не доводят, — услышала я рядом вкрадчивый голос и вздрогнула. Повернула голову и ответила раздраженно:

— Тебе-то что за дело? Злись на меня дальше. Злые вожди, между прочим, приносили мне гораздо больше бед.

— Ты не должна бояться, — серьезно сказал Влад. — Не загоняйся.

— Тебе легко говорить — не тебя хотят съесть.

— К твоему сведению, тому, кого ты так боишься, абсолютно пофигу, кого есть.

— Даже охотника может? — любопытно спросила я.

— Даже того, кто не в меру о тебе заботится. — Он рассеянно улыбнулся. — Я бы начал именно с него.

— Это у вас взаимно!

— Мы уезжаем сегодня, — перевел тему Влад. — Поживем немного в доме Ольги Измайловой. У охотников под носом нас не будут искать.

— А мы поместимся там все? — удивилась я. — Три племени...

— Митаки не едут. Виктор против.

— Как не едут? А как же... Альрик ведь в курсе, где они живут! Они же... они...

— Мы не имеем права указывать им, Полина, — мягко оборвал меня Влад. — Митаки решили так на совете.

— Ира расстроится.

— Ира понимает, что после посвящения больше не может влиять на жизнь митаки, — безэмоционально сказал Влад.

— Иногда ты такой бесчувственный, так бы и стукнула!

Где-то вдалеке печально вскрикнула птица, словно соглашаясь со мной. Ветер качнул ветви ближайшего к крыльцу клена, и они возмущенно зашелестели листвой.

Холодное в этом году лето. Дождливое и мрачное — словно подчеркивает мое настроение. Вопреки всему хотелось солнца. Улыбок, разговоров ни о чем и спокойной жизни. Вряд ли она когда-нибудь будет такой.

— Мы выдвинемся с рассветом, — не обращая внимания на мою реплику, спокойно произнес Влад. — Тимофей встретит нас в Ельце — подготовит все, привезет нужные вещи и наличку — не стоит светиться пока, особенно так близко к Липецку.

— Альрик знает, где находится источник атли? — поинтересовалась я.

Влад хищно улыбнулся:

— Этого даже Первозданным не дано — только атли знают.

— Нам все равно придется вернуться. Мы не сможем вечно бегать.

— Пусть охотники успокоятся. Вскоре самые фанатичные умрут — Альрику не нужны анархисты. Переждем. Иногда лучше, что ты можешь сделать — затаиться.

Мне показалось, он имел в виду не только ситуацию с охотниками. Хотелось спросить — безумно, еле удержалась. Но понимала — бесполезно. Влад ничего не ответит. И мне придется снова жить в неведении, не спать ночами, боясь нападения. А утром, плотая воздух, пропитанный ночными кошмарами, задыхаться от бессилия и страха.

Мой дом уже не был крепостью. Черт, да у меня и дома-то больше не было! Но если остальные знали, что когда-нибудь, когда все утрясется, смогут вернуться туда, откуда пришлось бежать, то я не была уверена, что переживу войну. И по иронии судьбы, меньшее, чего я боялась, были охотники.

Словно почувствовав мой страх — возможно так и было, ведь некая доля эмпатии между нами всегда существовала — Влад придвинулся ближе и обнял меня за плечи. Горячее дыхание обожгло макушку, вернулись мурашки, испуг смешался с нежностью и странным, пока непонятным мне чувством. Мне казалось, я уже ощущала его — много лет назад, сидя в глубоком темном кресле в роскошно обставленной квартире.

— Ты не умрешь, — повторил Влад слова, которые сказал мне в тот день, когда в нашей жизни появилась Каролина. — Зря охотник напугал тебя. В этом доме тебе нечего бояться.

Не знаю, сколько мы еще так стояли. Рядом с ним мне было спокойно и тепло, страх отступил, окутали умиротворение и уверенность. И внезапно захотелось, чтоб рассвет не наступал никогда. Чтобы Влад так же обнимал меня и уверял, что я буду жить. Ведь с рассветом придет «завтра» — пугающее и бескомпромиссное. Приволочет за собой мешок вчерашних загадок, подозрений и обид. Не хочу. Не хочу завтра!

Но завтра, конечно же, пришло. Зазолотило горизонт, разлилось бронзой по небу и растворило в солнечном свете романтику ночи.

Я стояла в стороне, под раскидистой липой, и отрешенно смотрела, как суетятся альва и грузят в машины вещи. Ирину окружили девушки-митаки и, причитая, поочередно обнимали бывшую соплеменницу. Ира держалась, хотя мне казалось, она вот-вот расплечется.

Я злилась. Злилась на охотников, на Альрика — за то, что начал эту глупую войну. На Виктора за то, что поступает бездумно. На Влада — за то, что не пытается его переубедить. На Филиппа — за то, что бросил племя. На судьбу за опасности и смерти.

Злость не находила выхода, клубилась в груди темной дымкой, оседая на легких едким налетом. Мир вокруг потускнел, покрылся трещинами и готов был вот-вот разлететься на маленькие кусочки.

Но мир не треснул. Ворвался в сознание запахом бензина и гулом моторов, тихим плачем обнимающих Иру женщин и тревожными перешептываниями атли.

— Ты со мной? — крутя в руках черный мотоциклетный шлем, безэмоционально спросил меня Глеб. Солнце переливалось через пики забора митаки и путалось в его взъерошенных волосах. Холодное солнце. Как и его взгляд.

Черт, ну и дура же я! Едем в дом его матери, где у нас все началось, и еще толпу людей с собой тащим. А я и слова против не сказала. Даже не подумала. Слишком была занята мыслями о драугре.

— Зачем ты согласился? — спросила прямо.

— Разве сейчас до обидок? Да и пофигу мне. Прошло. — Он сунул мне в руки шлем и быстрым шагом направился к мотоциклу.

Ехали мы быстро. На светофорах Глеб раздраженно постукивал большими пальцами по рулю, а как только зажигался желтый, нетерпеливо газовал. Иногда я жалела, что согласилась с ним ехать. И не из чувства вины — реально ведь страшно было, что разобьемся.

В итоге мы далеко вырвались вперед. Беспечно, наверное, поступили, но я понимала: Глеб не мог иначе. Нужно было шагнуть в тишину, вдохнуть воздуха перед тем, как на голову хлынет лавина чужих голосов, суеты и разгружаемых сумок. Запечатлеть в памяти мгновение, в котором тот дом оставался пристанищем давно ушедших эмоций.

И именно поэтому Глеб взял меня с собой. Нам нужно поставить точку вместе.

Город отблескивал куполами старинных церквей и по-летнему брызгал водой из фонтанов. Вокруг них бегали неутомные дети, а мамочки сидели на лавочках, по-кошачьи жмурясь от неожиданно выглянувшего солнца.

Глеб купил в мини-маркете кофе и сигарет, а я терпеливо ждала, сидя на низком кованом заборчике. Воспоминания просыпаться не хотели, хотя я и боялась, что на въезде в Елец на меня обрушится сожаление и чувство вины. Обошлось. Глеб, казалось, был спокоен, хотя я не могла ручаться — слишком личным для нас был город и события, происходившие здесь. Слишком личным, чтоб впускать в него толпу людей, озабоченных лишь желанием выжить.

Впрочем, выбора не было.

До дома Ольги мы доехали быстро — минут за пять. Напрасно я боялась, что воспоминания нахлынут в городе — все они ждали меня здесь, под раскидистыми кленами и на широкой террасе, где в тени и прохладе остались мои надежды на счастливое будущее.

У нас с Глебом не было шансов. Никогда. Теперь, по прошествии времени, я видела это четко. Нельзя начинать отношения с друзьями, это только ранит. Жаль, что тогда я не понимала этого.

Глеб молчаливо припарковался и направился к дому, а меня потянуло в сад — туда, где среди витиеватых дорожек и аромата древесной смолы притаилась одинокая исковерканная вишня.

Именно там — я была уверена — и нужно было ставить точку. Закончить начатое, исправить ошибку, дать себе зарок на будущее — никогда так не делать. Простить себя. Прежде всего, это нужно было мне самой.

Тогда я была растеряна. Уверенная в том, что проклятие больше не действует, что не будет изнурительных, болезненных ночей, что я смогу решать сама, приказать сердцу. Наверное, в этом мире существует не одно проклятие, причем некоторые никак не зависят от помутившихся рассудком от обиды ведьм.

Тогда я позволила себе надеяться. Теперь знаю, что некоторые надежды не имеют отношения к реальности.

Я нырнула под раскидистые ветви и присела на корточки, проводя рукой по искореженному стволу.

— И ты прости, — прошептала словно дерево могло слышать меня. Наверное, совпадение, но вишня зашелестела листвой в ответ. — Мне нужно отпустить тебя.

Сзади послышался шорох, и через секунду ко мне присоединился Глеб. В глаза не смотрел, лишь спросил растерянно:

— Ты чего здесь?

— Нам приходится быть слишком сильными, — сказала я и еще раз погладила ствол без коры. Затем положила голову Глебу на плечо и закрыла глаза. — Как думаешь, эта война продлится долго?

— Думаю, достаточно, чтобы мы здесь сошли с ума. — Он осторожно высвободился и поднялся, протягивая мне руку. — Идем, нечего здесь рассиживаться. Ничего не изменит. Тем более, между нами. — И пробурчал, резко вытягивая меня из сада и направляясь к дому: — Решили уже...

В доме было пыльно. Наверное, не убрали давно. Странно, ведь в прошлый наш визит здесь все блистало. Возможно, Глеб отказался от услуг домработницы по телефону. Или просто забил — война не время думать о таких мелочах.

Мы поднялись по лестнице, все так же держась за руки. В комнату Ольги Глеб меня буквально втолкнул и бросил:

— Хочу, чтоб ты здесь жила.

Я вздохнула и посмотрела на него с укором.

— Я не могу жить здесь одна — нас слишком много. Многим придется ютиться в гостиной на полу.

— Я и не сказал, что ты будешь одна. Просто... проследи, чтобы тут все осталось, как было.

Я молча кивнула, не зная, что ему ответить. На комод хмурился его двойник — еще

совсем мальчик, но уже поломанный и преданный. Тот, каким я встретила его. И тот, каким он никогда больше не станет.

За окном резко засигналила машина, и Глеб поднял на меня глаза. Взгляд был глубоким и задумчивым, хотя о чем именно думал мой друг, оставалось лишь догадываться.

— Приехали, — безэмоционально произнес он, развернулся и пошел встречать гостей.

— Прощай, покой, — сказала я, обращаясь неизвестно к кому.

Приехал Тимофей Соколов — доверенное лицо Влада. Из открытого багажника серого «Форда» торчали ручки от пакетов, заполненных, наверное, продуктами и вещами.

Безумно хотелось помыться, переодеться и выпить кофе. Только сейчас я вспомнила, что последний раз принимала душ еще у атли. Надо, наверное, сразу забивать очередь в ванную, ведь скоро тут будет много людей.

Тимофей пожал Глебу руку и сухо поздоровался со мной. На квадратном лице молчаливого помощника Влада не отразилось ни тени эмоции, и мне вдруг подумалось, что я совершенно не знаю ничего о нем.

С Тимофеем я познакомилась, когда мне было семнадцать. Он пришел к нам вечером, принес бумаги на подпись Владу, зыркнул на меня подозрительно и тут же отвел взгляд. Пару раз после этого я пыталась наладить с ним контакт, угощала кофе и печеньем, но достучаться до хмурого мужчины так и не смогла. Потом привыкла и воспринимала его как дополнение Влада — его глаза и руки в мире людей. Особенно его помощь ценилась в такие моменты — когда сам Влад не мог полноценно жить человеческой жизнью, и полностью погружался в мир хищного.

Интересно, что двигало этим хмурым великаном, и почему Влад настолько доверял ему? Деньги? Возможно. Безбедная старость — отличная награда за преданность. А всего-то и нужно — хранить секрет, который и открыть-то некому. Посчитают психом. Доказать наше существование человек никак не сможет, а любая защитница напустит такой морок, что назавтра люди и думать забудут о том, что когда-то слышать это слово — «хищные».

Тимофей выгрузил пакеты на траву, схватил два, на вид самые тяжелые, и последовал за Глебом в дом. Я осталась на улице — наслаждаться долгожданным солнцем. Воздух пропитался теплом и ароматом булочек — кто-то поблизости явно пек сдобу. В животе заурчало, и я вспомнила, что не ела больше суток.

Нашла в одном из пакетов крекеры и присела под кленом, облокотившись спиной о толстый, шершавый ствол.

Сколько нам здесь торчать? Много ли времени понадобится охотникам, чтобы утолить жажду к убийствам? Когда зверю, столько лет сидящему в клетке, дают свободу, он звереет еще больше.

А нам нужно восстанавливать жилу. Не мне, но остальным-то необходимо просто. Как это делать, когда на нас самих охотится армия разъяренных убийц?

Ненавижу Альрика! Ненавижу новые порядки!

Во двор мягко въехал черный «Ауди» и припарковался рядом с машиной Тимофея. Словно почувствовав приближение начальника, помощник Влада возник на пороге, спустился вниз и приблизился к прибывшим.

Влад вышел из машины, скользнул по мне взглядом, и повернулся к Соколову. Я откинула голову назад и закрыла глаза.

Вопросы кружили в голове черным вороньем и не давали расслабиться.

— Ты в порядке? — спросила Ирина, присаживаясь рядом. От бывшей наследницы

митаки явно исходила тревога, граничащая с паникой. Но лицо было безмятежно-спокойным — и я знала: несмотря на то, что ее родное племя осталось дома, девушка никак не выдаст чувств. Тем более, на людях.

— Не волнуйся обо мне. Сама-то так?

Она пожала плечами.

— Они обречены. Митаки смогут держать осаду, но им не продержаться долго.

— Виктор — идиот, если не понимает этого.

— Витя никогда не готовился быть правителем, — с горькой усмешкой сказала Ирина. — Править должна была я или Сережа. У Вити нет чутья и никогда не было. Однажды он убил древнего, и с тех пор считает, что непобедим. Раньше его сдерживала мудрость отца, а теперь... Я не в состоянии влиять на его решения.

— Возможно, они сумеют продержаться до конца войны. Если она не продлится долго.

— Охотники начали с нас. Влад считает, война продлится не менее полугода, пока хищные всего мира не покорятся новому режиму. — Она помолчала немного и повторила тихо: — Митаки обречены.

Во двор въезжали машины атли и альва. Я рассеянно наблюдала, как из них выходили наши соплеменники и друзья, как испуганно озирались женщины и коротко переговаривались мужчины. Как защитницы колдовали у забора, напуская морок на дом, чтобы наша шумная компания не привлекала внимания. Как воины обсуждали перспективы обороны.

Если верить предположениям Влада, который озвучила Ира, нам предстоит здесь зимовать. Стольким людям в таком маленьком доме. Мы просто сойдем с ума от неизвестности и страха. Без подпитки жилы, отрезанные от мира, в котором привыкли жить.

Я поймала себя на том, что сижу, крепко сжимая руку бывшей наследницы митаки, а ее голова покоится на моем плече. И на секунду показалось, Ира готова расплакаться. Но лишь показалось — когда я осторожно заглянула в ее лицо, не увидела там и намека на слезы. Привычная маска сильной воительницы, которой нипочем все невзгоды и лишения. Которая переживет все, что преподнесет ей судьба.

И я поняла, что в этой жизни нашла, на кого равняться. Улыбнулась и обняла ее крепко.

В «заточении» мы прожили почти год. Проводили холодное лето, которое сменилось не менее холодной осенью, сыплющей дождем со снегом чуть ли не с октября. Унылая, вьюжная зима сплотила нас и в то же время разрознила, заставила каждого уйти в собственный придуманный мирок, пропитанный воспоминаниями о доме и уюте. Как мы ни старались, дом Ольги Измайловой уюта не подарил. Возможно, обиделся на нас с Глебом за балаган, а может, просто нельзя создать уют, когда вокруг все шевелится, бурлит, кричит и будоражится.

Дом не спал. Никогда. В темные зимние ночи я оставляла теплую кровать, в которой ко мне тесно жалась Майя, и спускалась вниз в надежде, что найду немного покоя и одиночества на террасе. Тщетно. Там всегда кто-то зависал — то ли курил, то ли сплетничал, то ли так же, как я, напрасно пытался спрятаться от собственных страхов.

Осенью атли и альва пополнились новыми членами. Мирослав с Владом, а так же другие смельчаки, которым подрывало крышу от сидения в провинциальном городке, иногда выезжали поохотиться. Не знаю, где именно они бывали, но подозреваю, что иногда они посещали Липецк. Иногда во сне меня манил ритуальный камень у очага племени атли — светился серебром, и я могла поклясться, в воздухе в тот момент пахло кровью.

Металлический запах смешивался со сладким ванильным, и я просыпалась, глотая от страха воздух и дрожь. Чего боялась? Тяжело сказать. Но тревога, поселившаяся во мне в день отъезда из дома митаки, никуда не ушла.

Новыми альва стали воины — близнецы Олег и Кристина Синицыны. Они и защитница Катя Горина чудом спаслись от отряда охотников, уничтоживших их племя в Екатеринбурге. Катю приняли в атли. Даже не знаю, как Мирослав с Владом «поделили» находку, но девушка, похоже, не возражала, что придется расстаться со своими соплеменниками. Как по мне, это было сродни тому, когда разлучают близнецов. Но то были мои мысли и, конечно же, они разнились с решениями вождей.

В январе у атли появился еще и жрец. Его звали Альфед, он был родом из Мюнхена и почти не говорил по-русски. Много улыбался, разводил цветы на подоконнике и читал допоздна в старом кресле у камина. Иногда он оставлял внутри закладку и с интересом наблюдал, как носятся, перескакивая через спальные мешки, Майя и Дима, играя то ли в салки, то ли в лады, то ли просто пытаюсь убежать от тоски и скуки, которой пропитался каждый день альянса племен.

Я перестала думать о смерти. Почти совсем. Не считая охотников, угрозы больше не чувствовала. Жила наполнилась кеном, я ощущала былую силу, готова была драться, если придется, и даже убивать.

Только здесь, вдали от Липецка, от знакомых до мелочей улочек, от кованного в узорах забора, на плечи наваливалась тоска. Я и не думала, что можно настолько скучать по дому. По совсем еще недавно раздражающей роскоши, таящей, как оказалось, столько уюта, что хотелось реветь каждый раз, когда я вспоминала о ней. Тогда я с силой сжимала кулаки и вонзала ногти в ладони. Боль немного притупляла тоску, сглаживала ее.

Но была у меня такая тоска, унять которую не в силах была даже боль. Она накрывала внезапно и ближе к весне все чаще, обжигала грудь изнутри, заставляя пузыриться легкие, сдавливала гортань и почти не давала дышать.

Так сильно я скучала по Кире.

Редкие звонки — две минуты, чтобы перекинуться парой слов и узнать, что у нее все в порядке — и снова недели неведения. Я сходила с ума вдали от дочери и ничего не могла с собой поделать.

Наверное, Влад замечал, а может, и сам тосковал по ней. Иногда он оказывался рядом — подкрадывался незаметно, так, что я вздрагивала. Брал меня за руку и стоял молча. А потом так же тихо исчезал.

В такие моменты мне становилось легче, словно жар в груди затихал, а может, он тушил его, кто знает. И я была благодарна. Не за поддержку — просто за то, что кто-то в тот момент был со мной на одной волне. В остальном я была одинока. Все больше погружена в себя и все меньше — в таинство племени. Наверное, так сказывался чужой для атли кен. А может, сама судьба говорила мне: ты не одна из них, и скоро поймешь это.

Но тогда я еще не знала. Не ведала, что следующий год полностью изменит меня, перекроит и сошьет заново, а швы еще долго будут кровоточить, ныть на погоду, как старые шрамы, о которых нельзя забыть.

Я не знала. И хорошо. Неведение иногда лучшее, что жизнь дает нам. Правда порой бывает настолько страшной и злой, что невольно думаешь: а стоило ли ее знать? Но правда — женщина жестокая. Ранить не боится, открывает глаза, даже если свет слепит. И ты щуришься, глядя на нее, моргаешь, смахиваешь слезы с ресниц и не можешь поверить, что

мир, который ты видишь, реален. Не тот, что снился тебе — влажный, теплый, близкий и заботливый, как мать. А холодный, наполненный сквозняками и абсолютно лишенный жизни. Пустыня, которой плевать на тебя.

Пустыня, где живет чудовище, готовое тебя сожрать.

Глава 31. Новый порядок

Глава 31. Новый порядок

— Нет, моя юбка. Красная! — кричала Рита со второго этажа, опасно перевалившись через перила. — Я ее тебе давала, помнишь? На прошлой неделе.

— Наверное, упаковала уже. Дома отдам, — откликнулась Лина и толкнула через порог массивный черный чемодан. Он сопротивлялся всего долю секунды, затем скользнул колесиками через небольшой уступ и исчез за порогом. Следом за ним исчезла Лина — выбежала во двор, словно дом был огромной липкой паутиной, которая не выпускала ее на свет. Я ее понимала. Каким бы безопасным ни было изгнание, свобода выбирать, где жить, ни с чем не сравнится.

Домой.

Сладкое, головокружительное слово. В нем и запах свежеприготовленных на завтрак гренок, и звон посуды, и шелест листьев на ветвях, бьющихся о крышу крыльца. И запах жасмина, что в июне разливается по лужайке на заднем дворе, где сиротливо жмутся друг к другу брошенные времянки альва.

Мы это заслужили. Каждый из нас — скитальцев, потерявших что-то на этой войне. Покой, нервные клетки, родных...

Я хорошо помнила серый, заштрихованный липким снегом январский день, когда мы узнали, что митаки больше нет. Напряженное лицо Иры и горячие слезы в глубине вишневого сада, заплывшего сугробами. Она рыдала, опустившись в снег, а я обнимала ее, и теплые капли оседали на моей куртке, мгновенно превращаясь в льдинки, запечатлевая боль наследницы митаки.

Она потеряла все. Прошлая жизнь захлопнула дверь за ее спиной, и остались лишь воспоминания — безжизненные, полупрозрачные тени, которые нельзя ухватить, потрогать, прижаться.

А потом мы шли, спотыкаясь, в дом, упали где-то в районе крыльца и почему-то смеялись. И она сказала одно слово:

— Спасибо.

И она, и я знали, что не нужно в таких случаях благодарить, но это было единственное, что она вообще сказала за тот день. Я была рада и тому.

Она оправилась, бесспорно. Но не забыла. Такое не забывается.

— Я надеть ее хотела вообще-то, — обиженно произнесла Рита в пустоту, возвращая меня в реальность.

— Ради кого наряжаешься, сестренка? — лукаво спросил Глеб, ловко обходя ее и спускаясь с тяжелыми сумками вниз. — Охотники вряд ли оценят.

При виде друга я невольно расплылась в улыбке. Казалось, он единственный, кого никак не заботило изгнание. Он был здесь, как рыба в воде.

Его дом.

Я думала, нам с Глебом будет сложно, особенно если учитывать прошлое. Но проблема неожиданно резко сошла на «нет», сдулась и схлопнулась, будто ее и не было никогда. А в марте я застучала Глеба и Катю Горину на кухне, целующихся за холодильником. Романтике

и война не помеха.

Но я была рада. Одной проблемой меньше, а их у меня слишком много, чтобы заниматься исследованиями каждой.

Моя сумка была давно внизу. В багажнике серого «Форда» под грудой других вещей. Я курила и расслабленно пялилась в окно.

Прощалась с домом.

Мне кажется, у каждого жилища есть душа. Красивая женщина, привыкшая к вниманию и роскоши, одевающаяся в шелка и меха — особняк атли, стоящий обособленно на моей оценочной доске домов, в которых я бывала. К надменной женщине сиротливо жались приемные дети — с виду опрятные, но внутри — беспризорники. Постройки на заднем дворе. Вынужденные пасынки, женщина отворачивалась от них и презрительно улыбалась. Она не хотела их и с радостью бы избавилась, но не могла.

Еще была квартира на Достоевского — гордая и независимая, отрешившаяся от мира и живущая собственной жизнью. Она не доверяла никому, кроме того, кому принадлежала и кто жил в ней. Избирательная, подозрительная и надежная.

Румяная старушка, угощающая свежее испеченными пирогами — квартира Андрея. Рюши на занавесках в теплой кухне ассоциировались у меня с пестрым передником, пропахшим ванилью и сдобой.

Жилище Влада в центре — строгий, жесткий мужчина. Иногда жестокий, как его хозяин, но глубокий и неожиданно теплый. Временами. Когда никто не видит. И не со всеми.

И родительский дом... Нечто чужое и темное. Даже не человек — призрак. Прошлого, которое хотелось забыть, и будущего, которое так и не состоялось.

Но сегодня все они казались мне привлекательнее этого дома — суетливого, пропитанного тревогой и ненужными воспоминаниями. Откуда невольно хотелось сбежать.

Альва уехали еще вчера. А до этого был общий совет. Собрались в гостиной, постукивая ложками о чашки, перешептываясь и шурша обувью.

Влад говорил по скайпу с подругой из Лондона. Война окончилась полным поражением хищных, что было ожидаемо. Охотники успокоились, наиболее старые из них заняли теплые кресла, попивали кофе с коньяком и командовали хищными. Впрочем, если бы только командовали, смириться можно было, но охотники хотели всего и сразу — повиновения, денег, ежемесячных унижительных визитов с отчетами. И воздержания от охоты на контролируемой территории.

Мыслимо ли? Как тогда должны питаться хищные? Думаю, сильные мира сего были убеждены, что это позволит им еще сильнее влиять на нас. Поймался на горячем — умри. Хочешь жить — предложи что-то ценнее, чем просто удовольствие наблюдать твою агонию.

Но все же тот мир был лучше изгнания. Лучше, чем постоянно скрываться и бояться, что найдут. Потому что тот мир был иллюзией свободы, о которой нам пришлось забыть почти на год.

Липецк обрушился на нас шумными улицами, яркими витринами, знакомыми до одури вывесками, перекрестками и магазинами. Впился в мозг дикой тоской, что наконец, выплеснулась наружу облегчением и счастьем.

Мы медленно скользили по заляпанному мелким дождем асфальту, останавливались на светофорах и жадно глазели по сторонам. Люди — те самые, которых мы оставили тут много месяцев назад — не заметили нашего возвращения, спешили по своим делам суетливо

и буднично.

А я вдыхала воздух, пахнувший домом, шурилась и улыбалась в открытое окно.

Дом атли дышал пустотой. Брошенный впопыхах, лишенный души, звуков, всякого движения, замер, как спящая красавица, и вот, наконец, пробудился. Двери распахнулись, и внутрь ворвался гомон, шарканье ног, радостные и облегченные вздохи вернувшихся обитателей.

— Как хорошо дома! — радостно воскликнула Лара, озвучивая мои мысли. Покиношному красиво упала на диван и раскинула руки. — И что теперь?

— Выспимся, — небрежно ответил Влад. — Завтра приедут охотники. Как они там называют себя? Смотрители.

— Твой любимчик небось пожалует, — пробормотала защитница, кивнув в мою сторону.

— Несомненно, — согласился Влад. — Этот будет точно.

Моим любимчиком они, не сговариваясь, окрестили Мишеля. Хотя, по сути, это я была его любимицей. В кавычках. Такую «любовь» и врагу не пожелаешь.

Я пожала плечами.

— Мне все равно. Если нас не убили по дороге, значит, оставят жить. Да и слишком непредусмотрительно со стороны охотников уничтожать атли. Нам же еще оброк платить. Или как это называется? Вообще в девяностые название таким вещам давали весьма определенное.

— Рэкет, ага, — согласилась Лара. — Я всегда знала, что охотники бессовестные.

— Продуманные, — возразил Влад. — Зачем работать, если со своего дара можно что-то поиметь?

— Да брось, тебе что, жалко? — иронично спросил Глеб и грузно уронил две большие сумки прямо у моих ног.

— Какой дом... огромный! — восхищенно выдохнула Катя, любопытно осматриваясь.

Альфред произнес что-то по-немецки, обращаясь к Владу, тот небрежно ответил и указал в сторону лестницы.

Ну надо же! Я даже не знала, что он по-немецки говорит. Наверное, и мне пора учить — раз у нас уже мультинациональное племя. Впрочем, пусть Альфред учит русский — нас все же больше.

Жрец едва заметно кивнул и поднялся по лестнице. Рита вбежала вслед за ним, и я заметила, что сестра не может скрыть радости. Мы все были рады. Дом есть дом, ничто его не заменит.

Я тоже поднялась к себе.

Все комнаты содержались в идеальном порядке — наверняка позаботился Тимофей. И все же спальня встретила меня неприветливо чужим запахом нового полироля, незнакомым покрывалом на кровати и задернутыми шторами. Совята кучкой ютились в кресле у окна, смотрели сиротливо и обиженно — наверное, расстроились, что я их бросила.

Первым делом я привычно разместила их на подоконнике. А затем вышла на балкон. Ночь ворвалась в легкие свежим апрельским воздухом, остудила щеки и раскинулась великолепной панорамой. Подъездной путь витиевато удалялся к воротам, освещаясь сиреневыми фонарями, около крыльца собрался народ и что-то оживленно обсуждал.

А я не могла поверить, что война, наконец, закончилась, и жизнь снова стала цветной, а не черно-белой. Что я могу спокойно ходить по улицам, не боясь встретить охотника-

анархиста или, еще чего хуже, получить известие о смерти того, кого люблю.

Новые порядки, бесспорно, угнетали, но большая часть проблем ляжет все же на вождей, а для нас, простых смертных, по сути ничего не изменится. Во всяком случае, для меня — мне совершенно не нужно питаться.

Страха не было, только надежда. На будущее, которое я знала, как построю. На счастье. На любовь.

Иногда надеждам не суждено сбыться...

Мы поужинали все вместе — как раньше. А затем атли разошлись по комнатам. Я слышала шорох и шаги в коридоре, гомон и смех. Дом жил, дом дышал, дом принял нас снова в свои теплые объятия. И постепенно в воздухе снова ощущалось оно — единство, которого я часто не замечала ранее, но которое, бесспорно, существовало всегда. Иногда, чтобы увидеть что-то, нужно просто посмотреть под другим углом.

Мне не хватало шумных альва — за все это время я очень привязалась к Мирославу и его племени, но охотники запретили нам жить вместе. Не знаю, чего боялись — то ли бунта, то ли заговора. Скорее всего, Альрик так страховался от непредвиденных попыток свергнуть новую власть. А может, придумал именно нам такое наказание за то, что лихо сбежали у него из-под носа.

В любом случае, альва приходилось ютиться в гостиницах и на съемных квартирах, а нам — скучать. Селя ви, как говорится. Такова реальность.

Уснула я далеко за полночь, укутавшись в любимый плед, в обнимку с серым совенком. Мне снилась хельза. Я плыла на лодке, озеро мерно раскачивало ее, и мне было хорошо. Так хорошо, как давно уже не было. Словно я была там, где должна быть, на своем месте. Рядом сидел Влад и гладил меня по волосам. Меня окутывало тепло и счастье, и я даже не делала попыток убраться от его руки, возразить. Все равно это лишь сон, а во сне можно позволить себе слабость.

Показалось, ночью, я открывала глаза и действительно видела Влада рядом, но скорее всего, мне просто почудилось.

А утром, едва рассвело, меня разбудила Лара. Лицо у защитницы было взволнованное, даже испуганное.

Я приподнялась на локтях и сонным голосом спросила:

— Что случилось?

— Новая власть случилась! — резко ответила Лара и подошла к двери. — Вставай. Собираемся в гостиной.

Я наспех оделась, причесалась и вышла из комнаты. Умываться не пошла — велика честь, пусть наблюдают заспанные лица, раз уж принесло их в такую рань. Я готовилась увидеть ироничную улыбку Альрика и хмурое лицо Мишеля. Наверняка придут ткнуть нас носом в бессмысленность побега. Впрочем, мы живы, в отличие от митаки, которые окопались у себя в доме.

Но я ошиблась.

В гостиной стояла гробовая тишина.

Глеб стоял, облокотившись о каминную полку, пялился в потолок с видом скучающего обывателя, которого неизвестно зачем позвали на это собрание психов. Казалось, я даже могу прочесть его мысли.

Альфред листал книгу в кресле, Кирилл чинно сидел в соседнем, Лара и Катя заняли позицию у окна и о чем-то неслышно перешептывались. Оля и Лина охраняли вход в

коридор, ведущий на кухню. У меня промелькнула мысль, что они готовят себе пути отступления, но, конечно же, она была ложной.

Майя прижималась к Еве, и защитница гладила девочку по голове. Нахмурившись и засунув руки в карманы в позе разгильдяя у двери обосновался Дима. Ира держалась прямо, высоко вздернула подбородок и с ненавистью смотрела на охотников.

Влад невозмутимо взирал на гостей, сложив руки на груди. Когда я спустилась, остановил и удержал около себя, словно Мишель мог наброситься на меня, как Серый Волк на Красную Шапочку, и съесть. От внезапной близости стало тепло, даже душно, и попыталась отвлечься от ненужных мыслей.

Отвлечься было чем.

На диване, небрежно закинув ногу на ногу, сидел Мишель. Одет древний был в серый с отливом костюм, отчего его глаза казались стальными. Он задержался на мне взглядом, но тут же равнодушно отвел его. Злится, бесспорно. Что ж, нечего придумывать себе всякие небывлицы со мной в главной роли.

Позади него, слегка склонив голову набок, стоял Андрей.

Вернее, даже то был не Андрей — его оболочка. Глаза же, как и новая морщинка на лбу, скованные движения, напряженная поза — все это было чужим, незнакомым, и от этого стало почему-то обидно, почти до слез. Он не взглянул на меня ни разу. Тоска усилилась, кровь прилила к щекам, и я невольно подвинулась ближе к Владу. Рита же и вовсе спряталась у него за спиной.

В воздухе сгустилось напряжение. Оно подбиралось ближе, обволакивало густым туманом, и жила реагировала на него неоднозначно.

Я снова посмотрела на Мишеля. Сидит, развалившись, на нашем диване. Как еще кофе не затребовал. Злость поднялась, душа взбунтовалась против такой бесцеремонности. Ладони зачесались, а в голове родилась неожиданная мысль. Неожиданно приятная.

Я могу убить его. Прямо здесь превратить в кучку белесого пепла, который мы сметем веником и похороним на заднем дворе. Или — что еще приятнее — развеем по ветру, и о нем никто не вспомнит. Совсем. Уверена, у Мишеля нет тех, кто ждет дома. Не потому ли он так лелеет воспоминания о давно погибшей девушке, которая никогда ему не принадлежала? Не потому ли переносит на меня свои нездоровые эмоции? Одиночество — болезнь, и древний болен неизлечимо.

Я решительно шагнула к Ире и взяла ее за руку. Она отвлеклась — лишь на секунду — и снова впиалась в Мишеля ненавистным взглядом.

— Что ж, если все в сборе, можно начинать, — насмешливо произнес древний. Голос его показался мне до мурашек скрипучим и противным. Он окинул атли взглядом и пренебрежительно уточнил: — Что с твоим жрецом, атли?

— В племени теперь новый жрец, — уклончиво ответил Влад.

— Ну-ну. А девчонка где?

— Не думал, что ты сюда пересчитывать нас приехал. Давай по существу — неси просвещение в массы. Тебе ведь это Альрик завещал, не так ли?

Мишель снисходительно улыбнулся, и эта улыбка была недоброй.

— Дерзость никогда до добра не доводила, попомни мои слова.

— Со своим добром я сам разберусь. Что у тебя по существу?

— У тебя в племени новые люди, — констатировал факт Мишель.

— Жрец и защитница. Ничего особенного, — пожал плечами Влад.

— Две защитницы, — уточнил Андрей. — И девочка.

Охотник странно посмотрел на меня и перевел взгляд на Майю, отчего та еще сильнее вжалась в мать. Я невольно дернулась — хотелось подойти, заслонить собой, защитить. Но Ира с силой сжала мою ладонь, не позволяя сдвинуться с места.

Правильно. Охотники пришли посмотреть, утвердить свою власть, не более. Убивать никого не станут. Почему же ледяным потоком за шиворот вылился страх?

— Верно, — спокойно согласился Влад. Даже глазом не моргнул. Вот это выдержка, иногда мне даже завидно.

— У нее есть способности, о которых я должен знать? — поинтересовался Мишель.

— Кроме тех, что ты наблюдал — нет.

Древний помолчал пару секунд, а затем кивнул.

— Мы здесь для того, чтоб донести до вас информацию, которую на сегодняшний день должен знать каждый хищный, — официальным тоном заявил он. — Первое — хищные не имеют права вступать в альянсы с другими племенами. Поэтому альва не будут жить с вами больше.

— Кто бы сомневался, — вырвалось у меня, Мишель сверкнул на меня взглядом, а Ира стиснула руку так, что показалось, она отвалится. Я поморщилась от боли, но взгляд древнего выдержала.

— Второе, — снова обращаясь к Владу, продолжил охотник. — Каждый вновь принятый член племени должен незамедлительно быть представлен смотрителю племени и смотрителю города. Все это касается и всяких ритуалов, которые проводятся у вас, зверей. Венчание, отречение, изгнание. Я должен знать все. Третье — каждое племя вносит ежемесячный взнос в нашу казну. О сумме поговорим индивидуально с каждым вождем на сборах. Наши представители будут допущены к финансовым делам племени беспрекословно. — Он махнул рукой на Андрея. — Ваш смотритель организует эту работу. Четвертое. Никто из хищных не имеет права питаться на территории, подконтрольной охотникам. Способ выжить вам придется находить самим. Отныне ясновидцы, живущие в кланах и вне их на территории городов, где есть штабы охотников, под защитой. Невыполнение этого закона влечет за собой смерть виновного. Обжалованию не подлежит. Способ казни выбирает смотритель города. — Мишель саркастично улыбнулся Владу. — Лучше вам не попадаться.

Вот сволочь! Еще и издевается. Хочет довести хищных до истощения. Слабому студнее бороться.

— Надеюсь, всем все ясно, — доброжелательно улыбаясь, завершил свою речь древний.

Все молчали, а Глеб сказал неожиданно громко:

— Не кушать на улицах — что ж тут непонятного. — И улыбнулся. Хищно. Недобро. У меня похолодело внутри, когда Мишель обратил на него внимание.

— Да ты остряк, атли, — тихо произнес охотник, и я физически почувствовала опасность, которой повеяло от него.

— Бывает, когда вижу охотника, тут же начинаю шутить. — Глеб даже ухом не повел. Стоял все так же расслабленно, на охотников не смотрел. — Ничего не могу с собой поделат. Меня ведь однажды уже убил один из них. Кстати, твой друг, кажется. Как там его звали?

— Глеб! — выдохнула я и замолчала. Желание защитить друга в сотни раз превышало то, что я испытала по отношению к Майе.

— Объяснись, — неестественно спокойно попросил Мишель.

И я вдруг поняла: если сейчас Глеб расскажет, чем закончился приход Рихара мрачной осенью несколько лет назад, то пострадает не он один — пострадаем мы все, и в первую очередь, я и Влад. Жила напряглась, посылая кен к ладоням. Меня буквально разрывало от желания сжечь древнего на месте — никогда и ни к кому я не ощущала такой ненависти. Разве что к его другу, прах которого Влад предусмотрительно убрал, пока я была в отключке.

Время потекло медовым потоком, секунды капали на пол, приближая момент нашего разоблачения. Я отпустила руку Иры и приготовилась ударить...

— Глеб шутит, — спокойно пояснил Влад. Словно и не было напряжения в воздухе, словно и не висели на волоске наши жизни. Снова. А я-то думала, все закончилось. — Мы все устали и перенервничали.

— Конечно, шучу, — задорно улыбнулся Глеб. Посмотрел прямо в глаза древнему и развел руками. — Вот же я стою. Мертвые так не умеют.

— Я так и понял, — хмуро ответил Мишель. — Тебе нужно что-то делать со своим чувством умора, ибо рискуешь, атли.

Я облегченно выдохнула, отступила на шаг. И вдруг поняла: это по-настоящему. Война окончилась, а новая власть пришла в наш дом ставить условия. Никогда не будет, как раньше. Мы навсегда останемся врагами, но придется кланяться и пресмыкаться. Мы проиграли.

А я... Что творю вообще? Ну, ударю сейчас, и что? Погибнет один древний. Один из двадцати. Один из сотен других охотников. И меня казнят. Если за выпитого ясновидца полагается смерть, то что будет за убитого на глазах у зрителя племени древнего охотника?

Я уже не говорю о том, что сделают с Владом и Глебом. Повезет, если только пожурят. Глеб сорвется окончательно. А Влад... Не хочу об этом думать!

В голове всплыли образы пыточной в штабе у охотников. Интересно, она еще там? И для чего ее привезли?

Впрочем, ясно для чего — для нас. Мишель сказал, зритель города сам выбирает способ казни.

Древний отвернулся от Глеба и жеманно поморщился.

— Дальше вам все пояснит Андрюша — с этого дня он ваш зритель. А мне пора. Еще альва просвещать. — Вздохнул и поднялся. — Устал я от вас, атли.

Уменьшительно-ласкательное имя, фамильярно брошенное в адрес молодого охотника, покорило. Я отвернулась и сделала вид, что изучаю лепнину на потолке в другой части гостиной. Нужно что-то делать с выдержкой и срочно. У Влада, что ли, пару уроков взять.

После ухода Мишеля в гостиной атли повисла гробовая тишина. Мне казалось, некоторые даже дышать боялись. И все смотрели на Андрея — кто с ненавистью, кто с надеждой.

Охотник громко выдохнул, повернулся к Глебу.

— Жить надоело?

— Да бесит! — фыркнул Глеб и отвернулся.

— Будет обидно, если ты пострадаешь от своей глупости.

— Что все это значит для нас? — спросила я, на ходу замечая, каким хриплым стал мой голос, как не завуалировано в нем слышится тревога и еще не до конца растворившийся дикий ужас от не совсем умных шуток друга.

— В принципе, все, что рассказал Мишель — тут мне добавить нечего. Просто попрошу вас не высовываться. Не все охотники успокоились, Полина. Некоторые все еще жаждут крови, считают, что ее было слишком мало.

— Слишком мало? Мало, серьезно?! — в сердцах воскликнула Ира и угрожающе шагнула вперед. — Мое племя уничтожили, и больше летописи не напишут о митаки. Это сделали вы — охотники. Ненавижу вас всех!

— Андрей не виноват в том, что случилось с митаки, — попыталась я оправдать друга. Ира зыркнула на меня, как на врага народа.

— Что ты говоришь, Поля? Это же охотник! Один из них. Из тех, кто пришел в этот дом, убил Алишера, Алину, Ксению. Отец, Сережа, вся моя родня... Думаешь, я смогу смотреть на него спокойно?

— Она права, — мрачно сказал Андрей и взглянул на меня исподлобья. — Было бы глупо думать, что мы все еще друзья. Также было бы глупо думать, что на этой войне я никого не убил.

Обида взорвалась в груди тысячей ярких искр, обожгла внутренности. Ира права — чертовы охотники! Отобрали у нас свободу, близких, теперь еще и друга меня лишили. А ведь он поменялся — я сразу заметила. Почему же так нестерпимо хочется на его уютную кухню? Туда, где чай с печеньем, заинтересованный взгляд. Слова потоком — не остановить. И облегчение от чувства, что кому-то не пофиг. Он нянчился с Кирой, черт возьми! Всегда помогал, даже перед началом войны пришел нас предупредить.

А теперь... Что теперь?

Ничего. Пустота. Конец.

— Он такой же убийца, как остальные, — добила меня Ира. — Нельзя этого не замечать.

— Ты говорил, мы похожи, — обижено сказала я. — Соглашался, что главное — человечность. Как, оказывается, просто поменять мнение.

— Все зависит от обстоятельств. Разве ты не убивала?

— Да, ты прав, обстоятельства решают, кто ты есть, а не наоборот! — язвительно ответила я, развернулась и бегом преодолела лестницу.

В сердцах подумала, что лучше бы Андрей вообще не приходил, чем встретить его вот такого — циничного и холодного, словно мы чужие, а прошлое не имеет значения.

Мы и были чужими. А моя обида — необоснованной. Андрей — охотник. Ясновидец, на которого снизошла благодать. Прошедший испытания, ведомый ненавистью к нам, хищным.

Когда я успокоилась, обида сошла на нет. Возникла другая — на обстоятельства, которые он упоминал. По сути, он всегда помогал, даже когда я не просила. Когда была в отчаянии, буквально вытащил из депрессии. А я ничего ему не дала, только проблем прибавила. И сегодня Андрей рисковал многим, оставаясь тут, объясняя нам правила новой игры. Удивлена, что именно его поставили смотрителем атли. Кто так пошутил? Альрик? Наверняка ведь Мишель знает, что в прошлом мы с Андреем тесно общались.

Мишель — вот кто должен волновать меня сейчас. Древний — опасный враг, гораздо опаснее, чем я могла предположить вначале. Я была уверена, что он попортит мне много крови.

Мишель ненавидит Влада: то ли дело в больной привязанности ко мне, то ли в том, что атли два раза чуть не убили его. Сложно судить, но факт остается фактом. Древний хотел сместить Влада с поста вождя, пользуясь новым положением, но Альрик симпатизировал

Владу, и пока Альрик остается Первозданным и стоит на ступени выше Мишеля, Влад Вермунд будет править атли.

Когда я спустилась в гостиную, Андрея уже не было. Я взяла телефон и набрала смс: «Была неправа. Приношу извинения зрителю». И поставила смайл, чтобы не сошло за сарказм. Текст был довольно невинным, и не должен был доставить Андрею проблем. Фамильярничать не стала — вдруг охотники и переписку его проверяют.

В ответ мне пришел такой же смайл и троеточие. Что оно означало, оставалось лишь догадываться, но я решила, что Андрей просто отложил выяснение отношений на потом. У нас еще будет шанс — пусть охотники немного успокоятся, уменьшат бдительность. А сейчас не стоит его подставлять. Представляю, как ему тяжело будет оставаться нашим зрителем. Теперь ему нельзя утаивать от Мишеля ничего, что касается атли. И если вдруг налажаем, Андрей обязан будет доложить.

Это все Альрик, как пить дать! В отместку, несомненно.

Завтракали атли в полном молчании. Нужно было переварить информацию, свыкнуться с новой ролью, обдумать перспективы. А ближе к ужину в доме снова стало оживленно.

Мы накрыли на стол, шутили и смеялись, как в старые добрые времена. Лара привычно блистала, Альфред что-то объяснял ей на немецком, Катя обнимала Глеба и перебирала его волосы. Это было так мило, что я даже засмотрелась. Потом поймала его взгляд и почему-то смутилась. Наверное, нас еще долго будут преследовать отголоски былых ошибок. Но я была рада, что он все же пытается жить. Строить счастье. У него на это, по крайней мере, есть шанс.

Ноги сами принесли меня в кабинет. Даже не знаю, о чем думала, когда шла. Просто хотелось окунуться в привычную атмосферу, а может, слабость дала о себе знать. Я перенервничала. Устала.

Тогда я не думала о причинах — просто толкнула дверь и вошла.

— Там ужин накрыли, — сказала осторожно.

Влад сидел и, не отрываясь, смотрел на разложенные на столе бумаги. Казалось, они интересовали его в тот момент меньше всего, а сам он был далеко — так далеко, что не отыскать.

Но он поднял глаза и рассеянно кивнул.

— Сейчас приду.

— Кира звонила?

— Несколько минут назад. Скоро вернется.

Я прикрыла дверь, подошла к столу и присела в кресло. Лицо Влада было напряженным и усталым. Слишком усталым. Наверное, ему тяжелей всех. Теперь разбираться с охотниками, да и дела разгрести придется. Нужно ведь еще и дань платить.

И мне сильно, до безумия захотелось поддержать его. Сказать что-то или обнять. Я захлебнулась нежностью, она нахлынула внезапно и таким сильным потоком, что сопротивляться было нереально.

— Все закончилось, — сдавленно прошептала я. — Нам придется привыкнуть у новой жизни, в чем-то прогнуться, но... все закончилось. И я рада, что мы это пережили вместе.

Влад поднял на меня глаза, и меня окатило холодом — таким ледяным был этот взгляд. Колючим. Чужим. Но лишь на миг — Влад улыбнулся и стал снова привычным Владом. Теплым. Родным. Несмотря ни на что.

— Устала? — спросил он.

Я кивнула.

— Очень. Не думала, что буду так рада вернуться сюда. Люблю этот дом. Люблю людей, которые в нем живут.

— Всех без исключения? — Светлая бровь иронично взметнулась вверх, делая его еще привлекательнее.

— Теперь да. Филипп же ушел.

— Он был паршивой овцой, — согласился Влад.

— Почему он стал таким? Я имею в виду... казалось, он ненавидит тебя, хотя особых причин не было. Ведь не было?

— Его семья близко общалась со Станиславом. Скорее всего, это его мне подарочек, — усмехнулся Влад. — Посмертный.

— Жаль, что твои родители погибли рано.

— Как и твои. — Взгляд исподлобья лукавый и теплый. Казалось, он греет, как солнышко. И я невольно улыбнулась в ответ.

— Сам говорил — мы похожи.

— Я преувеличивал. Ты слишком сумасбродна. Иногда мне кажется, ты — инопланетянка.

Я пожала плечами.

— Так и есть. Я сольвейг.

— Ты маленькая хищная, которая приносит большие проблемы. Вот и все. Забудь о всяких глупостях. Ты — атли, Полина. Не стоит думать, что ты не одна из нас.

— Просто иногда мне кажется...

— Тебе кажется! — оборвал он меня, поднялся. В груди защемило, и я затравленно смотрела, как он приближается — медленно, грациозно. Утреннее напряжение в гостиной — ничто по сравнению с тем, что звенело сейчас в воздухе. Стук моего сердца, казалось, эхом отбивается от стен.

Влад встал позади и положил руки мне на плечи. Теплые. От его прикосновения по коже во все стороны побежали мурашки. И я поняла, что сейчас точно не сбегу. Не смогу. Слишком долго боролась с собой. И, наконец, сдалась.

Но Влад попыток сблизиться не делал, только шепнул:

— Ничего не бойся, Полина. Поняла?

Я неосознанно кивнула. Не знаю, зачем он сказал это. Мне было все равно. Лишь бы он не отпускал меня никогда. Я так истосковалась! Так люблю его... Глупая. Бежала от этого чувства, а оно настигло меня само — неожиданно, настойчиво. Сбило с ног. Обездвижило. Лишило воли.

И что теперь с ним делать?

— Идем ужинать, — невозмутимо сказал Влад и убрал руки.

Все так быстро кончилось, а я не успела понять, что это было. Уходить не хотелось, еще меньше хотелось, чтобы он уходил. Но Влад окликнул меня уже из коридора:

— Идешь?

— Иду, — разочарованно ответила я.

Уже потом, ночью, лежа в холодной и внезапно ставшей слишком широкой кровати, подумала, что все к лучшему. Он женат, и мои чувства ничего не меняют. Я слишком уважаю Иру, чтобы пойти на такое. Хоть она и говорила, что готова принять меня, это неестественно — желать, чтобы твой мужчина касался другой. Даже если ты воспитана в таких традициях.

Ира потеряла слишком много, чтобы лишиться еще и права быть единственной женой.

А я справлюсь. Смирюсь. Столько времени мирилась, а вчера... то была лишь слабость.

Кто бы сказал мне тогда, что я ничего не знаю о слабости? Что совсем скоро придет день, и я пойму, что означает настоящее бессилие? Тогда я не знала.

Бессонница мучила меня почти до рассвета, а потом я провалилась в густую темноту без сновидений.

Зато утром меня ждала огромная радость. Я как раз спускалась вниз, как входная дверь отворилась, и на пороге появилась Кира. Сияющая и удивительно красивая. Упустила на пол дорожные сумки и развела руки в стороны.

— Скучали?

Глава 32. Королевство кривых

Меня разбудили голоса. Вернее, даже шепот — из-за двери. Странно, обычно я сплю, как убитая, особенно в последнее время. А тут проснулась.

Что-то шаркнуло, поскреблось, и я услышала одно слово:

— ...покажу.

Затем голоса слились, удаляясь, и я уже не смогла разобрать ничего. А потом и вовсе стихли, словно их и не было.

Я села на кровати. Вставать решительно не хотелось. Упасть бы и спать — где-то до полудня, а то и дольше. Как же все-таки сказывается усталость от войны! Сейчас, будучи дома, я поняла, насколько трудно возвращаться к нормальной жизни. Да что там — просыпаться трудно.

В последнее время я что-то совсем расклеилась. Бессилие и апатия поглощали постепенно, превращая жизнь в серую, ничем не примечательную картину. После того вечера в кабинете я совершенно измотала себя. Напрасными надеждами, которые поутру сменялись раскаянием и тоской. Воспоминаниями, что совершенно не хотели уходить — плавали в голове, как щепки на воде от давно потонувшего судна. Отголоски былых возможностей, от которых осталось лишь сожаление.

А еще была тревога — неконтролируемая, зудящая на фоне остальных моих эмоций.

Но потом усталость убила тревогу. Жизнь перетекла из апреля в май, а для меня замерла в одном дне — без числа и месяца. Унылом, безрадостном, безликом дне.

«Нужно что-то делать, — сказала я себе и поднялась с кровати. — Например, выяснить, кто там шепчется».

Я встала, прошаркала в ванную, открыла кран и плеснула холодной водой в лицо. Помогло. Голова немного прояснилась, сонливость уменьшилась. Я скорчила рожицу своему отражению и покинула комнату.

В коридоре было пусто. И тихо. Неестественно тихо, что дало возможность подсознанию нашептывать деморализующие мысли, типа «тебе показалось», «иди спать, полночица», «бродят тут всякие, выспаться не дают». Я решительно прогнала эти мысли, натянула на кисти рукава пижамы и осторожно спустилась вниз.

Гостиная пропиталась ночью. Сиреневый свет проникал сквозь задернутые газовые шторы на окнах и стелился по полу витиеватыми лунными дорожками. Кусочек светлого пятна нагло влез на диван и притаился около вышитой золотом подушки.

Дом спал. Наверное, ему снились сны, а может, он просто отдыхал от дневной суеты. Кто знает.

Повернув голову в сторону коридорчика, я явно увидела свет, льющийся из двери кабинета. Вспомнился недавний шепот, любопытство разгорелось с новой силой, и я, крадучись, направилась туда.

Сначала из-за двери слышался лишь приглушенный гомон, но по мере приближения он оформлялся в слова — отчетливые и понятные.

— Война — не шутка, — тихо, но настойчиво говорил Влад. — И теперь охотники

следят за каждым моим шагом. Я просто не могу, пойми.

— Ой ли? — звенящим голосом отвечала Кира. — По-моему, Альрик и сам не прочь посмотреть, разве нет? А может, ты передумал?

— Глупости! — резко ответил Влад. — Ты знаешь, это нужно в первую очередь мне.

— Ну вот и славно. В конце концов, у тебя есть деторожденная. Ничего не изменится.

— У нас еще есть время...

— На что? — насмешливо спросила Кира. — Долюбить? Ты, правда что ли, увлекся?

— Не говори ерунды! Я просто следую плану.

— Ну-ну...

Я застыла у двери, не решаясь войти. Их разговор был жутким. И не в том дело, что они шептались ночью, за закрытой дверью, в темноте, когда все спят, и казался при этом чем-то запретным и опасным. А в том, что было сказано и как. Опасные слова собрались в предложения, вернулась давно похороненная тревога и отразилась громким звоном в ушах. Словно я попала в другую реальность, где повсюду были расставлены кривые зеркала, накрытые вуалью. Мне вдруг стало страшно, что вуаль упадет, и я увижу отражения.

— Не стесняйся, входи, — сказала Кира совсем близко, и я вздрогнула. Дверь распахнулась шире, и она поманила меня пальцем. На ватных, непослушных ногах я шагнула внутрь — на свет.

И остановилась.

Влад полусидел на краешке стола, опираясь ладонями о столешницу. Лицо было невозмутимым, а взгляд колючим.

— Подслушивать нехорошо, Полина, — холодно сказал он.

Дверь сзади захлопнулась, я резко обернулась и наткнулась на ироничный взгляд дочери.

Откуда-то издали услышала собственный, но в то же время чужой голос:

— Вы почему не спите?

— Ты же все слышала, зачем отпираться? — спокойно спросила Кира.

— Слышала... что?

Она молчала. Смотрела прямо в глаза, и у меня во рту появился противный металлический привкус страха. Виски сжало, дыхание сбилось, перед глазами поплыли багровые круги.

— Что происходит? Кира... дочка?

— Кира не твоя дочь, Полина, — сказал Влад.

Сердце стукнуло и, казалось, остановилось. Огромная дыра в груди, и в ней свистит ветер.

Но разум все еще отказывался верить. Понимать.

— Как не моя? А... чья? — Я повернула голову и встретилась в невозмутимым взглядом вождя атли. Затем снова перевела глаза на Киру. — Кто же она тогда?

— Ты знаешь, — улыбнулась она. — Поняла еще у двери, ведь так?

— Ты... драугр! — выдохнула я со свистом, отступила на шаг и, кажется, что-то зацепила. Проверять не стала — пялилась на Киру, мысленно молясь, чтобы она сейчас округлила глаза, посмотрела на меня удивленно и все отрицала.

Она не отрицала. Только улыбалась — неестественно, цинично. Я все больше путалась в липкой, противной паутине ужаса.

— Как же так?..

Вспомнился момент, когда я ее увидела впервые после войны. Жаркие объятия, тонкий аромат знакомых духов, шелк волос, скользнувших по моей щеке. И слова: «Я так скучала!». Она сказала это. Первая. А я не могла прийти в себя от радости — видеть ее, касаться, обнимать.

Затем долгие разговоры в темноте под одеялом, объятия. Я уснула, держа ее ладонь в своей. Впервые за последний год уснула счастливой.

И теперь она говорит... она...

Мир завертелся, ноги подкосились, к горлу подкатила тошнота.

Нет, нельзя терять сознание! Нельзя — рядом с ней. Как же так... как все вышло... почему?

Я растерялась. По-настоящему. Сильно. Понимала, что нахожусь в ловушке в собственном доме. Все спят, рядом чудовище, и Влад знает. Знал всегда. А я... что теперь?..

Я перевела на него взгляд, ища поддержки, стараясь рассмотреть на его лице отголоски уверенности, чтобы взять немного себе. Лицо Влада было чужим и отрешенным. Так он обычно смотрел на врагов — не самых сильных, скорее вынужденных и неинтересных. И да, именно такой взгляд я видела летним днем, когда пришла к нему за помощью. Так он смотрел на ту женщину, которую выманил из дома, чтобы я пополнила силы. На ясновидицу.

Сейчас Влад Вермунд смотрел на меня, как на вещь.

— Я так надеялась обойтись без драм, — разочаровано вздохнула Кира.

— Это же Полина, — возразил Влад, не сводя с меня пронизывающего взгляда. — С ней без драм никак.

Я отступила еще на шаг, почти влипнув в стену. Сглотнула и шумно выдохнула. Мысли окончательно спутались, смешались и застыли в голове холодным киселем.

— Не нужно нервничать. Я не обижу тебя сегодня, — ласково сказала Кира.

— Не обидишь? Не понимаю... — Я вновь посмотрела на Влада, теперь уже требовательно. — Где наша дочь?

Влад опустил глаза, а ответила Кира:

— На счет ребенка ты не права. Твоего ребенка никогда не было. Ты выносила меня и родила, чтобы излечить. Я не твоя дочь по крови и никогда ею не была. Ни в первый раз, ни сейчас.

— В первый раз?

— Тот ребенок, который не родился у тебя тогда.

— Ты?! — Я ошеломленно уставилась на нее.

Кира кивнула.

Пальцы потянулись к вискам — там билось, стучало осознание всего, что произошло со мной за эти годы.

— Что же ты... Влад, что же ты наделал? Я жила для нее, умирала... А ты...

Слова умирали на выдохе — жестокие, циничные.

— Только давай без истерик, — устало попросил он. — Ты взрослая девочка, должна понимать.

— Тан знал! — Неожиданная догадка опалила затылок, заставила занеметь конечности. — Он пытался предупредить после поединка. А я убила его... Он говорил: выиграю, будешь жить. Он пытался мне помочь...

— Тан был романтиком, — мечтательно улыбнулась Кира. — Ты понравилась ему. Он даже предлагал найти другого донора. Словно это так просто! Я живу вечность, и не

встречала ни одного сольвейга. В моем положении не разбрасываются возможностями.

— В твоём положении? — Я понимала все меньше, но желание знать было непреодолимым. Конечно же — тайна сейчас стоила намного больше, чем жизнь. Моя жизнь, похоже, не стоила и ломаного гроша.

— Кира больна, — ответил за нее Влад. При звуке его голоса — спокойного, уравновешенного — в груди что-то всколыхнулось, а затем заныло.

— Не все хищные одинаково полезны, — с горечью произнесла Кира, и показалось, на ее лице мелькнула досада. — Некоторые могут повредить жилу друугра.

— Могу найти его для тебя, — предложил Влад. — Он не должен оставаться безнаказанным.

— Не стоит, — отмахнулась Кира. — Ты с ним не справишься, и я вновь потеряю адепта. Одного я уже потеряла. — Она пристально посмотрела мне в глаза. — По твоей вине.

— Адепта? — растерянно спросила я.

— Кира говорит о колдуне.

— Это сложно для тебя, — сказала она и вновь отвернулась. — Иди спать, Полина. И помни, никому ни слова. Ты же не хочешь, чтобы пострадали твои родные?

— Ты... отпускаешь меня? — удивилась я.

Голова варила совсем плохо, охватило странное оцепенение, даже шевелиться было трудно.

— А ты думала, я наброшусь на тебя прямо здесь, в кабинете? — усмехнулась она, но потом вновь стала серьезной. — Еще не время. Отдыхай, набирайся сил. Поговорим завтра.

— Я провожу Полину наверх, — вызвался Влад, взял растерянную меня под локоть и повел к выходу.

Мы преодолели гостиную и лестницу в полном молчании. Влад завел меня в комнату и прикрыл за собой дверь. Я все ждала, что он что-то скажет, но он молчал. Лишь смотрел на меня выжидающе.

— Что значит, она больна? — спросила я первое, что пришло на ум.

— У Киры повреждена жила, — спокойно ответил Влад. — Твой кен излечит ее, и она поправится.

— Зачем? — Я опустила глаза, чувствуя подступающие слезы. — Зачем ты так со мной?

— Она — друугр, Полина. Сильная. Может навредить. Но может и помочь. Например, укрепиться в мире охотников, где положение хищных сейчас очень шаткое. Ты знаешь меня давно. Я говорил, чтобы ты никому не верила, предупреждал.

— И когда мы... ты... Когда прикасался ко мне, думал о ней? О том, что посулил тебе друугр в итоге? — Горло сдавило болезненным спазмом, в груди кольнуло, и я опустилась на кровать.

— Ты мне нравишься, — бесстрастно ответил он. — Но ты никогда не дашь мне того, что даст она.

Мне показалось, его голос смягчился.

Жалеет меня? К черту!

— Бог мой, я же только что... У меня нет ребенка. Никогда не было. Никогда...

— Ты несчастна, Полина. Сольвейги никогда не бывают счастливы. — Влад присел рядом и посмотрел прямо перед собой. — Отпусти. Прошое, настоящее. Все. Не стоит бороться. Сохрани жизни тем, кого любишь — это будет справедливо. Глебу, Рите, Ире — я

же вижу, как ты к ней привязалась.

— Ира знает? — Я вскинулась, сверкнула на него подозрительным взглядом. Влад улыбнулся. Грустно.

Черт, как ему идет улыбка. Ему все идет. Идеально красивый и идеально подлый. Хоть роман пиши!

— Нет, конечно. Скажешь ей — она умрет. Каждый, кто узнает от тебя, умрет.

— Они же твое племя. Семья. Как ты можешь? Хотя... кого я спрашиваю.

Руки опустились, и я устало сложила их на коленях.

— Я циничное чудовище, — кивнул он. — Давай покончим с подобными вопросами.

— Я думала, ты защищал меня. Ты всегда защищаешь тех, кого любишь.

— Ты права. Всегда.

В глаза не смотрел, и от этого было еще хуже. Поднялся, подошел к двери, но почему-то остановился. Почему?

Странно, что я еще хочу знать...

— Ты же... убиваешь меня, — сказала скорее не ему, а себе. Чтоб осознать. Чтобы поверить. Прозвучало дико и нереалистично.

Как же хочется проснуться сейчас!

— Так и есть, — ответил Влад, не поворачивая головы.

— Когда?

— В июне.

— У меня всплеск, понятно. — Я вздохнула. Боль в груди стала нестерпимой. — Уходи.

Влад помедлил еще пару секунд, затем вышел и закрыл дверь.

Нужно подумать. До июня еще есть время. Я найду выход, придумаю, как спастись. Как избежать участи быть выпитой драугром.

Кирой...

А зачем? Есть ли смысл? Влад прав — я несчастна. Не любима. А теперь узнала, что и ребенка-то у меня нет. И я больше никогда не буду прежней. Если выживу.

Так стоит ли?

Слезы покатились сами. На этот раз боль не выходила слезами — она множилась ними. Я была одним сплошным комком боли. Боли от предательства, от любви, которая оказалась вдруг ежиком, исколовшим меня изнутри, превратив внутренности в сплошную кашу из боли.

Я плакала, понимая, что сломалась здесь, в собственном доме, среди родных и друзей, которым не скажу ничего.

А потом разозлилась. Злость нахлынула волной, от нее зашумело в ушах и заболела голова.

Чертов кен сольвейга! И угораздило же меня родиться именно такой.

Впрочем, чего это я? Моя сила, мой кен. Какое дело до него остальным? Кире? Владу? Мое же. Мое!

И где этот пророк из сна, когда мне так нужен? И не снится же в последнее время совсем. Уж теперь-то я знаю, что у него спросить. Как выжить и не похоронить при этом друзей? Уйти из племени вместе с Глебом? Думаю, он будет не против. Хотя... У него есть Катя. И надежда на счастье.

Черт, какое может быть счастье с таким вождем? В племени, где легко предают, где так и норовят вонзить нож в спину?

У меня есть время до июня. Решу, что делать. Мама говорила, с проблемой нужно переспать.

Я закрыла дверь на защелку и улеглась на кровать. Поджала колени, скрестила пальцы на руках и зажмурилась.

— Приснись мне! — прошептала яростно. — Ты ведь сольвейг, я знаю. Пожалуйста, приснись.

Знаю, глупо, но нужно же с чего-то начинать. Кроме того, что я сольвейг, я еще и пророчица. Мой дар спасает жизни, почему бы ему не спасти мою собственную? Жалкую, ничтожную, по мнению некоторых, но лишь мне решать, что с ней делать.

Уснула я быстро — даже не заметила, как. Наверное, все же есть у меня дар или просто очень хотелось попасть в хельзу — ту самую, где меня ждал добрый сольвейг и где танцевала рыжая. Теперь понятно, чего они боялись. И тем больше хотелось вновь увидеть их, засыпать вопросами, а еще лучше — телепортироваться с их помощью в безопасное место, где можно не бояться за собственную жизнь и жизнь друзей. В другой мир, например. И Глеба забрать.

В хельзу я так и не попала...

В просторной комнате из мебели — только кровать. Широкая и белая — начиная от изголовья и заканчивая простынями. Солнце ярко освещает помещение сквозь огромное, на полстены, окно. Откуда-то доносится приятная мелодия — «Музыка ангелов». Никогда особо не слушала классиков, но эту композицию Моцарта знаю.

Я встаю, ступни касаются отполированного паркета, прогретого солнечными лучами. Ступать по нему приятно, и я, не раздумывая, иду на музыку.

Коридор за дверью широкий и светлый. Свет берется из ниоткуда и сплетается узорами на полу. Коридор приводит меня в огромный танцевальный зал, окруженный по периметру зеркалами. С высокого потолка на меня смотрит огромных размеров люстра, отблескивая от каждой хрустальной грани маленькими солнечными зайчиками. Они задорно бегают по стенам, гоняются друг за другом в тщетной попытке поймать. Смотрится красиво, и я невольно улыбаюсь.

Музыкальный проигрыватель стоит на широком подоконнике. Старинный, как в заброшенном дедушкином гараже. Кроме проигрывателя в зале находится лишь кресло-качалка. Оно повернуто ко мне спинкой, а в нем неподвижно сидит человек. Спит?

Мелькает мысль: а вдруг это тот, из хельзы?

Стремительно бегу к нему, не скрывая радости, почти достигаю и громко говорю:

— У меня получилось! Я ведь искала... тебя...

И останавливаюсь, как вкопанная перед спящим человеком, одетым в белое. Кажется, тут все белое, но на нем оно смотрится безумно нелепо. Инстинктивно отступаю на шаг, а мужчина в кресле открывает глаза. Черные, как бездна. И улыбается.

— У тебя всегда все получается, пророчица, — говорит он.

— Тан! — выдыхаю. На миг охватывает ужас, который тут же сменяется облегчением. Тан — тот, кто пытался меня спасти. Но будет ли пытаться теперь, после того, как я убила его?

— Я ждал тебя. Думал, придешь раньше.

— Что это за место? — Я удивленно осматриваюсь. Не вяжется у меня Чернокнижник с танцевальным залом и Моцартом, ну никак. А белая одежда — так вообще вызов какой-то. Кому?

— Сознание иногда играет с нами странные шутки, — шире улыбается он и встает. Его

рука теплая и шершавая, прикосновения отторжения не вызывают, и мы идем прочь из зала — в другую дверь.

Выходим в теплый сад. Воздух пахнет яблоками и медом, вокруг жужжат пчелы, невдалеке я различаю четкие контуры ярко-зеленых ульев. Они теряются в траве, гармонично вписываясь в нереально прекрасный мир.

Где мы?

Я не спрашиваю. Позволяю Тану вести себя, постепенно расслабляюсь. Проблемы уходят на второй план, перетекают в другую, опасную и жестокую жизнь, а сюда не проникнет зло. Я просто знаю это.

— Я и не думал, что могу создать такое, — говорит Тан. — Но очень хотелось попробовать.

— Этот мир сделал ты?! — Поднимаю на колдуна удивленный взгляд. Тут он не колдун даже — просто человек в белой одежде. И мне так хорошо оттого, что не нужно больше его ненавидеть.

— Такие создают иногда заблудшие души типа меня. Их называют мирами искупления.

— Хотела бы я попасть в такой после смерти, — уверенно говорю и срываю огромную белую ромашку.

— Я бы не желал тебе попасть в такой, — хмурится Тан, но тут же подмигивает. — Ты другого поля ягодка. Странная, противоречивая, но тебе дорога не сюда.

— А куда? — Горло сдавливает спазмом, возвращается недавний испуг и проблема, которую я не знаю, как решить. — Что мне делать, Тан?

— Во-первых, — поучительно говорит он, — не стоило разбазаривать мой кен.

Я смущенно смотрю в землю, а он треплет меня по плечу.

— Да все равно бы у тебя его забрали. Ты же атли — на тебя действует влияние вождя. Он приказал — ты отдала. — Он молчит несколько секунд, и я молчу. Жутко, до боли в горле хочется заплакать, но я приказываю себе быть сильной. Не пасовать. Тан знает много, в разы больше, чем мутный сольвейг из сна. Тан жил с Кирой, был ее адептом и нашел для нее донора. Меня.

— У меня есть шансы? — спрашиваю сдавленно, ловлю его пристальный взгляд и громко выдыхаю.

— Конечно, есть!

Ожидание кажется вечностью, а он все смотрит на меня, и кажется, я просто сторю от нетерпения.

— Во-первых, ты можешь найти другого сольвейга — себе на замену, — как ни в чем не бывало, говорит Тан и продолжает путь.

— Какой-то сомнительный выход, — хмурюсь я. — Я не знаю, где их искать — это раз. Второе — чем я тогда буду лучше тебя? Или Влада? Не обижайся, но подставлять другого человека под удар как-то негуманно.

— Ага, гуманнее умереть.

— «Во-вторых» есть? Или только «во-первых»? — Я отворачиваюсь. На Тана не смотрю. Небо хмурится вместе со мной, становится холодно и неудобно.

— Смотри, что ты наделала! — качает головой Тан, закрывает глаза и замирает. Через секунду тучи рассеиваются, и солнечные лучи вновь цепляются за мои обнаженные плечи. — Сильная, как Первозданный, еще и жалуется!

— Не была бы сильной, твоя девушка не хотела бы меня съесть.

— Сколько прошло? — серьезно спрашивает он и усаживается на траву под раскидистым дубом. Ему хорошо в белом. Кажется, даже помолодел... Или это сказывается отсутствие желания мстить? — С поединка?

— Полтора года.

— Ты слишком долго продержалась. Странно.

— Была война.

— Война? — Тан оживленно смотрит — явно заинтересовался.

— С охотниками, — уточняю. Сажусь рядом. Внизу приятно пахнет травой и сухими листьями. — Первозданные погибли, теперь всем рулит Альрик, а охотники заставляют хищных платить дань и не разрешают питаться.

— Вот хрень! — нетипично ругается он. — Не будет эта власть долго существовать, попомни мои слова. Охотники совершенно не знают, что делать с хищными. Только и умеют, что убивать. Эта власть падет очень скоро.

— Боюсь, я не доживу.

— Есть вариант найти того, кто повредил жилу Герде.

— Кому?

— Гертруде. Так ее зовут.

— Ааа...

У нее другое имя. Давно. Странно как-то это осознавать. Конечно, она — древнее существо, а вовсе не моя дочь. Не моя. Никогда не была моей...

— Кто он?

— Я его видел всего раз, имени не знаю — Герда не очень откровенничала на его счет. Она прочила его себе в адепты. Оказалось, он был против. Женщины так тщеславны! Думают, что если красивы и сильны, им все дозволено. — Тан грустно усмехнулся, покрутил в руке прошлогодний желудь и тут же уронил его в траву. — Ему бы ты понравилась.

— Из-за того, что сольвейг?

— Из-за того, что пророчица. Найди его, и он тебе поможет. Я встречал его летом две тысячи шестого в Будапеште. Он гостил у племени нати — они местные. Именно тогда он и повредил жилу Герде.

— Хорошо, — выдыхаю воздух из легких и закрываю глаза. Устала. Даже тут, во сне ощущается тоска. словно я принесла ее с собой. — Спасибо.

— Ты должна была умереть при родах. Негуманно было оставлять тебя мучиться.

— Ты отлично умеешь успокоить! — морщусь я и встаю. Мыслями я уже в Будапеште. Сначала выжить, потом — страдать.

Охватывает странное, подавляющее равнодушие, а мир Тана уже не кажется таким приветливым.

— Когда я нашел тебя, ты была несчастна. С тех пор ничего не изменилось, — поучительно говорит колдун и тоже встает. — Нужно что-то менять, не находишь?

— Ага, пойду порадуюсь, что любимый человек и дочь хотят моей смерти. Самое время становиться счастливой.

— Ты несчастна, потому что не позволяешь себя счастья. Думаешь, ты недостойна? — Теплая ладонь скользит по плечу, и оно покрывается мурашками — вернулся внутренний мороз, от которого немеют внутренности. — А ведь ты больше меня хочешь жить.

— Зачем помогаешь? — спрашиваю, небрежно сбрасывая его руку. От прикосновений некомфортно и хочется сбежать. Спрятаться. — Ты ведь любил ее. Хотел, чтобы она

вылечилась.

— Герда заигралась. Я предлагал ей другого сольвейга, честно искал, но она решила, что оно того не стоит. А ведь ты ради нее столько сделала. Выложились, чтобы ее вытащить. — Он молчит секунду, а затем мстительно улыбается. — А еще меня бесит Влад.

Внезапно становится серьезным, приближает свое лицо к моему, но прикасаться попыток не делает.

— Обещай, что найдешь его.

— Обещаю!

В завораживающих черных глазах Тана я утонула, потеряла опору под ногами. Упала в ледяную воду. Движения сковало, но двигаться и не хотелось. Я тонула и засыпала, засыпала и тонула. Пока, наконец, не достигла дна.

Там стояла Кира с указкой в руке, одетая в ярко-голубое платье с высоким воротом. Влад сидел у ее ног на песке и складывал из льдинок слово «вечность».

Проснулась я совершенно не отдохнувшая и тут же натолкнулась на пристальный взгляд «дочери».

— Пришла подкрепиться? — язвительно спросила я, села на кровати и на всякий случай отодвинулась.

— Говорю же, не обижу, — улыбнулась Кира.

— Как вошла? Я же дверь закрыла.

— Предлагаю тебе успокоиться. Не заставляй меня применять силу — я этого не хочу. Разве Влад не поговорил с тобой вчера? Не убедил быть пайнкой?

— Ты об угрозах тем, кого я люблю? Да, Влад доходчиво объяснил мне условия.

— Никто не пострадает — ни я, ни Влад этого не хотим. Я привязалась к атли, милые люди. Есть перспективные воины. Сильные. Мне нравятся сильные воины. Если ты ничего им не скажешь и не станешь просить помощи, они будут жить.

— Только я не буду, — нахмурилась я. Говорить с ней не хотелось, но Кира уходит не спешила — смотрела на меня пристально и испытывающе. Чего ждет? Что я поклянусь смиренно ждать смерти? Помогу ей добровольно? — Почему я еще жива? Мы столько раз ночевали вместе — взяла бы мой кен и выздоровела. Чего ты ждала?

— Если я просто возьму твой кен, то не излечусь. Есть ритуал — специальный — Влад научился этому у Альрика. Или, думаешь, почему я так долго ждала? Если бы Тан не пришел к вам требовать свое, все закончилось бы намного раньше. Я была бы здорова. Эти мужские разборки! — Она закатила глаза. — В итоге один мой адепт на время потерялся, а второй совершенно ничего не знал о ритуале. Но Влад предприимчив, как ты успела заметить. Да и Альрику приглянулся. Потом поединок еще этот... Кен Тана блокировал ритуал. А после война... Влад просил повременить, деторожденная пророчицы на войне — что мертвому припарка. — Кира — или как ее назвал Тан, Герда — вздохнула и подняла голову к потолку. — Но все, я не намерена больше ждать. Ты излечишь меня, маленький сольвейг. Наконец-то. Хочу чувствовать. Действовать. Жить. Надоела скованность!

— А я... — хрипло сказала я. — Я, по-твоему, жить не хочу?

Она дернулась и распахнула темные, почти черные глаза. Черт, ну почему я никогда не придавала значения тому, что мы так не похожи?! Что это было — глупость? Наверное, любовь всегда делает нас глупыми. Меня так точно.

— А как ты оправдывала Влада, когда он питался? Что говорила себе? Или, думаешь, жизнь испитого ясновидца лучше смерти? Ты и представить не можешь, что с ними

происходит. Я пила — проникала в их души. Они теряются. Знаешь, что значит — потеряться в собственном разуме? Никогда больше не выйти на свет? И остаться там, откуда тебя никогда не вытащат любимые? В темноте. В одиночестве. В страхе.

Она встала и заломила руки. Отвернулась. Говорила яростно и громко — казалось, слова причиняли ей боль. Но она все равно говорила и говорила, а я заморожено слушала, словно загипнотизированная. Не могла оторвать от нее взгляда, ловила каждое слово.

— Вся наша жизнь — естественный отбор. Здесь нет чувств, морали — только инстинкты. И главный из них — инстинкт выживания. Тебе не место в этом мире, ты просто не приспособлена. Мечешься, спасаешь всех. Это так... бесит! — Она с шумом выдохнула. Сверкнула на меня глазами. — Влад слишком многое тебе позволял. Берег тебя. Ты бы погибла с таким характером давно...

— Уходи, — тихо перебила я.

— Что?! — Ее глаза округлились, и я поняла, что теперь меня бесит она. Ее эта миниатюрность, изысканность, прическа, выражение лица — все. Сейчас передо мной стояла не Кира — дочь, которую я так любила и ждала. Сейчас передо мной была Гертруда — древний драугр, хитрый и вероломный. И я вовсе не хочу ее слушать. У меня есть дела поинтереснее. Например, скачать путеводитель по Будапешту.

— Убирайся, — повторила я спокойно и взгляд ее выдержала. Выставила вперед ладони и склонила голову набок. — Я могу ударить — ты сама видела.

Она рассмеялась.

— Глупенькая! Ты же меня только подпитаешь. А будешь бушевать, Влад тебя успокоит. А иначе придется мне. Поверь, тебе не понравится.

Наверное, она не ждала от меня такой реакции, потому что несколько секунд стояла в ступоре, а потом покачала головой и сказала:

— Просто помни, что не нужно делать глупостей.

И вышла.

— Ага, как же!

Я схватила мобильный и залезла в телефонную книгу. Было два человека, которым я могла рассказать об истории с драугром. Но один из них вряд ли чем-то поможет, а второй... могу ли я ему верить? Впрочем, есть ли у меня выбор?

— Нужно поговорить, — сказала я и скосила глаза на дверь, словно Кира могла стоять за ней с приложенным стаканом, а я при этом — ее заметить.

Через час я была уже готова. Умылась, причесалась, даже накрасилась. Неброско. Нельзя давать Кире с Владом повод для подозрений. Играть депрессию не придется — в груди нестерпимо ныло, но я забила. Когда двигаюсь, действую, то отвлекаюсь.

В доме атли продолжалась жизнь. Хищные ходили, общались, были заняты бытовыми проблемами. Некоторые уже укатили на работу, те, кто остался в доме, налаживали уют.

А я словно застыла посреди этой картины обыденной гармонии. Отмерший кусочек.

Я не жалела. Разберусь с Кирой... Гердой и никогда уже сюда не вернусь.

Никогда...

Глеб сидел на диване в гостиной. Катя — неизменно рядом. Казалось, она всегда рядом с ним. Наверное, его тоже придется оставить. Глеб сам решит за себя. Хищному тяжело без семьи. Даже без такой, как у нас — неправильной, извращенной, гнилой.

Как же меняются взгляды! В один момент понимаешь, насколько сильно ошибался в прошлом. Заблуждался. Чувствуешь себя идиотом.

Я незаметно выскользнула из дома. Остановилась на крыльце. Выдохнула. Нет, нельзя так уходить. Влад подумает еще, что я сбежала, поиски организует. И найдет. Мне нужно выиграть время, а для этого придется играть.

— Эй, ты чего тут стоишь? И лица на тебе нет...

Я вздрогнула, обернулась. Глеб хмурился, смотрел выжидающе. Да уж, плохая из меня актриса.

— Всю ночь мучили кошмары, — соврала я. — Влада не видел?

— Собирался в город вроде. Видел его с Кирюхой на кухне. — Он склонился ко мне и тревожно спросил: — Опять беда?

— Беда? — испуганно переспросила я. Паника поползла по затылку, что, казалось, даже волосы зашевелились.

— Видение, спрашиваю? Что-то ты совсем потерянная.

Я шумно выдохнула.

— А... нет... То есть не думаю. Но Владу все же скажу. Пусть сам решает, что с этим делать.

Он помолчал несколько секунд, глядел на меня, не моргая, а затем пробормотал:

— Не нравится мне твой вид. Ты бы сказала, если бы что-то случилось? Ты всегда говоришь...

— Ты будешь первым, кто узнает.

И я вновь соврала. Врать ему — человеку, который был ближе всех для меня, было невыносимо. Но сказать означало подвергнуть его опасности. Он все узнает сам. Потом.

Входная дверь открылась, и к нам вышел Влад. Скользнул по мне ледяным взглядом и кивнул Глебу.

— Вот вы где!

В груди жаром поднялась обида, сдавила легкие, опустилась вниз — к жиле, будоража кен. Ладони тут же зачесались, но я заставила себя подавить злость. Ударить, конечно, было бы приятно, но тогда Кира точно убьет Глеба. Выпьет досуха.

— Идем со мной, — сухо бросил Влад и вошел обратно в дом.

— Что это с ним? — пробормотал Глеб, посмотрел на меня подозрительно. Затем выражение его лица сменилось на ироническое. — Поругались, понятно. Шла бы ты за него уже и не парилась! Смотреть на вас больно.

От этих слов мне стало совсем плохо. Глаза наполнились слезами — непроизвольно. Глеб порывисто обнял меня, прижал к себе.

— Извини. Не хотел расстраивать. Не могу смотреть, как мучаешься.

— Это ненадолго, — прошептала я, глотая соленые слезы.

Ну вот, зря красилась. Мне это вообще противопоказано. Или нужно запастись водостойкой косметикой.

Впрочем, плакать в мои планы не входило. Нужно было в Липецк, а для этого необходимо пустить пыль в глаза Владу. Пускать пыль я не особо умела, но учиться никогда не поздно, особенно когда на кону собственная жизнь. Притвориться потерянной труда не составит — даже играть не придется. Скажу, что поеду в город за вещами. Многое ведь осталось у меня на Достоевского. Или что проведу Вику. Смертникам в последних желаниях не отказывают.

Влад ждал меня в гостиной. Там же, у окна, стояла Кира и мстительно улыбалась. Наверное, хорошо, что она так себя ведет. Иначе мне было бы хуже. Думать о ней, как о

дочери, невыносимо.

Влад знаком велел мне следовать за ним наверх и, не оглядываясь, поднялся по лестнице.

Переживешь. Ты все это переживешь, Полина. Просто потерпи.

Шаги утопали в мягком ворсе ковра, и казалось, я реально иду на казнь. Вернее, на ее репетицию. Сейчас поднимусь, а там — гильотина и палач, весь в красном, жилистый и мрачный мужик. А над нами небо — синее-синее, и облака...

Над нами был потолок. А вокруг — подавляющие стены. Его комната. Бордовый. Никогда не любила этот цвет.

Влад закрыл за нами дверь — словно клетку захлопнул. Сердце на миг остановилось, а затем понеслось галопом. Он вновь стал непредсказуемым и опасным. Далеким, холодным, ужасным злодеем — кошмаром моей жизни. А ведь так и есть. Я ни капельки не повзрослела, и рядом с ним все еще пасую, несмотря на суперсилу и прочие плюшки.

— Ляг и подними футболку, — сухо велел он.

— Зачем? — опешила я, с ужасом понимая, что голос дрожит.

— Надо, раз говорю.

— Не хочу... — Я отступила на шаг, на плечи навалился ужас, тяжелый, неподъемный. Чувствовала себя беспомощной, маленькой, незащищенной.

— Не заставляй меня делать это силой.

Я замотала головой и испуганно покосилась на кровать.

— Не хочу, — повторила упрямо.

— Полина... — Он шагнул ко мне, руки сомкнулись на плечах. Я дернулась в сторону, но поздно...

Сознание заволочло дымкой, мысли спутались, а затем и вовсе исчезли. Я потерялась — в пространстве, времени, желаниях. Была лишь его воля, его голос, его прикосновения.

Краем сознания отметила, что лежу на кровати, надо мной возвышаются стойки с балдахинном, он нависает, пьянит, дурманит разум.

Руки Влада — горячие, требовательные — касаются живота. В том месте, где находится жила. И мое тело отвечает на прикосновения. Оно плавится, горит, пульсирует. И я горю — зажигаюсь вся, от макушки до пят. Мне хорошо. Радостно. Тепло.

Я пьяна.

Секунда — и внутренности взрываются болью. Ощущение, будто ударили в солнечное сплетение.

Я ловила губами воздух, тщетно пытаюсь вдохнуть. А через миг все схлынуло. Сердце снова забило, дыхание восстановилось, а жила перестала болеть. Влад вздохнул, поправил мою футболку и встал.

— Ну вот и все.

— Что... это... было?.. — рывками выдохнула я, вскочила и влипла в стену.

— Ты же не будешь сидеть без дела, — спокойно ответил Влад. — Хочу оградить тебя и остальных от лишних проблем.

— У меня и так полно проблем! Что ты сделал?

— Использовал свое право на печать.

— Чего?!

У меня даже дар речи отнялся. Земля ушла из-под ног, и я невольно схватилась рукой за стойку. Мир качнулся, картинка съехала, а затем снова сфокусировалась — на бесстрастном

лице и зеленых глазах.

— А чего ты ждала? — Влад сложил руки на груди и склонил голову набок. — Ты сумасбродка. Отречешься, сбежишь или, еще чего хуже, начнешь буянить. Когда я говорил, что ты должна сидеть смиренно, это означало смиренно во всех смыслах. Поверь, если тебя успокоит Кира, будет еще хуже. А главное — больнее. Тебе оно надо?

— Я хочу жить!

— Знаю. Проблема в том, что я тоже хочу, Полина.

— Я не убиваю тебя!

— Ну хватит. Ты вольна делать, что пожелаешь весь месяц, только оставайся в городе. И никому ни слова. Кира не шутила на счет твоих близких, и я ее останавливать не стану. Слишком многое на кону.

— Не делай этого, — прошептала я. — Не верю, что ты сможешь... Что постоянно играл. Должно быть у тебя внутри что-то человеческое. Подумай, что же ты творишь...

— Она возвеличит меня! — воскликнул он, и я вздрогнула. Боялась его сейчас по-настоящему, дико. Любое его движение, казалось, способно причинить вред. — Кира сделает меня сильнее, влиятельнее. Подарит вечную жизнь. Думаешь, выбор не очевиден?

— Гори в аду, Влад Вермунд! — выдохнула я и бросилась прочь из комнаты, из дома — на улицу. На волю. Бежала быстро, ветер бил в лицо, размазывая по щекам слезы.

У самых ворот я остановилась, вцепилась в прутья решетки и склонила голову. Безысходность заполонила тело, превратила мышцы в кисель. А время отсчитывало секунды до заветного дня. Я буквально слышала, как тикают мои часы — тик-так, тик-так. А конвейер едет, и его не остановить.

Печать на жиле. И я не могу отречься, ударить, даже видений не будет. Я ничего не могу! Абсолютно бессильна.

Оттолкнулась от забора и сжала кулаки. Неправда! Я сильная. Знаю, что делать. Нельзя отступать. Выживу ему назло! Им всем назло. Не потому что сольвейг, а потому что это я. Я всегда выживаю. Потому что хочу жить.

Пока ехала в город, слезы высохли. Я пялилась на прохожих, которые шли по своим делам, и думала, что любой из них — неважно, мужчина или женщина, богач или бедняк, трус или смельчак, благородный или подлец — каждый может умереть. Как говорил персонаж Булгакова, человек смертен внезапно. У меня же была возможность предотвратить собственную смерть. Сыграть с судьбой, пойти ва-банк и отвоевать право на существование.

Мой мир циничный и злой, и чтобы выжить в нем, нужно стать такой же. И я стану. Не дам себя сломать. Докажу, что я прежде всего человек, а потом уже сольвейг с запечатанной жилой. Мозги, слава богу, мне никто не запечатал.

Глава 33. Жемчужина Дуная

Я сидела на сером диване и рассматривала обивку. Руки сложила на коленях, как школьница, и ждала.

Мирослав смотрел пристально, серьезно и, казалось, не верил. Да я бы и сама не поверила на его месте.

— Не знал бы тебя, подумал бы, что шутишь, — сказал он тихо.

Я взяла его ладонь и прислонила к животу.

— Чувствуешь?

Он кивнул.

— Печать...

— Снять сможешь?

Он покачал головой.

— Такое право дается лишь раз, как и право поставить. Я свое уже использовал. Да и Влад сильный все же. Тут не любой справится.

— Значит, он сможет!

— Кто — он?

— Тот хищный, что повредил жилу Герде, — пояснила я. — Я должна найти его. Поможешь?

— Поля... — Мирослав опустил глаза, немного поерзал на диване и замолчал.

— Я спасла тебе жизнь! — с обидой сказала я и отвернулась.

— Ты предлагаешь мне рискнуть альва. Я в первую очередь вождь, и должен думать о своем племени.

— Альва ничего не грозит. Никто не узнает, что я здесь была. Доставь меня в Будапешт и возвращайся. Дальше я сама разберусь.

— А венгерский ты знаешь? Или хотя бы английский? Знаешь, где живут нати? Я уже не говорю о том, как устроиться на ночлег или поменять деньги. К тому же если тот хищный просто гостил у нати, не факт, что ты найдешь его в Будапеште. Значит, придется отправиться куда-то еще. Как ты себе это представляешь?

— Я одного не представляю — каково это, месяц ждать, когда тебя убьют! — воскликнула я в сердцах и вскочила. Комната внезапно уменьшилась и перестала казаться безопасной.

Подошла к окну, чтобы хоть как-то расширить пространство. Рамки давили, мешали думать, а мне нельзя прекращать думать. Ни на секунду.

— Полина... — Мирослав приблизился неслышно, и я вздрогнула. Мое будущее. Если выживу — вздрагивать от каждой неожиданности.

— Что бы ты сделал на моем месте? — спросила я, сжимая кулаки и впиваясь ногтями в ладони. Только бы не разреветься. Ненавижу быть слабой!

Он вздохнул.

— Сегодня вечером сборы у охотников. Мне нужно быть в Липецке. Не пропадешь без меня в чужой стране?

Я подняла на него глаза.

— Поможешь? — спросила недоверчиво.

— Ты спасла мне жизнь, — улыбнулся он. — Все это как-то... дико. Влад не казался мне таким. Мы много общались, и его образ не вяжется с тем парнем, о котором ты рассказала. Жестоким и циничным.

— Люди играют роли, — произнесла я с горечью. — Его роль сулит большую прибыль. Влад хороший актер, Голливуд бы оценил.

— Я знаю, где живут нати — бывал у них пару раз. Хорошо знаком с вождем.

— Это же просто замечательно! — Я порывисто обняла его. — Спасибо.

— Стоит поторопиться. Думаю, тебя все равно будут всячески контролировать и следить за каждым шагом.

— Я готова. Прямо сейчас. Нечего тянуть — найдем его.

Телепортацию я переносила плохо. Вернее, я переносила нормально, а съеденный завтрак никак не желал перемещаться, так и норовя выпрыгнуть наружу и остаться в привычном для него месте. Впрочем, в тот день я не завтракала, а тошнило все равно знатно.

Нас встретил чистенький переулочек, четырехэтажные здания с лепниной — скорее всего, старые и полные интересных историй. И влажный, навевающий мысли о близком лете воздух.

Мимо проехал парень на скутере в ярко-красном глянцевом шлеме. Невдалеке запахом кофе и свежее сдобы манила уютная кафешка. Оттуда, держась за руки, вышли влюбленные и поцеловались. Прямо на пороге.

Я подумала, что толком нигде и не была. Не считая тех городов, где мы прятались от охотников, из Липецка никогда не выезжала. Даже Венген — известное на весь мир красотой и чистым воздухом место — запомнилось мне смутно и больше эмоциями. Смесь ужаса и счастья. Хотя то счастье тоже было иллюзией. Придуманным, отрепетированным, необходимым ритуалом. Спектаклем для одного зрителя. Для меня.

Мирослав жестом велел следовать за ним. Я воровато оглянулась и шагнула вперед — туда, где возможно найду человека, который освободит меня. Понимала, что нельзя постоянно рассчитывать на других. Но сейчас, с запечатанной жилой я мало что могла сделать, да и с трудом представляла, как справлюсь с драугром. Особенно если учесть, что бороться нужно и против Влада.

Он чудовище, сказала я себе. Сознание полностью согласилось с этими словами, а сердце молчало. Онемело.

Мирослав позвонил в домофон, и ему ответил приятный женский голос. Вождь альва бросил короткую фразу, видимо на венгерском, последовала тишина в несколько секунд, а затем замок щелкнул, дверь открылась, и мы скользнули в темноту подъезда.

Это был обычный дом. Старый, с широкими лестницами, массивными бетонными перилами и высокими ступеньками, что гулко отзывались на шаги Мирослава и тихо — на мою легкую поступь.

Мы поднялись на третий этаж, и Мир снова позвонил. Высокая двустворчатая дверь, поднимающаяся почти под потолок, с резными ручками и декоративным молоточком щелкнула замком и отворилась, впуская нас в чужую, полную тайнства племени хищных, переживших войну, квартиру.

Нас встретила девушка. Невысокая, темноволосая, с грустными черными глазами и тонкими пальцами. Она кивнула Мирославу, безразлично скользнула по мне взглядом и

велела следовать за ней по затемненному, разбавленному лишь проникающим в него из гостиной воздуху коридора.

— Это Нора, пророчица нати, — шепнул Мирослав мне на ухо и покосился лукаво. Наверное, ждал, что я заинтересуюсь личностью «коллеги», но я лишь повела плечом и шагнула за ней в широкий, ярко освещенный зал.

— Мирослав! — Невысокий шатен средних лет, слегка располневший с красноватым лицом, в центре которого располагался мясистый, изъеденный порами нос, встал с кресла и развел руки в стороны, изображая радушие.

Это было единственное, слово, которое я поняла из его долгой, лучистой речи. Язык был интересным, как мне показалось, птичьим. Гласные округлялись на выдохе и буквально подпрыгивали в каждом слове, обрезаясь согласной в конце, словно строгим надсмотрщиком.

Мы с Мирославом смиренно слушали, улыбались и иногда кивали, изображая доброжелательность.

Мир шепотом пояснял мне некоторые фразы, и я узнала, что войну нати пережили без жертв, хотя Гедеон — так звали краснощекого и улыбчивого вождя — и сокрушался по поводу беспредельного поведения охотников. Ежемесячный взнос в бюджет убийц вождя нати называл обдираловкой и боязливо покосился на дверь, будто в нее сейчас мог заскочить их смотритель и прибить его на месте за святотатство.

Нати жили все в этом многоквартирном доме. Гедеон хвастал, что таким образом они просто похожи на дружных соседей и не нужно тратить много кена на морок. Особенно сейчас, когда пополнять силы стало трудней.

Нас накормили, а затем напоили вкусным кофе с булочками, отчего я совершенно разомлела и слушала уже вполуха, дремля на стуле.

Потом Гедеону, наверное, наскучило болтать, и он спросил, внезапно преображаясь в серьезного мужчину, зачем мы пожаловали.

После пояснений Мирослава посмотрел на меня заинтересованно, отчего я окончательно проснулась и приосанилась, поерзав на стуле. Затем вождь нати резко велел Норе выйти. Девушка побледнела, впилась в меня горящим взглядом и не сдвинулась с места. Словно приросла к стулу.

Тогда Гедеон прикрикнул на нее. Я вздрогнула. Тревога растеклась по воздуху сладковатой патокой. Девушка, наконец, перестала меня гипнотизировать и встала. Через несколько секунд я услышала, как хлопнула входная дверь.

Потом Гедеон долго говорил, а Мирослав слушал и хмурился. Иногда смотрел на меня и качал головой, тихо отвечая по-венгерски. Я нервничала все больше, прислушивалась и старалась понять, о чем они говорят, но, естественно, ничего не поняла.

Вождь нати бросал на меня сочувствующие взгляды, а потом еще более сочувствующие — на Мирослава.

А затем мы ушли. Мне показалось, Гедеон был рад, что мы покинули его дом. Его нетерпение ширилось тем сильнее, чем больше времени мы оставались в квартире, и, когда мы вышли на лестничную площадку, я ощутила облегчение.

— Что он сказал? — спросила я, вцепившись в руку Мирослава.

— Что иметь пророчицу очень обременительно, — улыбнулся он и потянул меня вниз по лестнице.

— Почему? — нахмурилась я и последовала за ним.

— Ему не очень понравился последний визит твоего потенциального спасителя. Я не совсем понял, в чем там дело, но Гедеон велел мне присматривать за тобой. Особенно по ночам.

Я округлила глаза, а Мирослав рассмеялся. И мне почему-то стало легко. Вдалеке от дома, от страха и проблем, в пропахшем свежестью майском воздухе прекраснейшего из городов, отчаяние растворилось, сгнуло, уступая место надежде.

— Идем, прогуляемся. До вечера есть время. Заодно и расскажу все, что узнал от трусливого вождя нати, — предложил Мирослав. Улыбнулся, как кот на солнышке. — Обожаю этот город!

Мы прошли спокойными чистыми улочками, свернули на набережную и вышли к реке. Зрелище открылось захватывающее. Дунай был темным, мрачным и на вид неприветливым, но энергетика от него шла бесподобная и ни с чем несравнимая. Чистая сила — грубая, первобытная, неконтролируемая. И надежность. Спокойствие. Уверенность. Мне так этого не хватало.

Мы прошли по набережной и пересекли мост — широкий, украшенный величественными статуями львов. Под стать реке мост, подумалось мне.

А на другой стороне нас встретили здания — старинные, с остроконечными башнями, рельефными балюстрадами, и массивными колоннами. Мы прогулялись у здания Парламента, которое красуется почти на каждом рекламном туристическом буклете Венгрии, свернули на мощенную серым камнем набережную и молча постояли у самого трагичного памятника, который мне только доводилось видеть.

Чугунная обувь на берегу реки. Так символично, ведь тех людей тоже заманили на смерть обманом...

Я планировала выжить.

— Гедеон был рад, что твой потенциальный спаситель уехал. Я не особо понял почему, но, наверное, его расстроила Нора — не зря он ее выгнал. Хотя о нем он отзывался положительно, словно боялся, что я могу передать ему эти слова и тем самым разозлить. Я понял, тот парень просил не распространяться о его визите. Показалось, Гедеон его побаивается.

— Гедеон сказал, где его найти?

— Он не знает. Но постарается выяснить. Мы подождем до завтра. — Мирослав вздохнул и взял меня за руку. Его ладонь была теплой, это тепло впитывалось кожей и буквально согревало меня. Собственного тепла у меня не осталось.

— Все будет хорошо, — сказал вождь альва и прижал меня к себе. Как ребенка. Странно, обычно в такой ситуации мне хочется плакать, а сейчас ничего не было, даже слез. Сожаления, впрочем, тоже.

Мы еще немного постояли там, глядя, как вода плещется о камень, высекая мелкие капли, словно искры, пенясь и уходя назад. Река тоже подчинялась законам — приливы, отливы, подземные источники, что питали ее — все имело значение.

Я была вне закона теперь. Пошла против вождя, против племени, против мира. Чтобы выжить.

Душа наполнялась одиночеством и ноющей болью. Гулять больше не хотелось, наслаждаться красотой столицы Венгрии — тоже. Мы сняли номер в гостинице неподалеку, Мирослав расплатился, а я обещала вернуть по приезду. Поняла, что денег не сняла, а карточку использовать не решилась. Влад, конечно, и так меня найдет, но не стоит оставлять

ему лишних зацепок. Нужно выиграть время.

Ближе к вечеру Мирослав ушел. Обнял меня еще раз — и на этот раз я чуть не расплакалась, но все же сдержалась. Он обещал вернуться сразу после сборов у охотников и отвести меня погулять по вечернему городу. Сказал, что ночной Будапешт забываем, и что я сразу забуду обо всех проблемах. А там, возможно, и Гедеон объявится. Я сдержанно кивнула и уверила, что не буду скучать. А потом осталась одна. В секунду. Все же жуткий дар у вождя альва. Вот он тут, а через миг его уже нет. И только одиночество точит душу, как горный ручей камень.

Я сидела у окна, пока не стемнело, и за это время сгрызла от волнения все ногти на руках. Мирослав не возвращался. Боялась думать о том, что в Липецке с ним могло что-то случиться. Что каким-то образом Влад и Герда поняли, что он помогал мне, поймали и пытаются.

Возможно, и правда стоило переждать этот день, сборы у охотников, и отправиться в Будапешт уже завтра, но я не была уверена, что Влад не причинит мне за это время еще какой-нибудь вред или — еще чего хуже — не запрет в подвале. Тогда я точно никого не найду и умру в июне, а драугр вылечится.

Дар провидицы спал, наглухо запечатанный в жиле, и проснулись инстинкты выживания обычного человека. Вспомнилась та я, что убегала зимой от Андрея — дрожащая в холле фирмы Матвея, под пристальными взглядами Филиппа и Кирилла. Совершенно растерянная и беззащитная.

В номер легонько постучали, прогоняя навязчивые воспоминания, и под дверь подсунули записку. Я вскочила и на секунду замерла. Затем без колебаний подхватила аккуратно сложенный листок из толстой, наверняка дорогой бумаги и выглянула в коридор. Если бы это был враг, он не стал бы совать записки под дверь — вышиб бы ее и вошел.

Коридор был пуст, звучало лишь воображаемое эхо шагов удаляющегося незнакомца, который играл со мной в игры.

Дрожащими руками я развернула записку и нахмурилась. Слова были написаны печатными русскими буквами кривоватым почерком:

«Дунакорзо. Вечер. 21:00. Поговорить тот кто ты ищешь. Нора»

Нора — это же пророчица нати! Та, что странно косилась на меня у них дома. Скорее всего, она что-то знает, иначе зачем стала бы зазывать меня? Наверное, вождь запретил ей говорить — не зря ведь прогнал.

Интересно, почему? Неужели нати что-то знают о драугре? О том, что случилось тут много лет назад? О том, как повредилась жила Герды?

В голове всплыли слова Тана, на первый взгляд, несущественные. Не бывает несущественных слов, особенно когда их произносит древний мертвый колдун.

Потому что ты пророчица...

Нора — пророчица, и зовет меня на встречу. Тайно. Неспроста.

Возможно, выход ближе, чем я могу предположить. Я улыбнулась и бросилась шнуровать кроссовки, а через десять минут вдохнула вечерний воздух, наполняясь свободой и избавлением от страхов.

Город после заката преобразился. Нарядился в огни, ослепил великолепием, в воздухе разлился аромат клубники и задорный смех.

Дунакорзо совсем рядом, я гуглила. Добираться минут двадцать пешком. Я запустила навигатор и тронулась в путь.

А потом поняла, что очень плохо ориентируюсь, даже несмотря на голос, который твердил в наушниках, куда повернуть. Всколыхнулась легкая тревога, а потом я случайно вырулила в нужный переулок, и передо мной раскинулся он.

Дунай.

Широкий, мрачный, тяжелый и невероятно красивый. Завораживающий. Окруженный со всех сторон слепящим светом, отражал его и возвращал второй вариант города — еще более загадочный и красивый.

По променаду прогуливались парочки, держась за руки, распевно коверкая слова и смеясь. На перилах, слегка опустив голову, сидела бронзовая девочка и грустила. Я остановилась у памятника, не зная, что дальше делать. Набережная была длинной, разрасталась по обе стороны кафешками, праздными гуляками и уличными музыкантами. Незнакомой мне, абсолютно чужой атмосферой жизни, которой мне не суждено жить.

Я глубоко вдохнула и расслабилась. Жила запечатана, инстинкты пророчицы спят, но у меня есть еще обычная человеческая интуиция. Возможно, стоит ее послушать?

Где-то совсем рядом послышалась знакомая русская речь, и на душе стало легче. Туристы. Во всяком случае, будет у кого спросить, как вернуться обратно, если совсем заблужусь.

Я посмотрела направо, затем налево, и уверенно шагнула туда, где яркой вереницей расположились приветливые кафешки, зовущие посидеть и расслабиться, наслаждаясь замечательным видом отражающегося в воде города.

Ощущение тревоги нарастало, и я убеждала себя, что в многолюдном, наводненном туристами месте со мной ничего плохого не произойдет. Для того, чтобы найти меня, Владу понадобится время, а затем еще немного — на то, чтобы прилететь в Венгрию. Это время я собиралась использовать по максимуму. Это время — единственное, что может меня спасти.

Я шла по променаду минут пять, а потом увидела ее. Нора сидела на лавочке и смотрела на воду. В свете фонарей девушка казалась почему-то одинокой и покинутой, положила подбородок на сложенные ладони и не шевелилась.

Я ускорила шаг, приблизилась, расплылась в приветливой улыбке и коснулась ее плеча...

Мир взорвался ужасом, разлетелся осколками и застыл — в распахнутых безжизненных глазах пророчицы нати, которая от моего прикосновения завалилась на спину и устремила взгляд в небо. Совсем как кукла — обездвиженная и красивая.

Маленькая сломанная кукла...

— Ты действительно думала, что сумеешь провести меня? — ласково спросил знакомый женский голос.

Я резко вскочила и обернулась — на меня, улыбаясь, смотрела Кира. Невдалеке, под рельефным фонарем, засунув руки в карманы стоял Влад и прожигал меня уничтожающим взглядом, а рядом, опустив голову, притаился Мирослав. Лица его я не видела, но вид у него был виноватый.

— Предатель! — выдохнула я со злостью. Понимала, что это мало что изменит, но не удержалась.

— Мирослав поступил мудро, — безэмоционально произнес Влад. — Он просто не хочет, чтобы пострадали альва.

— Ты путаешь мудрость с подлостью. — Я попятилась, воровато оглядываясь по сторонам.

Вокруг были люди, они шли по своим делам, на нас внимания не обращали. Отличный морок! Впрочем, у Влада много талантов.

— Зато его близкие живы, — зло сказала Кира. — В отличие от Глеба.

— Нет! — Воздух из легких вырвался со свистом, грудь заполнило отчаяние — обжигающее, как жидкий азот. Плавило внутренности, причиняя боль. Убивало медленно, перекрывало воздух. Перед глазами потемнело, мир сузился, и я невольно посмотрела на Влада, ища на его лице хоть какую-то зацепку, эмоцию, которая опровергнет слова вампира. Но его лицо осталось бесстрастным.

На глазах выступили слезы — непрошенные, горячие. Потекли по щекам, падая и разбиваясь о мощенную мостовую.

Нет-нет. Нельзя сдаваться! Я уже один раз вернула Глеба, верну и в этот. Главное — выжить. Доказать, что я могу, несмотря ни на что.

Всегда есть шанс. Иногда он заключается в одном стремительном действии. Например, бежать. Я развернулась и метнулась в сторону. Затеряться в толпе, нырнуть в какой-нибудь переулок, скрыться от преследования и подумать. Несколько минут — чтобы собраться, решить, как действовать дальше.

Сбежать не получилось. Легкие вспыхнули болью — острой, ослепительной. Боль зародилась в спине, растекаясь по лопаткам, поднимаясь к затылку и заполняя сознание темнотой. Безликой, пугающей. Она сдавила гортань, лишая возможности дышать. Я упала на колени, подняла руки к горлу, пытаюсь выцарапать эту темноту, но тщетно.

Мимо продолжали ходить люди, безразличные к моей боли. Я пыталась кричать, обратить на себя внимание, хватала их за одежду. Кажется, даже стянула с кого-то шифоновый шарф, свисающий до колен. Тщетно. Они не смотрели на меня. Улыбались, болтали, опьяненные красотой и величием города. Совершенно безучастные и немые.

Я обернулась. Кира смотрела зло, стояла, расставив в стороны руки и гипнотизировала меня. Темнота ширилась, поглощала, лишая разума и воли.

А потом Кира моргнула. Ее шатнуло в сторону и последнее, что я заметила, как Влад подхватил ее и что-то зашептал на ухо.

Она не смогла. У нее не хватило сил! Поврежденная жила не дала воспользоваться талантами драугра в полной мере.

Не дожидаясь, пока они придут в себя, я вскочила и побежала в ночь.

Ветер хлестал по щекам, гудел в ушах. Не разбирая дороги, гонимая паникой, я просто бежала. Мысли спутались, желаемый выход никак не находился. Я свернула к мосту — тому самому, где мы гуляли днем. К нати не собиралась, нет. Совесть не позволила бы привести к ним драугра. Ведь Кира убила Нору именно ради этого — чтобы я чувствовала себя виноватой. Но на этот раз не выйдет. Я спасаю свою жизнь, и буду выгрызать ее из рук смерти зубами, если придется.

Мост оказался невыносимо длинным. Я пересекла его, свернула в сторону и со всех ног понеслась по тротуару. Спустилась по лестнице к дороге, пропустила пару авто и побежала к воде.

Не знаю, почему именно туда. Наверное, просто по инерции.

Впрочем, все было напрасно... Меня перехватили сильные руки, крепко прижали к себе. Я царапалась, вырывалась, захлебываясь ужасом, но Влад был сильнее. Скрутил меня и крикнул Мирославу, стоящему неподалеку:

— Приведи ее.

Вождь альва кивнул и исчез, наградив меня перед этим сочувствующим взглядом.

— Нет-нет! — выкрикнула я. — Ты — чудовище! Она же убила твоего брата. Как ты можешь вообще?

— Глеб жив! — рывкнул Влад мне на ухо и сильнее прижал к себе.

Я замерла на миг, боясь поверить... Ему нельзя верить. Никому из них.

— Будешь паинькой, так и останется. Глеб будет жить, слышишь? — Он помолчал немного. Горячее дыхание обожгло шею, согревая и пугая одновременно. — Сегодня все закончится.

— Сегодня? — испуганно выдохнула я. — Но ведь у меня всплеск в июне...

— Кира не хочет ждать.

— Не называй ее так! Герда. Ее зовут Герда!

— Уже совершенно все равно, как ее зовут, — безразлично ответил Влад.

— Ты пожалеешь. Сам себя съешь потом, когда поймешь, что сделал.

— Возможно, — глухо произнес он. — Но сейчас это уже не имеет значения. Ничего не имеет значения, Полина... Просто расслабься.

Я ощутила, как мое тело обмякло в его сильных руках. Как Влад присел прямо на землю — на бетон, усеянный камнями. Усадил меня на руки, как ребенка, приложил ладонь к животу...

Ванильный запах заполнил пространство, моя жила невольно откликнулась на вынужденную ласку, натянулась, открываясь. Пуская по венам живительный кен.

Печать... Ее больше нет.

Я могу сделать больно! Ударить. Отречься. Уйти.

Но я не могла. Ванильный кен был сильнее моего. Путал мысли, стирая нужные слова, побуждал просто лечь и не двигаться. Давил, приказывал, покорял.

И вот я лежу на холодных камнях, а в глаза мне смотрит небо — бескрайнее и красивое. Усыпанное осколками звезд.

Живот приятно ноет — жила наслаждается свободой. Ладони горят от подступившего кена. Я пьяна и счастлива.

Почти мертва...

Это мысль отрезвила, заставила сопротивляться. Я поднялась на локтях, затем, пошатываясь, села.

Влад стоял и смотрел на воду. Ждал. Уверенный в том, что все контролирует. Как же бесит его эта уверенность!

Я встала, поскользнулась на влажных камнях, но удержалась. Пусть я и погибну, но он тоже умрет.

И умерли в один день...

Эта фраза казалась мне когда-то такой банальной.

Я выставила вперед ладони и злорадно улыбнулась. Ощущала себя на грани истерики, понимала, что не выдержу, сорвусь, но все равно хотелось увидеть его глаза.

— Эй! — крикнула я, и он обернулся.

Я ударила резко, не дожидаясь реакции. Влада отшвырнуло назад, и он с шумом упал в воду, подняв при этом фонтан брызг.

А затем меня сбили с ног.

Мир перевернулся вверх тормашками, и я больно ударилась локтем о камень. Мирослав прижал меня телом к земле и выкрикнул:

— Ну как ты? Живой?

— Живой, — через секунду раздался знакомый голос. — Что мне станется...

Обида обожгла горло, я дернулась, пытаюсь выбраться, но тщетно. Мирослав был сильнее. А через миг сознание вновь затуманилось, подчиняясь чужой воле.

Мирослав ослабил хватку. Влад появился в поле моего зрения — решительный и злой. Рубашка на его груди почернела и намокла, облепила открытую рану, пропиталась кровью и сукровицей. Но рана была не смертельной. Та, что зажила после прихода Рихара, была больше и опаснее.

Черт, ну почему все именно так? Я ведь могу ударить сильно, могу! Скорее всего, Влад позаботился о защите.

Он развернул меня на спину и пристально посмотрел в глаза.

— Не стоило этого делать.

— Пошел ты! — выдохнула я.

Влад покачал головой, присел рядом и обнажил мне живот.

Вспомнился момент, когда я присягала ему — там, у очага, наполненная страхами и предвкушением. Вот к чему это меня привело. На жертвенный камень. Снова.

— Как она меня достала! — резко сказала Кира.

Я ее не видела. Не было сил даже повернуть голову — меня пригвоздило к земле, обездвижило и парализовало.

Страх постепенно растворялся, уступая место спокойствию — обманчивому и жестокому.

— Ты готов? — спросила она совсем рядом. — Покончим с этим.

Влад еще раз взглянул мне в глаза — пронзительно и яростно — и кивнул.

— Готов.

Он начал говорить — какое-то заклинание, видимо — и я увидела ее. Кира-Герда присела рядом, взяла меня за руку и улыбнулась.

— От тебя очень много проблем, маленький сольвейг, — сказала она.

Хотелось ответить, но я только и смогла, что открывать рот, как выброшенная на берег рыба. Слов не было. Сил тоже. Ладонь безвольно лежала в руке вампира.

Я вновь посмотрела на небо — удивительная панорама. Здесь все и закончится. Здесь и сейчас...

Жила завибрировала, кен послушно потек к ладоням, впитываясь кожей драугра. Влад касался моего живота — удивительно нежно, успокаивающе. Я почувствовала, как одинокая слезинка выкатилась из глаза и запуталась в волосах.

А потом Кира дернулась. Выпустила мою руку, посмотрела на Влада — недоверчиво и немного испуганно.

— Что?.. — спросила тихо и замолчала.

Уставилась куда-то в сторону, темные глаза расширились, а рот приоткрылся. Кира уже не скрывала ужаса — вскочила на ноги, отступила на шаг и помотала головой.

— Нет!

— Извини, — спокойно сказал Влад.

— Ты же понимаешь, что я вернусь и выпью тебя, твою ненаглядную пророчицу и всех атли?!

— Не вернешься. Я убил всех твоих адептов. И саму тебя тоже. Все, что хранил колдун — все частички тебя, которые можно возродить — навеки уничтожены. Там, куда ты

отправишься, ты останешься навсегда.

— Сволочь! — прошипела Кира и внезапно схватилась за живот. Закатила глаза, забилась в конвульсиях, упала на землю и затихла.

Я перевела непонимающий взгляд на Влада. Он стоял, вытянувшись, как струна, а рядом с ним, у самой воды, покачиваясь в воздухе, плавал большой белый портал.

— Что происходит? — шепотом спросила я, удивленно понимая, что ко мне вернулся голос. Вернулась и возможность двигаться. Я резко оттолкнулась локтями и отползла от Киры.

Впрочем, ей было не до меня...

Драугр тяжело дышала, склонив голову и хватаясь за живот. Бледная, слабая и уязвимая. Влад шагнул к ней, не отводя взгляда от портала.

— Не делай... этого... — прохрипела Кира и вцепилась в его руку. — Прошу!

— Ты невероятно глупая, — ответил он. — Это жутко бесит.

Влад с легкостью подхватил ее на руки, перекинул через плечо и понес к portalу. На подходе споткнулся и чуть не упал, но резко дернулся и швырнул тело драугра, как тряпичную куклу, в ослепительную дверь из света.

Мирослав подошел ко мне и попробовал помочь подняться. Я вскочила на ноги, выставила вперед ладони и прошипела:

— Только тронь!

Подействовало — он остановился и глубоко вздохнул.

— Извини. Я не мог сказать. Ты бы погибла!

— Ни слова больше. Просто... молчи!

Портал погас. Света не стало меньше — город светился, на небе горели звезды, и все это усиливалось ярким отражением в воде. Влад упал на колени, затем завалился набок, шумно вдыхая воздух и прижимая ладони к жиле.

А в воздухе растекался сладкий ванильный аромат.

— Великолепная постановка. Bravo! — услышала я радостный голос справа и повернулась.

Чуть выше, на камнях, сидя на корточках, на нас восторженно смотрел Альрик.

— Надеюсь... тебе понравилось шоу... — прохрипел Влад.

Ванильный запах множился, пьянил, пробуждая ненужные, чужие воспоминания. Чужие — потому что в них была девушка, которой я больше никогда не стану. Она умерла, и я закопала ее глубоко в сознании. Сейчас этот запах был нестерпимо пряным.

— Ты сам выбрал финал, — улыбнулся Альрик. — Проще было бы помочь вампиру. А я говорил, чувства ни к чему хорошему не приведут. И вот теперь ты умрешь, а та, ради кого старался, будет смотреть.

— Пусть лучше так, чем высохнуть, как ты! — огрызнулся Влад.

— Что это значит? — нахмурилась я.

— Это был план Альрика. — Мирослав шагнул ко мне и покосился на Первозданного. — Начиная от зачатия Киры и заканчивая... этим днем. Его сценарий, его игра. Как плата за помощь. Влад всего лишь исполнял роль, режиссером был Альрик... Было два варианта — спасти Киру или тебя... так.

— Сукин сын! — выдохнула я и дернулась, но Мир удержал меня.

— Не нужно, Поля. Не стоит так глупо умирать.

— Он прав, маленький сольвейг, не стоит, — улыбнулся Альрик. — Ты ведь достойно

держалась.

Его слова подтвердил всплеск волны, накатившей на бетонную набережную, где скрытые от людей мощным мороком стояли мы с Мирославом, сидел Альрик, и лежал Влад, истекая кеном, закрыв огромный белый портал, в котором навсегда исчезла Герда.

Вся ситуация выглядела нереальной сценой из сна. Из самого страшного кошмара.

— Он не закончил, — сказала я, ни к кому конкретно не обращаясь. В душе бушевал ураган, круша все на своем пути. Я буквально видела, как ломаются стены замков, что я строила все эти годы. Рассыпаются песком, превращая душу в желтую пустыню, где, как в хельзе, место лишь обжигающему солнцу и ядовитым членистоногим.

— О чем ты? — насторожился Мирослав.

— Альрик. Шоу продолжается.

Я осторожно высвободилась из цепких объятий вождя альва. Альрик все так же улыбался и смотрел в глаза. Первозданный внезапно показался мне щуплым и блеклым. Маленьким. Существом, которое возомнило себя богом, но на самом деле даже не человек.

— Тебя никто не любит, да? — спросила я тихо. — Это ничего, меня тоже никто не любил.

Ответа ждать не стала, но на миг показалось, после этих слов он перестал улыбаться. Хотя, наверное, эти шутки со мной играло воображение — оно у меня дай боже.

Захлебнувшись ванильным запахом, я присела на холодный, покрытый утренней росой, бетон. Было легко, мысли испарились, осталась одна-единственная.

Правильная.

В каждой книге и в каждом фильме должен быть хэппи-энд. Этот спектакль тоже должен закончиться хорошо. Никакой драмы, все счастливы. А потом кукол сложат в коробки и отправят на пыльный чердак. Так было и будет всегда.

Не нужно нарушать традиций. Пусть финальный аккорд, наконец, прозвучит.

Казалось, весь мир остановился в том моменте. Не существовало ничего только я и он. Начало пути пришло в конец.

Его бледное лицо в свете звезд — порочное и ангельское одновременно. Чужое. Для меня.

Мокрая ладонь, удивленный взгляд, боль — и я уже не понимаю, чьей боли там больше.

Вся суть в том, что у каждого своя правда. Это правильно. Человеческая природа. Ничего не поделаешь. Каждый оценивает поступки других сквозь призму собственных принципов.

Я закрыла глаза и позволила кену сделать свое дело.

Сначала у хищного восстанавливается жила. Наполняется кеном, как истрескавшаяся земля влагой, оживает, пульсирует. Затем затягиваются раны на теле — даже те, что нанес сольвейг. Даже те, что на первый взгляд смертельны. На это нужно время — недели, а может, месяцы.

Заживает ли душа? Сколько нужно времени, чтобы дыхание перестало причинять боль? Пройдет ли когда-нибудь это щемящее чувство потери от того, что никогда тебе не принадлежало?

Это мне предстояло узнать.

Я поднялась на ноги. Альрик исчез, словно его тут и не было. Влад лежал на спине, его руки царапали бетон, дыхание было прерывистым и хриплым. Ванильный запах постепенно рассеивался, растекаясь невидимой дымкой над широкой гладью Дуная.

Город сверкал огнями, величественно раскинувшись на берегах. Наверное, он бы понравился мне. Наверное, я бы даже смогла его полюбить...

Мирослав положил руку мне на плечо.

— Ты правильно поступила.

— Доставь меня домой, — устало попросила я...

...После Будапешта с его величественными зданиями, памятниками архитектуры, широкими набережными и миллионами огней, Липецк казался маленьким и провинциальным. Грязным. Но родным.

Мирослав вернулся. Ему нужно было помочь другу. Я его понимала — в какой-то мере. В конце концов, у нас разные пути. Разные судьбы. И я осознала, что именно сейчас, потеряв последнее, что наполняло мою жизнь смыслом, я, наконец, освободилась по-настоящему.

Впрочем, оставалось кое-что еще.

Я вытащила из кармана телефон. Странно, но он не разбился при падении.

Никогда еще мне не было так страшно набирать номер. Несколько движений по сенсорной панели, смазанное фото и один клик. Гудки показались вечностью — пронзительно тоскливой. А женский голос, как приговор.

— Катя, — прохрипела я в трубку. — А Глеб...

Закончить я не смогла — голос сорвался, слова опрокинулись в пропасть, как ковш ледяной воды в расплавленную лаву. Зашипели и изошли паром.

Молчание защитницы, гулкой стук сердца и слова:

— Он в ванной.

Резкие и пропитанные неприязнью. Но приносящие облегчение. Катя помолчала немного, а затем добавила тихо:

— Оставь его в покое, а? Ты же ему дышать не даешь. Давишь и давишь, как пресс. Эгоистка! — И повесила трубку.

В висках стучал пульс, мысли в голове путались. Она ревнует, что ли? Ко мне? С чего бы? Впрочем, не все ли равно? Я улыбнулась.

Он жив. Жив! Как же все же прекрасно, что и я, и он — мы оба живы! А значит, все у нас будет хорошо.

Грудь расширилась, впуская воздух — сладкий, пьянящий эликсир жизни. Кн иго люб.нет Я немного постояла на улице, наслаждаясь, а затем шагнула в свой подъезд.

В квартире было тихо. Я приняла душ, закуталась в халат и села на диван. Включила телевизор. На экране мелькали картинки, но я не вникала в содержание телепередачи. Просто сидела и пялилась в экран, без мыслей и эмоций.

Опустошенная.

В дверь позвонили, и я поморщилась. Видеть никого не хотелось. Может, не открывать? Сделать вид, что меня нет?

Ночной гость не унимался — все звонил, и звонил. Слышно было, как он копошится под дверь. Мне стало противно. Почему-то я точно знала, кто пришел. Мирослав, кто же еще. Сейчас начнет рассказывать, как ему жаль...

Я подошла к двери и нехотя открыла. На пороге стоял Глеб. Растрепанный и взвинченный.

— Что у тебя стряслось? — спросил строго и протиснулся мимо меня в квартиру.

Я закрыла дверь и повернулась к нему.

— Тебя Катя не заругает?

— К чертям Катю! Полевая, что случилось?

Я вздохнула.

— Я видела драугра. Но ее уже нет. Все закончилось, а я очень устала...

— Фига се! — Глеб присел на трюмо и растерянно посмотрел перед собой. — Я думал, ты жажнула Вермунда. Он такой потрепанный вернулся. И мокрый.

— Ты прав. — Я кивнула. — Жахнула.

Медленно и безэмоционально я рассказала Глебу историю Киры. Он хмурился, изредка поднимал на меня полные недоверия синие глаза, качал головой и шумно дышал.

Я стояла, прислонившись к стене, отбиваясь от ненужных эмоций, стараясь остаться в реальности. Не думать о Кире, о том, что я...

Нет! Она всегда была лишь драугром, желавшим мой кен. Никогда она не была моей дочерью, никогда я не любила ее. Не боролась за нее. С ней.

Не сдалась.

— Что будешь делать теперь? — спросил Глеб, глядя в глаза, и мне показалось, в его взгляде читался страх. Не увидеть меня. Потерять навсегда. — Ты же не...

— Нет, — уверенно сказала я, а затем уточнила: — Пока нет. Но уеду. Найду сольвейгов и узнаю о себе больше. А там решу.

Мы еще долго молчали, сидя на диване. Каждый в своих мыслях. Глеб наверняка сочинял план, как отомстить Владу, а я... я жила. Дышала, прикасалась к ткани обивки, слушала звуки, издаваемые телевизором, и думала, что могла бы никогда больше ничего из этого не делать.

— Есть хочу, — сказала тихо.

Мы заказали пиццу, а затем жадно ели и смотрели смешную комедию. Я уснула под утро, положив голову на плечо Глеба.

Дома.

Глеб подарил мне дом, уверенность и покой. Возможно, я нашла часть себя, которую потеряла в день, когда узнала, что Кира — драугр.

Кира? Кто такая Кира?

Эпилог

В комнате было светло, даже слишком. И зачем только шторы открыли — она же спит? Бледная, измученная моя девочка. Светлые волосы спутались, губы потрескались, ладони безвольно лежат на одеяле.

Я вошел и осторожно прикрыл за собой дверь. Как же долго мы не виделись! В какой-то мере я виноват в том, что она тут была одна. Без поддержки. Загнала себя. Чуть не погибла.

Эти еще... Убил бы — и жреца, и девчонку!

Присел рядом на кровать, взял ее теплую руку. В груди защемило от нежности — давно забытое, ненужное чувство проснулось, завладело мной, и несколько минут я сидел, пытаюсь его подавить. Тщетно.

А потом она открыла глаза. Слабо улыбнулась и прошептала:

— Ты...

— Я все пропустил. Нужно было приехать раньше и надрать зад твоему жрецу!

— Ты надрал зад драугру. К тому же Эрик вернулся вовремя. Все хорошо.

— Ничего не хорошо! Посмотри на себя. А Эрику нужно было их судить.

Даша поморщилась и попыталась сесть. Не вышло. Откинулась на подушки и зло посмотрела в потолок. Хорошо, что злится. Значит, не сдалась.

— Я в порядке.

— Ну-ну... — Я помолчал немного. Она сжимала мою ладонь, и я буквально чувствовал кожей, как она мне рада. Странное чувство. Непривычное. Но приятное. — Где он был все это время?

— Говорит, на одном из нижних слоев. Его не выпускали монахи, как их там... ауны, кажется. Он был посвящен в их тайные знания.

— Когда-нибудь твой братец нарвется, попомни мои слова.

— Эрик давно уже забыл, где тормоза, — вздохнула Даша. — Я не лезу — его жизнь. К тому же, кто я, чтобы ему указывать? Он пока вождь...

— Перестань! Они примут тебя, вот увидишь. Ты просто много воли им дала, особенно испанцу.

— Пофигу, — улыбнулась она немного по-детски, и тут же напомнила мне девчонку, которую я провожал много лет назад. Улыбчивую, озорную и невероятно позитивную. Как маленькое солнышко — теплое, заботливое и родное. Сильная. В противовес Рите, которая всего боится. А ведь, если подумать, Даша мне больше, чем сестра.

— Расскажи все, — попросила она. — Хочу знать, как... ты.

— В порядке.

Я улыбнулся и поправил ей волосы. Знал, что она будет спрашивать, и что придется рассказать. Рассказывать не хотелось. Вспоминать — тем более. Хватит мне атли, которые своим видом каждый день напоминают. Словно винты в грудь вкручивают, особенно когда Глеб смотрит.

— Они, конечно же, возмущались. Глеб ожидаемо полез с кулаками. Но фраза «она выжила» на самом деле творит чудеса. И аргументов против нее почти не находится.

Почти... Глеб все же нашел — знал, как ударить побольнее. В памяти тут же всплыло его лицо — отчаянное и злое. И слова: «Уверен? Ты ее не видел! Ты убил ее. Она никогда не станет прежней».

Никогда...

Я мотнул головой, отгоняя мрачные мысли.

— Гертруда не выберется? — обеспокоенно спросила Даша. — Ты ведь все сделал? Она не вернется мстить?

— Не вернется. Ее просто некому возвращать. Герда возвратилась туда, откуда появилась. Из того мира не приходят без приглашения. Я хорошо запечатал дверь, а яд в жиле подействовал мгновенно. Хороший яд — действует только на драугров, а на того, чей кен берет вампир, нет. Полина даже не почувствовала. Думаю, она даже не помнит, как выпила его. В итоге все довольны. А Альрик получил, что хотел.

— Он жуткий, — нахмурилась Даша. — Приходил к скади, спрашивал про Эрика. Думаю, у брата будут проблемы с ним.

— Что он решил? По поводу вашего возвращения?

— Мы едем домой, — просияла она. — Как только я поправлюсь, летим в Россию.

— Я позабочусь о том, чтобы ваш дом привели в порядок, — пообещал я. — Скоро в Липецке все будет, как прежде.

Как прежде, уже никогда не будет... Без нее все по-другому. Все другое. Серое. Только и осталось от нее — шрам на груди. Иногда я ловил себя на мысли, что не хочу, чтобы он сходил. Как память. Но рана быстро затянулась, а шрам побелел и стал практически незаметен.

— Ты не звонил ей? — жалостливо спросила Даша.

— Нет, — отрезал я. — Прошлое — в прошлом. Она жива, и мне этого достаточно! Пей давай, свое карое. Остыло.

Даша послушно поднялась, и я проследил, чтобы она выпила до дна. Потом она долго рассказывала: о войне, о смертях — племя скади уменьшилось почти наполовину. Об Эрике, который все это время был заточен где-то на нижних слоях. О своих страхах. О предательстве и древнем, что почти порвал ей жилу.

Я слушал вполуха. Мои мысли были далеко — в Москве, где в засилье суеты и слякоти жила та, что навсегда меня покинула. Навсегда ли? Тогда почему, почему, черт возьми, она до сих пор не отреклась?! Предположения — одно красочнее другого — маячили, мешали сосредоточиться, думать, жить. Побуждали к слабости. Ведь набрать телефонный номер так просто...

Дверь резко распахнулась, прогоняя меланхолию и напрасные надежды. Эрик вошел и махнул головой.

— Хватит болтать, дай ей отдохнуть. Элен накрыла на стол. Идем, поговорить надо. Не можем же мы все так оставить — охотники должны получить свое!

Я злорадно улыбнулся. Возможно, я, наконец, смогу забыться. Ведь что может быть лучше, чем умный план и хорошая битва? Если Эрик так долго продержался со своими безумствами, возможно, он не так глуп, как я поначалу думал. К тому же не слаб.

Мишель думает, что он главный в городе. Что ж, посмотрим, что он будет делать, когда вернутся скади. Ведь три племени хищных, даже не состоящих в альянсе, довольно мощная сила.

Я поцеловал Дашу в лоб и отправился за Эриком — обсуждать стратегии и тактики.

Это, пожалуй, единственное, в чем я преуспел.

Больше книг на сайте - Knigolub.net